

Александр Д. Дуличенко

РУССКИЙ ЯЗЫК
КОНЦА ХХ СТОЛЕТИЯ

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

Begründet von
Alois Schmaus

Herausgegeben von
Peter Rehder

Beirat:

Tilman Berger · Walter Breu · Johanna Renate Döring-Smirnov
Wilfried Fiedler · Walter Koschmal · Miloš Sedmidubský · Klaus Steinke

BAND 317

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 1994

Александр Дмитриевич Дуличенко

**РУССКИЙ ЯЗЫК
КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ**

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 1994

**Предисловие и подготовка к изданию
Werner Lehfeldt**

ISBN 3-87690-583-4
© Verlag Otto Sagner, München 1994
Abteilung der Firma Kubon & Sagner
D-80328 München

Содержание

Предисловие издателя	VII
Вместо предисловия.....	XI
Глава I. Русский язык и социальные потрясения XX столетия	1
Глава II. Лексические доминанты перестройки	19
1. <i>Перестройка</i> - суперслово политического языка конца XX столетия.....	19
2. <i>Гласность</i>	53
3. <i>Демократия ~ демократизация</i>	61
4. <i>Застой</i>	84
Глава III. Смена лексических парадигм	97
1. Кое-что о советизмах.....	99
2. Перестройка: начало лексической десоветизации.....	115
3. Административно-территориальная лексика.....	124
4. Номенклатура денежных знаков.....	134
5. Речезыкетная парадигма (Господа-товарищи..., или: как нас теперь называть?)	137
Глава IV. Адъективно-субстантивная валентность: снятие табу (продолжение языковой десоветизации).....	145
Глава V. Возвращение забытого.....	159
Глава VI. Из анализа нынешней демократической терминологии.....	173
Глава VII. Новый виток идеологизации языка и общества	181
Глава VIII. Русский и российский: от генетического единства к идеологическому разладу	199
Глава IX. Срамословие и грубословие как отражение агрессивных тенденций в современной речи	221
Глава X. От агрессии слов к ономастическому перевороту.....	233
Глава XI. Кое-что о словообразовательных потенциях русского языка конца XX столетия.....	267
Глава XII. Два слова о синтаксисе и новых идеологических синтаксемах	297

Глава XIII. Несколько слов о языке нынешних политиков и средств массовой информации	309
Глава XIV. Русангл, или: будем ли мы говорить на интеррусском?	315
Вместо заключения	337
Источники и сокращения	338

Предисловие издателя

Коренной перелом политической, экономической, общественной и культурной жизни России, вызванный революцией 1917 года и последовавшей гражданской войной, отразился, естественно, и на русском языке. Некоторые типы языковых изменений революционного и послереволюционного периода - возникновение новых лексем, изменение значения многих уже существующих слов, исчезновение целых лексических групп из активного употребления, усиленное распространение разного рода сокращений и т.д. - так явно бросались в глаза, что они едва ли не с самого начала своего проявления пробуждали научный интерес целого ряда исследователей. Назовем в этой связи лишь работы А. Мазона, С.О. Карцевского и Р.О. Якобсона, написанные 'по горячим следам' и по сей день не потерявшие своего значения. И в последующие десятилетия интерес к исследованию языковых процессов советской эпохи никогда не угасал, о чем свидетельствуют, например, работы А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова и П. Серию. Хороший обзор этих процессов и их последствий можно найти в обобщающей монографии Б. Комри и Дж. Стоуна "The Russian Language since the Revolution" (Oxford, 1978).

Если иметь в виду пристальный интерес русистов к языковым изменениям, так или иначе связанным с изменениями политическими, общественными, экономическими и культурными в советский период, то не удивительно, что и самые 'свежие' трансформации русского языка, вызванные периодом так называемой перестройки и последующими за ней потрясениями во всех сферах жизни, едва ли не сразу регистрировались и анализировались целым рядом лингвистов. Подтверждением этому может служить - далеко не полная - библиография работ на данную тему, помещенная в конце настоящей книги. Все известные до сих пор публикации, посвященные судьбе русского языка в перестроечный и в послеперестроечный период, касаются отдельных проблем, как, например, типичной 'перестроечной' лексики, 'экспрессивизации' русской разговорной речи или же внедрения в русский язык многочисленных англицизмов. Это и понятно, ведь политические и экономические перемены в России продолжают, никакого конца этому процессу или же его нормализации просто не видно, и таким образом, продолжают и языковые изменения. Мы являемся их свидетелями, и поэтому весьма трудно (если вообще возможно) нарисовать в настоящее время хотя бы приблизительно полную картину последствий для русского языка современного переломного периода. Это тем понятнее, что более глубокие языковые изменения, как, например, изменения орфоэпических норм, обнаруживаются не сразу, а лишь с определенного временного расстояния.

Учитывая указанные объективные трудности, на которые наталкивается познавательный интерес языковедов, занимающихся актуальной судьбой своего предмета исследования, мы тем более должны быть признательны автору предлагаемой книги, профессору Тартуского университета Александру Дмитриевичу Дуличенко. Насколько мне известно, эта монография представляет собой первую попытку дать хотя бы приблизительно полный, обобщающий анализ тех изменений, которые русский язык претерпел в период 'перестройки'. Автор, к счастью, не ограничивает свой кругозор указанным периодом, иначе говоря, многие его наблюдения касаются языковых процессов самого последнего времени.

Предлагаемая книга свидетельствует, как мне кажется, о некотором расширении научного интереса ее автора: А.Д. Дуличенко стал известен в международной славистике прежде всего благодаря многочисленным работам, посвященным так называемым славянским литературным микроязыкам. Укажу здесь только на его монографию "Славянские литературные микроязыки", вышедшую в 1981 году. Свой новейший труд А.Д. Дуличенко посвятил самому 'крупному' - *sit venia verbo!* - славянскому литературному языку. Этот сдвиг научного интереса А.Д. Дуличенко объясняется, насколько я могу судить об этом, в первую очередь тем фактом, что русский язык является родным языком автора, т.е. тем языком, в развитии которого он заинтересован не только как ученый, но и как носитель. Озабоченность дальнейшей судьбой русского языка проявляется во всех главах монографии, не уменьшая объективности изложения языковых фактов. Именно в богатстве языкового материала заключается, на мой взгляд, одно из преимуществ книги А.Д. Дуличенко. Она охватывает многочисленные языковые примеры, извлеченные прежде всего из разных газет, журналов, книг и иллюстрирующие те изменения в русском языке, которые были вызваны переломными периодами перестройки и послеперестроечного времени. Тем самым она предоставляет русистам возможность дальнейшего исследования языковых процессов современности.

Значение монографии А.Д. Дуличенко связано также с широтой спектра охваченных в ней наблюдений. Автор анализирует изменения не только в одной области, а стремится к возможно полной картине, что и придает его труду особое значение.

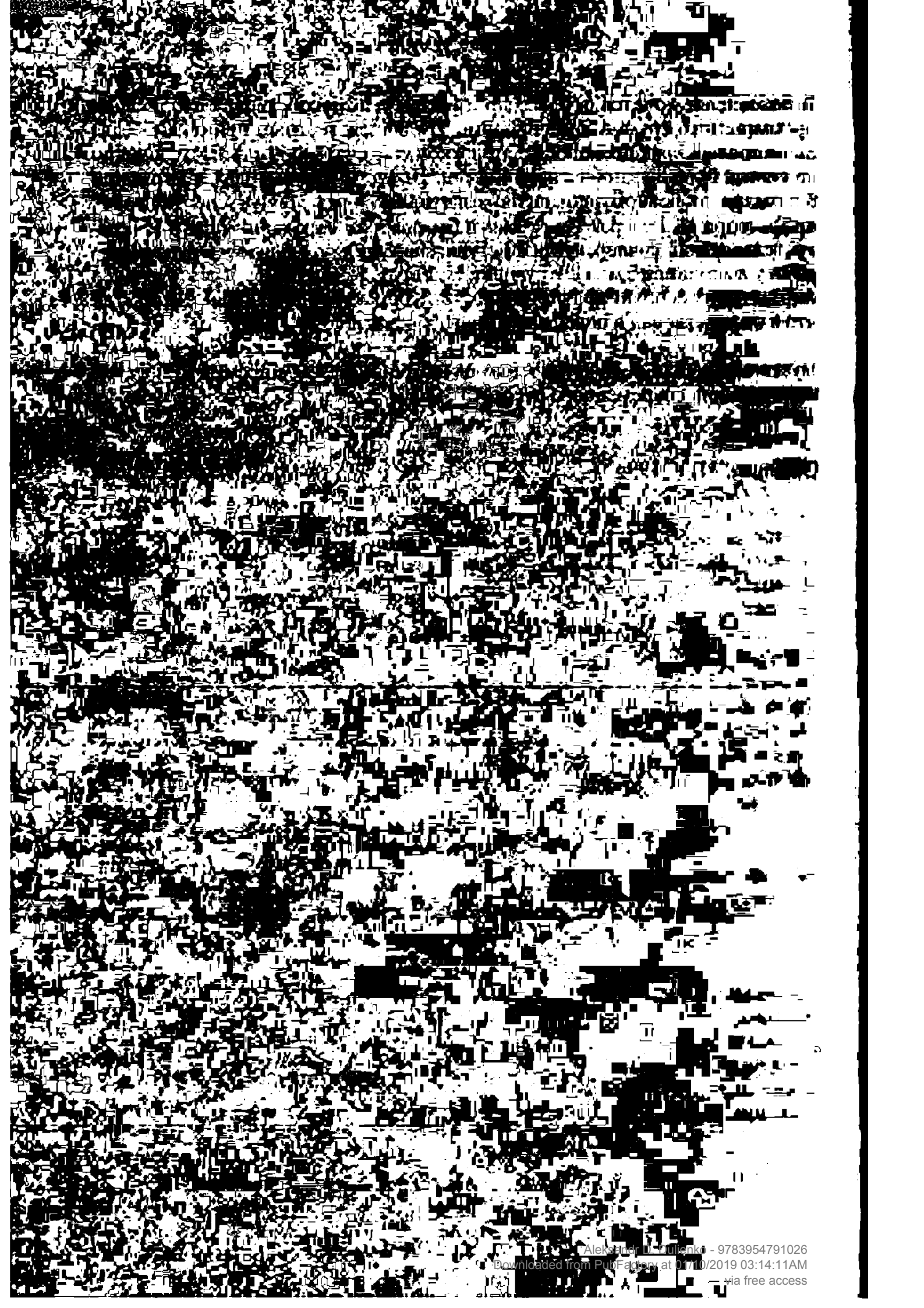
Как и статья С.О. Карцевского 1923 года, книга А.Д. Дуличенко написана по свежим следам, т.е. как бы непосредственно отражает те языковые события, регистрированию и истолкованию которых она посвящена. И этой отличительной чертой монография притягивает к себе внимание всех, кто не равнодушно относится к переменам, происходящим в русском языке на современном этапе его развития. Книга А.Д. Дуличенко, несомненно, заслуживает интереса всех русистов.

В заключение хочется поблагодарить всех, кто способствовал публикации предлагаемого труда в данной форме. По общеизвестным причинам - едва ли не полный крах прежней издательской системы - книга А.Д. Дуличенко не смогла быть издана в самой России. Поэтому она выходит в Германии благодаря любезному согласию издателя серии "Slavistische Beiträge" профессора П. Редера. Текст книги был набран на компьютере в Институте славистики университета в Геттингене. Эту длительную и трудоемкую работу выполнили мои сотрудники Н. Гердт, К. Ничке, С. Фогт. Хочется выразить им особую признательность. Корректуру читал сам автор, так что и он участвовал в подготовке книги к печати.

Пусть сочинение А.Д. Дуличенко окажется полезным всем, кто обеспокоен судьбой современного русского языка.

Göttingen, 31. 8. 1994

Werner Lehfeldt

Вместо предисловия

Там везде говорят по-русски; это язык моего отца и моей матери, это язык моей няни, моего детства, моей первой любви, почти всех моих любвей, почти всех мгновений моей жизни, которые вошли в мое прошлое как неотъемлемое свойство, как основа моей личности. Там говорят 'до свиданья', 'милый', 'прощай', 'люблю', и на лесной опушке кличет эхо, которое откликалось мне, когда еще мир казался добрым и вся жизнь казалась тайной.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ ("Без русла", 1924)

Эта книга написана в жанре наблюдений, анализа и размышлений 'по горячим следам'. В ней собрано все то, что совсем недавно было пережито, переосмыслено и 'домыслено', что прошло через душу и сознание. И логический анализ, и чувства касались прежде всего языка, русского языка, в связи с тем всеохватным социальным давлением, под которым он оказался на закате II-го и на пороге III-го тысячелетия. Социальная встряска, получившая название 'перестройки', вихрем увлекла в свои перипетии и русский язык, вызвала в нем сильнейшую (после революции 1917 г. вторую по счету на протяжении XX в.) волну так наз. экспрессивизации, когда более или менее устоявшееся в нем расшатывается, а новое лихорадочно ищет свою нишу; найдя - закрепляется, во многих же случаях исчезает почти бесследно. 'Взрыв' лексико-семантических и словообразовательных потенциалов русского языка, ослабление его грамматических и прежде всего синтаксических норм были обозначены в обществе как 'перестроечный язык', как своего рода 'новояз' и даже 'новоречь'. Для нас было важно, не настаивая на каком-то особом наименовании, выделить в русском языке перестроечных (1985-1991 гг.) и послеперестроечных (1992 и начало 1993 г.) лет наиболее существенные изменения и процессы, возникшие и происходящие под влиянием мощных социальных факторов. Прежде всего это касалось как старых, так и вновь созданных слов, их значений и употребления, связей с другими словами и шире - контекстом. Были выявлены и подвержены анализу лексические доминанты (ключевые слова) политического языка середины 80-х - начала 90-х гг. XX в. (*перестройка, гласность, демократия - демократизация; застой*); рассмотрены вопросы смены лексических парадигм, что в целом можно охарактеризовать как лексико-фразеологическую десоветизацию; выявлены агрессивные тенденции в виде окцидентализации, которая может привести к формированию своего рода языкового монстра, названного нами интер-русским языком; затронуты явления грубословия и срамословия и др. Особо рассмотрена новая волна, обозначенная как ономастический переворот и связанная прежде всего с возвращением исторических имен

городам и весям, а также совершенно неожиданно возникший аспект этой проблемы - требование соседних народов 'подправлять' адаптированные и освященные вековыми традициями в русском языке географические имена в соответствии с их, языками соседей, фонетическими, орфографическими и проч. нормами. В книге много страниц посвящено вопросам девальвации слова, в связи с новым витком идеологизации языка и общества - проблеме ужесточения 'войны слов' и 'словесного невозддержания' и т.д.

Автор не ставил целью раскрыть всю панораму состояния русского языка конца XX века - усилиями его одного это и невозможно сделать. Он фиксировал свое внимание лишь на том, что ему казалось существенным и в чем-то новым, необычным. При этом для работы, написанной 'по горячим следам', важны свидетельства самих носителей языка - они и отражены не только в многочисленных примерах, иллюстрирующих языковые особенности, но и в текстах писем в редакции газет и журналов, в небольших по объему заметках, которые целиком или фрагментарно включены в книгу. С этой же целью к книге дано "Приложение", в котором помещены официальные и авторские тексты и высказывания, касающиеся вызванных 'перестройкой' лингвистических проблем. Высказанное в книге в известной мере носит, конечно, субъективный характер - иначе быть и не могло. Поясним лишь, что текст писался носителем русского языка и одновременно языковедом, который стремился выразить отношение к материалу и с первой и со второй позиций. Признаемся: порою трудно было удержаться, чтобы не выразить свою тревогу относительно нынешнего состояния русского языка - настолько оно представляется нам критическим, а в некотором смысле - и кризисным. Состояние некоторых его сфер и блоков заставляет даже думать о необходимости создания своего рода "Красной книги русского языка" ...

Автор

Тарту, 10.II. - 3.V.1993 г.

P.S. Предлагаемый в книге материал был апробирован в лекциях на одноименном спецкурсе для студентов и магистрантов славяно-русской филологии Тартуского университета в 1993 г.; лектор и автор выражает признательность своим слушателям за интерес и внимание. Некоторые аспекты проблемы затронуты в нашей статье "От агрессии слов к ономастическому перевороту. (Заметки о русском языке перестроечного времени)", вышедшей в издании "Russian linguistics", 1993, vol. 16, p. 221-224.

А. Д. Д.

P.P.S. Используемое на протяжении всей книги слово и термин 'перестройка' следует воспринимать 'в кавычках', поскольку обозначенное им социальное действие, вдохнувшее немало нового и свежего в нашу жизнь, принесло в то же время неисчислимы страдания миллионам соотечественников.

А. Д. Д.

Глава I

Русский язык и социальные потрясения XX столетия

Язык - феноменальное изобретение человечества, способное сохранять прошлое и запечатлевать постепенно открывающуюся нам безграничность мира. Через язык проходит гигантский по количеству и объему поток информации, часть которой, отраженная в словах, будет иметь преходящий характер, другая же останется в нем как бы на необозримое время. Язык, правильно замечено, пишет действительность, сама действительность скрывается в нем. 'Читая язык', мы можем восстановить действительность, а если надо - то и 'разоблачить' ее. Язык помогает выявить стиль мышления и содержание эпохи в целом.

В процессе своего функционирования язык постоянно испытывает на себе 'социальный контроль', т.е. все или почти все, или многое, что касается языковых единиц и языка в целом, непосредственно или опосредованно так или иначе связано с состоянием общества на определенный период времени - с носителями языка и самими социальными событиями. Иными словами, существует корреляция социального и языкового, которая на разных этапах жизни языка и общества проявляется с различной степенью интенсивности и очевидности.

Говоря о взаимосвязи социального и языкового, мы тем самым входим в область социолингвистического исследования языка. Здесь можно выделить по крайней мере две общие проблемы и направления изучения:

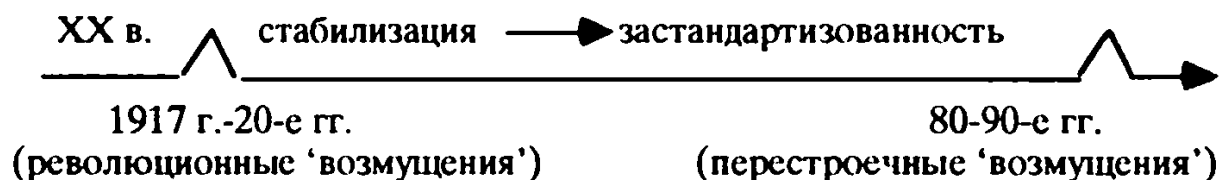
1. социальное влияние на употребление (использование) языковых единиц (активизация одних и пассивизация других, поведение 'почти спящих' единиц и редко воспроизводимых в речи и т.д.);
2. социальное влияние на структуру языка (состав языковых единиц и их свойства, внутреннее строение, взаимосвязи и взаимоотношения друг с другом и под.).

Именно в этих двух направлениях и будет исследоваться собранный нами материал.

Русский язык, пожалуй, как никакой другой язык индоевропейской лингвосемьи испытал на себе в течение XX в. мощное воздействие социальных факторов. Естественно, чем масштабнее социальное событие, тем отчетливее и внушительнее оно отражается в языке. Это не значит, что при стабильности социальной обстановки социальные факторы не

воздействуют на язык, однако их влияние в этом случае проявляется не столь очевидно ('не бросается в глаза').

В XX в. русский язык был подвержен воздействию двух крупных социальных потрясений - революционного 1917-го года и так наз. перестроечного середины 80-х - начала 90-х гг. Примечательно, что указанные социальные потрясения и вызванные ими потрясения языковые располагаются в XX в. в хронологической симметрии ('в обрамлении'): в его начале и в его конце. Посередине, т.е. между 20-ми и 80-90-ми гг., лежит период большей или меньшей стабильности, трансформировавшейся в конечном счете в силу идеологического единообразия, довлевшего десятилетиями над обществом, в языковую застандартизованность (если иметь в виду употребление языковых единиц). Схематически эту социальную обусловленность состояния русского языка можно было бы изобразить так:

Языковые 'возмущения' революционного и послереволюционного времени выразились в так наз. экспрессивизации, нарушившей стабильность русского литературного языка: по идеологическим мотивам удалялись целые пласты лексики, характеризовавшие дореволюционный образ жизни, и вводились новые - так наз. *советизмы*; происходило смешение форм существования русского этнического языка - в литературный язык хлынули диалектные и просторечные единицы и особенности речи, поставившие под вопрос чистоту этой формы, и под. . Эти процессы остро переживала русская интеллигенция. Показательно в этом отношении мнение писателя ВЯЧЕСЛАВА ИВ. ИВАНОВА:

"Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом - невероятными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как переключки сообщников, как разинское 'сарынь на кичку'. Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить, свести к насущному, полезному, механически-целесообразному; уже давно его забывают и растеривают - и на добрую половину перезабыли и порастеряли. Язык наш свободен: его оскопляют и укрощают; чужеземною муштрой ломают его природную осанку, уродуют поступь. Величав и ширококрыл язык наш: как старательно подстригают ему крылья, как шарахаются в сторону от каждого вольного взмаха его памятливых крыл!"

(Цит. по переизданию работы "Наш язык", осуществленному Л. М. ГРАНОВСКОЙ в жур. "Русская речь", 1991, 1, с. 45).

Хорошо известна была реакция и на проведенную в 1917 г. реформу русской азбуки и правописания: одни проводили ее и доказывали целесообразность этого шага, другие, напротив, считали ее святотатством и долго не могли ее принять. КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ посвятил даже особое стихотворение буквам-изгнанницам (оно так и называется - "Гонимымъ"):

Защита слова Ъ, о, твердый знакъ,
 Без Ъ все слово - пьяный обнаженный.
 Разумный стражъ, вѣками подкрѣпленный,
 Домъ безъ замка не можетъ быть никакъ.

Безъ Ъ все слово - срѣзанное 'Квакъ!'
 Безхвостый конь, и песь, хвоста лишенный.
 Без Ъ лишь коммунистъ умалишенный
 Всѣ буквы грудить въ обидѣй кавардакъ.

Измѣнчиваго Е расцвѣтъ и скрѣпа,
 Лицо въ лицо, глядитъ на честныхъ Ъ.
 Того лишь варваръ не сумѣлъ понять.

Взамѣтъ Ѡ два круга Ф нелѣпо.
 І съ точкой, тонкій жезликъ, наконецъ,
 Двойною палкой пишетъ лишь слѣпецъ.

(“Современные записки”, Париж, 1924, т. XIX, с. 230).

Далеко не все языковеды сразу согласились с орфографическими изменениями. ЕВГЕНИЙ Д. ПОЛИВАНОВ, например, признавался:

...с точки зрения лично моего языка правило 'новой орфографии 1917 г.', отменившее формы *ея*, было настоящим *pensens*'ом. Я вполне естественно и притом исключительно говорил *ея*, *в ея дом* и т. п., и только за последние годы сознательно стал по временам заменять это *ея* через *ее*

(Поливанов 1968: 219).

Постепенно, однако, страсти улеглись, и новое правописание на многие десятки лет определило развитие письменного вида русского литературного языка.

'Возмущения', произошедшие в русском языке в революцию и после нее, обратили, естественно, на себя внимание языковедов: представлялась уникальная возможность профессионально зафиксировать и осмыслить не только очевидные, но едва заметные для простого носителя языка факты и процессы, которые проходили буквально на глазах. Первая волна языкового 'возмущения' была изучена под различными углами зрения, но, что особенно важно, - 'по горячим следам', двумя крупными русскими языковеда-

ми, славистами СЕРГЕЕМ О. (И.) КАРЦЕВСКИМ (1884-1955) и АФАНАСИЕМ М. СЕЛИЩЕВЫМ (1886-1942).

С. КАРЦЕВСКИЙ, представитель Женевского общества лингвистов, находился под влиянием лингвистической концепции Ф. ДЕ СОССЮРА. С 1920 г. он постоянно жил вне России, преподавал в Страсбурге, Праге и Женеве. В 1922 г. в парижском журнале "Современные записки" он опубликовал фрагменты работы под названием "Язык, война и революция" (КАРЦЕВСКИЙ 1922), а в 1923 г. в Берлине в "Русском универсальном издательстве" вышла и книга под этим названием (в серии "Всеобщая библиотека", № 47), небольшого формата и объема - всего на 72 страницах (КАРЦЕВСКИЙ 1923). Показательно, что об этой книге до перестройки в отечественном языковедении говорили редко и практически ее не цитировали. Составитель библиографического словаря "Восточнославянские языковеды" М.Г. БУЛАХОВ вынужден был, характеризуя научную деятельность С. КАРЦЕВСКОГО, даже выпустить указание на эту книгу (БУЛАХОВ 1977: 287-288). Между тем эта интересная работа фиксирует наблюдения тонкого языковеда над русским языком военного (периода русско-японской войны 1905 г. и первой мировой войны) и революционного (1917 года) времени. В книге, например, отмечается, что русско-японская война не оставила заметного следа - 'лингвистического наследства' - в русском языке, поскольку проходила далеко от культурных центров страны. Автор рассматривает появление сокращений (аббревиации) в русском языке, прослеживает изменения в семантике старых слов, высказывается относительно новой волны заимствований из западных языков и др.

А.М. СЕЛИЩЕВ, ученик В.А. БОГОРОДИЦКОГО, Е.Ф. БУДДЕ, Н.М. ПЕРОВСКОГО, занимался русским и другими славянскими языками, побывал с научной целью на Балканах, автор трудов "Очерки по македонской диалектологии" (1918), "Славянское языкознание" (1941), "Старославянский язык" (1951) и многих других. В 1928 г. он издал книгу "Язык революционной эпохи", которая в тот же год вышла вторым изданием. В монографии дается общая характеристика языковой ситуации и деятельности в революционное время, рассматривается состояние коммуникативной функции русского языка, анализируется лексика военной сферы, вопросы отражения пришедшей к власти партии большевиков и ее программы в языке, эмоционально-экспрессивные особенности речи в связи с процессами словообразования и специфического употребления слов, языковые новшества в городской (на заводах и фабриках) и деревенской среде и др. (СЕЛИЩЕВ 1928).

Из зарубежных языковедов специальное внимание на состояние лексики рассматриваемого периода обратил французский языковед А. МАЗОН (МАЗОН 1920).

Подробный анализ состояния культуры русской речи 20-х гг. с изложением точек зрения известных языковедов Л. ЩЕРБЫ, Д. УШАКОВА, Л. ЯКУБИНСКОГО, Е. ПОЛИВАНОВА, А. ПЕШКОВСКОГО, Г. ВИНОКУРА, С. И. БЕРНШТЕЙНА, А. СЕЛИЩЕВА, С. КАРЦЕВСКОГО (особенно в связи с проведенной в 1925 г. журналом "Журналист" дискуссией на эту тему) дан в работе Н.И. ТОЛСТОГО (ТОЛСТОЙ 1987: 507-523).

Одной из первых публикаций на эту тему была статья слависта, профессора Сараевского университета БРАНКО ТОШОВИЧА, вышедшая в 1988 г. (ТОШОВИЧ 1988: 49-53). В дальнейшем материалы такого рода стали публиковать журналы "Русская речь", "Филологические науки" и другие издания.

Перестройка середины 80-х - начала 90-х гг., начатая руководством КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза) и прежде всего ее главой МИХАИЛОМ С. ГОРБАЧЕВЫМ и вызванные ею 'возмущения' в русском языке, также заслуживают специального изучения, притом - 'по горячим следам'.

Как крупное социальное событие перестройка для носителей русского языка запечатлена в разговорном языке, в текстах, она отразилась на стиле нашего мышления. Как мы уже заметили, социальные факторы могут, с одной стороны, активизировать наличествующие единицы и свойства языка, с другой - они могут отразиться на его структурных особенностях. С семиотической точки зрения эти процессы можно было бы определить как мену языковых знаков, прошедших за весьма короткий срок времени (начиная с 1985 г.), т.е. примерно за семь лет (процесс мены языковых знаков на этом, конечно, не остановился). Понятие 'мена знаков' включает в себя замену одних словесных знаков другими, т.е. отвод в архаизмы одних и внедрение в актуальное бытование других, т.е. неологизмов; частичную ('внутреннюю') мену в виде семантических сдвигов в уже бытующих словесных знаках (например, приращение новых семантических нюансов); активизацию одних и пассивизацию других, при этом то, что было в 'пассивном' словаре, может активизироваться и наоборот; к этому следует добавить также процесс построения новых знаков по известным русскому языку словообразовательным моделям, а также открывшиеся новые возможности синтаксической сочетаемости.

Отечественная русистика не всегда поспевает за языковыми событиями, хотя имеются в достаточном количестве и научные силы, и целые языковедческие учреждения. На прошедшей в мае 1991 г. в Москве конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы русистики" был, наконец, поставлен и вопрос о необходимости заниматься 'текущим языком общества'. Впрочем, его состоянием обеспокоены далеко не все

языковеды. В ответ на проведенную среди них анкету “О состоянии русского языка” многие ответили примерно в таком духе:

“Считаю, что у нас очень плохое, просто катастрофическое состояние речевой культуры ... Однако это, по-моему, не означает плохого состояния самого русского языка. Я считаю, что ни об упадке, ни об оскудении, обеднении, тем более вырождении его говорить нельзя ...”

(см.: Русская речь, 1992, № 4, с.54; см. также № 2, 3 этого журнала за 1992 г.).

Как будто культура речи, живая реализация языка существует сама по себе, а язык с его глубинными закономерностями - сам по себе. Мы не склонны даже в целях теоретического ‘удобства’ разграничения объектов и сфер исследования не видеть их прочной, неразрывной связи; более того, мы даже убеждены, что никогда не удастся установить до конца, где ‘кончается’ речь и ‘начинается’ язык (известные обобщенные признаки, их разделяющие, не ставят все точки над ‘i’ в этом вопросе). Потому прав, как нам представляется, профессор Санкт-Петербургского университета **ВЛАДИМИР В. КОЛЕСОВ**, заявивший в упомянутой дискуссии:

“Да, [состояние русского языка] внушает тревогу и даже сильнее, чем может показаться ... Естественное развитие национального языка во всей его концептуальной силе было снято заменой отвлеченными терминами квазихристианской культуры, которая ныне выдается за коренную русскую (я историк и потому под русским языком понимаю широко восточнославянское), а сегодня - уничтожается подменой абстрактными пустыми терминами наднациональной культуры: *торжество* становится *фестивалем*, *собрание* - *форумом*, *совесть* - *сознательностью*, *соборность* - *коллективом*, *служба* - *сервисом*, *любовь* - *сексом*, *согласие* - *консенсусом* и пр. - сотни других ключевых слов культуры”
(Русская речь, 1992, № 3, с. 47-48).

Автору этой книги состояние современного русского языка также внушает большую тревогу, потому в дальнейшем повествовании и обращено серьезное внимание, например, на нерегулируемую тенденцию его окцидентализации, предложено обратиться к историческим словарям как словесным запасникам, а пуризм объявляется как весьма своевременная и заслуживающая незамедлительной реализации форма языковой защиты. Пуризм поможет нам сохранить высокие коммуникативные качества нашего языка, что особенно важно сегодня, когда активизировались и тесно переплелись друг с другом языковое и социальное.

Материалом, легшим в основу книги, послужил живой русский язык, запечатленный в устной и письменной речи. Над ним автор пристально наблюдал с первых дней перестройки, каждый раз фиксируя ‘перестроенно маркированные’ единицы и свойства. Помимо телевидения и радио, живой речи современников - коллег и просто знакомых и незнакомых людей в России (а также в Эстонии, где автор ныне проживает), материал собирался

по текстам периодической, преимущественно московской печати - газет и журналов за 1985-1992 гг., в отдельных случаях, выборочно - за начало 1993 г. Их список помещен в конце книги. При этом отметим, что автор не ограничивал себя обращением только к 'демократическим' или только к 'недемократическим' изданиям, - и те и другие были в одинаковой мере в его поле зрения прежде всего с точки зрения их языковых особенностей. Естественно, что речь здесь не может идти о последовательном сплошном анализе каждого номера каждой газеты или журнала, - для одного человека физически это невозможно.

Как бы ни относиться к перестройке, но она 'возмутила' и 'взмутила' потенциальные силы русского языка, заставила их 'засветиться'. В виде языковых новшеств самого различного плана эти потенции реализовались преимущественно как помеченные авторством, т.е. с 'паспортом и адресом'. Иными словами, процесс социального воздействия на язык проявился в конкретных формах и путях реализации, что особенно важно для выяснения механизма и тенденций языковых изменений. В перестройку индивидуальные словотворческие возможности значительно расширились. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что в течение нескольких перестроечных лет иные авторы (имеем в виду творческих лиц) создали больше нового в языке, чем за десятилетия предшествующей жизни. Не знаем, правда, так ли это в отношении известного русского писателя ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА, но только в одном его выступлении на Первом съезде Русского Собора в Москве в 1992 г. мы обнаружили внушительное число новообразований, которые небесполезно здесь привести, чтобы подтвердить действительно наблюдающийся 'разворот' потенциальных словообразовательных возможностей одного человека:

У кого не опускаются руки при виде ее [России] сегодняшнего позора, нищеты и падения, при виде густо кружащего над нею воронья и не менее густо облепившегося *чертенья*, отечественного и заграничного, выдающего себя за спасителей и благодетелей. Над истерзанной Россией так много хлопочет сегодня специалистов самого высокого класса, занятых не обезболиванием, а *обезволиванием* ее ...; Стекаются под него [вопрос о судьбе Отечества] русские люди ... как один народ, вспомнив заветы предков, как одна душа и одно сердце, преодолевающее *разбойность* ...; Понятно, что немало сегодня отпало от чувствительного и здорового, из России состоящего и Россией живущего, тела народного всяческого *разбежья* - спившихся, озлобившихся, усомнившихся в себя; легион встанет на нашем пути агитаторов, считающих Россию земным *неудобьем*, обреченным якобы и остаться таковым; Как бы ни хотелось кому-то, но *самостояние*, самоуважение, *самоопределение* в русском человеке отменить не удастся, и безродным его не сделать: среди лжи, разврата, нищеты и разрухи - как предрассветный *оттай* в той стороне ..., как оттиск небесный, постепенно начинает проявляться и очищаться образ вечной России; Россия - не просто место жительства, выпавшее от судьбы, а вся сумма *изродительных* начал - физических, нравственных, духовных и психических; отсюда и

легшие на плечи русского человека *бремена*, коих еще не бывало, отсюда и его *предстояние* перед окончательной судьбой; Когда-нибудь, будем надеяться, русский человек возведет эти слова в свой главный жизненный принцип и сделает их национальным *путеводством*; Не годится русскому быть подданным чужих порядков, заниматься нравственным *скверноядием*, бесслезно, пусть и с состраданием наблюдать, как топчут его святыни (Правда, 1992, 82, 18.VI).

Здесь отчетливые словообразовательные модели, по которым созданы отмеченные новообразования: (*воронье* →) *чертенье*, (*обезболивание* →) *обезволивание*, *разбойность* (← *случайность*), *разбежье* (← *разводье*), *неудобье* (← *безводье*), (*самоуважение*, *самопонимание* →) *самостояние*, *оттай* (← *оттиск*), *изродительный* (← *изъяснительный*), *предстояние* (← *представление*), *путеводство* (← *многолюдство*), *скверноядие* (← *сквернословие*); срав. также *поистерли языки*, без него народ *выпрямляется* из общего отечественного тягла, *насылают* сейчас во множестве на отечественное христианство различного рода искусителей; срав. и форму мн. числа от *бремя* → *бремена* и некоторые другие.

Каждое бурное социальное потрясение выносит на 'языковую поверхность' минимум ключевых слов, по-другому - лексических доминант, которые как бы маркируют данное социальное событие, служат его знаменем и своего рода императивом. Особенно это характерно для общественно-политической сферы, поскольку именно в ней прежде всего и происходят социальные трансформации. В качестве перестроечных лексических доминант были выдвинуты слова *перестройка*, *гласность*, *демократия* - *демократизация*, составившие левую сторону оппозиции 'новое - старое'; в качестве 'старого', олицетворявшего доперестроечную жизнь, выступило слово *застой*.

Прежде чем приступить к многоаспектному анализу этих слов (см. об этом следующую главу "Лексические доминанты перестройки"), имеет смысл бросить общий взгляд на политический язык начала перестройки, с тем чтобы увидеть, какое языковое выражение получили те или иные социальные события и какова была 'закрутка' в действие ключевых слов перестройки. Для этой цели проведет, опираясь на некоторые признаки, сплошной анализ речей тогдашнего генерального секретаря ЦК (Центрального Комитета) КПСС, 'отца перестройки' М.С. ГОРБАЧЕВА, поскольку лексика и фразеология именно его выступлений оказывала в первые годы перестройки мощное воздействие на социально-политические процессы в стране в целом и на средства массовой информации, 'разносчики' в том числе и языкового, - конкретно.

1. 27 января 1987 г. состоялся пленум ЦК КПСС, на котором М.С. ГОРБАЧЕВ выступил с докладом под названием "О перестройке и кадровой политике". Тезисы этого доклада, опубликованные в газетах (мы пользуем-

ся текстом из: ЛГ, 1987, 28.1)¹, конечно же, содержат наиболее характеризующие языковые средства. По объему текст несколько меньше одной газетной страницы.

Мы провели членение текста лишь по одному признаку, выделяя из него значимые оценочно-характеризующие сегменты, синтаксически представляющие собой адъективно-субстантивные словосочетания, - в докладе речь идет о базовых понятиях социализма, дается оценка достигнутого, отмечаются, как обычно, недостатки и ставятся новые социальные задачи. Анализ с этих позиций данного текста позволил выделить лексически и сочетаемостно выраженную 'ценностную шкалу'. Ниже мы представляем ее в виде таблицы, однако заполнять ее конкретными сегментами не будем, ибо это заняло бы многие страницы, а потому иллюстрации представим 'по горизонтали'.

базов. понятия	достигнут. результаты	негативн. явления	позитивн. необходимость	нейтральн. или слабо маркиров. сегменты
1	2	3	4	5

В целях экономии места проиллюстрируем здесь каждую рубрику наиболее показательными примерами.

1. Базовые (идеологические) понятия: *партийный съезд, политическая стратегия (партии), политическая линия (съезда), советский народ и советские люди, советское общество, ленинская партия, социалистическая революция, социалистические преобразования, партийные организации, развивающийся социализм, ленинские положения и ленинские принципы, общественная собственность, социалистическая собственность; партийные, общественные организации; демократический централизм, централизованное плановое руководство, внутрипартийная демократия; партийные, советские и хозяйственные органы; социалистическая демократия, интернациональное воспитание, социалистическое строительство, партийные работники, первичные организации (партии), партийные комитеты, партийные кадры, комсомольские организации, социалистическая законность, советское государство, Великий Октябрь и др.*

¹ О сокращениях см. в конце книги "Источники и сокращения".

2. Достигнутые (положительные) результаты в строительстве социализма: *крупные перемены, позитивные тенденции, (самые) грандиозные успехи, социальные гарантии, высокие нравственные ценности, огромная работа (партии), творческий потенциал, широкие политические и социально-экономические права; личные свободы, величайшее преимущество (наше), полнокровная жизнь, высококвалифицированный кадровый потенциал, нарастающая политическая и трудовая активность и некоторые другие.*

3. Негативные ('остаточные') явления в обществе: *нерешенные проблемы, застойные явления, консервативные настроения, привычные схемы, легковесные представления (о коммунизме), абстрактные суждения (о коммунизме), устаревшие методы; количественное, экстенсивное развитие; 'ничейная' бесплатная собственность, нетрудовые доходы, волюнтаристские подходы, субъективистские начала, консервативный механизм, маловосприимчивая экономика, неповоротливая экономика, иждивенческие настроения, социальная коррозия, парадные мероприятия, многочисленные юбилеи, пренебрежительное отношение (к законам), националистические проявления, застойные процессы, показное благополучие, круговая порука, кадровый застой, административные методы, мелочная опека и др.*

4. Позитивная необходимость (что предстоит сделать?): *эффективные экономические формы, хозяйственные права, конечный результат, прогрессивные преобразования, глубокие перемены, (меры) революционного характера, новый уровень, решительное преодоление (застоя), надежный и эффективный механизм, научно-техническая революция и научно-технический прогресс, глубокое обновление, современные формы (общественной организации), гуманистический характер (строения), коренное преобразование, глубокая реконструкция, крупные меры, новый принцип, полнокровное развитие (общества), единая воля (партии и народа), общие действия (партии и народа), глубинные возможности (социализма), всестороннее развертывание, человеческий фактор, последовательное внедрение, самоуправленческие начала, подлинный хозяин, кооперативные формы (деятельности), новые методы (хозяйствования), принципиальное направление (демократизации), новые законы; последовательный,*

выдержанный интернационализм; постоянный приток (свежих сил), высокий профессионализм и др.

5. *Нейтральные или слабо маркированные сегменты: определенный этап, жизненные проблемы, практические вопросы, денежное обращение, материальное стимулирование, экономические инструменты, социальная сфера, принципиальный характер, общественные дела, моральные стимулы, повседневные реальности, нравственная атмосфера, руководящие посты, различные сферы (общества), главный замысел, новое качество, глубинные пласты (жизни), материально-техническая база, народное хозяйство, заработная плата, главный вопрос, руководящие кадры и руководящие работники, а также руководящие органы, конкретные предложения, важное значение, трудовые коллективы, постоянная комиссия, большая работа, национальные аспекты, национальные отношения, кадровая работа, политические вопросы, молодое поколение, социальная и духовная жизнь, порученное дело, современные условия и новые условия, принципиальное значение, хозяйственный механизм и хозяйственное управление, производственные и социальные вопросы и многие другие.*

Сразу же заметим, что не всегда просто провести четкие границы между выделенными рубриками.

Что же показал анализ этого текста М.С. ГОРБАЧЕВА с указанных позиций? Базовых понятий здесь оказывается приблизительно 80, достигнутые положительные результаты в стране выражены примерно двумя десятками словосочетаний, негативные явления - более 40, планируемая позитивная необходимость - более чем 80, а слабо маркированные сегменты-понятия - таковых в пределах 220. Т.е. сумма маркированных единиц четырех групп составляет примерно то же количество, что и группа слабо маркированных сегментов. Сам факт такого равновесия говорит о чрезмерной насыщенности речи (текста) общественно-политическими понятиями и характеристиками. Текст, следовательно, носит действенный, программный характер для общества.

Базовые понятия более всего характеризуются адъективами типа *советский, социалистический, партийный, ленинский, демократический, централизованный, интернациональный* и под., достигнутые результаты - *крупный, огромный, широкий, высокий, величайший* и т. д., негативные явления - *негативный, привычный, консервативный* (срав. также префиксальные и префиксоидные компоненты типа *не-, ни-, мало-*: *нерешен-*

ные проблемы, нетрудовые доходы, 'ничейный', маловосприимчивый и под.), позитивная необходимость - прогрессивный, глубокий, современный, демократический, эффективный, новый и т. д. В ряде случаев наблюдается естественная пересеканность адъективов разных групп, срав. демократический базовой группы и демократический группы позитивной необходимости (впрочем, их можно воспринимать в плане развития).

Лексические доминанты распределяются в этом тексте следующим образом: *перестройка* - 21 раз, *гласность* - 3, *демократия* (и производные) - 18, противопоставленный им *застой* (и производные) - 5 (включая и повторения). При этом лишь *демократия* (и производные) употребляются с оценочно-характеризующими адъективами и причастиями, срав.:

Все партийные кадры должны научиться работать в условиях углубляющейся демократии; Корни этого торможения - в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии; Социалистическая демократия не имеет ничего общего со вседозволенностью; социалистический строй ... доказал на деле величайшие преимущества советской демократии; все более актуальным становится и расширение внутрипартийной демократии; подлинная демократия не существует вне закона и над законом; действенность подлинной демократии.

Во всех остальных случаях выражаются субстантивные отношения типа: *демократизация процесса формирования руководящих кадров, принципиальное направление демократизации, демократизация общества* по-новому ставит вопрос, в условиях расширения демократии и гласности, широкие возможности для демократизации процесса управления экономикой и социальной сферой. Срав. также адъективные формы от *демократ-*: дальнейшее развитие демократических форм, присущих социализму; слабость демократических начал; демократическое формирование и представительство всех слоев населения, укрепить демократические принципы; глагольная форма: демократизируются все сферы общественной жизни.

Перестройка как явление и как слово - вне оценок:

бесповоротно началась, получила поддержку, быстрее осуществить, разворачивать, находится на начальном этапе; вопрос о перестройке, перестройка - это преодоление застойных процессов, курс партии на перестройку, конечная цель, опыт перестройки; процессы, связанные с перестройкой; решение задач перестройки и задачи перестройки, отношение кадров к перестройке, углублять перестройку, анализируется ход перестройки, в условиях перестройки, наконец, перестраивать работу партии.

О гласности:

В стране ... утверждаются и активно действуют принципы *гласности*; расширяется *гласность*, в условиях расширения демократии и *гласности*.

Застой отмечен лишь кадровый:

Мы за стабильность, но она не должна превращаться в *кадровый застой*...;

застойные - явления и процессы:

На определенном этапе страна стала терять темпы движения, начали накапливаться трудности и нерешенные проблемы, появились *застойные* и чуждые социализму явления; Политбюро [Политическое бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза] считает: перестройка - это решительное преодоление *застойных процессов*, словом, механизма торможения ...

Наконец, говорится *об идеологии и психологии застоя и застойности* во власти:

Идеология и психология застоя отразились и на состоянии культуры, литературы и искусства; В кадровой политике парадоксальным образом уживались две противоположные тенденции: с одной стороны - *застойность* состава *верхних эшелонов* ...

2. Анализу было подвергнуто также "Заключительное слово генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева" на этом же пленуме (опубликовано: ЛГ, 1987, 4.11). По объему этот текст вдвое меньше предыдущего. Несмотря на это слово *перестройка* употреблено здесь 28 раз, *гласность* и *демократия* (и производные) - по 8 раз; места *застоя* в этом тексте не нашлось.

В контекстуальном выражении *перестройка* здесь выглядит следующим образом:

Предпосылки для того, чтобы и дальше идти основательно *по пути* ускорения, *перестройки*, ...; Взглянуть еще раз на *перестройку*, осмыслить ее предназначение, еще раз *оценить* сам *процесс перестройки*; Партия, все здоровые силы общества *выступают за перестройку*; И об этом надо кончать дискуссию, *нужна или не нужна перестройка*; *Перестройка - это не просто идея, перестройка - это реальность*; Советские люди *связывают с перестройкой* свои жизненные планы; Да *перестройка - это уже реальность*; Но ускорения не будет без обновления общества, равно как без обновления общества *не будет перестройки* сфер его жизни; *Перестройка - не прогулка по накатанной дорожке. Это - подъем в гору*...; Потребуется огром-

ные творческие усилия и длительная самоотверженная борьба, чтобы великое *дело перестройки довести до конца...*; Если кто решил, что он уже *перестроился*, то ему следует напомнить, что мы еще только *занялись перестройкой*; Ведя, *разворачивая перестройку*, мы не должны впадать в ту или иную крайность в оценках; Мы не можем замечать даже *малого продвижения в перестройке*; Мы еще только *включаем механизм и средства перестройки*, делаем первые шаги ...; Это - прямой результат поддержки нашим народом *линии на перестройку*, на ускорение; Это тот рычаг, который позволит *включить в перестройку* решающую ее силу - народ; Если этого не сделаем, то не решим задач на ускорение, *не обеспечим перестройку*, ее просто не будет; Если мы этого не поймем, ... то захлебнется наша политика, *задохнется перестройка*; Нам нужна пресса, активная участница *перестройки*; важно ... использовать ростки новых подходов в *условиях перестройки*; Сейчас мы вступаем в новый этап нашего движения, нашей *работы по перестройке*; О нашей политике, *о перестройке* люди будут судить ... по осязаемым результатам ...; Словом, на тысячах и тысячах фактов повседневной жизни мы, коммунисты, должны *доказать* правильность нашей политики, *жизненность перестройки*; *Перестройка*, товарищи, *великое дело*; ... *дело перестройки*, дело революционного обновления общества, судьбы страны в руках народа; *Перестройка* - передовая *линия борьбы*; Мы уверены - *дело перестройки* необратимо; новый импульс *работе* партии, всех ее организаций *по перестройке*.

Нетрудно заметить, что в связи с *перестройкой* как социальным действием и как словом-символом делается своего рода программный расклад на ближайшую перспективу: *перестройка* ставится в один ряд с другими актуальными словами-понятиями общественного процесса (*идти по пути ускорения, перестройки, совершенствования кадровой политики*), за нее и вместе с нею идет борьба или же разворачивается таковая (*все силы общества выступают за перестройку, советские люди связывают с перестройкой свои жизненные планы, без обновления общества не будет перестройки, разворачивая перестройку, поддержка народом линии на перестройку, перестройка - передовая линия борьбы*); уже созданы 'сильные' метафоры типа *великое дело перестройки, жизненность перестройки* и лозунги-афоризмы такого рода: *перестройка - это не просто идея, перестройка - это реальность, перестройка - не прогулка по накатанной дорожке, перестройка - великое дело, перестройка - передовая линия борьбы, дело перестройки необратимо*. Все это можно было бы в полной мере отнести и к словам-понятиям *революция, социализм, план* и под. - до перестройки они оформлялись аналогичным словесным материалом.

Гласность и демократия могут выступать в одном ряду:

Самое главное состоит в том, что *гласность*, критика и самокритика, *демократия* нужны для нашего движения вперед; нам нужна *гласность*, нам нужна критика и самокритика как эффективные формы социалистической *демократии*; Если кто-то попытается воспользо-

ваться широкой *гласностью*, *демократическим* процессом в своекорыстных и антиобщественных целях...; Именно обстановка *гласности* и *демократии* дала возможность поднять голову рабочему классу, крестьянству, всем здоровым силам.

Срав. также ряды *гласность - пропаганда*, *гласность- критика - самокритика - контроль*:

Здесь нужна большая *гласность* и *пропаганда* всего передового; *Гласность*, *критика* и *самокритика*, *контроль* масс - это гарантии здорового развития советского общества (этот контекст употреблен дважды).

Остальные примеры:

начинайте учиться работать в условиях развивающейся *демократии*; углубление *демократизации* советского общества; двигая социалистическую *демократию*, раскрывая ее потенциал, мы тем самым создаем самые надежные гарантии...; *Демократия* нам нужна как воздух; Печать должна поддерживать *гласность* в стране.

“Заключительное слово” мы проанализировали также с точки зрения отражения в нем двух тем - ‘негативных тенденций’ и ‘движения вперед’, для чего сегментировали его на словосочетания - субстантивные типа *корни торможения*, *глагольные снизились критерии* (глагольно-субстантивное) и *отрицательно сказалось* (глагольно-наречное), реже - некоторые другие, кроме адъективных или адъективно-субстантивных, рассмотренных на материале первого текста.

Словосочетания, отражающие негативные тенденции в обществе: *противоречия в развитии (общества)*, *повторение ошибок*, *терять темпы*, *накапливаются трудности*, *стремление отмахнуться*, *противопоставление социализму*, *недооценка хозрасчета*, *‘уравниловка’ в плане*, *препятствовало движению*, *корни торможения*, *отрицательно сказалось*, *обострились диспропорции*, *падение интереса*, *проявление бездуховности и скептицизма*, *снижение стимулов*, *поощрение угодничества и славословия*, *обозначились нарушения*, *ослабление дисциплины*, *нарушалась коллегиальность*, *произошло ослабление*, *выражают беспокойство*, *ослабили внимание* и под.

Словосочетания, ‘работающие’ на тему ‘движение вперед’: *открыли путь*, *изменения к лучшему*, *выработать меры*, *ускоряют движение*, *раскрыть и использовать преимущества (социализма)*, *настоятельно требовала жизнь*, *решительно бороться*, *вопрос об ускорении*, *отступить нам нельзя*, *проводить в жизнь*, *идти вперед*, *вывести общество*, *соединить движения*, *привести в действие*, *потенциал социализма*, *идет переоценка (ценностей)*, *непримиримость к недостаткам*,

улучшать дело, повышаются требовательность и дисциплина, внесены изменения; совершенствование управления, механизма хозяйствования; проводится в жизнь, исходя из планов, действовать решительно, неуклонно проводить, сознание ответственности, развитие демократии, заслуживают поддержки, переход на новые методы, введение госприемки, придает шой характер, участие трудящихся, механизм обеспечивает, повышение уровня и эффективности, чувствовать ответственность, расширить гласность, упорядочить систему, развитие экономики и культуры, успехи политики, успешно противостоять, извлечь уроки, усилить ответственность, поднять дисциплину, создать обстановку, борьба за ускорение, творчески осмыслить, расширение самостоятельности, пользоваться правами и возможностями, быстрее осуществить, сосредоточить внимание, развивать инициативу, доверие и поддержка народа, защита мира и безопасности, закрепить и развивать достигнутое и др.

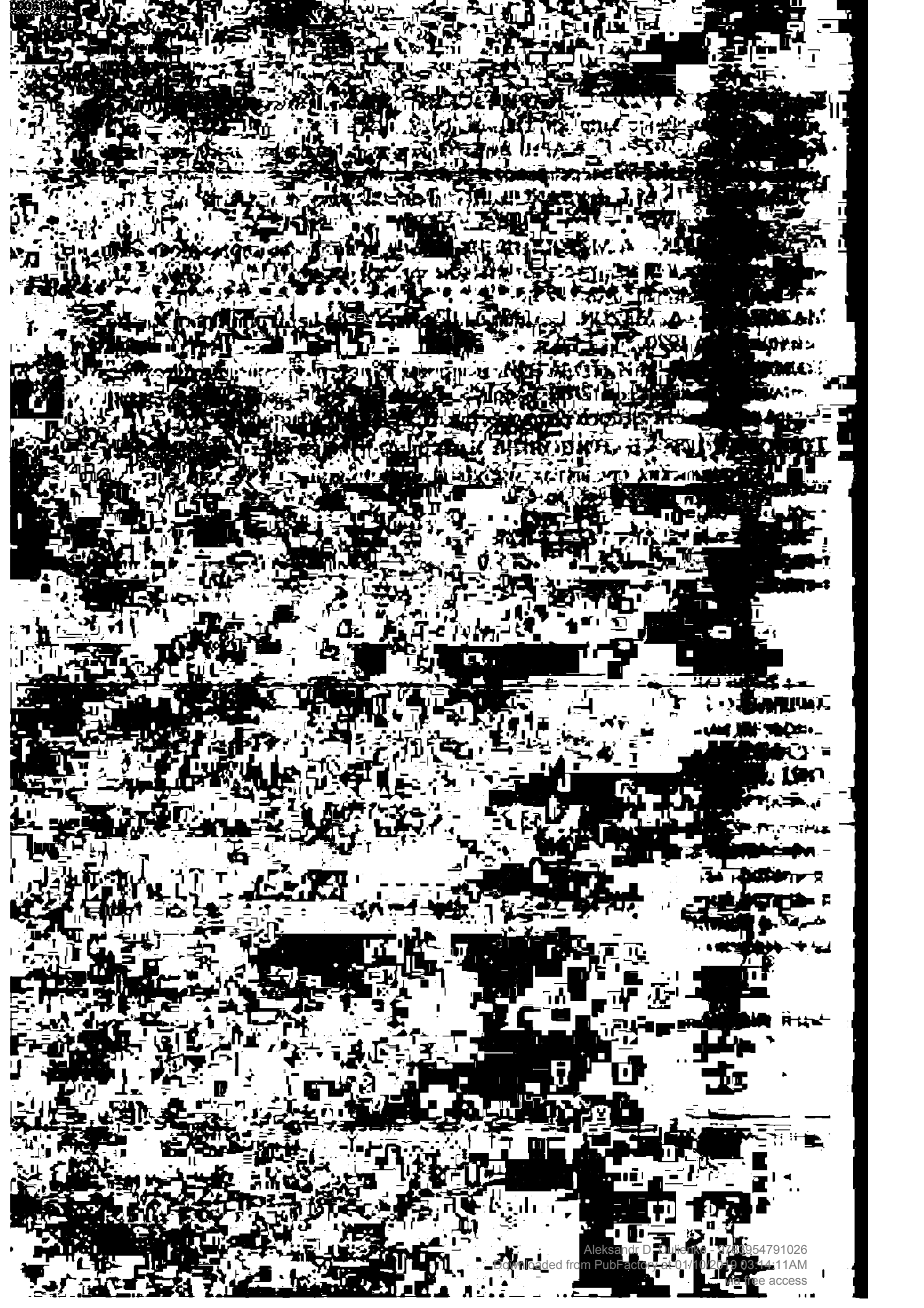
Тема 'негативные тенденции' обрисована более чем 50 словосочетаниями указанного типа, тема 'движение вперед' - более чем 100. Это дает возможность сделать вывод о том, что в тексте ("заключительном слове") акцент сделан не на том, что есть (в том числе и негативном), а на том, что предстоит обществу сделать, чтобы 'двигаться вперед'. Потому так велико число словосочетаний, отражающих именно эту, вторую тему.

3. Наконец, отметим и то, что частотность употребления ключевых слов соответственно сохраняется и позднее. Так, в докладе М.С. ГОРБАЧЕВА "Октябрь и перестройка: революция продолжается", сделанном на заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в связи с 70-летием Октябрьской революции (опубликован: Правда, 1987, 307, 3.XI), во втором разделе "Развивающийся социализм и перестройка" (объем - несколько меньше одной газетной страницы) слово *перестройка* использовано 36 раз, *демократия* (и производные) - 17 раз; что касается слов *гласность* и 'оппозиционного' *застой*, то они упомянуты соответственно один и два раза: *гласность*, видимо, достигнута, а *застой* остался в прошлом, *перестройка* же набирает силу вместе с *демократией* и *демократизацией* общества - так, по крайней мере, выходит, если опираться на количественный анализ.

Перейдем теперь к всестороннему анализу лексических доминант перестройки.

 ПОЛИВАНОВ 1968 - Е.Д. ПОЛИВАНОВ. Статьи по общему языкознанию.
 - М.: Наука, 1968.

- КАРЦЕВСКИЙ 1922 - С. КАРЦЕВСКИЙ. Язык, война и революция. - Современные записки, Париж, 1922, т. X.
- КАРЦЕВСКИЙ 1923 - С. КАРЦЕВСКИЙ. Язык, война и революция. - Берлин: Русское универсальное издательство, 1923.
- БУЛАХОВ 1977 - М.Г. БУЛАХОВ. Восточнославянские языковеды. Т. II. - Минск, 1977.
- СЕЛИЩЕВ 1928 - А.М. СЕЛИЩЕВ. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). - М., 1928; 2-е изд.: М., 1928.
- MAZON 1920 - А. MAZON. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie. - Paris, 1920.
- ТОЛСТОЙ 1987 - Н.И. ТОЛСТОЙ. Вопросы культуры речи в трудах русских лингвистов 20-х годов. - Развитие языковой жизни стран социалистического содружества. II. Praha: Academia, 1987.
- ТОШОВИЧ 1988 - Б. ТОШОВИЧ. Язык перестройки и его отражение в югославских средствах массовой информации. - Русский язык за рубежом, М., 1988, № 4.

Глава II

Лексические доминанты перестройки

1. Перестройка - суперслово политического языка конца XX столетия

Сначала небольшой исторический экскурс.

Слова с основой *перестрой-* фиксируются словарями сравнительно поздно - с XVII в. Однако можно предполагать, что они были известны уже в раннее средневековье, а возможно, и в древности. В "Словаре русского языка XI-XVII вв.", издаваемого Институтом русского языка АН СССР (ныне - РАН, т.е. Российской Академии наук) зафиксировано три слова - два глагола и одно существительное. Раньше по времени зафиксировано глагольное слово *перестроити*. Источники позволили выявить три значения этого глагола:

1. "управляться со всеми, многими" - это значение отражено в "Пустозерском сборнике", памятнике русского старообрядчества XVII в., конкретно - в 1675 г.;
2. "построить заново на месте прежнего или переделать старое" - отражено в "Немецко-русском словаре" XVII-XVIII вв. (о словаре сообщал ИГНАТИЙ ВИКЕНТЬЕВИЧ (ВАТРОСЛАВ) ЯГИЧ в 1897 г.);
3. "загородить что-либо постройкой" - там же.

Для нас первое и третье значения не существенны, в то время как второе особенно важно, так как может иметь и переносное значение, затрагивающее также социальную сферу (Словарь XI-XVII: 294).

В лексикографическую обработку это слово попало в XVIII в. В форме *перестройю* его фиксирует Ф. ПОЛИКАРПОВ в своем "Лексиконе" 1704 г.; в формах *перестраиваю*, *перестроить* - "Лексикон российский..." 1762 г.; в формах *перестроивать*, *перестроить* в "Российском целлариусе" 1771 г. Ф. ГЕЛТЕРГОФА; в форме *перестраивать* в словаре ИВАНА НОРДСТЕТА 1782 г. (соответственно: ПОЛИКАРПОВ 1704; Лексикон российский 1762; ГЕЛТЕРГОФ 1771; НОРДСТЕТ 1782).

Возвратная форма *перестроитися* "израсходовать на строительство много денег, материалов; истратиться при постройке..." зафиксирована в XVII-XVIII вв. в упомянутом уже рукописном словаре немецко-русском, о котором сообщил в 1897 г. И.В. ЯГИЧ. Это значение для нас не представляет интереса, однако нет оснований считать, что оно было единственным.

Здесь уместно признать соотносительность с семантикой невозвратной формы. Этот глагол в формах *перестраиваться* и *перестроиться* лексикографирован в конце XVIII в. в “Словаре Академии Российской” (Словарь АР 1794).

Наконец, отглагольное существительное *перестройка*, которое “Словарь русского языка XI-XVII вв.” фиксирует впервые по источнику за 1697 г.: *перестройка*, ж. Действие по гл. *перестроити* (в значении I). Отъ *перестройки* кровли что надъ анбаромъ что рѣжутъ иконостасть, плотникомъ за работу 3 алт. 2 ден. [Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные руководством и трудами И. ЗАБЕЛИНА. Ч.1-2. Издание Московской городской думы. М., 1884-1891, к XVI-XVIII в.], 322, 1697 г.

Этот единственный пример не дал возможности составителям словаря раскрыть более или менее полный семантический состав слова. Однако предположить его богатую семантику хотя бы по глаголу *перестроити* можно.

Самая первая лексикографическая обработка слова произведена в начале XVIII в., в 1704 г., Ф. ПОЛИКАРПОВЫМ (ПОЛИКАРПОВ 1704). В конце XVIII в. в словари попадают еще два, суффиксально осложненные слова с основой *перестрой-/перестрай-*: *перестра́ивание* для действия по глаголу *перестраивать*, *перестроить*, зафиксированное словарем И. Нордстета в 1782 г., и *перестрѳение*, отраженное в “Словаре Академии Российской” (соответственно: НОРДСТЕТ 1782; Словарь АР 1794).

В лексикографических работах XIX в. гнездо с основой *перестрой-* количественно увеличивается. Особенно показательным в этом отношении является “Толковый словарь живого великорусского языка” ВЛАДИМИРА ДАЛЯ, первое издание которого появилось в 1863-1866 гг. Здесь находим интересную для нас статью “перестра́ивать, перестрѳить”, в которой уже 9 слов - два гагольных и 7 субстантивных. Глаголы из названия статьи выступают со значениями:

1. “перестроить дом, переделать стройкою, выстроить и отделать иначе”;
2. “переладить, дать иной строй, выше, ниже (о музыкальном инструменте, т.е. настроить)” и
3. “о деле, порядке управления: изменить его на иной лад”.

Последнее значение отражает социальный аспект.

Для возвратного *перестра́иваться*, *перестрѳиться* В. ДАЛЬ указывает те же значения, что и для невозвратных.

Приводятся три существительных со значением лица, деятеля: “*перестраиватель, перестройтель* (дома, порядка), *перестройщик* (нпр. рояль), кто перестраивает что-либо. *Перестройщик* свадьбы, пск. *расстройщик*” (ДАЛЬ 1987: т.3, с.86). Что касается существительных абстрактного действия, то их четыре: *перестраиванье, перестроенье, перестрой, перестройка*, выражающие “действие по глаголам”. К этому всего лишь две иллюстрации: первая к существительному *перестрой* (по отношению к музыкальным инструментам), вторая - по отношению к *перестройка*: Прихотливые ломки да *перестройки* хоть кого разорят”. Пример этот отражает физическое действие, но совершенно очевидно, что слово *перестройка* обладает и социальной семантикой (срав. указание В. ДАЛЯ на его значения по соответствующим глаголам). Нам еще пригодится собранное 130 лет назад В. ДАЛЕМ это лексико-словообразовательное гнездо.

Современные толковые словари русского языка фиксируют всего лишь 5 слов с основой *перестрой-*: два глагольных (*перестраивать-перестроить, перестраиваться-перестроиться*) и три субстантивных (*перестраивание, перестроение и перестройка*). Невозвратный вид глагола к нашему времени семантически сильно разросся - Большой академический словарь фиксирует у него 4 значения (БАС 1959: т. 9, стлб. 911-912), а четырехтомный “Словарь русского языка” - 5 (Словарь 1984: т. III, с. 98): первое значение можно было бы назвать прямым - “построить заново, иначе, произвести переделку в постройке...”; на нем базируется важное для нас вторичное, социальное, значение: “переделать, внося изменения в систему ч.-л., порядок следования ч.-л. и т. д. *Перестроить* программу. *Перестроить* лекцию. *Перестроить* расписание поездов...// Организовать по-новому, изменить, *перестроить* производство. *Перестроить* экономику страны...”; третье значение этого глагола, как и возвратного *перестроиться* и существительного *перестроение*, связано с существительным *строй*; четвертое и пятое значения можно пояснить синонимом *настроить* - рояль или для приема радиоволны.

Слово *перестройка* трактуется таким образом: “действие по значению глаголов *перестроить-перестраивать* и *перестроиться-перестраиваться*. *Перестройка* здания. *Перестройка* народного хозяйства. *Перестройка* радиоприемника”. Т.е. здесь и прямое и переносные значения по соответствующим глаголам.

В МЕЩОВСКОМ уезде средней России, в калужском говоре, в начале века (в 1916 г.) отмечено и такое необычное значение слова *перестройка*: “то, что построено, постройка”. Это значение иллюстрируется следующим примером: У нас *перестройка* теперь новая: избу большую сделали (Словарь

РНГ 1991: вып. 26, с. 232). Однако не ясно, чем же тогда значение слова *перестройка* в этом говоре отличается от значения слова *постройка*.

Перестройка как крупное социальное событие в жизни страны выдвинула на первый план вторичную, социальную семантику слов с основой *перестрой-*. Слова эти стали выразителями новой политики, на которую общество возлагало большие надежды. Срав. глагольные и причастные слова:

1. *перестраивать~перестроить*:

Даже дом *перестраивать* - дело хлопотное. Мы взялись за задачу неизмеримо тяжелее и важнее [т.е. перестроить общество] (Известия, 1988, 13. XI); "Доколь же нас *перестраивать* будут? Невеселые размышления крестьянина" (название статьи; РВ, 1922, 12, 1-8. IV);

2. *перестраиваться~перестроиться*:

Но каждый, кто занимается вопросами развития культуры, уже *перестроился*; Вся страна *перестраивается* на марше. (ЛГ, 1986, 36, 3.IX); Обычно спрашивают: "Как *перестраиваешься*?" Чтобы *перестроился* человек, надо *перестроить* общество. Сейчас висят лозунги: "*Перестроиться* - значит лучше работать на своем рабочем месте". Это упрощенное понимание вопроса (там же); Такой стимул заставит ведомство быстрее *перестраиваться*, внедрять новое (Огонек, 1989, 40, 4); не идти сразу ко дну, а успеть *перестроиться* (Огонек, 1989, 50, 4);

3. *причастия действительные прошедшего времени*:

превратится в организацию своего рода современного 'третьего сословия', притивостоящего *перестроившимся* партюкратии; Горбачев в этом союзе представляет *перестроившуюся* старую власть (Огонек); А что же *перестроившиеся* в 'демократические' колонны 'прорабы духа'? (ЛР, 1991, 19, 13.V);

4. *причастия страдательные прошедшего времени*:

значит наша демократия - это пока лишь фасад империи. Значит, обшивка новая, но каркас старый, хотя и '*перестроенный*' (Огонек); климатические условия страны, *перестроенной* Михаилом Сергеевичем в нечто трехбуквенное, стали до чрезвычайности схожи с румынскими двухгодичной давности (РВ, 1992, 3-4, 7).

Примечательно, что в глагольный ряд на *перестрой-/перестраива-* уже вовлекаются и другие глаголы на основе семантической переклички и в результате метафоризации. Этим обычно подчеркивается несоответствие

процессу перестройки, чисто формальное, внешнее подстраивание под нее, срав.:

На арене активной борьбы по инерции действуют персонажи вчерашнего дня, способные *перелицеваться* (или, если угодно, '*перестроиться*'), но не возродиться (Правда, 1992, 15.X).

Однако наиболее впечатлительными предстают изменения, связанные с субстантивным словом *перестройка*. Социальная перестройка 'разбудила' частеречные, словообразовательные, семантические и сочетаемостные потенции этого слова, которое до того обладало лишь одним выразительным свойством - меняло форму, т.е. выполняло свои морфологические обязанности (образуя падежные и числовые формы). Рассмотрим новшества, характеризующие это стержневое слово.

Прежде всего заметим, что не всем в обществе нравится слово *перестройка* как политический термин. Одни высказывают мысль о том, что оно взято из старого идеологического словаря, который обслуживал однопартийную советскую систему. Для других в этом слове заложен глобальный смысл, ориентированный на переделку мира, срав. такие высказывания. Один автор пишет:

... давайте разберемся, откуда идет термин *перестройка*. От него явно отдает словом *стройка*. Чего? Да вот этого самого 'нового мирового порядка', вопреки старому, привычному или божественному. Строитель нового порядка своего рода богоборец, ибо он хочет создать другой, 'внеприродный', искусственный порядок явлений под руководством 'Великого архитектора Вселенной'. Мы в этой *перестройке* барахтаемся с 1917 года. Сегодня изменились ее темпы, но не суть (ИС, 1991, 8, 146).

Академик ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ видит в нем двусмысленность и называет его 'перевертошным словом':

Я уже не говорю о дельцах от *перестройки*, с калейдоскопической быстротой меняющих свои убеждения. Позиция перебежчика как-то была даже объявлена моральным кредо нашей эпохи: кто *перестраивается* (еще лучше - несколько раз), тот и есть истинный деятель *перестройки*. Может быть, так и есть: в этом перевертошном слове была изначальная двусмысленность. Но тогда из всех известных мне людей самыми агтиперестрочными были: А.Д. Сахаров и Л.И. Бородин (ИС, 1992, 8, 136).

Как бы то ни было, но это слово (и его производные) вошло в современный русский язык. Важно то, что оно отразило начавшееся социальное переустройство страны, хотя с крахом всего этого благородного начинания следует ожидать и постепенного 'застывания' или 'остывания' его. Тем

настоятельнее выдвигается задача зафиксировать и осмыслить все лингвистические качества этого слова.

Официальное определение термина *перестройка* дано в выступлениях М.С. ГОРБАЧЕВА, собранных, в частности, в его книге “Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира” (ГОРБАЧЕВ 1987). Сначала представим здесь почти страничное по объему определение:

Перестройка - это решительное преодоление застойных процессов и слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма.

Перестройка - это опора на живое творчество масс. Это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самодеятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества. Это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.

Перестройка - это всесторонняя интенсификация советской экономики, восстановление и развитие в управлении народным хозяйством принципов демократического централизма, повсеместное внедрение экономических методов управления, отказ от командования и администрирования, всемерное поощрение новаторства и социалистической предприимчивости.

Перестройка - это решительный поворот к науке, умение поставить любое начинание на солидную научную почву. Это соединение достижений научно-технической революции с плановой экономикой.

Перестройка - это приоритетное развитие социальной сферы, направленное на все более полное удовлетворение потребностей советских людей в хороших условиях труда, быта, отдыха, образования и медицинского обслуживания. Это постоянная забота о духовном богатстве, культуре каждого человека в обществе в целом.

Перестройка - это энергичное избавление общества от искажений социалистической морали, последовательное проведение в жизнь принципов социальной справедливости. Это единство слова и дела, прав и обязанностей. Это возвышение честного, высококачественного труда, преодоление уравнилельных тенденций в его оплате, потребления (ГОРБАЧЕВ 1987: 30).

По существу, это определение-программа, в которой перечислены основные тезисы из документов различных партийных съездов, конференций, из резолюций и постановлений.

Самое краткое определение перестройки, по свидетельству ее инициатора, может быть сведено к одному слову: революция. Срав.:

Перестройка - многозначное, чрезвычайно ёмкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий его суть, то можно сказать так: *перестройка* - это революция (ГОРБАЧЕВ 1987: 46).

‘Революционная дефиниция’ перестройки была подхвачена средствами массовой информации, срав.:

Страна находится в экономическом, экологическом и нравственном кризисе, и выход из него один: *революция, именуемая у нас ‘перестройкой’* (Огонек, 1989, 37, 25);

также:

Те, кто болеет за *уникальную революцию*, которой живет советский народ, хотели бы узнавать о текущих делах вовремя и с бескомпромиссной правдивостью (Огонек, 1989, 7, 4)

(в последнем примере вместо *перестройки* - намек на нее в виде *уникальная революция*).

До времени появления ‘странично-программного’ и ‘революционного’ определения понятию и слову-термину *перестройка* предстояло еще ‘обкачываться’, адаптироваться в многочисленных выступлениях инициатора этого социального события. Так, слово это несколько раз употребляется в выступлениях и статьях М.С. ГОРБАЧЕВА, относящихся к 70-80-м гг. (они составляют первый том его “Избранных речей и статей”; см.: ГОРБАЧЕВ Избр. 1987: т.1). Однако перестройка здесь определяется еще узко и - как ‘психологическая’ категория, т.е. связанная с изменением отношения к труду, срав. в тексте за 1978 г.: *психологическая перестройка* всех участников уборочного конвейера (с. 156); в тексте за 1982 г.: *психологическая перестройка* (с. 315).

Мы сделали эксерпцию интересующего нас материала из второго тома “Избранных речей и статей” М.С. ГОРБАЧЕВА (по времени это февраль 1984 - октябрь 1985 гг.). *Перестройка* упоминается в этом томе (ГОРБАЧЕВ Избр. 1987: т.2) 29 февраля 1984 г., однако подразумевается здесь *перестройка системы управления экономикой*, т.е. затрагивается только часть ‘социального пространства’:

...на это уже сегодня направлены наши усилия *по перестройке системы управления экономикой, совершенствованию хозяйственного механизма* (с.9).

В этой же ‘речи’ говорится *о переломе в экономике, о переустройстве в деревне*, срав.:

Двенадцатая пятилетка должна стать пятилеткой решающего *перелома* в деле интенсификации народного хозяйства (с.9); Многие из них энергично взялись за разработку таких коренных вопросов, как социальное *переустройство деревни* ...(с.13).

На совещании по проблемам АПК (аграрно-промышленный комплекс) 26 марта 1984 г. М.С. ГОРБАЧЕВ больше всего говорит об *ускорении, укреплении, развитии, совершенствовании, переводе* и т.д. - всё в связи с экономикой, народным хозяйством:

ускорение научно-технического прогресса, *совершенствование* хозяйственного механизма, *укрепление* централизованного планирования, *развитие* самостоятельности масс...; *совершенствовать* управление, решительно *устранять* все препятствия..., *повышать* эффективность работы (с.21); ускоренный *переход* экономики на рельсы интенсификации (с.22); ускоренное *развитие* отраслей аграрно-промышленного комплекса (с.23); *перевод* народного хозяйства на рельсы интенсивного развития (с.29).

Лишь однажды он употребляет слово *перестройка* и то в связи с вопросами организации труда, т.е. в узком смысле:

Речь идет о коренной *перестройке* организации и оплаты труда, повышения ответственности (с.40).

В докладе “Живое творчество народа” от 10 декабря 1984 г. *перестройка* употребляется уже и по отношению к управлению экономикой и формам и методам хозяйствования, и даже к общественным отношениям, т.е. ‘социальное пространство’ термина значительно расширяется, срав.:

Понятно, что эта работа пойдет тем успешнее, чем лучше общественные науки раскроют пути развития производственных отношений, *перестройки управления* экономикой (с. 81); Сегодня один из главных вопросов повестки дня - *перестройка форм и методов* хозяйствования (с. 92); Они отражают самые глубокие устои социализма, который осуществил коренную *перестройку общественных отношений* на началах коллективизма... (с. 92-93).

В речи на внеочередном пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 г. М.С. ГОРБАЧЕВ говорит лишь об *ускорении, преобразовании, совершенствовании, повороте*, срав.:

Линия на *ускорение* социально-экономического развития страны, на *совершенствование* всех сторон общественной жизни..., *преобразование* материально-технической базы производства..., *совершенствование* системы общественных отношений (с. 129); Нам предстоит добиться решающего *поворота* в переводе народного хозяйства на рельсы интенсивного развития (с. 129).

В речи перед руководителями производства 8 апреля 1985 г. говорится о тех же задачах, выраженных теми же словами (только в ином частеречном виде - глагольном), срав.:

Сейчас требуется *повысить* организованность в работе, *мобилизовать* все силы и резервы, для того чтобы *обеспечить* уверенное и динамичное социально-экономическое развитие, *ускорить* темпы на продвижение вперед (с. 138).

Лишь однажды здесь ГОРБАЧЕВ говорит абстрактно - о необходимости перестроить работу:

Необходимо *перестраивать* работу, стремиться получить больше конечной продукции с каждой единицы сырья... (с. 140).

Если судить по текстам ГОРБАЧЕВА, то лишь в апреле 1985 г. он адаптировал понятие и слово-термин *перестройка* к намечаемым социальным реформам. Так, 16 апреля в выступлении перед рабочими и инженерами в Москве он говорит о *перестройке всего народного хозяйства, о перестройке всей жизни*, т.е. 'социальное пространство' здесь покрыто практически все, срав.:

Если мы с вами в плане на ближайшие годы не заложим и не осуществим серьезную, глубокую *перестройку всего народного хозяйства*, у нас не будет необходимых темпов, не будет возможности для надлежащего решения тех проблем, о которых мы говорим (с. 147-148); мы вступили сейчас в такой этап *перестройки всей нашей жизни*, когда без высокой дисциплины ничего нельзя добиться (с. 150).

В докладе "О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением", сделанном 23 апреля 1985 г. и ставшим своеобразным 'сигналом' к перестройке в обществе, М.С. ГОРБАЧЕВ вновь говорит об *ускорении, изменениях и преобразованиях, переводе на рельсы, развитии, перевооружении, сдвигах, переходе* и т.д. Однако здесь, пожалуй, впервые он говорит уже о *концепции перестройки*, не забывая при этом и об актуальной до сих пор *перестройке в управлении*, срав.:

Задача *ускорения* темпов роста вполне выполнима, если в центр всей нашей работы поставить *интенсификацию* экономики и *ускорение* научно-технического прогресса, *перестроить управление и планирование, структуру и инвестиционную политику*... (с. 155); нужны революционные *сдвиги-переход* к принципиально новым технологическим системам (с.156); *первооружение* всего народного хозяйства...(с. 157); Сейчас нам стала ясна *концепция перестройки хозяйственного механизма*; следует начать практическую *перестройку работы* и верхних *этапов* хозяйственного управления...(с. 158).

В мае 1985 г. в Ленинграде М.С. ГОРБАЧЕВ уже широко пользуется словами *перестройка, перестраивать, перестраиваться*. Он призывает *перестраивать кадры, умы и перестраиваться самим*:

Видимо, *всем нам надо перестраиваться, всем; помочь партии быстро осуществить самый трудный этап - этап психологической перестройки кадров в духе новых требований (с. 212-213); Нам предстоит большая перестройка умов хозяйственников (с. 218); понять требования момента и перестроиться. Но тот, кто не настроен перестраиваться, тот просто должен уйти с дороги, не мешать (с. 222).*

До конца года в выступлениях М.С. ГОРБАЧЕВА говорится о *перестройке экономики, структурной и инвестиционной политики, управления, планирования, образования, кадров, производства в целом, методов работы, технологии и организации (производства), психологии, т.е. самих себя, срав.:*

Речь идет о новом качестве роста, продвижения вперед на стратегически важных направлениях и *структурной перестройки экономики (с.252); не было проявлено необходимой настойчивости в перестройке структурной политики, форм и методов управления, самой психологии хозяйственной деятельности (с. 253); углубить структурную перестройку экономики (с. 255); Перестройка инвестиционной и структурной политики (подзаголовок) (с. 257); представляется одним из важнейших направлений перестройки инвестиционной политики (с. 261); Ускорение научно-технического прогресса настоятельно требует глубокой перестройки системы планирования и управления, всего хозяйственного механизма; Главное направление перестройки хозяйственного управления нам в принципе ясно (с. 269); осуществить перестройку управления (с. 272); осуществить психологическую перестройку (с.275); К сожалению, у нас еще есть такие партийные комитеты, которые и сами перестраиваются крайне медленно; Очевидно, назрела необходимость серьезной перестройки высшего и среднего специального образования (с. 276); Нужна глубокая перестройка в деятельности всех (с. 308); важно перестраивать психологическую настрой людей на работу по-новому... (с.319); осуществление структурной перестройки производства (с. 326); В стране идет глубокий процесс, требующий большой перестройки от всех нас (с. 366); Это требует перестройки в методах работы (с. 380); Технологическая и организационная перестройка требует новых подходов... (с. 417) и др.*

Наконец, в докладе об ускорении научно-технического прогресса (11 июня 1985 г.) М.С. ГОРБАЧЕВ, вероятно, впервые определяет суть перестройки, т.е. 'расшифровывает' ее 'концепцию', срав.:

Повышение эффективности централизованного начала в управлении и планировании, значительное расширение хозяйственной самостоятельности и ответственности предприятий и объединений, активное использование более гибких форм и методов руководства, хозрасчета и товарно-денежных отношений, всего арсенала экономических рычагов и стимулов - вот в чем принципиальная суть *перестройки*.

О том, какие определения перестройке давал М.С. ГОРБАЧЕВ вскоре после этого, мы уже говорили (см. выше). Здесь же, завершая тему “Горбачев - перестройка”, хочется также обратить внимание на моменты включения слова-термина *перестройка* в названия речей, выступлений, докладов и статей его. Впервые это случилось в 1986 г., правда, сначала в глагольном виде (“более действенным”!): “Быстрее *перестраиваться*, действовать по-новому” (ГОРБАЧЕВ Избр. 1987: т. 3). В дальнейшем это имело такой вид. В четвертом томе (ГОРБАЧЕВ Избр. 1987: т.4), охватывающем 1986-1987 гг.: “*Перестройка* неотложна, она касается всех и во всем”, “Углубить *перестройку*, прибавить в работе”, “О *перестройке* и кадровой политике партии”, “Убежденность - опора *перестройки*”, “Твердо идти дорогой *перестройки* и углубления демократии”, “*Перестройка* - кровное дело народа”.

В пятом томе (тексты 1987 г.; Горбачев Избр. 1988: т. 5): “Вступительное слово на совещании в ЦК КПСС по вопросам коренной *перестройки* управления экономикой”, “О задачах партии по коренной *перестройке* управления экономикой”, “Практическими делами углублять *перестройку*”, “Главное теперь - практическое осуществление задач *перестройки*”, “Октябрь и *перестройка*: революция продолжается”.

В шестом томе (тексты 1988 г.; ГОРБАЧЕВ Избр. 1989: т. 6): “Демократизация - суть *перестройки*”, “Революционной *перестройке* - идеологию обновления”, “Успех *перестройки* - в руках народа”.

Таким образом *перестройка* была ‘официально’ введена в политический лексикон русского языка конца 80-х гг. XX в. В неофициальной и ‘полуофициальной’ сфере, к которой можно отнести средства массовой информации, перестройка ‘привязывалась’ к конкретным областям и формам жизни. Если говорить здесь о ее определениях, то они, как правило, содержат метафорическое восприятие этого социального события, срав.:

Магистральный путь *перестройки* - от ‘нельзя’ к ‘можно’. Ясно, что это путь к свободе (Известия, 1988, 10.V). Газеты и журналы пишут о необходимости *перестройки общественных отношений, экономических, межнациональных и проч. проблем, о перестройке человеческой психологии и человеческих судеб*. По отношению к *перестройке* я не беспартийный - я в партии *перестройки*. Таких беспартийных членов партии *перестройки* немало (так пишет поэт ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО; ЛГ, 1988, 19, 11.V, с. 13); Нельзя отдать это великое завоевание гласности - нашу *духовную перестройку*. *Перестройка духовная и перестройка экономическая* должны быть равными взаимогарантами (он же; там же); Сейчас со всех трибун и по телевидению говорят, что *перестройку* надо начинать с себя. Но что толку самому *перестраиваться*, если начальство остается на прежних позициях? (ЛГ, 1987, 25, 17. VI); Последний съезд писателей России не оправдал наших надежд на очищение, на *перестройку в литературном цехе*

(ЛГ, 1987, 6, 4. II); Здесь уже говорилось о политическом, экономическом, правовом и языковом направлениях *перестройки национальных отношений* (Правда, 1989, 265, 22.IX, с. 3); *Экономическая перестройка* буксует прежде всего в деревне (Огонек, 1989, 42); В организацию мог бы обратиться любой гражданин со своими конкретными предложениями по *перестройке работы* учреждения (Огонек, 1989, 40, 4); За эти годы коллективно выработана *концепция, стратегия и тактика перестройки*, четко определены ее революционные принципы. *Перестройка*, выстраданная обществом, стала социальной практикой (группа писателей; ЛГ 1988, 16, 20. IV, с. 1); *Перестройка* в нашей стране вступает в решающую фазу (Огонек, 1989, 7, 5); Это связано с *перестройкой человеческих судеб* (ЛГ, 1988, 19, 11. V); *перестройка* отменяет одно за другим опостылевшие 'нельзя' и на место 'нельзя' ставит 'можно'; сбросить тяжелые путы - главная *цель перестройки* в социальной жизни; Творчество масс оживляется сейчас, в период *перестройки*; ... возникают экологические группы, *комитеты содействия перестройке*, на страницах печати заходит речь о создании широкого *Народного фронта в поддержку перестройки*; как превратить этих людей в *актив перестройки*? (Известия, 1988, 10.V) и т.д.

Слово *перестройка* попадает в заголовки статей, тем самым как подчеркивается неотложная актуальность поднимаемых вопросов, срав. "Мысли о *перестройке* в литературоведении" (статья академика Д.ЛИХАЧЕВА: ЛГ, 1987, 2.XII); "Постижение *перестройки*" (ЛГ, 1986, 36, 3.IX); "Литература. Комсомол. *Перестройка*" (ЛГ, 1988, 20, 18.V); срав. также постоянную рубрику на страницах "Литературной газеты" в 1989 г. под названием "*Перестройка: шаг за шагом*" и под.

Слово *перестройка* попадает также в названия многочисленных общественных организаций, движений и комитетов, срав.:

Я бы предложил организовать...новый *комитет содействия перестройке*, объединивший бы всех ее сторонников (Огонек, 1989, 40, 4); После этого в мае в институте был создан *Комитет поддержки перестройки* (там же, № 6,2); Инициативная группа писателей создает независимый общественный *комитет "Писатели в поддержку перестройки"*. (там же, № 7, 5); "Огонек" уже рассказывал и о ленинградском межпрофессиональном клубе "*Перестройка*", и о "Мемориале", и о "Милосердии" (там же, № 7, 5); *общество "Избиратели за перестройку"* и т.д.

В местных и центральных средствах массовой информации появляются постоянные рубрики с *перестройкой*:

Ваше письмо с предложением организовать на местном ТВ свою *передачу "Прожектор перестройки Прииртышья"* мы отправили на ЦТ [Центральное телевидение СССР] для сведения (Огонек, 1989, 16,2);

“*Кафедра перестройки: диалог с читателем*”, - так будет называться новая рубрика “Огонька” (Огонек, 1989, 3, 12).

В первые годы перестройки средства массовой информации подхватили ‘революционную дефиницию’ перестройки ее инициатора (см. выше):

Перед нами один путь - *революционная перестройка!* (ЛГ, 1988, 16, 20.IV); оформились в генеральную линию *революционной перестройки* всех сторон жизни социалистического общества (Правда, 1987, 307, 3. XI).

‘Революционность’ всегда требует ломки, борьбы и, конечно, поисков ‘врагов’. В печати тут же замелькали статьи о *врагах перестройки* и даже о... *убийцах* ее, срав.:

Убийцы перестройки среди нас. Мы убиваем *перестройку* нашей гражданской робостью, нашим выжидательством - чья возьмет... (поэт Е. Евтушенко; ЛГ, 1988, 19, 11.V, с. 13);

Эта метафора-лозунг быстро получила широкое распространение, и ‘отец перестройки’ вынужден был ‘восстать’ против этого. В одном из выступлений он сказал:

И уж особо я не разделяю позицию тех, кто пустил в ход в прессе оборот ‘*враг перестройки*’. Что это, товарищи, такое? Это звучит злоеще (ЛГ, 1988, 19, 11.V).

С устранением М.С. ГОРБАЧЕВА с политической сцены в 1991 г. и тем самым крахом перестройки, последнюю перестали называть революционной. Как кажется, более всего *перестройка* стала определяться, как *горбачевская*. Этим как бы подчеркивался ее эпизодичный характер, потеря актуальности:

Итак, *горбачевская перестройка* не только не устранила ‘идеологическую ущербность’ у советских людей, но и значительно усилила ее (Федерация, 1992, 53, 8); Родимые пятна диссидентщины 60-70-х гг., которые объективно готовили не что иное, как *горбачевскую перестройку*, позволяют... (Моск. лит., 1992, 17, 5).

Почти одновременно с этим стали писать о *долгострое перестройки*, о *драме перестройки*, далее - как о *смутном времени*, как об *обмане* и *разрушительных* последствиях перестройки для страны, срав.:

Шестой год в *перестройку* едем и все под гору, под гору, все вниз да вниз! Так недолго и в колдобину угодить... (из газет); По крайней мере в режим ‘*долгостроя*’ *перестройку* вы перевели с такой легкостью, с какой Брумель преодолевал высоту в два метра (Огонек, 1989, 40, 5); Так что пока нами на всех уровнях руководят лакеи, мы никогда не

выберемся из *трясины перестройки* (РВ, 1991); КПСС не сумела вовремя разглядеть начало *перерождения перестройки* (Правда, 1991, 30, 4.П); Существует опасность *задушить перестройку в объятьях* (ЛГ, 1988, 19, 11.V); Вся '*перестройка*' свелась к разрушению СССР и перетасовке брежневской партийной колоды (ЛР, 1991, 46, 15.XI); "*Драма перестройки: страна - на карточках, рынок - в роли пугала*" (Мегаполис-экспресс, 1990, 33, 13.XII); *Перестройка оказалась грандиозным политическим мошенничеством, обманом доверия народа* (Молния, 1991, 29, 3); И поэтому, ведя беседу о новом *смутном времени, о годах перестройки, мы...* (Моск. лит., 1992, 17, 5); Сегодня уже очевидно, что '*перестройка*' была грандиозным обманом, и тот строгий счет, который мы сегодня предъявляем фанатикам Октября, вскоре предъявят радикалам от '*перестройки*' (НС, 1992, 6, 13) и т.д.

Подобного рода оценка перестройки как социального события отразилась и в народной, и в профессиональной поэзии, срав.:

Перестройка, перестройка
погрузила нас во мрак.
Раньше Русь летела тройкой,
а теперь ползет, как рак.
(СР, 1992, 79, 4)

Мы народ на редкость стойкий,
Не один видали шторм.
Пережили *перестройку*,
не умрем и от реформ.
(СР, 1992, 163, 29.XII)

Из стихотворения поэта ГЕННАДИЯ СТУПИНА:

Веет снежная дымка
С темной пополам.
Спит народ-невидимка
По стандартным домам.

Спит. И птицею-тройкой
Никуда не летит.
Утомлен *перестройкой*,
Как убитый он спит.
(НС, 1991, 8)

+ + +

До 80-х гг. слово *перестройка*, казалось, не имело практически никаких словообразовательных и частеречных перспектив, как, впрочем, и многие другие слова той же лексико-словообразовательной парадигмы отглагольных существительных с суффиксом *-к(а)*, срав.: *перебелка, перебранка, переварка, перевертка, передвижка, передержка, переклепка, перекопка, перекраска* и под. Однако у части слов из этой парадигмы частеречные потенции все же имеются, т.е. от них могут быть произведены прилагательные с помощью суффикса *-н-*, срав.: *переборка - переборочный, перевалка - перевалочный, перегородка - перегородочный, переделка - переделочный*, возможна также *перековка - перековочный* и под.

От слова *перестройка* словарями не фиксируются ни новые слова, ни иные части речи. Однако это в литературном языке. Что же касается русских народных говоров, то адъективная форма от *перестройка* все же зафиксирована, хотя и с неясной семантикой. В частности, "Словарь русских

народных говоров” (Словарь РНГ 1991: вып. 26, 232) подает прилагательное таким образом: “*Перестроечный* [удар?]. *-ые* бои. [Знач.?]” (записано в Приморском районе Архангельской области из былин Крюковой). Это свидетельствует о том, что частеречное распространение от *перестройка* возможно, русское языковое сознание не противится ему, хотя далеко не все принимается к кодификации. Так, от некоторых ранее приведенных отглагольных существительных с суффиксом *-к(а)* потенциально возможны прилагательные с суффиксом *-н-*, срав.: *переварка* - *переварочный*, *передвижка* - *передвижечный*, *переклепка* - *переклепочный*, *перекраска* - *перекрасочный*. Для последнего случая, правда, есть препятствие - возможно словообразовательное переосмысление как *пере-* + *-красочный*. Что касается *перекопка*, то адъективное производное от него в виде *перекопочный* кодифицировано Большим академическим словарем (БАС 1959: т. 9, стлб. 669): “относящийся к перекопке, служащий для перекопки. *Перекопочная* лопата”. В любом случае адъективные образования от лексико-словообразовательного типа *перестройка* указывают на большие потенциальные возможности языка, на его резерв для будущего расширения словообразовательных и частеречных свойств. Срав. также возможность иметь краткую форму:

О том, что статья Нины Андреевой не менее *перестроечна*, чем редакционная статья газеты “Правда”...(Огонек, 1989, 11, 8).

А. Сначала рассмотрим субстантивные словообразовательные потенции слова *перестройка*, ‘разбуженные’ социальными событиями середины 80-х - начала 90-х гг.

1) Стало возможным префиксальное оформление слова *перестройка*. Нами зафиксированы в основном префиксы иноязычного (интернационального) происхождения, при этом важно отметить, что эти префиксы придают слову негативное либо завершительное значения:

а) *контр-*, выражающее противоположность тому, что названо мотивирующим существительным; примеры из статьи “*Контрперестройка*” ВЛАДИМИРА ОВЧИНСКОГО (НС, 1992, 5, 121):

Так свидетелями и участниками чего все мы явились? ‘Бархатной революции’? Перестройки? Построения демократического общества? Или процесса, который можно назвать *контрперестройкой*? *Контрперестройка* узаконила развал великого государства - СССР, а теперь уже и России. *Контрперестройка* - поставила в положение изгоев, лишила гражданства миллионы людей. *Контрперестройка* - заставила скитаться по белу свету сотни тысяч беженцев. *Контрперестройка* - позволила реанимировать фашизм. *Контрперестройка* - на долгие годы превратила в непримиримых врагов целые нации и народы.

Контрперестройка - привела на грань нищенского существования большую часть населения. *Контрперестройка* - обеспечила приоритет мафии ... *Контрперестройка* - разрушила хозяйственные связи, привела к угрозе голода, заставила страну встать на колени с протянутой рукой. *Контрперестройка* - расколола общество на враждующие группы, подвела к последней черте, за которой - гражданская война.

Здесь, кажется, названо все, что можно назвать.

б) *анти-* (выражает по существу то же самое, что и *контр-*):

Начинали революционную перестройку, а закончили *антиперестройкой* (из разговора).

в) *пост-*, выражающее действие, процесс после названного мотивирующим существительным:

Меняя не меняя, лучшего сериала, чем этот под известным на весь мир названием '*Постперестройка*' или "Бедняки тоже смеются", в мире нет (СР, 1992, 161, 4); Там, по сути, дана модель ельцинской *постперестройки* (Правда, 1992, 161, 4); С. Кургиян. Ответное действие. Меморандум клуба "*Постперестройка*" (заглавие статьи; НС, 1992, 7, 3); В Москве вышла книга В.С. Овчинского "*Постперестройка*" (из газет).

г) *недо-*, выражающее половинчатость, незавершенность; употребляется весьма редко; единственный русский по происхождению субстантивный префикс:

Недоперестройка со всей неумолимой логикой увенчалась *недопутчем* (Незав. газ., 1991, 43).

2) **С л о ж е н и я** замечены нами двоякого рода:

а) сложения с опорным компонентом, равным самостоятельному слову; препозиционный компонент в усеченном (*полу-* -от *половина* с интерфиксом *-у-*) или деформированном виде (*лже-* -от *ложь, ложный*); в обоих случаях слову придается негативный смысл:

Будем половинчатыми - будет *полуперестройка* (Е. ЕВТУШЕНКО; ЛГ, 1988, 19, 11.V, с.13); те, кто проектировал модель *лжеперестройки*, конечно, понимали, что путь к такой 'цивилизации' неизбежно приведет наше общество к распаду, разрухе и обнищанию (Правда, 1991, 58, 8. III.);

б) композитные структуры, состоящие из двух самостоятельных слов, при этом слово *перестройка* может быть либо в

постпозиции, либо в препозиции (так наз. дефисное сложение):

Наша *шестилетка-перестройка* дошла наконец да самой точки.
Демоны революции завели нас в трясину (ЛР, 1991, 22);

срав. также: *перестройка-переломка*, *перестройка-перестрелка* и под.

3) Раскрылись и суффиксальные потенции слова *перестройка*: стало возможным образование существительных со значением лица с помощью суффикса *-ник*: *перестроечник*, срав. в контексте:

Но какое же спасение в таком случае он видит для себя и для других 'качественных' *перестроечников*? (Дем. Рос., 1990, 4, 2); Эти очевидные истины понимают не только демократы, но и самые перестроечные *перестроечники* (там же).

Однако наряду с этим, в словообразовательном отношении верно произведенным существительным, стали достаточно часто употреблять в том же значении существительное *перестройщик*, образованное не от существительного *перестройка*, а от глагола *перестроить*. Несмотря на очевидную разность мотивирующих основ, в сознании пользующихся словом *перестройщик* оно связывается не только с глаголом *перестроить*, но и с существительным *перестройка* - своего рода 'народная этимология'. *Перестроечник* к тому же чистый окказионализм, что и не даст возможности ему успешно конкурировать с *перестройщик*.

Слово *перестройщик* зафиксировано в прошлом веке В. ДАЛЕМ и приведено в сочетании: "*Перестройщик* свадьбы, псков. расстройщик" (ДАЛЬ 1987: т. III, 86). В русских народных говорах это слово отмечено в Осташковском уезде Тверской губернии в 1855 г. со значением "тот, кто настраивает другого против кого-, чего-либо, склоняет к чему-нибудь" (Словарь РНГ 1991: 232).

В словари современного русского языка оно не попало (нет ни в Большом академическом словаре, ни в последнем издании 4-томного "Словаря русского языка"), что, видимо, следует понимать, как нехарактерность его для общерусского языкового сознания. При этом наличие его в народных говорах средней полосы России не приняли в расчет. Перестройка середины 80-х - начала 90-х гг. вернула из забвения это слово, придав ему социальную семантику. Слово активизировалось в употреблении, и сейчас его знают все. Станет ли оно нормативным - вопрос времени. Контекст употребления этого слова в современной печати достаточно пестр. В целом же это существительное приобрело негативную семантику. Показательно, что оно нередко сопровождается специальными оценочными маркерами, кото-

рые выполняют здесь предупредительную функцию: читателю дают заранее понять, что к слову и к тем, кто за ним стоит, следует относиться как к чему-то неистинному, неискреннему, нестоящему. В качестве маркеров могут выступать:

а) *кавычки*, срав.:

Могут найтись и такие '*перестройщики*', которые захотят пойти впереди прогресса (ЛГ, 1987, 12, 18.П.); Другая часть '*перестройщиков*' - люди беспринципные, бессовестные..., большая часть '*перестройщиков-демократов*' - люди, до конца не понимающие смысла происходящего (День, 1992, 20, 5); Судорожно цепляются '*перестройщики*' за любой повод (РВ, 1992, 8, 7);

б) словосочетание *так называемый (-ые)*, срав.:

Так наз. перестройщики явно промахнулись - капитализм западного образца у нас не пройдет! (БОРИС ОЛЕЙНИК; Князь тьмы, 19);

в) *адъективы-определения*, как правило, с отрицательной семантикой:

Но присмотримся к психологии "*челночных перестройщиков*", снующих туда-сюда из СССР в Америку и обратно (МИХАИЛ ЛОБАНОВ; НС, 1991, 11, 9);

г) *другие слова*, подчеркивающие соседством или связью стилистическое употребление слова *перестройщик*, срав.:

Вот валят в перестройщики толпой, хоть всем им наплевать на перестройку; *Первая команда перестройщиков* при помощи разоблачений коммунистической власти деморализовала государственный аппарат и легализовала теневую экономику... (День, 1993, 1); *Перестройкой и перестройщиками созданы бандитские экономические отношения* (ЛР, 1991, 22);

Перестройщики о нас
здорово заботятся.

Отдыхай, рабочий класс,
нынче безработица.
(СР, 1992, 163, 29.ХП)

'Ироническим' маркером может стать и само слово *перестройка*, срав. выражение поэта Е. ЕВТУШЕНКО: *Перестройщики перестройки* (ЛГ, 1987, 43, 21.Х, с. 5).

Активизация употребления была главной причиной того, что стали раскрываться словообразовательные и ассоциативно-семантические возможности существительного *перестройщик*:

а) особенно раскрылась его левая сторона, препозиционная ‘вакансия’ за счет возможности оформления префиксами и собственно русского и интернационального происхождения. Показательно, что все зафиксированные нами префиксы не приносят в слово *перестройщик* позитивной семантики, напротив, они как бы усиливают и без того заложенное отрицательное значение в самом слове. Префикс *сверх-* и синонимичный в данном случае ему *ультра-* выражают чрезмерную ретивость, имитацию деятеля перестройки, срав.:

Нас всех сваливают в одну кучу: и тех, кто верно служит политике партии и перестройке, и тех, кто пытается подорвать эту перестройку, тем или иным путем выдавая себя за *сверхперестройщиков* (Правда, 1989, 264, 21.IX, с. 4); Есть экстремисты, есть *ультраперестройщики*, *сверхрадикалы*, *популисты* (Правда, 1989, 264, 21.IX, с. 3).

Поэт Е. ЕВТУШЕНКО пытается вложить в слово *перестройщик* позитивный смысл, что следует признать окказионализмом; при этом он противопоставил ему это же слово с префиксом *анти-*:

Между *перестройщиками* и *антиперестройщиками* есть, к сожалению, немногочисленная группа, которую я назвал бы ‘нойщиками’; *Антиперестройщики* доносительно пытаются интерпретировать нашу молодую, но уже мужающую гласность, как дискредитацию завоеваний социализма (ЛГ, 1988, 19, 11.V, с. 13).

Этот прием, мы бы сказали, семантико-словообразовательного контраста в дальнейшем не получил поддержки.

б) Существительное *перестройщик* легко вступает в композитные отношения:

Партократы, быстро перекусившиеся в ‘*перестройщиков-либералов*’ и ‘*демократов-реформатов*’, пытаются перевалить свои собственные преступления... на плечи русского народа (РВ, 1992, 10, 13); срав. также: *демократы-перестройщики* или *перестройщики-демократы* и под.

На ассоциативно-семантической основе базируется синонимичное суффиксальное существительное со значением лица *переустроитель*, образованное от глагола *переустроить* в значении “устроить по-новому, иначе, на других основаниях”:

Это предусматривалось планами *переустроителей* мира по-американски... (ЭДУАРД ВОЛОДИН; СР, 1992, 163, 29.XII); *переустроителям* Отечества удалось нащупать неизвестные фигуры, которые потом всплывали в межрегиональной группе. (АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ, ИС, 1992, 6, 126).

Кстати, Большой академический словарь (БАС 1959: т. 9, стлб. 964-965) и 4-томный "Словарь русского языка" (Словарь РЯ 1984: т. 3, 103) фиксируют лишь *переустроить* ~ *переустроиться*, *переустроивать* ~ *переустроиться*, а также *переустройство*.

Наивысшая степень негативного заряда, вызываемого словом *перестройщик*, достигается на базе ассоциативно-словообразовательного приема, т.е. поиска схожих словообразовательных моделей, создающих слова близкой семантики. Реализуется, таким образом, словообразовательная перекличка и в то же время семантическая связь, срав. *раскройщик*, т.е. *раскрой(ть) + -щик = перестрой(ть) + -щик*, *перекрещенн(ый) + -ец*, *перерожденн(ый) + -ец = перестрой(ть) + -щик*. В контексте:

Как бы ни уверяли вас нынешние '*раскройщики*' истории, что дружба наших народов держалась на штыках имперской армии и на идеологическом аркане, я и многие мои ровесники не можем принять такое утверждение за чистую монету (РВ, 1992, 39, 5);
срав. также: *переломищики* (обычно во множ. числе);
И у нас есть *перекрещенцы*. Чтобы скрыть свою трусость и страх, доказать верноподданничество новой власти, они становятся яркими антикоммунистами (Правда, 1992, 81, 16.VI, с. 1); *Перерожденцы* и псевдодемократы ведут страну к катастрофе (Молния, 1991, 29, 3).

4) С помощью контаминации на базе непрефиксальной части основы *перестройк* - возникли окказионализмы субстантивного образования, так же как и в предыдущих случаях, с негативной семантикой. Наиболее часты контаминированные существительные:

а) *катастройка* < *ката*-строфа + *пере-стройка*, выражающее значение провала перестройки, катастрофического ее последствия:

Да, возможна '*катастройка*' (ЛГ, 1991, 18, 6.V); Некоторые злопыхатели доходят до того, что перестройку, ваше любимое и непредсказуемое детище, называют *катастройкой*, контрперестройкой и даже контрреволюцией (Полож. дел, 1991, 3,3); ... И только сейчас, в 1992 году, начинаю понимать то, что предвидел писатель В. Белов еще задолго до нынешнего триумфа *катастройки* (ИС, 1992, 8, 188); Даже время '*катастройки*' рассчитали... (РВ, 1992, 45-48, 5); Почему же на нее решился опытный политик, мастер лавирования и подстрекательств, последовательный идеолог [Александр Яковлев] трансформации перестройки в *катастройку*? (Правда, 1992, 187, 2);

срав. также названия статей с этим контаминированным образованием:

Как готовилась '*катастройка*'. Заметки кинокритика (НС, 1991, 10, 175); *Катастройка*: 'реального социализма' в Европе? (Нов. речь, 1990, 3, 1);

- б) *горбостройка* < *Горб*-ачев + *-о-* + *пере-стройка*, выражающее специфику перестройки, связанную с ее инициатором и одновременно подчеркивающую скепсис и недоверие к нему. Чаще всего контаминированным субстантивом пользуется оппозиционная печать:

Наблюдая в дальнейшем за маразматическим процессом '*горбостройки*' в стране, я стал замечать, что говорится одно, а делается все совершенно другое; В осуществлении своих антинародных идей организаторы '*горбостройки*' опирались на знание психологии индуцирования масс (из газет); Грабители - прорабы *горбостройки* (День, 1992, 17, 8);

Ветеран поел картошки,
попросил:
- Еще немножко...
Горбостройку матеря....

сгрыз кусочек сахара,
нацедил воды из крана -
вот и ужин ветерана.
(СР, 1992, 10.IX, с. 2)

- в) *порностройка* < *порно*-графья + *пере-стройка*, показывающее, какое направление жизни активизировала перестройка:

Порностройка. Из письма в парижский корпункт "Литературной газеты": "Секс и перестройка". (ЛГ, 1990, 14.XI).

И совсем ужokkaзиональным является контаминированное образование *зинестройка*, бытующее, по утверждению газеты "Правда", в Тунисе - от первой части арабского имени президента этой страны *Зин* аль-Абидин бен Али + *-е-* + русское *пере-стройка*:

... В Советском Союзе гремела перестройка. Наше слово, популярное в мире, так понравилось в Тунисе, что начавшиеся перемены нарекли '*зинестройкой*' - по имени президента и, соответственно, русского '*перестройка*' (Правда, 1992, 162, 3);

срав. название самой статьи: "Плоды '*зинестройки*'".

Говоря о субстантивных потенциях слова *перестройка*, нельзя не отметить, что под его давлением произошли семантические сдвиги в ряде родст-

венных (однокоренных) слов, в частности, приданием им социально окрашенного значения, срав.:

Ведь мы же не зря называем революционные процессы, идущие в нашем обществе, не *достройкой*, не *пристройкой*, не *надстройкой*, а *перестройкой*. Речь должна идти не о том, чтобы к старому зданию пристроить один-другой флигель или надстроить один-два этажа, а о том, чтобы пересмотреть весь чертеж (ЛГ, 1988, 18.V).

Необычной является попытка разграничить рассматриваемое социальное событие для старшего и молодого поколения, срав.:

Для нас - перестройка, для молодых - новостройка (ЮРИЙ МУШКЕТИК; ЛГ, 1987, 19, 6.V).

И это верно: старшие перестраивают то, что построили, а для младшего поколения все это - новое действие, нечто вроде новостройки...

Существительные *достройка*, *пристройка*, *надстройка* и глаголы *пристроить* и *надстроить* семантически явно соотносятся с 'социальным значением' существительного *перестройка* и глагола *перестроить*. Семантическое давление слова *перестройка* идет далеко - оно распространяется теперь и на неродственные слова, на входящие в одну с ним лексико-словообразовательную парадигму, т.е. в отглагольные существительные с суффиксом *-к(а)*. Слова этого ряда как бы притягиваются в качестве стилистически маркированных контекстуальных синонимов для слова *перестройка*, однако, как правило, они лишены позитивного семантического заряда. Таким образом, и здесь мы видим, что импульсы (в данном случае семантические), исходящие от слова *перестройка*, находят наиболее благодатную почву в зоне негативной семантики. *Перестройку* сравнивают с социальной *перетряской* и даже *переломкой*:

Премьер-министр энергично взялся за "*перетряску*" своего кабинета (Известия, 1991, 57, 8.III, с. 2); А уже в 1987 году *перестройка* перешла в *перетряску* (Правда, 1992, 17.X); Нынешнюю *перестройку* точнее было бы назвать *переломкой*, 'производители работ' которой пытаются обратить в руины все (ЛГ, 1991, 23, 7.VI, с. 2);

срав. также вместо *переломка* - *переломный период*:

Страна переживает *переломный период*. И каждый из нас должен реально оценить свои возможности (Огонек, 1989, 19, 5).

Сюда же примыкает и *перекройка*, но в обнаруженном нами примере это слово употреблено с отрицанием 'не', срав.: "*Перестройка - не перекройка*. О межнациональных отношениях в современном мире" (название статьи; ЛГ, 1988, 24.VIII, с. 10).

Формальный характер перестройки, не затрагивающий существа общественного строя, обозначен словами *перекраска* и *перелицовка*:

Перестройку хотят они подменить *перекраской* (Е. ЕВТУШЕНКО; Известия, 1988, 26.III); Простой *перелицовкой* и даже капитальным ремонтом тут было не обойтись (Огонек).

Срав. также 'графическое решение' значения:

Да, правила рублевого тоталитаризма именно таковы. И это будет уже настоящая *переСТРОЙка*, т.е., изменение общественного строя (ЛГ, 1991, 18, 6.V).

На эту же сторону перестройки указывает и слово *пересадка* (но в более конкретном значении):

Не зря же некоторые деятели саму *перестройку* пытаются превратить в привычную '*пересадку*' с одной должности на другую. '*Пересадили*' - значит, прошлое забыто? '*Пересели*' - значит, полностью *перестроились*? (РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ; ЛГ, 1987, 15, 8.IV).

Разрушительные последствия социальной перестройки выражены сложением типа *перестройка - перестрелка*:

Итак, год 1986: начало *перестройки-перестрелки*. Никто еще не знал, чем она закончится. Узнали в 1989 году, когда в ряде регионов погибли люди (Правда, 1992, 183, 4).

Социальная семантика негативного свойства была 'навязана' и слову *перестрой*, которое в прошлом веке зафиксировал В. ДАЛЬ (см. выше):

И, согласитесь, последние 5-6 лет '*перестрой*' многими фрагментами, действующими лицами и исполнителями поразительно совпадают с визиями святых отцов (Б. ОЛЕЙНИК, Князь тьмы, 60); В бой вступив за *перестрой*, "Агропром" и "Агрострой" дали выстрел холостой (НИКОЛАЙ РОЗАНОВ; Эхо, 1992, 4, 6); Нынче мы переживаем 'позтапный *перестрой*', 'политическим' движемся маршрутом, 'уголовный' - запасной... (СР, 1992, 78, 1).

'Притянута', как и в случае с *перестройщик - переустроитель*, и существительное *переустройство*:

Переустройство должно происходить в направлении расширения и прав, и полномочий территорий; Для успешного *переустройства* надо принять несколько исходных постулатов... (ЛГ, 1989, 31, 2.VIII).

Б. Адъективные потенции существительного *перестройка*

Мы уже обратили внимание на то, что от существительного *перестройка* в архангельских говорах зафиксировано прилагательное *перестроечный* с неясным значением. Однако ни в XIX, ни в XX в. в словари литературного языка это прилагательное не попало, что говорит о его узко локальном и, вероятно, окказиональном употреблении. Однако именно это дает возможность высказать мысль о том, что существительное *перестройка*, впервые зафиксированное в XVII в. и подвергнутое лексикографической обработке в начале XVIII в., точнее - в 1704 г. в словаре Ф. ПОЛИКАРПОВА, функционировало с адъективной частеречной потенцией, но эта потенция не была в достаточной мере 'разбужена' и раскрыта из-за отсутствия социальных стимулов. Социальная перестройка конца XX в. эти потенции реализовала (вряд ли кто из инициаторов и протагонистов перестройки, живших и живущих в столицах, знал об областном адъективе *перестроечный* да еще с неясным значением!). Прилагательное стало активно употребляться, связываясь с существительными различной семантики - от более или менее нейтральных до стилистически маркированных. Срав. такие примеры:

Я бы вас просил проявлять больше компетентности в освещении *перестроечных процессов* (ЛГ, 1988, 19, 11.V); Пока же на имеющихся недостатках в руководстве *перестроечным процессом* спекулируют силы, стремящиеся сконструировать в обществе параллельные политические структуры. Это факт (Правда, 1989, 264, 21.IX, с. 4); Хотя, замечу, авторы этой идеи еще вчера утверждали: *перестроечный процесс*, мол, необратим... (Б. ОЛЕЙНИК; Правда, 1990, 296, 23.X).

Срав. также и такую связь с существительными:

Управленец среднего звена - это как раз тот самый тормоз, который сдерживает все здоровые *перестроечные начинания* (КП, 1988, 247, 28.X); Аппаратчики быстро научились обходить *перестроечные ногищи* (ЛГ, 1987, 40, 30.IX, с. 13)

Общество, страна, школа, демократия и даже *журналистика* стали *перестроечными*:

Перестроечное общество бурлило: гневались ветераны, обижались репрессированные, роману-анекдоту аплодировали приверженцы демократических преобразований... (из газет); Такова практика нашего *правительства* - сперва коммунистического, потом '*перестроечного*' (вся деятельность Горбачева), наконец - демократического: Ельцина, Кравчука и иже с ними (ДМИТРИЙ БАЛАШОВ; ИС, 1992, 8, 3); Произведения В. И. Белова и поставленные по ним фильмы сравнимы, к примеру, с гражданской поэзией Некрасова (которого уже не изу-

чают в *перестроечной школе*) ... (НС, 1992, 8, 192); Стыдно за нашу *перестроечную демократию*, все чаще приобретающую звериный оскал (Огонек); Не случайно Т. Иванова - рупор общего мнения в стане *'перестроечной' журналистики* - выступила с предложением выпустить из тюрьмы Осташвили (НС, 1991, 1, 189).

Появились даже *перестроечные герои и авангард*:

Каждые 30-40% *'перестроечных героев'* работали на КГБ [Комитет государственной безопасности СССР], а потом стали вести двойную, тройную игру (вернее, антиигру) (НС, 1992, 5, 125); А еще года два-три назад шумели, громко о себе заявляли, в провозвестники резкого *перестроечного авангарда* метили. Что их за рубеж поволокло? (из газет).

Оценочные маркеры прилагательного *перестроечный* в виде кавычек для существительных *правительство, журналистика, герои* призваны как бы предупредить читателя о *'ненастоящности'* соответствующих понятий и стоящих за ними реалий. Однако нередко постановка маркеров носит индивидуальный характер, т.е. зависит от пишущего:

Академик Заславская была поймана на своем новом взлете буквально за *'перестроечные'* крылья публицистом А. Салуцким, что и не позволяет *'мачехе'* *'неперспективных'* деревень восседать ныне в первых *перестроечных рядах* (НС, 1991, 8, 190).

Прилагательное *перестроечный* активно используется для характеристики промахов перестройки, срав.:

Не случайно если слегка поскрести забойщиков радикальных перемен по части собственности, под *перестроечным гримом* сразу же обнаружатся подпольные или официальные угодники брежневской эпохи (НС, 1991, 2, 184); Да и можно ли, согласитесь, *перестроечной 'заплатой'* прикрыть прорехи закона, защищавшего когда-то самый что ни на есть застой? (ЛГ, 1988, 19, 11.V); не хотят, чтобы *перестроечная масленица* стала великим постом (День, 1991, 26, 8-14.XII); *перестроечные видоизменения* и под.

Сама перестройка называется *перестроечной кампанией*, чем подчеркивается ее временность, непродуманность и разрушительный характер:

Размышляя ныне о *'достижениях'* *перестроечной кампании* - разрушенной экономике, голоде, бесчисленных жертвах кровавых конфликтов, невольно хочется перефразировать известные строки А. Пердрева... (ЛР, 1992, 47, 11).

Стали писать и говорить о *перестроечном языке и уже - истории*:

На *перестроечном* языке это свойство называлось 'новым мышлением' или искусством компромисса (КП, 1992, 199); У нас уже есть своя *история - перестроечная* - трудная, сложная, ее надо раскрывать (ЛГ, 1988, 19, 11.V).

Помимо весьма широких сочетаемостных возможностей, прилагательное *перестроечный* раскрыло в перестройку и свои словообразовательные потенции в левой своей части, т.е. потенции префиксальные. К этому прилагательному могут присоединяться практически все те же префиксы, что и к существительным *перестройка* и *перестройщик*. В нашем материале нет лишь прилагательного с префиксом *сверх-*, хотя оно возможно: *сверхперестроечный* (срав.: *сверхперестройщик*). Однако префиксальное разнообразие прилагательного *перестроечный* значительно богаче, чем соответствующих существительных. Соотносительность префиксов существительных и префиксов прилагательных в целом можно представить таким образом: *антиперестройка - антиперестроечный, контрперестройка - контрперестроечный, постперестройка - постперестроечный, полуперестройка - полуперестроечный, ультраперестройщик - ультраперестроечный*. В плане направления словопроизводства можно, конечно, отталкиваться от существительного: *антиперестройка - антиперестроечный, постперестройка - постперестроечный* и т.д., т.е. представить этот процесс как суффиксальный. Однако с меньшим основанием его можно, видимо, квалифицировать, как внутричастеречное (внутриадъективное) словопроизводство, т.е. *анти- + перестроечный, контр- + перестроечный* и т.д., на что особенно наталкивает ситуация с существительными со значением лица, деятеля, срав.: *ультраперестройщик, но ультраперестроечный, антиперестройщик, но антиперестроечный* и под. Мы допускаем также, что при словообразовательном процессе участвовали ассоциации с соответствующими префиксальными существительными в целом и с готовыми префиксами как самостоятельными элементами для той и другой части речи, т.е. 'оглядка' была и на существительное *антиперестройка* и на префикс *анти-*, способный употребляться и с прилагательным, и с существительным. К префиксам с противоположным значением *анти-* и *контр-* добавилось также синонимичное собственно русское *противо-*, не зафиксированное с соответствующими существительными (т.е. с *перестройка, перестройщик*).

а) *антиперестроечный*:

Процесс нормализации тормозят *антиперестроечные* силы, преступные элементы (Известия, 1988, 23.X); Задержал немного внимания на последних строках, на первый взгляд вроде бы *антиперестроечных* (ПС, 1991, 1, 170); И справедливо публикация в "Советской России" от 13 марта названа идейной платформой, манифестом *антиперестроечных* сил (Известия, 1988, 169, 17.VI); С какими бы платформами ни выступали *антиперестроечные* силы, им не удастся повести общество за собой (группа пи-

сателей; ЛГ, 1988, 16, 20.IV); *Антиперестроечные* силы в республике не спят (ЛГ, 1988, 23, 8.VI); скрыть свои *антиперестроечные* позиции (Огонек, 1989, 3, 9); 'Радикальные демократы' обозначили свою *антиперестроечную*, деструктивную сущность (Правда, 1991, 30, 4.II);

б) *контрперестроечный*:

На данном примере я попытался показать, как, говоря языком военных летчиков, в *контрперестроечный* процесс запускается 'фальшивая цель' (НС, 1992, 5, 133);

в) *ультраперестроечный*:

Размахивая *ультраперестроечным* знаменем, редакция "Огонька" все больше смещается вправо, ибо перестраиваем мы все-таки социализм (Огонек, 1989, 41, 3); Иные *ультраперестроечные* деятели уверены, что мы сами, своими руками подпишем трагический приговор Отечеству (ЛР, 1991, 11, 15.III);

г) *противоперестроечный*:

Подвинули меня на это письмо события 'обменного обмана', которые слились воедино с другими актами *противоперестроечного* характера (Известия, 1991, 14.III).

Время до наступления перестройки обозначается двумя синонимичными префиксами *до-* и *пред-* присоединением к прилагательному *перестроечный*; с субстантивными формами этот префикс нами не отмечен (если не считать случая с *достройка*, где, кстати, префикс *до-* выступает с иным значением). Эти префиксальные прилагательные обычно присоединяются к существительным с темпоральным значением, однако не только: они могут также характеризовать объект или явление.

д) *доперестроечный*:

Приходят люди со стереотипами и закомплексованностью *доперестроечного* времени (ЛГ, 1988, 19, 11.V); В мрачные *доперестроечные* времена вопрос о национальности считался совершенно интимным и интересовал только зануд из отдела кадров (РВ, 1992, 10, 3); Чистой воды *доперестроечное* явление. В городе есть сырзавод, но нет сыра (Известия, 1988, 21.X); Кстати, 'функционер' расшифровывается энциклопедическим словарем как "работник партийных и профсоюзных организаций" с осторожным *доперестроечным* добавлением: "в некоторых странах" (Огонек, 1989, 14, 21); Разве это не возвращение к *доперестроечной* выборной системе, когда собранию 'спускались' кандидаты, а оно лишь разыгрывало выдвижение? (Огонек, 1989, 33, 4);

е) *предперестроечный*:

Разве была похожа *предперестроечная* Литва на колонию? Какие оккупационные власти позволили бы находиться на подавляющем большинстве руководящих постов представителям коренного населения? (Правда, 1990, 16.XI); Если в *предперестроечные* годы осваивали Древний Подол [в Киеве] ... и разобрали более 200 домов в месте, 'откуда есть пошла земля Русская', то теперь строительный зуд охватил Старокиевские горы (РВ, 1992, 45-48, 8); А у подавляющего большинства населения страны за 68 *предперестроечных* лет сознательно или подсознательно сформировалось, скажем, положительное отношение к этому слову (НС, 1991, 1, 170);

ж) *постперестроечный*:

Благодаря стараниям А. Яковлева, А. Янова, А. Нуйкина, О. Лациса, в обиход *постперестроечного* лексикона быстро вошло сочетание 'красно-коричневые' (НС, 1992, 5, 128); Новая, перестроечная, плеяда, разорвав союз, перессорив писателей, погубив многие из культурных начинаний, хочет, когда завершится лукавый период перестройки, перескочить в новый, *постперестроечный*, дабы снова главенствовать, управлять, делать свой внелитературный политический бизнес (День, 1991, 8);

з) *послеперестроечный* (префикс *после-* составляет конкуренцию интернациональному *пост-*):

Дело в том, что *послеперестроечная* система не вырастает естественным образом из прошлого, из административного социализма (Огонек, 1991, 51, 5);

и) *полуперестроечный*:

На пленуме мы не можем ограничиваться половинчатыми, *полуперестроечными* решениями (Правда, 1989, 264, 21.IX, с. 6).

Прилагательное *перестроечный* может входить в композитные отношения, занимая препозицию, как в наших примерах:

Страна, в которой почти все партии одержимы *перестроечно-реформаторским* зудом, обречена на смуту (НС, 1991, 5, 3); Именно в '*перестроечно-плюралистический*' период нашей истории разговор о русском самосознании требует немалого мужества (РВ, 1991, 1, 13).

Однако место прилагательного *перестроечный* в таких образованиях строго, вероятно, не может быть фиксировано. Допустима и постпозиция,

срав.: *реформаторско-перестроечный* зуд, *плюралистическо-перестроечный* период и т.д.

Как и в случае с существительными *перестройка* и *перестроечник* (-щик), прилагательное *перестроечный* так же оказывает семантическое давление на другие прилагательные, срав.: *переломная* фразеология, т.е. *перелом- + -н-ый* (семантическая связь: *перелом* = *переломка* = *перестройка*); *пересмотровый* бум, т.е. *пересмотр- + -ов-ый*. Примеры из текста:

Пользуясь *переломной* фразеологией, побивая все и вся, они нередко уходят так далеко то вправо, то влево, что их уже и вовсе не видно (Б. ОЛЕЙНИК; ЛГ, 1987, 19, 6.V); В периодической печати (ЛГ, 1988, 6, 10.II, с. 5).

Наконец, несколько слов о грамматических свойствах прилагательного *перестроечный*, в частности, о возможности образовывать степени сравнения. Это, конечно, окказиональная возможность, и она зафиксирована нами в виде аналитической формы превосходной степени:

Эту очевидную истину понимают не только демократы, но и *самые перестроечные* перестроечники (Дем. Рос., 1990, 4,2).

Возможна, вероятно, окказионально-сравнительная форма типа *перестроечнее*, т.е. синтетическая, но в наших материалах она отсутствует.

В. Адverbиальные потенции исходят от прилагательного *перестроечный*. Нами отмечено наречие с префиксом *по-* и застывшей формой прилагательного в дательном падеже:

И пошли гулять по французским экранам девицы из московских малогабаритных альковов!... *Секс по-перестроечному* - это пока что на Западе дефицит (ЛГ, 1990, 14,11).

Окказионально возможны также: *меню по-перестроечному*, *звучит перестроечно* и под. (из разговоров).

Г. Фразеологические потенции слова *перестройка*

Популярное слово и его производные, слово 'у всех на устах', приобретает не только словообразовательные или семантические связи, но и является 'строительным материалом' для фразеологических единиц, вернее, устойчивых неидиоматических сочетаний. И здесь показательным является то, что формируются преимущественно фразеустойчивые поля или гнезда негативного содержания. Мы касаемся здесь одного фразеогнезда с первым компонентом - существительным со значением лица, деятеля, т.е. инициатора (или инициаторов), проводника (или проводников) перестройки, т.е. модели Сим.п. + Срод.п. (где С - существительное). Нередко они снабжены оценочными маркерами в виде кавычек. Устойчивые сочетания, о ко-

торых пойдет речь, особенно популярные в оппозиционной печати. Приведем собранный нами материал:

а) *архитектор(ы) перестройки*, *'архитектор(ы) перестройки'*, *архитектор(ы) катастрофики*:

Что касается *'архитектор(ов) перестройки'*, то они избраны нардепами (народными депутатами) в местных организациях [КПСС], из которых сочли за благо вовремя утечь (ЛР, 1991, 46, 15.XI); *'Архитекторы перестройки'* без усталости боролись за *'общечеловеческие ценности'*, навязывали своему народу новые представления о нравственно допустимом и оправданном (НС, 1992, 5, 122).

Нередко наблюдается стремление выделить *'главного'* архитектора, т.е. М. С. ГОРБАЧЕВА: самый главный *архитектор перестройки* (из газет).

б) *'отец перестройки'*:

Не поленитесь поднять старые газетные подшивки, чтобы увидеть, как от пленума к пленуму, от съезда к съезду менялась терминология Горбачева. Но при этом суть даже самых пространственных выступлений *'отца перестройки'* оставалась прежней: слова, помноженные на слова, в которые зачастую можно вложить полярные смыслы (из газет);

в) *учителя по перестройке* (т.е. Сим.п. + по + Сдат.п.), *учителя перестройки*:

Похоже, что ошиблись мы в *учителях по перестройке*, а ошибки надо признавать (Правда, 1988, 335, 30.XI);

г) *прорабы перестройки*, *'прорабы перестройки'*; *'прорабы смуты'*, *'прорабы духа'*:

'прорабы перестройки', ставшие благодаря поразительной для *'свободных творцов'* настырности и изворотливости народными депутатами (ЛР, 1991, 39, 27.IX); успевают только любимые нашими *'демократическими'* советами *'прорабы перестройки'* и возглавляемые ими коллективы вроде концерна "Бутэк" (СР, 1991, 54, 16.III); При всем своем декларируемом антикоммунизме и антибольшевизме сами *'прорабы перестройки'* остаются в целом в рамках большевистского мышления образца 1917 года (ЛР, 1991, 15, 12.IV); Подручные *'прорабов перестройки'* настойчиво внимают сбиту с толку мирянину, что духовность, мол, сокрыта вся в *'культуре'*, подразумевая под последней засиженные *'демократами'* кино, музыку, театр, живопись и т.д. (РВ, 1992, 12, 16); Тот состав Политбюро ЦК КПСС, который имену-

ют сегодня *прорабами перестройки*, 3 мая 1990 г. признал фактическую невозможность создания РКП [Российская коммунистическая партия] и предлагал меры, как воспрепятствовать этому процессу (Правда, 1992, 17.X); Статья “Вперед, к большевизму, или о *прорабах смуты*” вскрывает реалии сегодняшней демократии (ЛР, 1991, 15, 12.IV); А что же перестроившиеся в ‘демократические’ колонны ‘*прорабы духа*’? (ЛР, 1991, 19, 13.V); Будущие ‘*прорабы духа*’ воспевали ‘развитой социализм’ только что не верлибром (День, 1991, 26, 8-14.XII); Не продохнуть от ‘*прорабов духа*’, которые вчера только славили развитой и зрелый социализм (из газет).

Может возникнуть редукция словосочетания до *прорабы*, срав. строки из стихотворения “Вот уходят русские с Кавказа” ВАЛЕНТИНА СОРОКИНА:

О, давно задуматься пора бы:
 Не унять врага натурой кроткой!
 За терпенье платят нам ‘прорабы’
 Голодом, разрухой и водкой.

д) ‘*конструкторы перестройки*’, ‘*конструкторы катастрофы*’:

Другой, указывающий на это знак, - реакция ‘*конструкторов катастрофы*’ и прежде всего указ президента (ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ; Правда, 1992, 159, 2);

е) ‘*мастера и гроссмейстеры перестройки*’:

Веселитесь, ‘прорабы духа’, ‘*мастера и гроссмейстеры перестройки*’, ведите всех нас, убогих, к общечеловеческим ценностям! (Э. ВОЛОДИН; СР, 1991, 54, 16.III);

ж) ‘*бригадиры перестройки*’, ‘*бригадиры катастрофы*’:

Нетрудно заметить, в какую глубокую бездну целенаправленно ввергли общество ‘архитекторы’, ‘прорабы’ и новоявленные нахрапистые ‘*бригадиры катастрофы*’ (РВ, 1992, 14, 5);

з) Украинскому писателю Б. ОЛЕЙНИКУ принадлежит выражение *соловы/петухи перестройки*:

А ведь многовато появилось у нас, кроме *соловьев*, уже и *петухов перестройки*, которым главное - пропеть, а там - хоть и не рассветай (ЛГ, 1987, 19, 6.V, с. 2).

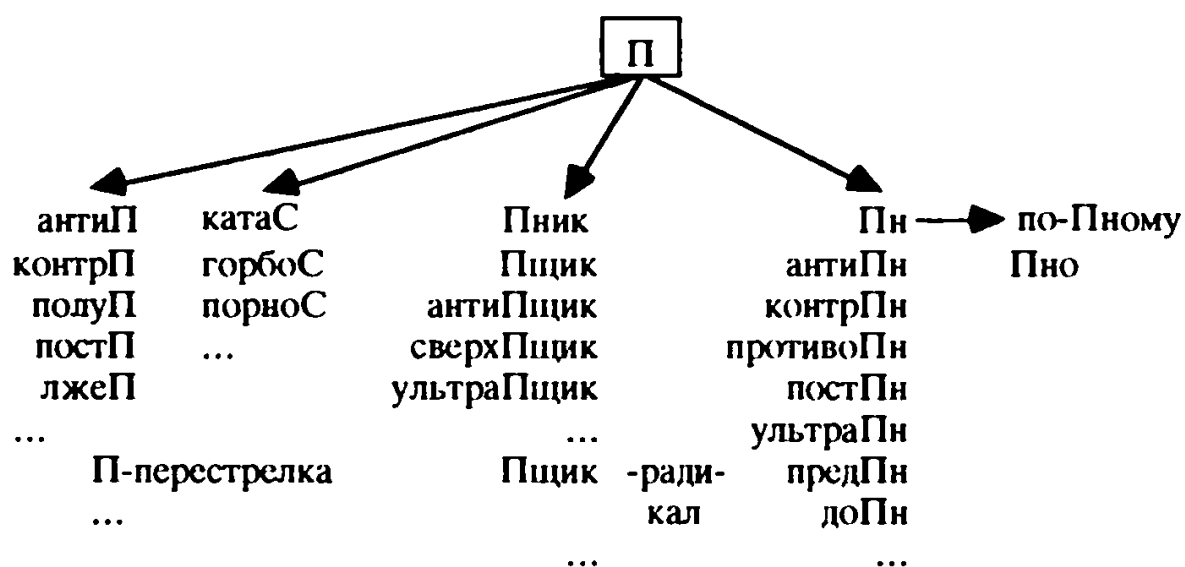
Срав. также ‘набор’ (‘букет’) инициативных деятелей перестройки в при-
 мере:

Эти молодые..., описанные В. Беловым задолго до прихода к власти архитекторов, прорабов и 'ценных псов' перестройки, - несомненно, ее опора и надежда (РВ, 1993, 2, 16).

Приведенные устойчивые сочетания со стержневым компонентом *перестройка* исходят из оппозиционного лагеря, в конечном счете не принявшего перестройку в таком виде, в каком она реально протекала. В демократическом лагере популярными были выражения типа *противники перестройки*, *враги перестройки* и даже (см. выше) *убийцы перестройки*.

Проанализированные гигантские по масштабам словообразовательные, семантические и фразеологические потенции слова *перестройка* можно представить схематически:

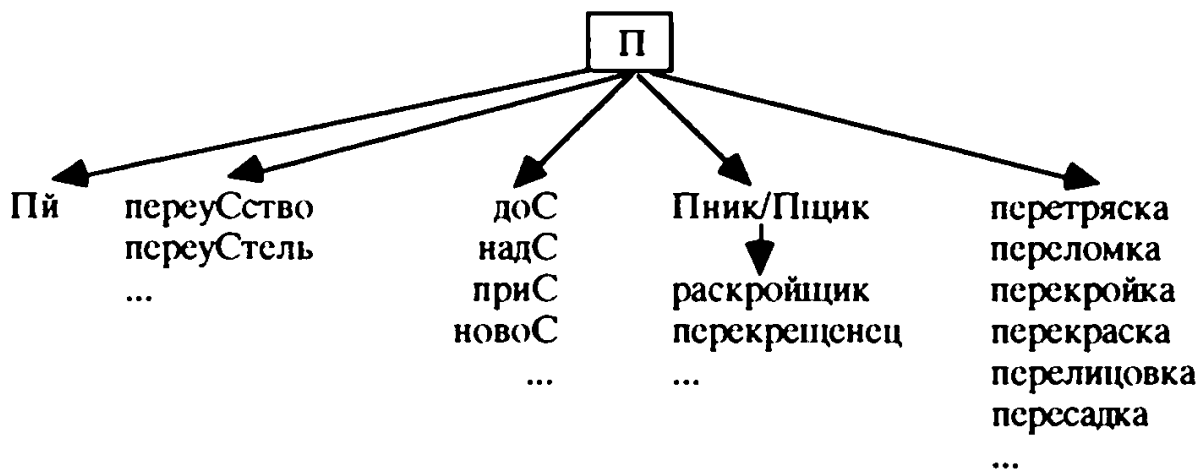
а) словообразовательная парадигма:

Где: П - *перестройка*, Пник - *перестроечник*, Пщик - *перестройщик*, Пн - *перестроечный*, С - *стройка*.

Схема отражает 25 новых слов, построенных на базе основы *перестройка* с помощью различных словообразовательных способов, - префиксального, суффиксального, префиксально-суффиксального, сложения и контаминации, при этом 'три точки' (...) под каждой из подпарадигм означают, что возможно ее, подпарадигмы, пополнение за счет новых компонентов (разъяснения относительно слов *перестройщик* и *перестроечный* см. выше). Стоит задуматься: 25 новообразований от одной основы за столь непродолжительное время - всего за 6-7 лет!

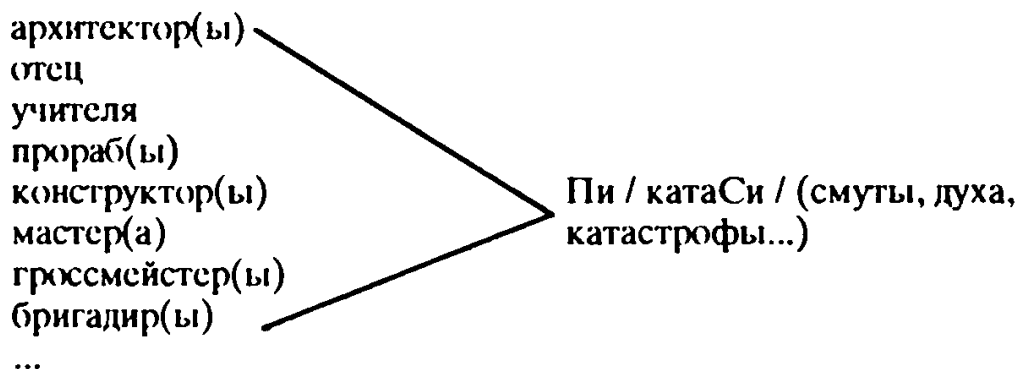
б) воздействие социального семантического заряда слова *перестройка* на родственные и неродственные слова:

Где: Пй - *перестрой*, С - *строй* (во 2-й подпарадигме) и *стройка* (в 3-й подпарадигме).

Семантическое давление в наших материалах испытали на себе три родственных и 12 неродственных слов, в целом - 15. Совершенно очевидно, что потенциальные возможности здесь до конца еще неисчерпаны.

в) устойчивые неидиоматические сочетания по модели Сим.п. + Срод.п. (семантически Сим.п. - лицо, деятель, Срод.п. - объект действия):

Где: Пи - *перестройки*, катаСи - *катастрофы*.

Из сказанного можно сделать вывод: сила социального воздействия на отдельные единицы и блоки языка в определенный момент истории может быть чрезвычайно результативной, что и демонстрирует интересовавшая нас здесь субстантивная основа *перестройк-*. Парадокс ситуации заключается в том, что с затуханием социальной встряски, обозначенной как *перестройка*, 'затухает' буквально на глазах и лексическая доминанта, зацветившись лишь на мгновение 'всеми цветами радуги' ('цветом' словообразовательным, семантическим и сочетаемым). Однако это весьма результативное мгновение чрезвычайно важно как для носителей русского языка, их языкового сознания, так и для теоретических размышлений

языковеда-профессионала. Затухает интенсивность использования, можно сказать, началась медленная, но неуклонная архаизация суперслова политического языка конца XX столетия, но остается его яркая, хотя и короткая, история.

-
- ЯГИЧ 1897 - И. В. ЯГИЧ. Заметки о рукописном словаре немецко-русском XVII столетия. - Известия ОРЯС, т. 2, 1897, кн. 2.
- Словарь XI-XVII - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 14. - М.: Наука, 1988.
- ПОЛИКАРПОВ 1704 - Ф. ПОЛИКАРПОВ. Лексикон треязычный, сиречь речений славянских, еллинских и латинских сокровище. - М., 1704.
- Лексикон российский 1762 - Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все слова российского алфавита. Ч. 1-2. - СПб., 1762.
- ГЕЛТЕРГОФ 1771 - Российский целлариус, или этимологический российский лексикон, издаваемый Ф. ГЕЛТЕРГОФОМ. - М., 1771.
- НОРДСТЕТ 1782 - Российский с немецким и французским переводной словарь, сочиненный ИВАНОМ НОРДСТЕТОМ. Ч. II. - СПб., 1782.
- Словарь АР 1794 - Словарь Академии Российской. - СПб., 1794.
- ДАЛЬ 1990 - В. ДАЛЬ. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. - М.: Русский язык, 1990.
- БАС 1959 - Словарь современного русского литературного языка. Т.9. - М.-Л.: АН СССР, 1959.
- Словарь 1984 - Словарь русского языка. Т. III. V М.: Русский язык, 1984.
- Словарь РНГ 1991 - Словарь русских народных говоров. Вып. 26. - Л.: Наука, 1991.
- ГОРБАЧЕВ 1987 - М. С. ГОРБАЧЕВ. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. - М.: Политиздат, 1987.
- ГОРБАЧЕВ Избр. 1987 - М. С. ГОРБАЧЕВ. Избранные речи и статьи. - М.: Политиздат; т. 1, 1987; т. 2, 1987; т. 3, 1987; т. 4, 1987; т. 5, 1988; т. 6, 1989; т. 7, 1990.

2. Гласность

Лексическая доминанта перестроечного времени гласность появилась как необходимый компонент общего процесса перестройки советского общества, до того функционировавшего в условиях моноидеологии, закрытости и келейности в решении важных для народа вопросов. Таким образом, без перестройки трудно было бы ожидать и широкой гласности.

В “Материалах для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам” И. И. СРЕЗНЕВСКОГО существительное *гласъ* зафиксировано в памятниках XI в., с этого же времени известно и прилагательное *гласньши* (Материалы Срезневского 1893: стлб. 518-519). В историческом “Словаре русского языка XI-XVII вв.” *глас-* отмечается довольно рано - в XII-XIII вв. Так, в Успенском сборнике, относящемся к указанному времени, имеется глагол *гласити* в значениях:

- а) “издавать звуки”,
- б) “возглашать, восклицать”;
- в) “звать, призывать”.

Зафиксированы возвратная форма *гласитися*, наречие *гласно* от прилагательного *гласный*; последнее отмечено со значением “обладающий голосом, звучащий”. Существительного *гласность* этот словарь не зафиксировал (Словарь XI-XVII 1977: вып. 4, 31-32). Нет его и в “Словаре древнерусского языка (XI-XIV вв.)”; здесь отражены: *гласъ*, *гласньши*, *гласньи*, *глашати*, *глашенью* (Словарь XI-XIV 1989: т. II, 327-329). Существительное *гласность* отмечено лишь в “Словаре русского языка XVIII в.” и датируется им 1792 г. (Словарь XVIII 1989: вып. 5, 127) со следующим примером:

А сей вождь отец Всѣм нынѣшним творцам еще есть в образец. Вы слѣдуйте по нем любя в нем чисту гласность, И шасливый состав, и примѣчайте ясность (Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского. - СПб., 1792, т. I, с. 9). Гласность дѣла скрыть онаго не позволяет (Словарь Академии Российской. Ч. II. - СПб., 1790, с. 72).

Это, конечно, очень поздняя фиксация.

Как лексикографические единицы, слова на *глас-* фиксируются с XVIII в.: *гласный* - в лексиконе ВЕЙСМАНА 1731 (ВЕЙСМАНА 1731: 366), *гласный*, *гласно* и *гласность* - в “Словаре Академии Российской” (Словарь АР 1790).

В словаре В. ДАЛЯ (ДАЛЬ 1989: т. I, 355) в статье “Гласъ” приводятся следующие родственные слова и формы: *гласность*, *гласник*, *гласобежа-*

ние, *гласопременность*, *глашать* ~ *гласить*, *глашение*, *глашатель* ~ *гласитель*, *глашательница* ~ *гласительница*, *глашатай*. Здесь нет лишь зафиксированного уже в наше время словарем древнерусского языка XI-XIV вв. слова *глашеньє* (см. выше). Интересующее нас слово *гласность* определяется, как “известность, общеизвестность чего, соглашение, огласка”.

Современные словари русского языка включают лишь половину из ранее приведенных единиц. Так, в 4-томном словаре представлены: *глас* (и *гласы*), *гласить*, *гласно*, *гласность*, *гласный* с его омонимичными значениями, в т.ч. и с интересующим нас - “доступный для общественного ознакомления и обсуждения. Гласный суд” (Словарь РЯ 1989: т. 1, 314-315). В Большом академическом словаре (БАС 1954: т. 3, стбл. 132) *гласность* определяется, как “доступность общественному обсуждению, контролю, известность”. И далее: “Достигать гласности - становиться общеизвестным... Предавать гласности - делать общеизвестным; опубликовать...”. В БАС нет далевских *гласник*, *гласобежание*, *гласопременность*, *глашать* ~ *гласить*, *глашение*, *глашатель*, *глашательница*, *гласительница*, но имеется только *глашатай* (и просторечное *глашатый*) (БАС 1954: т. 3, стбл. 133-134). С социальным значением, данным БАС, *гласность* и активизировалась как слово в годы перестройки:

Давнишнее слово ‘*гласность*’ нынче выглядит новорожденным. Ребенок этот здоров, набрал силу. Правда, здесь есть и перехлесты, ‘болезни роста’... (Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ; ЛГ, 1987, 15, 8.IV); *Гласность* - оружие не только могущественное, но и опасное, обоюдоострое. Под лозунгом *гласности* порой сводятся счеты, пыгаются обмануть общественное мнение (Известия, 1988, 307, 2.XI); рупоры *гласности* начали усиленно использовать те, кто в застойные времена не отличался активностью (Б. ОЛЕЙНИК; ЛГ, 1987, 19, 6.V); *гласность* должна быть для всех и во всем равновеликой (там же); Настоящая *гласность* быстрее всего поможет нам избавиться от прежних стереотипов (ЛГ, 1987, 15, 8.IV); “Объелись мы ‘*гласности*’. Побольше бы ясности”... Сам народ ясность и *гласность* не путает, различает. Ясность - это *гласность* ‘за здравие’ (КП, 1992, 199); Сама по себе *гласность* не накормит, не напоит и дом не построит, но если прекратится *гласность*, то уже точно не будет нам ни еды, ни дома, ни перестройки... *Гласность* - единственное пока реальное достижение перестройки... *Гласность* надо беречь (Огонек, 1989, 13).

Активизировалось использование и прилагательного *гласный*, срав.:

Нашему обществу необходим *гласный* суд всех советских народов, больших и малых... (Огонек, 1989, 13).

Срав. также ‘новорожденное’ слово в названии организаций, клубов и под.:

Чтобы попасть на прием к депутатам *Комитета по вопросам гласности, прав и обращений граждан*, мы провели ночь на улице (Огонек, 1989, 46, 3); в моем избирательном участке создан и действует *клуб политической дискуссии "Гласность"* (Известия, 1988, 1.XII); Вызвали по одному из членов группы "Гласность" вышеназванного комитета (Огонек, 1989, 6,2).

Словообразовательные потенции существительного *гласность*, как, впрочем, вообще существительных на *-(н)ость*, которые произведены от прилагательных с суффиксом *-н-*, развиты слабее, чем у существительного *перестройка*. Речь здесь может идти, пожалуй, только о левой части в виде компонентов сложения либо редких префиксов, срав.. *полугласность*, *лжегласность* и *антигласность*. Существительное *безгласность* образовано от прилагательного *безгласный*; последнее фиксируется в "Материалах..." И. И. СРЕЗНЕВСКОГО по памятникам XI в.: *безгласьными*; *безгласно* - 1296 г. (Материалы СРЕЗНЕВСКОГО 1893: т. I, стлб. 53).

Впервые *безгласный* и *безгласно* появляются в лексиконе Ф. ПОЛИКАРПОВА (ПОЛИКАРПОВ 1704). Производное *безгласность* лексикографически обработано в 1780 г. в словаре ИВАНА НОРДСТЕТА (НОРДСТЕТ 1780: ч. 1): *безгласность*. В словаре В. ДАЛЯ (ДАЛЬ 1989: т. I, 60) в статье "Безгласие" приводятся: *безголосица*, *безголосье*, *безгласный*, *безгласность*, *безголосый*, *безгласить* ~ *безголосить*. *Безгласность* определяется, как "состояние человека, не могущего подать своего голоса, высказать своего мнения // безвластие, бессилие в делах, распоряжениях // *негласность*, *неглашение* чего, пребывание чего в тайне, в неизвестности". Синонимичны ему, по ДАЛЮ, *безголосица*, *безголосье*: "отсутствие голоса, в значении власти, мнения, самостоятельности". В Большом академическом словаре (БАС 1991: т. I, 405-406) включены только четыре слова: *безгласно* "то же, что *безгласность*" с пометой "устаревшее", впервые, кстати, зафиксированное в 1704 г. в лексиконе Ф. ПОЛИКАРПОВА и в конце XIX в. в "Материалах..." И. И. СРЕЗНЕВСКОГО; *безгласность* с пометой "устаревшее" и не содержит социальной семантики ("молчание, неразговорчивость"; "отсутствие самостоятельного мнения, безропотность, покорность"); *безгласный* и *безгласно*. В наших материалах лишь один пример, свидетельствующий об активизации употребления этого слова: "Технология *безгласности* была во многом одной и той же" (Известия, 1988, 286, 12.X), т.е. здесь *безгласность* - "отсутствие гласности".

Употребленное в статье "Безгласие" (в ее интерпретационной части) в словаре В. ДАЛЯ существительное *негласность* в дальнейшем не выносится в качестве заглавия самостоятельной статьи. Не фиксируют это слово и современные словари, за исключением лишь прилагательного *негласный*, отмеченного, кстати, в памятниках XIII-XIV вв. и *негласно* - в памятнике 1653 г. (Словарь XI-XVII 1986: вып. 11, 65).

Следует отметить, что *гласность* как признак общественной жизни и как слово была особенно популярной в первые годы перестройки. Небезынтересно проследить эволюцию содержания и использования термина *гласность* у 'отца перестройки' М. С. ГОРБАЧЕВА. В первом томе его "Избранных речей и статей" (ГОРБАЧЕВ Избр. 1987: т.1), произнесенных и написанных в 1967-1983 гг., т. е. до перестройки, *гласность* употреблена несколько раз (2-3, может, несколько больше), однако контекст употребления ее непоказателен. Более показательны тексты второго тома (ГОРБАЧЕВ Избр. 1987: т. 2), охватывающие февраль 1984 - октябрь 1985 г., т. е. время начала перестройки. 29 февраля 1984 г. в выступлении на родине, в Ставропольском крае, М. С. ГОРБАЧЕВ констатирует:

Шире стала *гласность* в работе партийных, государственных и общественных организаций всех уровней (с. 7).

Однако это еще дань 'трескучей фразе', обычной в то время в речи партийных деятелей, и в меньшей мере - раскрытие истинного положения дел. В докладе, сделанном в Москве 10 декабря этого же года *гласность* уже становится нормой жизни общества, срав.:

Нормой всей общественной жизни является *гласность*. *Гласность* в работе партийных и государственных органов является действенным средством борьбы с бюрократическими извращениями (с. 95).

В следующем, 1985-ом году, о *гласности* уже говорится, как об одном из стержневых понятий перестройки, срав. из речи 11 марта:

Мы и дальше обязаны расширять *гласность* в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций (с. 130-131).

Об обеспечении *гласности* говорит М. С. ГОРБАЧЕВ и в докладе 23 апреля 1985 г., с которого и ведется отчет перестройки как социального процесса:

Партийным комитетам предстоит позаботиться о том, чтобы обеспечить *гласность* (с. 166);

срав. также в речи 20 ноября:

Мы стремимся к тому, чтобы в наших делах было больше *гласности* во всех сферах жизни.

28 августа ГОРБАЧЕВ заявляет уже об *обстановке гласности* в стране как о сложившемся факте, срав.:

А то, что мы сейчас действуем в *обстановке гласности*, еще более раскрывает нашу демократию (с. 366).

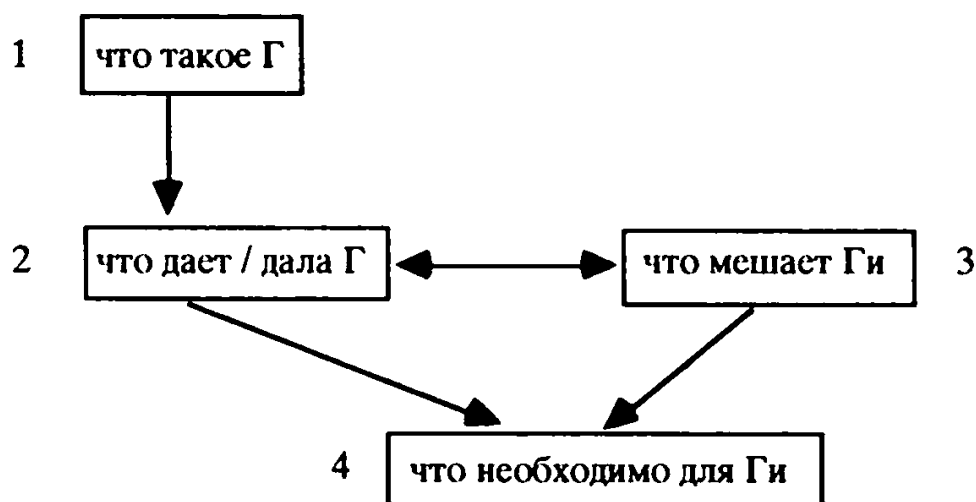
Показательны в этом отношении также тексты 1986-1989 г. - как официальные, так и авторские. Обратимся к двум из них, лексической доминантой которых является слово *гласность*.

Первый текст - статья Е. АНДРЮЩЕНКО "Гласность: база справедливости и залог обновления", опубликованная в "Литературной газете" (ЛГ, 1986, 41, 8.X, с. 11). В этой статье слово *гласность* употреблено 25 раз. Можно смоделировать функцию гласности, как ее представляет автор статьи: *гласность* - исходный пункт перестройки - должна быть безотказно действующей системой - ныне улучшается - но не всегда (много разговоров о гласности, видимость гласности и т.д.) - (определяется как) форма социального контроля - (выдвигаются) 7 условий гласности (независимость коллектива от администрации, хорошо поставленная информация, контроль и т.д.) - (предложение) ввести в ранг закона. Срав. в контексте:

В политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии гласность была названа исходным пунктом психологической перестройки наших кадров...; сделать гласность безотказно действующей системой; но дело с гласностью в последнее время меняется в лучшую сторону; Состояние гласности, критики и самокритики в трудовых коллективах улучшается; более чем в половине коллективов гласность ничуть не увеличилась (!); Сегодня нет недостатка в разговорах о гласности; Гласность - одна из важных форм социального контроля; Первым условием повышения гласности является обеспечение моральной и материальной независимости членов коллектива от администрации; первый барьер на пути гласности одолевать; Проблема гласности имеет не только правовой, но и нравственный и организационный аспект; Гласность как всякое социальное явление диалектична; Она может сохранить свою прежнюю оболочку - видимость гласности; Видимость гласности тоже бытует пока довольно широко; Хорошо поставленная информация... - третье важнейшее условие гласности; Гласность сочетается с контролем и обеспечивается посредством механизма претензий; ... отсутствие гласности нередко становится следствием слабой работы руководителя; вариантом сопротивления гласности является маскировка 'под гласность' (четвертое важнейшее условие гласности); ...кто становится избранныком в контролирующие органы. Это пятое - ключевое - условие гласности; Съезд партии подчеркнул прямую связь между гласностью и демократией; Умение пользоваться своими правами является шестым условием гласности; Совершенствование избирательной практики.... - седьмое условие повышения гласности; А как было бы хорошо, если бы общими усилиями удалось возвести гласность в ранг закона...; забвение гласности тормозит общественное развитие, культ гласности может его ускорить.

Второй текст не авторский, он носит официальный характер: это резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС "О гласности"

(конференция проходила в 1988 г.; опубликована: Известия, 1988, 187, 5.VII, с.3). В этой небольшой по объему резолюции существительное *гласность* употреблено 34 раза (плюс дважды наречие *гласно*). Анализ контекстов употребления этого существительного дает возможность выделить по крайней мере четыре функционально-смысловых блока, взаимосвязанных и взаимообусловленных друг другом. Схематически эти функционально-смысловые блоки и связь между ними можно было бы представить следующим образом (Г - гласность, Ги - гласности):

Блоки 2 и 3 противопоставлены друг другу, они в постоянном противодействии; блок 4 решением поставленных задач объективно направлен на ослабление или даже устранение блока 3, а блок 2 должен способствовать реализации задач блока 4.

Подкрепим теперь эту схему контекстуально.

1. Что такое Г:

Конференция рассматривает *гласность* как развивающийся процесс; Конференция видит в *гласности* необходимое условие реализации социалистического самоуправления народа, конституционных прав, свобод и обязанностей граждан...; *Гласность* во всех сферах жизни - одно из важнейших условий дальнейшего углубления процессов перестройки, ее необратимости; *Гласность* должна служить целям консолидации всех общественных сил *гласность*, открытость для контроля и критики масс - неперемнное условие эффективного функционирования органов государственной власти; *Гласность* - обязательная сторона деятельности народного контроля, правоохранительных органов; *Гласность* предполагает социальную, правовую и моральную ответственность средств массовой информации; Без *гласности* нет перестройки, нет демократии. *Гласность* - естественная атмосфера жизни и прогресса демократического, гуманного социализма.

2. Что дает / дала Г:

Обстановка гласности... позволила партии, всему народу лучше понять свое прошлое и настоящее, выявить факторы торможения...; Именно включение в общественную жизнь гласности помогло глубоко и объективно... выработать принципиальные решения по ускорению социально-экономического развития ...; На международной арене гласность ... помогает делу мира и сотрудничества ...; В конечном счете гласность, критика и самокритика служат интересам народа, отражают открытость политической системы общества..., свидетельствуют о его силе, политической жизнеспособности, нравственном здоровье.

3. Что мешает Ги:

Имеют место попытки сдерживать гласность в деятельности партийных, советских и общественных организаций, коллективов, средств массовой информации; Гласность используется в интересах личных и групповых амбиций. Не всегда проводится в жизнь неотъемлемый принцип подлинной гласности...; Никто не имеет монополии на истину, не должно быть и монополии на гласность; недопустимо использование гласности в ущерб интересам Советского государства, общества, правам личности, для проповеди войны и насилия, расизма, национальной и религиозной нетерпимости, пропаганды жестокости и распространения порнографии, а также манипулирование гласностью.

4. Что необходимо для Ги:

XIX Всесоюзная конференция КПСС считает одной из важнейших политических задач дальнейшее развитие гласности; ... гласность, сама нуждается в углублении и поддержке; последовательное расширение гласности является непременным условием развертывания процессов демократизации всех сфер общественной жизни, обновления социализма; Развивая гласность, партия неизменно руководствуется ленинским указанием, что массы должны знать все; Конференция видит неотложную задачу партии во всемерном способствовании утверждению и развитию основных принципов гласности: неотъемлемого права каждого гражданина на получение полной и достоверной информации ...; примером инициативы в развертывании гласности призвана быть партия; Долг партийных организаций - воспитание культуры гласности; Следует расширять гласность на всех стадиях их [органов государственной власти] деятельности, планирования и управления...; Конференция отмечает важную роль средств массовой информации в расширении гласности; гласность полностью оправдала себя, ее нужно всемерно развивать и дальше; В этих целях считать необходимым создать правовые гарантии гласности. Разработать законодательные акты, определяющие права и обязанности государства, должностных лиц и граждан по реализации принципов гласности; настойчиво утверждая и расширяя гласность; Конференция выражает уверенность в том, что все коммунисты будут содействовать

утверждению гласности как нормы жизни социалистического общества.

Для официального стиля начала перестройки такую функционально-смысловую модель текстов с лексической доминантой *гласность* следует признать типичной.

Приблизительно к 1990-1991 гг., когда гласность как социальное явление была практически реализована устранением партийной монополии на средства массовой информации, о самом понятии стали писать и говорить реже. Явление стало обычным, потеряло как бы свою остроту (впрочем, надолго?), а вместе с этим и реже стало использоваться само слово *гласность*. Впрочем, этому слову, вероятно, еще не время давать 'отходную'...

-
- Материалы Срезневского 1893 - И. И. Срезневский. Материалы к Словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. - СПб., 1893.
- Словарь XI-XVII - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4. - М.: Наука, 1977; вып. 11, 1986.
- Словарь XI-XIV 1989 - Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв). Т. II. - М.: Наука, 1989.
- Словарь XVIII 1989 - Словарь русского языка XVIII в. Вып.5. - Л.: Наука, 1989.
- ВЕЙСМАНН 1731 - ВЕЙСМАНН. Немецко-латинский и русский лексикон. - СПб., 1731.
- Словарь АР 1790 - Словарь Академии Российской. Ч. II. - СПб., 1790.
- ДАЛЬ 1989 - В. ДАЛЬ- Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. - М.: Русский язык, 1989.
- Словарь РЯ 1989 - Словарь русского языка. Т. I. - М.: Русский язык, 1989.
- БАС 1954 - Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. - М.-Л.: АН СССР, 1954.
- ПОЛИКАРПОВ 1704 - Ф. ПОЛИКАРПОВ. Лексикон трезязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. - М., 1704.
- НОРДСТЕТ 1780 - И. НОРДСТЕТ. Российский с немецким и французским переводами словарь. Ч. I. - СПб., 1780.
- БАС 1991 - Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-е. Т. 1. - М.: Русский язык, 1991.
- ГОРБАЧЕВ Избр. 1987 - М. С. ГОРБАЧЕВ. Избранные речи и статьи. Т. 1. - М.: Политиздат, 1987; т. 2, 1987.

3. Демократия ~ демократизация

Слово *демократия* впервые появляется в словарях в XVIII в., в частности, в лексиконе ВЕЙСМАННА 1731 г. (ВЕЙСМАНН 1731: 498). Однако исторический "Словарь русского языка XI-XVII вв." фиксирует его по памятнику "Книга глаголемая гречески алфавит" (рукопись Библиотеки Академии наук, Арх. д., № 446) XVII веком: "*Димократия*, народо-владѣние" (Словарь XI-XVII 1977: вып. 4, 212). В словаре В. ДАЛЯ (ДАЛЬ 1989: т. 1, 427) этому слову дано следующее определение: "народное правление; народодержавие, народовластие, мироуправство, пртвоп. самодержавие, единоедержавие или аристократия, боярщина и проч."; *демократический* объясняется, как "народодержавный, -управный, -властный, мироуправный", а *демократ* и *демократка* - как "приверженец мироуправства".

В советское время слово *демократия* было идеологизировано, срав. его определение в Большом академическом словаре (БАС 1954: т.3, стбл. 690-691):

"*Демократия*. 1. Форма правления, при которой верховная власть в государстве принадлежит народу; народовластие... *Советская демократия* - существующий в СССР высший, социалистический тип демократии, политическую основу которого составляют советы депутатов трудящихся, а экономическую основу - социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства... *Народная, новая демократия* - политический строй ряда стран Европы, выполняющий функции диктатуры пролетариата для подавления и ликвидации капиталистических элементов и организации социалистического хозяйства ... *Буржуазная демократия* - политический строй, при котором парламентаризм является прикрытием государства эксплуататорских классов, диктатуры буржуазии над трудящимися..."

Этот же словарь фиксирует также: *демократический*, *демократичность*, *демократизм*, *демократ*, *демократка*, *демократизировать*, *демократизироваться*, *демократизация*.

В самом начале перестройки *демократия* понималась однозначно, в духе только что приведенных толкований ее в БАС. Не случайно в выступлениях М. С. ГОРБАЧЕВА, в статьях публицистов и политиков слово *демократия*, как правило, предваряют адъективами *советская*, *социалистическая*, *подлинная* (то же, что *советская*, *социалистическая*):

Развивается наше политическое знамя, *социалистическая демократия* (с. 7); Вот почему партия неуклонно ведет линию на расширение и углубление (подразумевается: *социалистической!*) *демократии* в том числе непосредственно на производстве... (с. 16); *Социалистическая демократия* - *демократия подлинная, неформальная* (с. 69); Это

относится прежде всего к расширению и углублению *социалистической демократии...* (с. 84);

срав. также *социалистический демократизм и демократический централизм*:

Партия стояла и стоит за взаимосвязанное развитие обоих начал *демократического централизма* в экономической и политической жизни страны (с. 84); Мы должны идти по линии дальнейшего укрепления и развития *демократического централизма* (с. 269) и др. (Горбачев Избр. 1987: т. 1).

В перестройку активизировалось употребление существительного *демократизация (общества, советского общества, нашей жизни и под.)*, срав.:

Много говорится о *демократизации партии, Советов, комсомола* (Огонек, 1989, 36, 4); осуществление надежд на диктатуру будет не переходом, а концом *демократизации* (там же, № 37, 21); Процесс *демократизации* осложнился другим, параллельно идущим процессом дестабилизации *общества ...* (там же); Среди многих надежд, которые мы связываем с *демократизацией* нашего общества, есть и надежда на то, что отомрет сам жанр подобного рода писем (там же, № 6, 27); Убежден, что путь *подлинной демократизации...* идет через уменьшение количества сведений, собираемых государством с целью 'заведовать' гражданином... (там же, № 8, 3); вал *демократизации*, который поднялся в стране; Важнейшие вопросы съезда - политика в области *демократизации* и гласности, перспективы Союза ССР, его новая концепция (там же, № 18) и под.

Так продолжалось до конца 80-х гг., пока не набрало силу движение, назвавшее себя *демократическим*. С этого времени предваряющие адъективы к словам *демократия, демократизм, демократ* (т. е. *советский, социалистический*) практически если не исчезают полностью, то по крайней мере снижают свою частотность, употребительность. Происходит как бы 'расжатие объятий' между указанными адъективами и субстантивами. С взятием демократами власти эти адъективы, можно сказать, больше не употребляются в такой 'связке'. Слова *демократ* и *демократия* становятся весьма популярными, их частотность неизмеримо возрастает. *Демократия* и *демократ* участвуют во всех сферах жизни, во всех спорных и бесспорных ситуациях, демократию хвалят и ругают одновременно, срав.:

Обновляющаяся *демократия* возвращает нас к ленинским принципам... (Огонек, 1989, 17, 26); Какой-то отрезок времени *демократия*, дарованная сверху и отвоеванная проснувшейся публикой снизу, шла с перестройкой как бы синхронно... (Правда, 1990, 308, 4.XII, с. 4); *демократию* использовали у нас для того, чтобы лишний раз подчеркнуть разногласия между группами людей, классами, сословиями и целыми народами (там же); захмелели совсем от избытка *демократии* (ЛГ,

1987, 19, 6.V); *Демократии* в армии нет, но есть ли у *демократии* армия? (Огонек, 1992); Гавриил Попов - известный поборник *демократии*. Во всяком случае он так себя всегда представляет (Союз, 1991, 51, 4); *Демократия* - рессора, облегчающая езду к рынку. Только *демократия* постоянно выпускает пар, не дает ему накапливаться (Огонек, 1992, 24-26, 2); Они устали от 'разгула *демократии*', от вакханалии безвластия (ЛР, 1991, 18, 6.V); Вчера я слышал резкую фразу: "Кончился плюрализм, наступила *демократия*". Я чувствую яд этой иронической формулы... (ЛР, 1991, 35, 30.VIII); Перестройка идет от лица *демократии*. За самое короткое время эта *демократия* показала себя. Ныне это слово, видимо, не зря считают синонимом плутократии (ЛГ, 1991, 18, 6.V); сейчас о *демократии* громче всех кричат коммунисты и чернят свою родную КПСС почему зря (Политика, 1991, 15, 2); Послушайте, какая *демократия* начинается с принятия дискриминационных законов? (ЛР, 1991, 4, 25.I); Пережили мы первобытно-общинный строй, пережили крепостное право, а также монархию, большевистский режим..., переживем и *демократию* (поэт И. ТЮЛЕНЕВ; ЛР, 1991, 52, 23); Прекрасная дама - *демократия* - взята в такие объятия, что она задыхается уже в предсмертных судорогах (НП, 1991, ноябрь, 1);

современную *демократию* подвергают и поэтическому осмыслению, срав. строки из стихотворения АНАТОЛИЯ ЛАНЩИКОВА (ЛР, 1991, 31, 28.VIII):

Пусты глаза. Пустуют души.
За *демократию* сейчас задушат.
Кругом свобода, кругом погром,

Несутся люди на аэродром.
Ах, *демократия!* Ах, *демократия!*
Никак ты спятила, никак ты спятила?..

Таково же восприятие и *демократа*, т.е. нейтральное или положительное в демократическом лагере, и резко отрицательное - в оппозиции (при этом авторы, печатающиеся в оппозиционных изданиях, нередко прибегают к оценочным маркерам в виде кавычек, выражениям *так называемый* и под.), срав.:

Новые условия требуют объединения как для монархистов, так и для коммунистов и *демократов* (Дем. Рос., 1991, 19, 3); Безоглядность сегодняшнего антикоммунизма вредит самой *демократии*..., отталкивает от *демократов* значительную часть рядовых членов КПСС... (там же, с. 7); реакция различных политических сил на новый конфликт *демократов* и власти (там же, с. 9); *Демократы* России явно сознают, что 'джентльменские соглашения' с лицами, стремящимися заручиться поддержкой демократических сил, явно недостаточно... (Дем. Рос., 1991, 19, 9); Сторонники 'жесткого курса' все больше надежд связывают с раздорами среди *демократов*...(там же); Еще ничего неясно, а наши признанные '*демократы*' требуют расправы над теми, кто поддержал ГКЧП... (ЛР, 1991, 35, 30.VIII); Они, эти '*демократы*', того же ряда, что и вожди мирового пролетариата в 17-м... (НС, 1991, 8, 186); Как всегда, вчерашние 'интернационалисты', ныне '*демократы*', действуют не в одиночку (МИХАИЛ ЛОБАНОВ; НС, 1991, 11, 13); Когда же Валентин Распутин вошел в состав 'команды президента' [Горбачева], *демократы*, похоже, испытали шок (ЛГ, 1991, 39,

27.IX); усидеть в своих креслах и записаться в *демократы* (из разговора) и др.

Реже употребляется *демократичность* (< *демократичный*), срав.:

Но я верю в победу демократичности, гласности на съезде народных депутатов СССР... (Огонек, 1989, 26, 2).

Приблизительно до конца 80-х гг. оценочные адъективы к существительному *демократия* подаются, как мы уже указывали, с общих позиций, позиций 'всего общества', т.е. с постоянно привязанными адъективами *советская* и *социалистическая*, затем вместо них стали употребляться такие адъективы пейоративного характера, как *уличная*, *митинговая*, поскольку общество всколыхнулось, вышло на улицы, предлагая иные понимания демократии. Срав.:

На высоких гребнях *митинговой демократии* пронеслись сотни лозунгов, призывающих к перестройке (Известия, 1988, 13.XI);

только в одной статье в газете "Правда" (1990, 308, 4.XI):

Прокричав: "Долой! В отставку! Запретить! Наказать! Привлечь к суду!" и так далее, в духе словесных клише *уличной демократии*, тысячная толпа разошлась...; *Уличная демократия* уже выплеснула на политическую сцену тех, кто...; Вовлеченным в горнило *уличной демократии* и поднятым ею на верхние этажи власти все время приходится выполнять законы этой 'демократии' как заложникам; Пленникам же *уличной демократии* выгодно противостояние классов: "Но как же быть?" - сетуют горячие приверженцы *уличной демократии*; Отчего же мы оказались во власти стихии *уличной демократии*?; *митинговая демократия* может стать жертвенной приманкой либо жертвой собственных темных страстей.

Появляются более резкие адъективы, как бы сигнализирующие, что демократия идет не по тому пути, срав.:

Сейчас, полвека спустя, наблюдается новый разгул *митинговой и митингово-погромной демократии* (Союз, 1990, 51, 6); отцы *антисоветской демократии* (из газет) и под.

Срав. также *митинговый демократизм*:

На большинстве проходивших собраний... осудили проявления нетерпимости, '*митингового демократизма*' ... (Известия, 1988, 1.XII); перенести центр тяжести с дискуссий и споров, с '*митингового демократизма*' на решение конкретных задач (Известия, 1988, 21.XI);

С начала 90-х гг. слово *демократия* и вовсе маркируется нередко адъективами, ничего общего не имеющими с предыдущими. Для демократического лагеря характерны адъективные маркеры типа *современная* (критерий 'хронологической вертикали', чтобы отделить понимание демократии в прошлом и ныне), *российская* (критерий локальной конкретизации, 'горизонтали', невозможный в период единства Советского Союза), *подлинная* (как противопоставление *советской* демократии, лжедемократии), практически никогда - *наша* (ибо это вызывало бы ассоциацию с советским временем, когда синонимом *советской* и *социалистической демократии* была также *наша демократия*). Для оппозиционных движений характерны иные адъективные маркеры, срав., например: *официальная* и даже *официозная* (поскольку стоит у власти), *властная* и *властвующая* (см. выше), *ельцин(ов)ская*, *ельцинско-поповская* и т.д. (от фамилий Б. ЕЛЬЦИНА, Г. ПОПОВА - фигур нынешней демократии), '*победившая*' и под. Появляется и оттопомическая форма типа:

СНГ-овская демократия суетливо мечется в поисках путей к тому, чтобы... (РВ, 1992, 30-31, 2) (СНГ - Содружество Независимых Государств).

Весьма широк также спектр адъективных маркеров и для существительного *демократ(ы)*. В грамматическом отношении показательным здесь является то, что существительное *демократ(ы)* (и связанные с ним адъективы), как правило, употребляются во множественном числе. В демократическом лагере обычны оттопонимические адъективы - особенно *российские*, в более локальном плане - другие, срав.:

В этой связи я считаю вполне уместным выделение в рамках движения союза "Демократическая Россия", где объединились бы и члены различных партий и беспартийные на основе следующего общего понимания наших особенностей как *российских демократов...* (Дем. Рос., 1991, 19, 8); Привыкшие к гневным обличениям еще со времен подпольной борьбы, *ладивостокские демократы* так и не смогли перестроиться (Россия, 1992, 15, 4) и т.д.

Для оппозиции *демократы* бывают очень разными, но все 'приставленные' к ним адъективные маркеры характеризует один семантический нюанс - пейоративность. Они и *советские*, и *комсомольские*, и *новые*, *радикальные* и *умеренные*, '*рыночные*' и '*валютные*', *забугорные*, т.е. ориентированные на границу, на Запад, и еще Бог весть какие, срав.:

Наиболее эффективной формой помощи '*советским демократам*' является передача им конкретного опыта успешного проведения избирательной кампании - 'электоральной технологии'; научить *советских демократов* вполне практичным вещам, апробированным американскими психологами...; вышел инакомыслящий на улицу, сказал что-то негодное *комсомольским демократам* - бейте так, чтобы 'ушел в реани-

мацию' (из газет); На счастье русского народа *радикальные демократы* с самого начала определили себя в качестве вненациональной и антинациональной организации (ЛГ, 1991, 18, 6. V); Особые проклятия расточались *новыми демократами* по адресу большевиков (ЛР, 1991, 15, 12.IV); В один лагерь с Рыжковым Горбачева зачисляют, в основном, *радикальные демократы*... Для *умеренных демократов* также прописывают проельцинские ориентации... (Дем. Рос., 1991, 19, 6); В зале - запрограммированные публицисты, '*рыночные демократы*'... (НС, 1991, 8, 188); переход от коммунистическо-имперского тоталитаризма к *рыночно-республиканской демократии*; Как раз эта-то работа, увы, чужда нашим *кремлевским демократам* (ЛР, 1991, 39, 27.IX); Но наши '*демократы*' (хочется сказать: '*валютные демократы*') после шумной оперетки у 'Белого Дома' посылают в Приднестровье кликушескую комиссию, которая объявляет несчастных женщин, умоляющих 14 армию о помощи, '*сторонницами*' ГКЧП (Д. БАЛАШОВ; НС, 1992, 8, 5); В то же время *забугорные демократы* отечественного производства все еще пребывают в волнении (НС, 1991, 8, 185).

Широки и словообразовательные потенции основы *демократ* - . Если говорить о *демократия* как базе для производства новых слов, то здесь нет ничего, что было бы изобретено перестройкой: и *лжедемократия*, и *псевдодемократия* образованы сложением и префиксальным способом и употреблялись ранее. Примеры:

Странно слышать разговоры о согласии, которое должно воцариться у нас между правящей *лжедемократией* и оппозицией; - у всех будут деньги! У каждого! - клятвенно обещали жаждущие *псевдодемократии*... (ЮРИЙ ВЛАСОВ; СР, 1992, 151, 3); Не наша ли бестолковая жизнь тому виной - с ее *псевдодемократией*, сепаратистскими настроениями...? (Раб. триб., 1990, 28.XII); 15 декабря мы увидели оскал *лжедемократии* (Молния, 1991, 29, 2).

В первые годы перестройки активизировалось также слово *демократизация*:

Где последовательность в *демократизации* жизни? (ЛГ, 1987, 19, 6. V); борьба за *демократизацию* общества, *демократизация* суда и т.д.

Это нормативное слово, фиксируемое словарями литературного языка. Наибольший интерес здесь вызывает производное существительное со значением лица, деятеля - *демократизатор* (в нашем примере маркировано кавычками):

Нелепо тратить силы на борьбу с мелкотравчатыми '*демократизаторами*', когда необходимо внедрять в сознание народа положительные программы государственно-политического возрождения России (ЛГ, 1991, 18, 6. V).

Для *антидемократизм* мотивирующей основой могло быть *антидемократия* (*антидемократ-ия + изм*) и *демократизм*, т.е. в первом случае с присоединением суффикса *-изм*, во втором - префикса *анти-* :

На виду у всего честного мира *антидемократизм* выдавали за высшую сталинскую демократию (Известия, 1988, 4.V); Но нас сейчас интересует одно: демонстрация откровенного и воинствующего *антидемократизма* (НС, 1992, 8, 141).

Существительное *демократ* в словообразовательном плане более активно, чем *демократия*. Префиксальным способом и сложением оно порождает соотносительные производные слова, т.е. *псевдодемократия - псевдодемократ, лжедемократия - лжедемократ*:

Шахтеры получают около 70 тысяч рублей в месяц - это делает их активным орудием антинародной политики *псевдодемократов* (Ю. ВЛАСОВ; СР, 1992, 151, 3); Но *псевдодемократы* попирают Конституцию... (Правда, 1991, 30, 4.П); Я, русский патриот, глубоко переживаю трагедию моей родной России, устроенную недалекими *псевдодемократами* (РВ, 1992, 41-444, 4); Но не могу я в угоду всем, господа *псевдодемократы*, называть красноармейцев белоармейцами (СР, 1992, 144, 4); *Псевдодемократы*, не ломайте хрупкий мир, не обрекайте наших детей на горе... (Огонек); Перерожденцы и *псевдодемократы* ведут страну к катастрофе (Молния, 1991, 29, 3); Вчерашние большевистские активисты, а сегодняшние самозванные *лже-демократы* прикрываются модным термином 'демократ' и обманывают доверчивые массы... (ЛР, 1992, 49, 16); Всякий раз, когда у представителей *лжедемократов* недоставало аргументов, крутили кадры американского фильма с убийствами и расправами (Ю. ВЛАСОВ; СР, 1992, 144, 6).

Потенциально оказалось возможным и образование *новодемократы*, на что наталкивают встретившиеся нам примеры, первая часть которых является греческим *нео-* или английским *ню-*, срав.:

Неодемократы берут реванш (из газет); А в этом им помогали *нюдемократы*, создававшие обстановку истерии и психоза в виде протестов против всего, что хоть как-то препятствовало разрушению страны (Федерация, 1992, 53, 8).

Английским *ню-* указывают одновременно на политическую, экономическую, культурную и проч. ориентацию нынешних российских демократов, т.е. на Запад, на Америку.

Префиксальные и префиксоидные возможности здесь расширены за счет *анти-, ультра-, сверх-, супер-, теле-, полу-* и др.:

Бывший диссидент Гамсахурдия на поверку вышел *антидемократом*, значит, его противники - демократы. Вот и весь политический рас-

клад... (НС, 1992, 6, 127); А вот наши нижегородские *теледемократы* действовали в стиле отцов-иезуитов (НП, 1992, 46, 8);

а также: *ультрадемократы*, *супердемократы*, *полудемократы*, *сверхдемократы*. Эти же префиксальные и префиксоидные элементы отмечены нами (но, к сожалению, не выписаны в контексте), как правило, с оценочными маркерами в виде кавычек, т.е. с существительным *демократия*, т.е. '*ультрадемократия*', '*супердемократия*', '*антидемократия*' и даже '*теледемократия*'.

Особый случай - сложносокращенные формы на базе *демократ*, когда препозиционный компонент сегментируется. Чаще всего сегментными оказываются *соц-*(иалистический), *ком-*(мунистический), *парт-*(ийный) и некоторые другие. Приставлением этих сегментов к основе-слову *демократ* стремятся показать, что серьезной разницы между старой парт- и социоменклатурой, с одной стороны, и новой демократической, с другой, нет. Примеры:

От *партократа* и *соцдемократа* - до прямого агтисоветчика (Б. ОЛЕЙНИК; Князь тьмы, 15); Кстати, о прессе: в Сербии она практически не затронута губительным вирусом русофобии, мгновенно распространившемся по всей Восточной Европе не без помощи советских *партдемократов* (РВ, 1992, 12, 6) (возможно также *совпартдемократы*); Четвертая категория - это государственники из среды *комдемократов*...(РВ, 1992, 45-48, 2).

С помощью женского суффикса *-к(а)* образовано *демократка*, давно кодифицированное нормативными словарями русского языка. В перестройку слово активизировалось и заметно, что говорит о большой доле женщин в демократическом лагере. Пример:

Бывшая партийка, ставшая *демократкой*, гневно разносит смещенное руководство СП СССР [Союз писателей СССР] (ЛР, 1991, 52, 5).

На этой базе возможным стало формирование окказионализмов посредством дефисного сложения, срав. пример, в котором, правда, *демократка* - не лицо:

Фирмачи играют в прятки,
Биржи улыбаются.
Жаль, что цены-*демократки*
Дьявольски кусаются.
(Рабочий, 1992, 3).

Под семантическим давлением существительного *демократка* ("лицо женского пола, придерживающееся соответствующих идеологических установок") от основы *демократ-* образована параллель *демократесса* (в нашем материале пример с маркером - кавычками):

Кто опасается, а кто и посмеется, представив некую *демократессу* да еще с оружием в руках (из газет).

Совершенно уникально образование, зафиксированное нами в устном разговоре 30 сентября 1992 г., *демократня́*:

Это все проделки *демократни*, дорвавшейся до власти!

Образовано от основы *демократ-* с помощью суффикса *-н'*-, выражающего собирательное значение и входящее в лексико-словообразовательный ряд *ребятня - солдатня - матросня* и т.д.

Весьма активно на базе существительного *демократ(ы)* дефисное сложение, практически не используемое в демократической печати, за исключением, может быть, случая *депутаты-демократы* (или, наоборот: *демократы-депутаты*) и еще некоторых, срав.:

В тупик зашла политика односторонних уступок, которые *депутаты-демократы* делали представителям партократии... (Дем. Рос., 1991, 19, 5); В Приморье теперь два красных совета народных депутатов. Об этом объявила на краевой сессии группа из 10 *депутатов-демократов*, решившая из состава существующего совета выйти и в противовес ему организовать свой (Россия, 1992, 15, 1).

Оппозиционная печать особенно изобретательна в отношении подбора 'лексических привесок' к слову *демократ(ы)*. Эти 'привески' могут иметь препозицию либо постпозицию, и, кажется, регламентирующих правил в этом плане нет (хотя мы допускаем, что более детальное исследование вопроса на значительно большем, чем у нас, материале выявило бы, возможно, какие-то иные характеристики или 'пристрастия'). Срав. следующие примеры с препозиционными 'привесками':

Все силы партийного аппарата 'ушли на фронт' для борьбы с *кандидатами-демократами* (Пабат, 1990, 5,1); *Интеллектуал-демократ* прикуривает на улице у мужичка и удивленно спрашивает: - Как это вам удастся спички доставать? (из газет); И *радикалы-демократы*, и коммуно-патриоты вызывают на политическую сцену призрак чрезвычайщины (из газет); 21 августа *писатели-демократы* с Евгением Евтушенко во главе свергли руководство СП СССР (ЛР, 1991, 36, 6.IX); В отличие от *цекистов-демократов*, порвавших с КПСС, кочующая номенклатура не может позволить себе откровенных действий (А. САЛУЦКИЙ; ИС, 1991, 8, 152); Наряду с *интеллигентами-демократами*, есть интеллигенты-патриоты (ПС, 1992, 9, 166); Ну, и что же! - скажет читатель определенного направления, *читатель-демократ*'... (Д. БАЛАШОВ; ИС, 1991, 8, 135); Не думаю, что нынешние *интернационалисты-демократы*, духовные наследники 'пламенных революционеров', были так сильны (РВ, 1992, 5, 2).

А теперь примеры с постпозиционными 'лексическими привесками':

Так не пора ли не прятаться и бояться, а отзываться 'демократов'-депутатов, подавать в суд на них (РВ, 1992, 7); Партократы-рабовладельцы - против народа! *Демократы-краснобаи* за предпринимателей и тоже против народа (НС, 1991, 8, 185); Ох, уж эти обывательские стенания! Как травмируют они сердца наших пылких *демократов-необольшевиков...* (НС, 1992, 8, 141); И подобный недостаток, несомненно, не красит ни большевика-ленинца, ни *демократа-бушевца* (РВ, 1992, 3-4, 7). Срав. также: *демократы-перестройщики*, *демократы-космополиты* и даже *лжедемократы-перестройщики* и под.

Анализ субстантивных словообразовательных новшеств следует дополнить контаминациями, к которым прибегает в основном оппозиция. Наиболее популярна здесь *демократура*: *демократ-ия* + *дикта-тура* (возможно, вероятно, и: *демокра-тия* + *дикта-тура*), срав.:

От демократии к 'демократуре'?" название статьи; Оказавшись у власти, они не замечают, как постепенно скатываются с позиции демократии к бастионам '*демократуры*', этого опасного гибрида плюрализма мнений с административным диктатом (Правда, 1990, 10.XI, с. 1,2); Вследствие перестройки тоталитаризм реформирован в '*демократуру*' (ЛР, 1991, 21, 20. V).

Слово попало уже в народную поэзию, срав., например:

Но не спи, честной народ,
чтобы нам *демократура*
не заткнула кляпом рот.

Свита старая фигура,
на местах *демократура*,
но не жалуется, однако,
мыслящих совсем иначе.
(СР, 1992, 163, 29.XII)

Срав. также примеры, в которых расшифровывается контаминация:

Ситуация опасно балансирует на грани превращения '*демократии*' в '*диктатуру*'. И ясно, что если последнюю назовут '*демократической диктатурой*' (а так недавно высказал чтеемое Г. ПОПОВ), она не изменит своего начального свойства (НС, 1991, 1, 170); Расчленив Россию и тем более установить в ней, по выражению, '*демократическую диктатуру*', без гражданской войны невозможно (там же, № ?).

Один из деятелей демократического лагеря обнаружил 'свое' новообразование, которое далеко не каждый решится произнести вслух: *дерьмократия* < *дерьмо* + *демо-кратия* (неологизм изобретен в 1991-1992 гг. и направлен по отношению к руководящей части идейных сотоварищей), срав., однако, из периодики:

Нет нужды говорить о развале экономики, обнищании народа - об этом много говорилось, и все это понимают, даже сами *дерьмократы* (РВ, 1992, 45-48, 4).

Еще один случай: *демонократия* < *демон(ы)* + -о- + *демо-кратия*; слово создано певицей ЛИНОЙ МКРТЧЯН в 1992 г.:

Нынешняя демократия - *демонократия!* (КП, 1992, 18.IX, с.2).

Редким видом контаминации является вклинивание в слово части (корня, основы) или целого другого слова с возможными изменениями (деформациями) фонетического характера, а в нашем случае - озвончением *т > д*, срав.:

“*Демократия?... Демокрадия?... Погромы?...*” название статьи; Вот такая ‘демократия’, что в переводе означает “власть народа”... А может быть, ‘демоКРАДИЯ’? (РВ, 1992, 7).

Необычайно активно используется в перестроечное время адъективная форма от основы *демократ-/демократи-* - прежде всего речь идет о *демократический*, в меньшей мере - о *демократичный* и еще реже - о *демократский* (последнее не кодифицировано словарями современного русского литературного языка).

В доперестроечное время прилагательное *демократический* имело весьма ограниченную валентность: существительные, которые оно могло характеризовать, можно пересчитать буквально по пальцам - *демократический строй, демократический централизм, демократическая республика, демократическое законодательство, демократические преобразования* и еще несколько других. Сейчас демократическим стало практически все. Когда демократия шла к власти и, наконец, взяла ее, то *оппозиция, движение, организации, силы, система, печать, средства массовой информации, митинги* и др. стали *демократическими*:

(Он [раскол] послужил выделению и оформлению в российском депутатском корпусе отчетливой *демократической оппозиции*... (Дем. Рос., 1991, 19, 5);... я вижу в этом знак зрелости *демократического движения* (там же); ... Горбачеву следовало бы поддержать *демократические силы* в стране, а не разыгрывать как в карнавале маску бодрого центриста (там же, с. 4); бывшая номенклатура, объявившая себя авангардом *демократического движения* (ЛР, 1991, 46, 14. XI); Узбекистан - суверенное, *демократическое*, правовое *государство* (Известия, 1992, 267, 10. XII, с. 3); Сейчас на съезде и в Верховном Совете *демократическое крыло* располагает едва 25% голосов (Рос. вести, 1993, 36, 23. II); Наш читатель участвует в работе местной *демократической организации* (там же); Неприятие *демократических норм* - все это дело, увы, непреодоленное и нешуточное (Огонек, 1989, 1, 4);

и даже *демократический социализм*:

Сама суть *демократического социализма* предполагает полную самостоятельность каждого гражданина, трудового коллектива, села и города... (Огонек, 1989, 50, 4).

Появляется множество движений и партий, включивших в свое название этот аффикс: *Демократическая партия России (Украины и т.д.)*, *Социал-демократическая партия Казахстана (Украины и т.д.)*, *Объединенная социал-демократическая партия Украины*, *Либерально-демократическая партия России*. Появилась и *демократическая Россия* и одноименное движение "*Демократическая Россия*", при создании которого спорили о его названии. По свидетельству одного из участников этих споров, позднее отошедшего от этого движения, М. АСТАФЬЕВА, название родилось следующим образом:

... Зачем мы вошли в '*Демократическую Россию*'? Знаете ли вы, что я крестный отец этого названия?... В свое время было 7 вариантов названий, в т.ч. некий 'Межрегиональный союз демократов'. Я с большим трудом добился принятия именно '*Демократической России*', ибо это название отвечает моей концепции будущего (Политика, 1991, 15, 2);

срав. пример:

Активисты "*Демократической России*" начинают сбор подписей за референдум о доверии съезду... (Известия, 1992, 250, 17.XI).

Вся эта субстантивная валентность, как видим, семантически в основном нейтрального характера, с отчетливым терминологическим назначением. В оппозиции - совершенно иной набор оцениваемых предметов и явлений. Так, среди существительных со значением лица или совокупности лиц часты *верховоды*, *вожди*, *радикалы*, *комиссары*... и далее еще образнее - *подпевалы*, *бесы*, *шарлатаны*, *толпа*, *мафия* и т.д. и т.п. Срав.:

Смотря кто кликнул народ на площадь - сознательные *демократические верховоды* или авантюристы-политиканы (Правда, 1990, 308, 4.XI, с. 4); Кстати, '*демократические*' *вожди* дружно перебрались в бывшие цеховские [Центрального Комитета КПСС] дома, стало быть, '*корытом*' не побрезговали (НС, 1991, 6, 182); Слишком часто утверждали на эти должности '*готовых*' *демократических комиссаров* в джинсах (там же, с. 134); А между тем ныне появились и множатся '*демократические*' *бесы*, программирующие 40-миллионную безработицу (НС, 1991, 11, 9); Если же вспомнить об атмосфере 89-го года и могучей поддержке, которую оказала '*глашатаю истины*' яковлевская пресса, то легко объяснить вознесение Слбчача в кумиры *демократической толпы* (НС, 1992, 6, 129); Перестройка - это время *демократических шарлатанов* (НС, 1992, 8, 189); властные структуры нынешней *демократической мафии*; '*демократический*' генерал; мелкие *демократи-*

ческие подпевалы (из газет); У него и заместитель - из той же *демократической поросли* (из газет).

Недоверие к новым институтам власти выражается прибавлением к существительным, их обозначающим, прилагательного *демократический*, срав.:

демократическое телевидение, демократическая милиция; Как бы ни пытались закрыть истинное положение дел *'демократические' средства массовой информации...* (ЛР, 1991, 44); В. Иваненко изложил программу нового, *'демократического' КГБ* [Комитет государственной безопасности] России (НС, 1991, 5, 118); Утверждение *демократических режимов*, шедших на смену коммунизму, влекло за собой дестабилизацию общества (Федерация, 1992, 53, 3).

Нередко пишут о *'демократических певцах'*, *'демократическом языке'* и т.д.:

Все, все до боли знакомо в нынешних *'демократических' поведках*, взошедших на коммунистическом навозе истории (НС, 1992, 6, 133); *демократическая трескотня*; А чего стоят дежурные *'демократические' фразы* о 'возрождении России' (М. ЛОБАНОВ; НС, 1991, 11, 5); В поезде тюки и баулы, пьяные оргии их хозяев-спекулянтов (на *'демократическом' сленге* - коммерсантов) (СР, 1992, 149, 2).

Весьма популярны в оппозиционной печати маркеры в виде кавычек (см. также ранее приведенные примеры), словосочетания *так называемый*, способы пояснения с помощью *то есть* и др., срав.:

Очень важно, что несмотря на массивное давление *'демократических сил'* и контролируемых ими средств массовой информации, съезд отказался открыть дорогу 'свободному' расхищению нашего главного национального богатства - земли... (НС, 1991, 8, 113); Многие *так называемые демократические деятели* - от Арбатова до Шмелева - классические цекисты [работники Центрального Комитета КПСС] (там же, с. 151); *'Демократическое пространство'*, о котором любил говорить Э. Шеварднадзе, давно является фикцией в условиях геноцида в Южной Осетии, погромов в Баку... (НП, 1992, 12, 5); Независимые издания, такие как "Наш современник" и "Молодая гвардия", могут не выдержать конкуренции с официальной, *т.е. демократической печатью*, которая получает поддержку и со стороны правительства, и со стороны обслуживаемых ею миллионеров (писательница Т. Глушкова; НС, 1991, 11, 144).

Если говорить о словообразовательных потенциях, связанных с прилагательным *демократический*, то здесь можно выделить:

1) префиксальный способ с помощью *анти-, ультра-, супер- и сверх-, не-* и др.:

председатель оргкомитета в беседе с корреспондентом *ультрадемократической* газеты "Вечерний Петербург" попытался сгладить острые углы; Журнал "Огонек", "АиФ" и т.д., прикрываясь *псевдodemократическими* лозунгами, ведут определенную игру (из газет); это одна из самых страшных расплат за *недемократическое* общество (Огонек, 1989, 21, 6); мы еще не смогли избавиться от многих *недемократических* привычек (там же, № 7);

2) сложение с постпозицией прилагательного *демократический*:

... можно опасаться претендентов на новое *лжедемократическое* диктаторство (Рос. возр., 1990, 1, 2);

примеры дефисного сложения:

Важна вся *военно-демократическая* доктрина лидера ДДР [Демократическое движение России] (НС, 1991, 5, 118); *рыночно-демократическая* система и под.;

препозиция прилагательного *демократический*:

И вот комиссары, оставшиеся без должности, естественно, замечают, что плохо ведут дело те, кто эти должности получил, а их советов не слушают. Отсюда и *демократическо-комиссарская* оппозиция (Огонек, 1992, 24.26, 2);

3) усечение прилагательного *демократический* и создание на этой базе сложносокращенных слов, при этом усеченная часть занимает препозицию по отношению к целому слову. Здесь мы выделили бы два случая:

а) Сегментное усечение в виде *дем-*, присоединяемое, как правило, к существительным на согласный, реже - на гласный, при этом в правящих демократических сферах говорят о *демдвижении, демреформах, демпрессе* и т.д., в оппозиционной - больше о *демвластях, демпреобразованиях* и под.:

На пленуме обсуждался вопрос о том, как начать преодолевать дефицит влияния *демдвижения* на власть (Дем.Рос., 1991, 19, 9); Главная опасность, подстерегающая сегодня российское *демдвижение*, состоит в том...(там же); Мы верим, что ширящееся *демдвижение* в стране и мировая общественность разберется, кто есть кто (Рос. возр., 1990, 1, 2); Как относиться к попыткам создания некоей то ли новой партии, то ли движения '*демреформ*'? (Дем. Рос., 1991, 19, 4); А события на Украине есть зеркальное отражение '*демпреобразований*' (СР, 1992, 144, 4); '*Демреформа*' потерпела на съезде поражение (НС, 1991, 8, 154); иные '*независимые*' вынуждены по-лакейски обслуживать верхи,

а также нынешних 'демвластей' (Б. ОЛЕЙНИК; Правда, 1992, 6.X, с.4); Единственная свобода, предоставленная *демправительством* народу, - свобода спекулировать (Правда, 1992, 175, 6); И вновь видим, что 'опора перестройки' - '*дем. пресса*' - не просто сигнализирует, но и командует. Ей хотелось бы полностью властвовать над гоями (РВ, 1993, 2, 16); Все, кто читает *демпрессу*, знает, что основной мотив ее публикаций: "Только богатые спасут нас"; Знаменитые 24 миллиарда - муха, раздутая *демпрессой* в слона; сплошь и рядом кишанная *демпресса* (ПС, 1992, 9, 187-189); Но *демпресса* выжала из этого случая все до капли. Портреты погибших - их биографии - плачущих родителей - гневные речи - прямая трансляция многочасовой траурной процессии - панихида - отпевание - похороны... (СР, 162, 1); Зачем же создавать мифы, зачем засовывать живого писателя в рамки *демдогмы*? (о Солженицыне А.И.; СР, 1992, 3.IX, с.2).

Появились *демначальники* и *демюристы* (*демъюристы!*), *деминтеллигенция* и *демпропагандисты*:

Как любой *демначальник*, он не умеет делать дело, за которое берется (из газет); Хотелось бы предложить ввести в наш обиход один неологизм - слово *юлист*. Ведь новоявленные *демюристы* - *юлисты*: от слова *юлить*. А уж Собчак - *юлист* высшего курса! (СР, 1992, 12.IX); Обратимся к вполне приемлемому для *деминтеллигенца* свидетельству - телебеседа Андрея Караулова с госсекретарем (ЛР, 1992, 47, 5); Я просто цитирую выражение *демпропагандистов* (Б. ОЛЕЙНИК, Князь тьмы, 40).

'Демосокращения' стали настолько популярны, что ими нередко прямо-таки пестрит текст, как этот, написанный одним автором:

Создается впечатление, что *демвласти* на ТВ уволили всех честных журналистов; Я выработал для себя целую систему моей безопасности, охраняющую от *демпомоев*; Ведь *демидиотизм* иногда лезет наружу уже из названия передачи. Если афишируют, например, "Ночи со Сталиным", то ясно дело, это очередной фильм *демужасов*; На ТВ нынче взахлеб расхваливают самый дикий капитализм - в программах "Новости" и "Вести", которые обязательно идут с *демкомментариями*, т.е. с помоями... (СР, 1992, 138, 4).

б) слоговые усечения в виде *демо-*, формально более 'убедительно' создающие новое сложное слово; конечное *-о* усеченной части может здесь также ассоциироваться с так наз. соединительным гласным *-о-*, характерным для сложных слов русского языка (срав. пар-*о*-ход, тспл-*о*-ход и под.). В этом случае существительные, к которым присоединяется *демо-*, в большинстве своем имеют консонантное начало, срав.:

Ельцину ничего не останется, кроме как опереться на силы *демопатриотов* и изменить экономический курс (Дем. газ., 1992, 15, 3); Уже и *деморасизм*?! "Хасбулатова - в Чечню" слышалось на митин-

ге демократов в Москве! (Правда, 1992, 193, 1); *Демофашизм* не пройдет! (Молния, 1991, 29, 1); На митингах коммунистов теперь говорится о '*демофашизме*'. На митингах демократов - о '*красно-коричневой чуме*' (НС, 1992, 5, 128); С другой стороны, говорится о '*демофашизме*' и под. (Правда, 1992, 164, 2); *демоленинцы, демобольшевики, демокоммунисты*.

Из новой народной поэзии:

Лишь на съезде заикнулась
Сажу Умалатова,
Разразилась истерией
Демобюрократия.

Миллионы отвалила
Для ОМОНа мэрия,
Чтобы крепче нас лупила
Деможандармерия.
(СР, 1192, 21. III)

Сотни лет терзали Русь
Смуты и агрессии...
Но страшнее всех, боюсь,
Демобракобесие!
(СР, 1992, 29. XII)

Интересным здесь является возможность вариантного употребления, т.е. либо сегмента *дем-*, либо слогоформы *демо-* - по усмотрению автора, пишущего, говорящего. При этом такой подход оказывается возможным по отношению к одному и тому же опорному слову. Показателен в этом плане пример с сложносокращенным существительным *деморосс ~ деморосс*. По сути, это существительное образовано сокращением обоих компонентов словосочетания *демократическая Россия > деморосс ~ деморосс*. Однако здесь следует учитывать и еще одну особенность: сокращенная форма топонима *росс-* (< *Россия*) напрямую ассоциируется с цельным существительным-этнонимом *росс* в значении "русский, россиянин". Этноним этот старый, в XX в. практически архаизировался. Однако совпадение топонимического сегмента *росс-* (< *Россия*) и этнонима *росс* привело к оживлению последнего, активизации, кстати, не только в таком связанном виде, т.е. в составе сложносокращенного слова, но и изолированно (см. об этом ниже). Проиллюстрируем сказанное примерами из печати (индивидуальную орфографию типа *рос-*, *росс-* сохраняем):

1. *дем + росс- > деморосс ('демроссы')*:

Однако '*демроссы*'... с плакатами и автоматами (НС, 1991, 10, 181); Местечковые '*демроссы*' недавно объединились в Новосибирске в свой блок... (СР, 1991, 54, 1. III); *Демроссовцы* как правящая партия умудрились сами себе встать в оппозицию (Эстония, 1992, 1. X, с. 3) [с расширением основы за счет суффиксов - *овец/-ови(ы)*]; О субботнем пленуме совета представителей движения '*демроссов*'. Дело дошло даже до призывов лишить Гельцина поддержки (Правда, 1992, 178, 1);

2. демо- + росс > деморосс:

- Бойтесь 'демороссов', дары приносящих! - провозгласил с трибуны экс-кандидат в президенты Аман Тулеев (Федерация, 1992, 53, 8); Болью за Москву - столицу *демороссов* и других прогрессивных сил отозвался в нашем сердце указ президента о разработке нового статуса столицы СССР (из газет); 'Демороссы' предлагают провести референдум о разгоне съезда народных депутатов (СР, 1992, 154, 1); Прежде всего меня поражает здесь позиция 'демороссов' (ЛР, 1992, 45, 5);

срав. также формы прилагательных, образованные составным суффиксом *-овск-*:

Зато упорно ищут мифические деньги КПСС. Впрочем, здесь есть своя, демороссовская, логика (Правда, 1992, 193, 2); некоторые из 'демороссовских' компаний этого не осознают, но суть-то не меняется... (РВ, 1992, 8, 7); Один из излюбленных транспарантов деидеологизированно-демороссовского киноведения: "Долой литературу!" (НС, 1991, 10, 181).

От *демократическая Россия* сложное сокращенное слово образуется путем сегмента *дем-* (сохраним оригинальное правописание):

Милостивые государи и государыни, координаторы *ДемРоссии*, журналисты!... (СР, 1992, 143, 3); В "*ДемРоссии*" было неоднозначным понимание этой проблемы (НС, 1992, 10, 134); Это объясняется радикальностью позиции движения "*ДемРоссии*"; есть крайне левый ... Фронт национального спасения, есть крайне правая... "*Демократическая Россия*" (из газет); Кто по звонку районных активистов спешил с плакатами "*ДемРоссии*"? (НС, 1992, 9, 165).

Имеющийся в наших материалах пример превращения *ДемРоссии/Демроссии* в 'демороссию', т.е. в нечто нарицательное, единичен, срав.:

На одном из снимков - 'отец *демороссии*' Г. Попов с трехцветным флагом в руке ликует по случаю открытия Русского дома на Коннектикут-авеню (СР, 1992, 161, 3).

На базе *демросс* ~ *деморосс* сформировалось прилагательное посредством двух сочетающихся суффиксов *-овск-*, т.е. налицо расширение субстантивной основы: *демросовский/демроссовский, деморосовский/демороссовский* (примеры см. выше).

Наблюдается также попытка на основе аббревиатуры *демросс* создать дефисное сложение - нам встретилось, например, образование *кино-демороссы*. По типу *демросс* создано также сложносокращенное существительное (оба компонента в нем - сегменты) *дембуры* - от словосочетания *демократические буржуа* (эта аббревиатура образована по аналогии с

бытовавшей в доперестроечное время *совбуры*, т.е. *советские буржуа/ советская буржуазия*):

Читателю солидного возраста наверняка помнится выражение 'совбуры'. Молодежи разъясняем: так в приснопамятные коммунистические времена звали 'советских буржуев', а по-нашему - зажавшихся аппаратчиков. Видимо, их зеркальное отражение надо бы звать 'дембуры'... (РВ, 1992, 39).

И еще одна параллель: в печати замелькало суффиксально-усложненное усечение *демки* и далее - *демковый*. Образовано по аналогии с несколько ранее возникшим в демократическом лагере сокращением *совки* < *советский* + *-к-* + *-и* при непосредственной ассоциации с существительным *совок* (ед. ч.), *совки* (мн. ч.), т.е. предметом, которым что-то (обычно мусор) подбирают. Каждое из этих двух суффиксально-усложненных усечений наметило свое 'функциональное пространство': демократический лагерь называет оппозиционеров *совками*, а оппозиция демократов - *демками*. Срав. примеры:

И все же: ложь, что мы были *совками*. Ими, пустыми, бездушными и бездуховными, нас хотят сделать теперь (из статьи "Мы не *совки*, *совки* не мы") (Правда, 1992, 187, 2); наш 'красно-коричневый люмпен' (так обозначается на 'демковом' языке наш народ) (РВ, 1992, 30-31, 2); У входа в дебилдинг [демократический билдинг] стоят новоиспеченные *демковые* комиссары (РВ, 1992, 32, 9).

К сложносокращенному образованию типа *агитпроп* также можно присоединить сегмент *дем-*:

А *демагитпроп* все занудно бубнит, что все это должно самоорганизоваться (СР, 1992, 160, 3).

Совершенно особый случай с существительным *демос*: по форме оно совпадает с источником - греческим словом, обозначающим "народ", однако эта 'генетическая семантика', вероятно, не столь здесь существенна, важна формальная сторона, звучание и ассоциация со словами аналогичной фонетической структуры, с одной стороны, например, со словом *негритос* (ассоциация перемещена на конец слова), с другой - *демо-и* (ассоциация задерживается на корневой части; здесь, правда, определенную роль играет значение слова *демон*). Возможна, однако, и ассоциация со слогоформой *демо-* (с помощью которой, как мы видели, образуется множество сложносокращенных слов) + финаль *-с*. В целом же слово имеет пейоративное значение:

Демосы решили 'спасти' страну (из газет);

Бывший [Горбачев] по миру летает,
 Бывший лекции читает:
 Мол, в стране 'процесс идет',
 Демос - пляшет и поет
 (из газет).

Завершая об адъективе *демократический*, не можем не сказать об образованных на его базе адвербиальных форм суффиксальным путем, т.е. с помощью *-ски*, и префиксально-суффиксальным, т.е. *по- ... -ски*, срав.:

В правление вошли *демократически* настроенные писатели (Рос.газ., 1991); как нам жить *по-демократически* (РВ, 1992, 41-44, 14).

Прилагательное *демократичный*, помимо общего с *демократический* значения "основанный на принципах демократии, осуществляющий демократию", имеет также значение "проявляющий демократизм в поведении, в привычках". В наших примерах оно осложнено префиксами *не-* и *сверх-*:

Сошлюсь хотя бы на принятие закона о гражданстве. Я считаю его слишком суровым, *недемократичным* (Союз, 1991, 13, 7); То, что существующий порядок наградений *недемократичен* и безнравственен, очевидно (Известия, 1988, V); А ведь об этом и в свободной Эстонии, и в некоторых российских *сверхдемократичных* кругах говорится на полном серьезе (ЛР, 1991, 41, 2).

Существительное *демократичность* и наречие *демократично* созданы на базе *демократичный* - обычным нормативным путем:

Ельцин при всей его кажущейся *демократичности* и открытости, конечно же, властолюбив. Как властолюбив и Горбачев (Союз, 1991, 51, 2); Цель - любыми средствами, даже насильственными, сорвать православное торжество. Очень *демократично!* А как же, демократия у руковцев - дело святое (ЛР, 1991, 16, 19.IV).

Пример превосходной степени, образованной аналитическо-префиксальным путем, т.е. с помощью *самый* и префикса *раз-*:

Даже *самые раздемократичные* демократы (РВ, 1992, 6, 3).

Редкий случай образования от *демократичный* глагольно-причастных форм, в наших материалах - только причастные формы: *подемократичневший* генерал из КГБ (ЛР, 1991, 5, 2). Образовано, вероятно, таким образом: *демократичный* > [(*по*)*демократичнеть*] > *подемократичневший*. Среднего звена, т.е. глагольной формы, мы не обнаружили, не зафиксировали (хотя она возможна).

Наконец, прилагательное *демократский*, носящее разовый характер, срав. в частушке:

Эх, яблочко,
покатилось!
Демократская власть
повалилася!
(СР, 1992, 145, 4).

Завершая анализ лексических доминант *демократия* ~ *демократизация* и *демократ*, не можем не отметить, что только интенсивное 'обкатывание' этих слов в практике перестроечного и послеперестроечного времени, 'присваивание' их по чисто формальным основаниям и под. привели к тому, что постепенно девальвируется их значение и смысл. Первыми об этом заговорили оппозиционные деятели и печать, срав.:

Дело в том, что понятие '*демократ*' в новой ситуации утратило смысл почти до такой же степени, как чуть раньше утратило значение понятие 'член КПСС'... (Политика, 1991, 15, 3).

По мнению оппозиции, действия тех, кто называет себя демократами, настолько расходятся с истинной демократией, что слово *демократ* стало бранным, ругательством, срав.:

Слово "*демократия*" сегодня, в силу ряда причин, становится бранным. Я хорошо знаком с порядками, царящими в демократической среде, но никак бы не взялся утверждать, что там есть хоть какое-нибудь уважение к конституционному порядку (М. АСТАФЬЕВ; Политика, 1991, 15, 2); Из-за них народное слово '*демократ*' стало ругательством (НС, 1992, 6, 181).

Впрочем, в последнее время этого не отрицают и сами российские демократы. В подтверждение приведем один пример, зафиксированный нами 9 декабря 1992 г. В этот день московское телевидение в передаче "Круглый стол" собрало и демократов, и оппозицию. Один из демократов заявил буквально следующее: "Слово '*демократ*' сейчас все более приобретает ругательное содержание..."

Итак, впереди вновь возрождение истинного смысла понятия *демократии* и *демократ*?...

В заключение приведем матрицу производных от основы *демократ*- (условные обозначения: Д - *демократ*, Дия - *демократия*, Дический - *демократический* и т.д.):

1 Д
антиД
лжеД
псевдоД
ультраД
сверхД
суперД
телеД
полуД

нью }
нео } Д
ново }

... ..
соцД
комД
партД

...

депутат-Д-депутат
интеллектуал-Д-интеллектуал
кандидат-Д-кандидат
цекист-Д-цекист
интернационалист-Д-интернационалист
необольшевик-Д-необольшевик

... ..

Дка
Десса
Дия

...

цена-Дка

...

3 Дический
антиДический
псевдоДический
ультраДический
сверхДический
суперДический
полуДический

... ..

военно-Дический
рыночно-Дический

...

Дическо-коммисарский

...

2 Дия
антиДия
лжеДия
псевдоДия
ультраДия
суперДия
телеДия
...
антиДизм

...

Дизация
Дизатор

...

демократура
демонократия
демокрадия

...

демдвижение
 демблок
 демлагерь
 демреформа
 демпреобразования
 демвласть
 демправительство
 демпресса
 демдогма
 демначальник
 деминтеллигент
 демпропагандист
 демросс
 ДемРоссия

...

деморосс
 демопатриоты
 демофашизм
 деморасизм
 демобюрократия

...

демороссовцы
 демороссовцы
 демроссовский
 демороссовский

...

дембур
 демки
 демковый
 демагитпроп
 демох

...

Дически
 по-Дически

4 Дичный
 неДичный
 сверхДичный

5 Дский

...

...

Дичность

...

Дично
 (самый) разДичный

...

поДичневший

-
- ВЕЙСМАНН 1731 - ВЕЙСМАНН. Немецко-латинский и русский лексикон.-
СПб., 1731.
- Словарь XI-XVII 1977 - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4.-
М.: Наука, 1977.
- ДАЛЬ 1989 - В. ДАЛЬ. Толковый словарь живого великорусского языка.
Т. I. - М.: Русский язык, 1989.
- БАС 1954 - Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. -
М.-Л.: АН СССР, 1954.
- ГОРБАЧЕВ Избр. 1987 - М.С. ГОРБАЧЕВ. Избранные речи и статьи. Т. I.-
М.: Политиздат, 1987.

4. Застой

Годы до начала перестройки, т.е. до 1985 г., получили обозначение как годы *застоя* в жизни страны, практически во всех сферах. Требовался своего рода социальный прорыв, который сдвинул бы с места экономику и другие области. Антитезой *застою* стала *перестройка* с ее *гласностью* и *демократией* ~ *демократизацией* (см. выше). В послеперестроечное время теряется актуальность как самих процессов перестройки, так и уходящего в прошлое и становящегося историей *застоя*.

Существительное *застой* фиксируется и в исторических словарях, и в словарях народных говоров, что свидетельствует о его давнем бытовании среди носителей русского языка. Так, в народных говорах в слове *застой* отмечено в общей сложности 9 значений:

- 1) “стоячая вода в озерах или болотах”;
- 2) “гнилой, затхлый запах, исходящий от стоячей воды”;
- 3) “место для причала и стоянки судов”;
- 4) “место, где скапливается рыба”;
- 5) “очень большой улов рыбы”;
- 6) “участок леса, вырубаемого по сделке с владельцем на продажу”;
- 7) “место, куда крестьяне уезжают рубить купленный лес с лошадьми и кормом на долгое время”;
- 8) “теснота в обозе, мешающая движению его вперед”;
- 9) “Застой: заступничество, защита, помощь...” (Словарь РНГ 1976: вып. 11, 61-62).

В этом же словаре отмечено производное *застойный* со значением “старый, лежалый, не распроданный вовремя...” и “застойная рыба, рыба, оставшаяся на разливах реки весной” (с. 62).

В “Материалах...” И.И. СРЕЗНЕВСКОГО отмечается глагол *застояти*, *застою* в значении “утруджать, докучать” (Материалы СРЕЗНЕВСКОГО 1893: т. I, сглб. 949).

“Словарь русского языка XI-XVII вв.” фиксирует следующее гнездо: *застаивати*, *застаиватися*, *застой*, *застойный*, *застоять*, *застоятися* (Словарь XI-XVII 1978: вып. 5, 302, 306-307). В существительном *застой* здесь выделено три значения:

- 1) “остановка в движении” (иллюстрации за 1629 и 1675 гг.);
- 2) “задержка, промедление // застой, недостаточное развитие (торговли)” (пример за 1682 г.);
- 3) “болезненная задержка движения жидкости в организме (пример за 1670 г.).

Для нас, конечно, существенно второе, переносное, значение существительного *застой*, зафиксированное в памятнике 1682 г. (первое, прямое значение, отмечено значительно раньше - в 1629 и 1675 гг.).

Прилагательное *застойный* в этом же словаре имеет также три значения, однако они непосредственно не связаны с интересующей нас социальной семантикой:

- 1) “застоявшаяся, стоячая вода” (пример из памятника 1689 г.);
- 2) “связанный с застойными явлениями в организме” (пример датирован 1674 г.) и
- 3) “залежавшийся” (1697).

Существительное *застой* впервые было включено в словарь ИВАНА НОРДСТЕТА в 1780 г. - *застой*; здесь же встречаем и глагольную форму *застаиваться~застояться*. В “Словаре Академии Российской” (1794) отражено прилагательное *застойный* (соответственно: Нордстет 1780; Словарь АР 1794). Таким образом, памятники письменности слова с основой *застой-* фиксируют в XVII в., лексикографическая же их обработка падает на конец XVIII в.

В XIX в. достаточно большое гнездо отразил В. ДАЛЬ (см. ДАЛЬ 1989: Т.1, 638, 640). В статье “Заставать”: *застаиванье*, длительн. *застойнье*, *застой*, *застоя* (ж. р), *застойка*, *застойный* (“застоявшийся, к застою относящийся”: *Застойная вода*), *застойчивый* (“склонный к застою”); *застоялый* (“застоявшийся, гов. о воде, товаре и под.”); *застоя*, *застояшка* (обл.: “защитник, покровитель, прибежище, заступник, кто *застаивает* или *застает* (*застаивает*) кого собою...”); *застойник*, *застойница*, *застойщик*, *застойщица* (“то же, *застоя*, заступник...”).

Что касается существительного *застой*, то оно поясняется так: “Всякая продолжительная или вредная остановка в движении чего-либо // место, где что-либо застаивается; *Застой* в росте, в крови, в торговле или торговле, образовании // Ярославск.: *застой*, участок леса, вырубленный, по сделке с владельцем, на продажу”. Очень удачно сказано: “Всякая продолжительная или вредная остановка в движении”!..

В Большом академическом словаре (БАС 1955: т.4, стлб. 922, 931) отмечены: *застаивать~застоять*, *застаиваться~застояться*, *застой*, *застойность*, *застойный*, *застойно* - всего 8 слов (без учета видовых различий - 6), в то время как ДАЛЬ давал 14 слов!

Такая ситуация в словарях позволяет нам проверить, насколько активизируются компоненты лексико-словообразовательного гнезда (или парадигмы) в период интенсивного использования доминанты такого гнезда.

Инициатор перестройки отметил застойные явления в обществе достаточно давно. Поскольку предметный указатель к его семитомному изданию "Избранных речей и статей" не содержит термина *застой*, мы не смогли точно установить первое употребление этого слова. По данным сплошной проверки второго тома (ГОРБАЧЕВ Избр. 1987), отражающего время от февраля 1984 по октябрь 1985 гг., нами выявлено 4 случая, один из них в адъективной форме, срав.:

Но при *застойном* сохранении (?) устаревших элементов производственных отношений может наступить ухудшение экономической и социальной ситуации (с. 81) -

это относится к 10 декабря 1984 г. В известном выступлении от 23 апреля 1985 г. (начало отсчета перестройки) ГОРБАЧЕВ употребляет слово *застой* один раз и к тому же только по отношению к кадровой политике:

Но это не может сопровождаться каким бы то ни было *застоем* в движении кадров (с. 164).

Снова то же 17 мая 1985 г.:

... сочетать в кадровом корпусе опытные и молодые кадры. Это самая надежная гарантия и от косности, *застоя* и от авантюризма, волюнтаризма (с. 222).

И, наконец, в целом по отношению к экономике, срав.:

Ныне 'затратный' путь развития экономики обрекает страну на *застой* (с. 254).

Таким образом, 'социальное пространство' *застоя* первоначально ограничивается кадровой политикой, а затем - экономикой и шире - всей страной. Правда, выражено это в самой общей форме. Лишь после 1985 г. термин *застой* будет покрывать практически все 'социальное пространство', т.е. все советское общество, все стороны его жизни.

В Большом академическом словаре (т. 4, стлд. 931) интересующее нас значение толкуется, как "остановка в развитии, совершенствовании и т.п. В обществе *застой* совершенный: все скучают адски (Тургенев, *Новь*)". Проиллюстрируем примерами из наших материалов:

К какому прошлому хотят вернуть страну силы торможения? К *застою*, синоним которого распад? (ЛГ, 1988, 16, 20. IV); Собрать бы портретную галерею вельможных родственников, писанных кистями

наших известных живописцев, - получился бы салон Имитаторства и *Застоя* (из газет); Я бы назвал это явление не *застоем*, а движением вспять (писатель ЮРИЙ МУШКЕТИК; ЛГ, 1988, 25, 3); Раньше, при так называемом *застое*, молодому специалисту была гарантирована комната, а если повезет, то и квартира (СР, 1992, 145, 2).

Застой отражен уже в поэзии, срав.:

Краской черной и густой
В нашей жизни непростой
Красим мы всю 'застой'.
Хоть бы кто сказал: "Постой!"

... А *застой* как сухостой
В нашей жизни непростой.
Снова скрыт в листве густой
и зеленой
(Ник. Розанов. Фантом. - Эхо, 1992, 4,6)

Из стихотворения ИГ. ЛЯПИНА:

Дело в общем-то простое,
Сгреб трибуну - и вперед!
Кто-то хапал власть в *застое*,
Кто-то вот наоборот.

С существительным *застой* и производными от него (например, прилагательным *застойный*) образована уже масса устойчивых сочетаний, наиболее распространенные из которых говорят о времени бытования явления. Темпоральную характеристику *застоя* можно представить в виде списка контекстов, включающих, с одной стороны, чисто субстантивные словосочетания (С + род.п. *застоя*), с другой - адъективно-субстантивные (*застойный* + С):

С + застоя (род. п.)

1) годы застоя

Как только приближаемся к 80-ым годам, полемика становится неконкретнее. 'Годы застоя' - и все (из газ.); *В годы застоя* не только ресурсы страны расхищались, достояние наших детей и внуков, но было расхищено и время (Известия, 1988, 324, 19.XI)

2) пора застоя

В пору застоя это мало кого беспокоило, лишь теперь об этом стали говорить открыто (из газ.)

3) время застоя

Сейчас много пишут о перестройке, о новом мышлении, о *времени застоя*, когда все мы слишком вольготно жили, а на деле были просто нахлебниками (из газ.)

застойный + С

1) застойные годы

Если, конечно, не следовать сложившемуся в *застойные годы* принципу: говорит не тот, кому есть что сказать, а тот, кто умеет говорить (Правда, 1988, 23. VII); *Застойные годы* негативно отразились на проблемах национальной культуры и на языках; Первыми взлетают к новым должностям, титулам те, кто и до перестройки, в *застойные годы* чувствовал себя уютно (ЛГ, 1987, 40, 13)

2) застойная пора

... в речах в 'золотую' *застойную пору* все о нравственности, пеклись, а дела творили столь неблагоприятные... (Известия, 1988, 324, 19.XI); Мы освобождаемся от скованности *застойной поры* (Огонек, 1989, 7, 3)

3) застойное время

сейчас выходят на передний план те люди, которые брали на себя даже в самые *застойные времена* бремя решений (из газ.); *Застойное время* рождало не только 'теневую экономику', но и 'теневую администрацию' (Известия, 1988, 16, 1); *Застойные времена* не отказывались от завоеваний эпохи сталинизма (Известия, 1988, 286, 12.X); Самое страшное в те *времена*, которые мы называем 'застойными', было обезличивание (КП, 1988, 247, 1); 'Ножницы' образовались еще в *застойные времена*... (Известия, 1988, 290, 16.XI)

4) *период застоя*

Период застоя, который мы пережили, - уже далекое прошлое (из газ.); ...большинству пенсия назначена не обычная, а за особые заслуги перед обществом... в *период застоя* (Огонек, 1989, 1, 7)

4) *застойный период*

Нельзя все недостатки относить только к *застойному периоду* (из газ.); Институтское собрание было организовано в духе *застойного периода* (Правда, 1988, 343, 8.XII); Разночтения, касающиеся *застойного периода*, можно было бы не выносить сейчас на страницы газет (из газ.)

5) *эпоха застоя*

В этом специфика '*эпохи застоя*'. Ругая ее, мы 'забываем', что того все же не было (Известия, 1988, 318, 13.XI); Я предлагаю создать музей *эпохи застоя* (Известия, 1988, 13.X)

5) *застойная эпоха*

Застойная эпоха, как сейчас все пишут, в книге отражена во всей, можно сказать, полноте (из. жур.)

Кажется, здесь перебраны и использованы все возможные темпоральные характеристики! Но *застой* также характеризуется с точки зрения его кульминации (*разгар застоя*), *формы*; тех, кто его представляет (*охранители застоя*); появилась даже *психология застоя* (но, понятно, не как особая научная дисциплина), срав.:

Как говорили в *разгар застоя*, 'по обсуждавшемуся вопросу принято соответствующее постановление' (из газ.); Многие выбрали новую *форму застоя* - приветствовать, поддерживать все начинания и перемены (Известия, 1988, 122, 1.V); Выращивали и расставляли по признакам родства, личной преданности и угодничества целую рать *охранителей застоя* (из газ.); Что касается '*психологии застоя*', то ей есть еще одно объяснение (ЛГ, 1987, 13, 25.III).

Для нас важным является то, что *застой социальный* в стилистических целях связывается с *застоем физическим* (т.е. с первичным значением этого слова - см. выше), срав.:

Какую же цель преследовали именитые писатели, синхронно бросившиеся в мутную *лагуну застоя*? (ЛР, 1991, 15, 12.IV) (название статьи, из которой взят пример: "Синхронное плавание в водах застоя").

Показательно, что когда четко определилась альтернатива застою - перестройка, когда открыто стали говорить о том, что возврата к прошлому

нет, *застой* получил и 'именное' определение по фамилии руководителя страны того времени - Л. И. БРЕЖНЕВА, т.е. *брежневский*, срав.:

в период культа личности Сталина и *брежневского застоя* (ЛГ, 1988, 25, 22.VI); Что возмущало прежде всего рядового интеллигента в *брежневское застойное* время? То, что в Верховном Совете сидели доярки и чабаны (ЛР, 1992, 47, 5).

До перестройки застой охватил очень многие стороны жизни общества, потому и появилась необходимость дифференциации его по различным признакам: *всеобщий застой*, *духовный застой*, *экономический застой*, *хозяйственный застой*, *кадровый застой* и под., срав.:

Сейчас мы говорим о проблемах региональной экономики. Да, они существуют. И не сегодня они возникли, а медленно вызрели на ниве несовершенства экономических отношений и *всеобщего застоя* (Известия, 1988, 336, 1.XII); Нельзя объяснять *духовный застой* только атмосферой брежневских лет (ЛГ, 1988, 9.XI); Все рядовые труженики в пору *прошлого, веселого, пьяного, кругово-поручного застоя* жили надеждой: "Пройдет время... всех, про кого знаем да молчим, на чистую воду выведут!" (ЛГ, 1988, 2,13.I).

Многие социально ориентированные понятия стали характеризоваться (если они того заслуживали с точки зрения пишущего), как *застойные*, срав.:

Предлагаемая избирательная система станет надежным гарантом от злоупотреблений властью и *застойных явлений* как в экономике, так и в политике (Правда, 1988, 335, 30.XI); Это и привело впоследствии к прямому участию в образовании *застойной обстановки* в стране (ЛГ, 1988, 16. 20.IV); Ждали от них дела, а они, осуждая *застойные пороки*, сами быстренько и во многом охотно погрязли в них: машины, квартиры, пайки, зарубежные вояжи (из газ.); А тут нам навязывают *застойный*, сто раз доказанный своей бесполезностью, метод (ЛГ, 1988, 45, 9.XI); не будет нам ничего, кроме безвластия да старого, знакомого, *застойного болота* (Огонек, 1989, 13);

Появился даже *застойный язык*, срав.:

Получив информацию из витринно-сувенирных текстов, написанных *застойным языком*, в застойные годы, о всеобщем нашем благоденствии, об изобилии, о самом лучшем советском, студент иностранец во время учебы в СССР с удивлением открывает для себя совсем иную жизнь... (Огонек, 1989, 37, 24).

Застойным и *застоявшимся* был признан и социализм:

Она из той части 'простых' итальянцев, которые, несмотря на все ухищрения поносивших наш, *застойный социализм* 'идеологических пиратов', оставались верными друзьями первой в мире страны, осво-

божденной от эксплуатации человека человеком (МЭ, 1990, 14. XI); Однажды в глухую полночь *застоявшегося социализма* Татарников начал достаточно ясно осмысливать происходящее (Огонек, 1989, 20, 2).

+ + +

Словообразовательные потенции основы *застой-/застаи-*, как мы это видели на примере словаря В. ДАЛЯ, достаточно велики, однако в плане социально ориентированного употребления задействовано лишь несколько. Кроме уже затронутых *застой* и *застойный*, в употреблении 'всплыла' субстантивная форма от *застой* - *застойщик* в значении "представитель застоя, апологет застойной общественной системы". Однако у В. ДАЛЯ этого значения данного слова нет: *застойщик* у него - это заступник (с. 640). В перестроечное время существительное *застойщик* было, вероятно, сконструировано независимо от 'далевского' *застойщика*, по известной модели "основа/корень + *-щик*" - как *перестройщик*. Разница еще и в том, что *застойщик* В. ДАЛЯ - это народное слово, в то время как перестроечное *застойщик* - это окказионализм, который уже практически и не вспоминают. Пример:

Но надо ли удивляться метаморфозе с этими *застойщиками*, если вся система работает на их возвращение (М. ЛОБАНОВ; ЛР, 1991, 7, 15. II).

От *застойный* образовано существительное *застойность*, кодифицированное современными словарями русского литературного языка. Однако, например, по БАС (БАС 1955: т.4, стлб. 931) *застойность* - это "свойство, состояние застойного" и тут же приводятся два примера, отражающих состояние физическое, а не социальное: "*Застойность воды. Застойность крови*". Перестройка, таким образом, внесла в существительное *застойность* социальное значение, до того не уточненное словарями, срав.:

Последнее двадцатилетие, пораженное вирусом *застойности*, настоящие писатели всегда честно сражались за обновление общества... (Б. ОЛЕЙНИК; ЛГ, 1987, 19, 6. V); Перестройка - не только избавление от *застойности* и консерватизма (М. ГОРБАЧЕВ; Правда, 1987, 307, 3. XI).

Отмечены редкие случаи компаративации прилагательного *застойный* - с помощью *самый*, срав.:

До сих пор одним из любимейших чтений моих остается выпущенный в *самые 'застойные'* времена великолепно иллюстрированный двухтомник "Мифы народов мира" (Огонек, 1989, 11).

Само прилагательное *застойный* с его социальным значением, благодаря перестройке, подверглось префиксации: стали возможными *антизастой-*

ный в значении “противопоставленный застою”, *дозастойный* в значении “характерный до времени застоя”:

Их отбирали по чину..., по степени ярости их антисталинской или *антизастойной* демагогии (ЭДУАРД ЛИМОНОВ; СР, 1992, 164, 31.ХП); Политика подавления русского народа, проводившаяся *застойными* и *дозастойными* лидерами, обернулась бедой для сам националов (День, 1992, 1, 2).

Прилагательное *застойный* стало участвовать в дефисном сложении: *застойно-спокойные* времена, *застойно-беспечное* существование и под.:

А обстановка, сами знаете, была не ахти: разгул ГУЛАГа, потом кукурузный волюнтаризм, следом *застойно-застольные* годы со всеми их прелестями (Гласность, 1990, 15, 1); *сталинско-застойные* годы / времена (Дем. Рос., 1990, 4, 11).

Кстати, в последних примерах второй компонент нередко в стилистических целях используют, ввиду фонетической похожести, т.е. паронимического свойства, как заменитель или, по-другому, синоним прилагательного *застойный*, срав. еще один пример:

В ‘*застольных*’ годах, за папиросным дымом ночных партсобраний, за колючкой мордовских лагерей, за батальонами наших ровесников, не вернувшихся из Афгана, - там осталась наша колыбель (КП, 1992, 173, 17.ГХ).

У *застоя*, как и у *перестройки*, оказались ‘свои’ *прорабы*, *певцы* и т.д.:

Пусть о деятельности ‘*прорабов застоя*’ трубят газеты, журналы. (Огонек, 1989, 1, 7); Гласность надо беречь... Она торчит поперек горла тайных и явных *певцов застоя*... (Огонек, 1989, 13).

+ + +

Как видим, социальный заряд, вложенный в понятия-слова *перестройка*, *гласность*, *демократия-демократизация*, *застой*, сделал их ключевыми в перестроечное время. ‘Первые слова перестройки’ резко активизировались в употреблении, стали наиболее частотными по сравнению с другими словами-терминами, до невероятных объемов расширилась их синтаксическая валентность, раскрылись словообразовательные и фразеологические потенции. Более того, семантически они стали оказывать давление на другие слова, т.е. шла работа, если так можно выразиться, по ‘семантическим сдвигам’. Правда, это последнее в основном касается слова *перестройка*.

Нередко ключевые слова-понятия, маркированные как позитивные сущности (само собой разумеется, исключая слово *застой*), употребляются

вместе, тем самым выстраивая в ряд социальные доминанты перестройки, срав.:

А может быть, пора покончить в нашей партии на пятом году *перестройки, гласности, демократизации* нашего общества с так называемой закрытостью? (Огонек, 1989, 45, 4); В редакционном отделе у нас лежит самодельный плакат. На нем многократно повторенные вариации газетных заголовков со словами *перестройка, гласность, демократизация*. А сверху над ним крупно - предостережение-вопрос: "Не заболтаем?" (Правда, 1988, 23.VII).

Особенно часто выделяются два результата перестройки - *гласность и демократия*:

И самым мощным оружием должна стать *гласность и демократия* (ЛГ, 1986, 39, 24.IX); Что из этого получается, мы все знаем, пережив и 'культ личности', и 'волевое руководство' и 'застойный период'. Теперь - *гласность и демократия* (из газ.); Под видом *гласности и демократии* ряд деятелей выступили с заявлениями, прямо-таки дезинформирующими общественное мнение (ЛГ, 1987, 19, 6.V); *Демократия и гласность* вводят реальную шкалу ценностей, снимая парики с тех, кто десятилетиями рядился в одежды слуг народа (Огонек, 1989, 17, 29).

В первые годы перестройки в 'связке' лексических доминант выступали также *критика*, излюбленное словосочетание М. С. ГОРБАЧЕВА - *критика и самокритика* (взятое, впрочем, из дубового языка доперестроечных времен), *социальная справедливость, правда, плюрализм (мнений)*, в том числе и *социалистический*, и др., срав.:

В праздничной заводской колонне на ноябрьской демонстрации он появился с плакатом: "Я за *перестройку, гласность, критику и демократию*" (Огонек, 1989, 16, 2); на знаменах перестройки написаны слова *демократия и социалистический плюрализм мнений* (Огонек, 1989, 40, 2); *Демократизация, гласность, плюрализм мнений, правда и объективность* - все это нормы, к которым тяготеет современная жизнь (Поиск, 1989, 1, 1); сегодня они защищаются, прижимая к груди новомодные скрижали со словами о *демократии, гласности, социальной справедливости* (Огонек, 1989, 21, 6).

Срав. также в известной степени дублирующий *перестройку* термин *реформа* (нередко *экономическая, радикальная экономическая* и т.д.):

Именно они выдвигают и разрабатывают идеи, воплотившиеся в метафорах *перестройка, гласность, радикальная экономическая реформа* (Позиция, 1990, 1, 2).

Позднее эти 'сопроводители' постепенно исчезают из цепочки лексических доминант, поскольку частью оказались достигнутыми (например, *критика*,

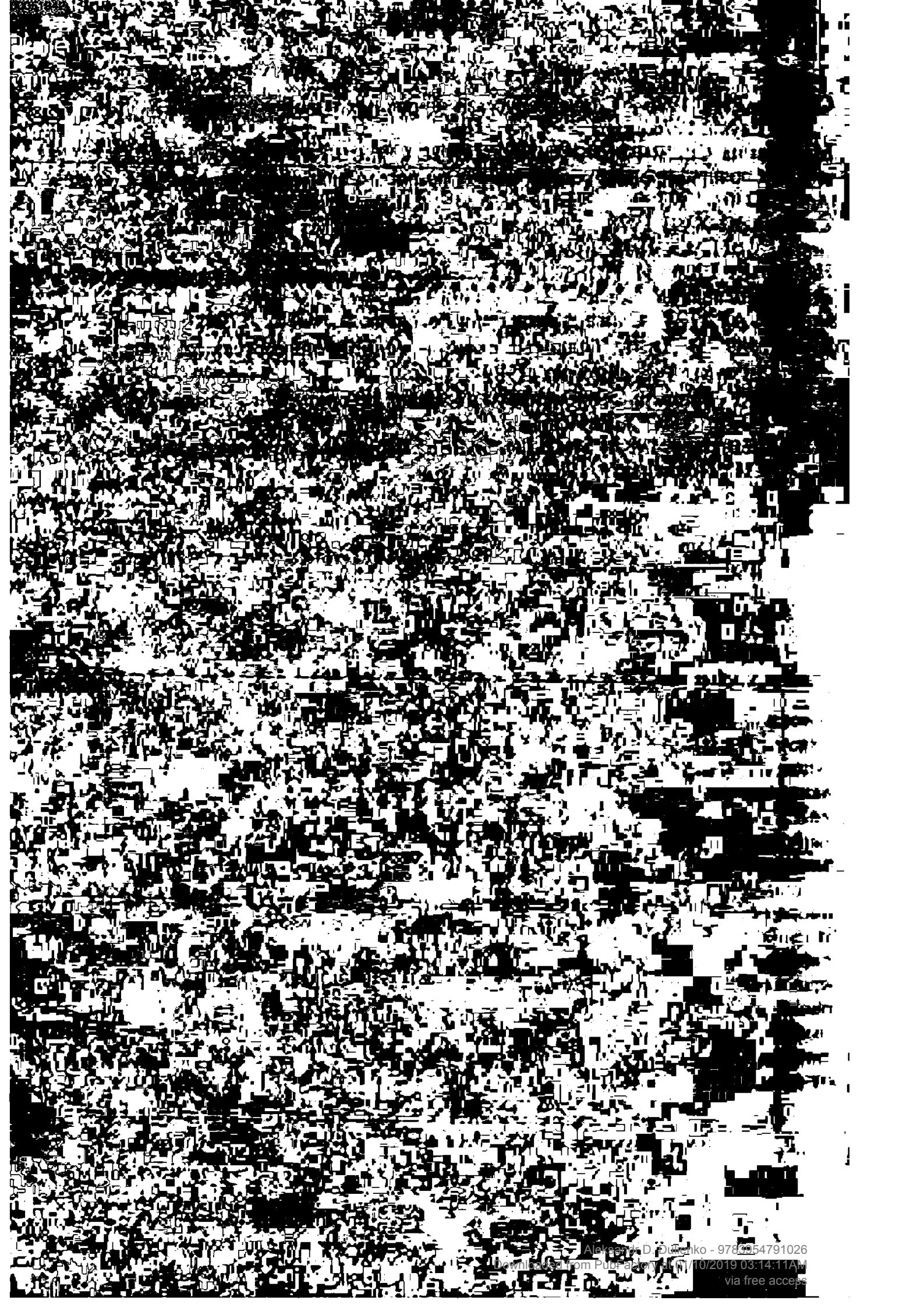
в некотором смысле также *плюрализм*), а частью так и остались недостижимыми (например, *социальная справедливость*).

Впрочем, налицо все признаки того, что 'остывает' интерес общества и к суперслову-понятию конца XX столетия *перестройка*. Вызвано это тем, что ее результаты оказались во многом непредсказуемыми. Перестройка фактически изжила себя. Потому с лингвистической точки зрения термин, ее обозначающий, ждет та же судьба, что и другие слова-термины, например, *застой*. Он постепенно станет историзмом - не случайно в этой связи появление префиксально осложненного новообразования типа *постперестройка* и типа контаминации *катастройка*. Становятся историзмами слова и выражения, отражавшие конкретные аспекты перестройки, как, впрочем, стали уже достоянием истории многие ключевые слова и выражения, 'запущенные' в социум перестройкой и задолго до нее, срав. их перечисление в нижеприводимом тексте:

Региональный хозрасчет, самофинансирование, самокупаемость, арендный подряд, договорные цены и так далее - все это постоянные темы наших газет, журналов, радио, телевидения...; совсем недавно говорилось о бригадном подряде, об экономических преобразованиях 1979 года, новых формах учета экономической деятельности предприятий, о первой и второй моделях хозрасчета... А еще раньше - об эффективности хозяйственной реформы 1965 года. А до этого о замечательной новинке - совнархозах... И еще о многом-многом другом, если заглянуть вглубь истории нашей страны - этому перечню конца и края нет (Огонек, 1989, 13, 6).

Однако та социальная и лингвистическая роль, которую сыграло слово-понятие слово-термин *перестройка* за столь короткое время, несомненно заслуживает того, чтобы оно (вместе с другими ключевыми словами-понятиями) было подробно проанализировано, ибо перед нами - редкий случай социального воздействия на слово, проходящего буквально на глазах. Как мы уже видели, результаты такого воздействия просто поражают воображение, и не только языковеда-профессионала... Из лексических доминант времени перестройки лишь *демократия* по-прежнему активно используется всеми слоями общества, хотя, как мы показали, понимается это слово по-разному и отношение к нему весьма неоднозначно у различных общественных течений и движений. Лексико-словообразовательный вариант *демократизация* был актуальным и активно употреблялся особенно в первые годы перестройки; в послеперестроечное время это 'процессное' слово практически вытесняется 'словом факта (явления, сущности)' *демократия*. Если верно, что история повторяется, то зададим себе вопрос: уходя, не вернутся ли рассмотренные лексические доминанты когда-то снова? Время покажет...

- Словарь РНГ 1976 - Словарь русских народных говоров. Вып. 11. - Л.: Наука, 1976.
- Материалы СРЕЗНЕВСКОГО 1893 - И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ. Материалы к Словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. - СПб., 1893.
- Словарь XI-XVII 1978 - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 5. - М.: Наука, 1978.
- НОРДСТЕТ 1780 - И. НОРДСТЕТ. Российский с немецким и французским переводами словарь. Ч. I. - СПб., 1780.
- Словарь АР 1794 - Словарь Академии Российской. - СПб., 1794.
- ДАЛЬ 1989 - В. ДАЛЬ. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. - М.: Русский язык, 1989.
- БАС 1955 - Словарь современного русского литературного языка. Т. 4. - М.-Л.: АН СССР, 1955.
- ГОРБАЧЕВ Избр. 1987 - М. С. ГОРБАЧЕВ. Избранные речи и статьи. Т. 2. - М.: Политиздат, 1987.

Глава III

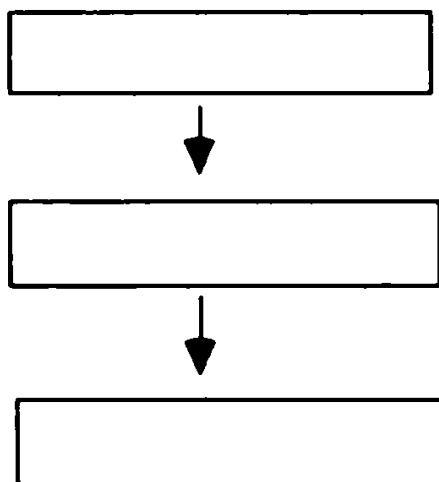
Смена лексических парадигм

При изучении вопросов взаимосвязи социального и языкового нетрудно заметить, что скорость движения, темпы социальных изменений не идут в ногу, не параллельны скорости движения языковых изменений: последние совершаются медленнее и не обязательно коррелируют во всем, в своих конкретных проявлениях, с изменениями социальными. Новые социальные отношения, признаки и проч. не обязательно обслуживаются только новыми языковыми единицами - таковые действительно неизбежно появляются; для отражения новых социальных явлений наряду с новыми языковыми единицами используются и старые, т. е. такие, функциональные характеристики которых носят более универсальный характер (а не просто конкретно-ситуативный). Так, слово *демократия*, зафиксированное словарями русского языка еще в XVIII в., какие бы социальные потрясения ни переживало русское (и не только оно) общество, употреблялось всегда, при любых общественных отношениях, хотя, конечно, определенные ограничения на его функционально-семантическое пространство накладывались. В советское время было стремление структурировать его по идеологическому признаку: *наша, т.е. советская, социалистическая, демократия - их, т.е. буржуазная, демократия*. Весьма специфично, а зачастую и противоречиво трактуется слово-понятие демократия в перестроечное и постперестроечное время. Но даже несмотря на это слово *демократия* во все времена понималось как 'народовластие'.

Нас будет интересовать не только выше описанная ситуация, но также и те языковые изменения, которые непосредственно коррелируют с изменениями социальными. Социально-языковая корреляция показательна для лексики, в частности, для определенных лексических парадигм, обслуживающих общество в тот или иной период его существования.

Поясним, что под лексической парадигмой предлагается понимать совокупность лексем, по-другому - лексическое или лексико-словообразовательное гнездо, поле, группу, предназначенное для выражения предметов, отношений, свойств и т.д. какой-либо одной социальной сферы. Поскольку такие гнезда - поля - группы рассматриваются нами в диахронном плане, то факт обнаружения их сменяемости в связи с социальными изменениями дает основание называть их парадигмами (к тому же гнезда - поля - группы можно представить в виде 'вертикального' списка, т.е. 'столбиком', что уже самой формой напоминает также парадигматическое построение). Парадигму в диахронии можно представить в виде схемы:

схема парадигм

В этом смысле мы выделяем в русском языке XX столетия в ряде лексических парадигм дву- и трехкратную сменяемость. Совершенно очевидно, что далеко не все единицы лексической парадигмы могут быть подвержены смене (что-то сменяется, а что-то - остается). В целом процесс смены в одной и той же лексической парадигме можно представить таким образом: 'собственно русизмы' (или 'досоветизмы') → советизмы → постсоветизмы. Поясним, что термин *собственно русизмы*, чтобы не понимать и не воспринимать его, как 'масло масляное', здесь весьма условен и выражает характерное для русского языка, т.е. нечто, напоминающее экзотизмы; что касается постсоветизмов, то в это понятие мы включаем и лексику времени перестройки ('перестроизмы?'), и постперестройки ('постперестроизмы?').

1. Кое-что о советизмах

Советизмы сами по себе составляют лексическую парадигму в широком смысле слова. Мы бы расширили понятие советизмов за счет того, что включили бы сюда не только лексические обозначения, выражающие специфические признаки, свойства советского общества, но также и ту более или менее нейтральную лексику, которая интенсивно эксплуатировалась в период после от послереволюционного 1917 года до перестроечных лет, т.е. до середины 80-х - начала 90-х гг. Советизмы работали на 'советскость' и в целом создавали так наз. дубовый язык официального стиля доперестроечного времени.

Аналізу советского официального 'дубового языка' посвящено не так уж много работ: в отечественной русистике таковых практически нет на настоящее время, а в зарубежной одной из значительных является монография французского слависта, ныне профессора славистики Лозаннского университета в Швейцарии, ПАТРИКА СЕРИО, вышедшая в Париже в 1985 г. под названием "Анализ советского политического дискурса" (SERIOT 1985). Коснемся здесь лишь некоторых аспектов этого лингвистического явления.

В 60-е гг. у советизмов появилась своя метафора - *слова, рожденные Октябрем* (кстати, созданная специалистом в области русского языка НАДЕЖДОЙ ПАВЛОВНОЙ АГАФОНОВОЙ, однако 'похищенной' у нее, из ее статьи, посланной в те годы в один из московских научных журналов и потому - не опубликованной). Эти слова вошли во все лексикографические справочники, им посвящено множество специальных исследований, ряд из которых хорошо известны. Однако если говорить о лексикографической стороне 'слов, рожденных Октябрем', то отражена в словарях оказалась лишь небольшая их часть - те, что наиболее полно отражали советскую идеологию и особенности советского образа жизни, 'советскость'. К большому сожалению, до сих пор осталось лексикографически не обработанным и не представленным огромное число неологизмов послереволюционного времени, особенно 'однодневок', а также таких, что использовались и были понятны практически всем носителям русского языка в течение нескольких лет, десятилетия-двух и более. Тысячи газет и журналов 20-30-х гг. и позднейшие издания практически не обработаны с лингвистической точки зрения (за небольшим исключением, и то по преимуществу по частным вопросам). А между тем эти слова и выражения, хранящиеся до сих пор в 'темных подвалах' словаря русского языка, дали бы очень много для осознания нами потенциальных словообразовательных и лексико-семантических возможностей нашего языка. Взять хотя бы названия журналов 20-30-х гг., скажем, на религиозную, точнее - антирелигиозную, тему. Тоталитарная идеология того времени, направленная, в частности, на разрушение традиционной русской культуры и православия, была, с одной стороны, примитивна в выборе языковых средств, с другой - нередко про-

являла моменты языковой изоэщенности. Кто из нас дошел бы до мысли, что от существительного *религия* можно образовать другое существительное, скажем, со значением деятеля, лица? А в 20-30-е гг. издавались годами и имели огромную читательскую аудиторию журналы под названием “*Антирелигиозник*” (Москва, 1924-1941) - “научно-методический журнал, орган Центрального Союза воинствующих безбожников СССР”, “Блокнот *агитатора-антирелигиозника*” (Иваново, 1938-1939) и даже “Методическое письмо заочнику-антирелигиознику” (Москва, 1938-1941) и т.п.; далее “*Безбожник*” (издавался на разных языках), “*Воинствующий безбожник*”, “*Деревенский безбожник*”, даже “*Веселый безбожник*”, даже “*Безбожник у станка*” и даже “*Средне-Волжский безбожник*”!... (Периодическая печать СССР 1917-1949).

Впрочем, такая же задача стоит и в связи со словами, рожденными перестройкой. Институт русского языка в Москве регулярно публиковал в свое время словари новой лексики - так вышли словари серии “Новые слова и значения” (по материалам прессы и литературы 60-х гг. и 70-х гг.). Однако если в те годы новую лексику (хотя бы только по материалам центральной, т.е. московской, прессы) еще можно было собрать и как-то обработать, то в перестроечное время в связи с появлением огромного числа совершенно новых периодических изданий, а также в связи с интенсивнейшим словотворчеством на их страницах продолжение такого рода работы едва ли возможно небольшим коллективом сотрудников. Однако такая работа весьма необходима. Уже сейчас “Словарь языка перестройки”, если бы он составлялся, занял бы многие тома.

К сожалению, нет у нас по существу и словарей советской застандартизованной лексики и фразеологии периода застоя, т.е. до перестройки. Между тем, есть немало текстов - ‘гроздьев’ - настолько они насыщены такой лексикой и фразеологией. В качестве иллюстрации приведем, к примеру, ‘поэтическое произведение’, названное “Наше время. (Поэма размышлений)”, составленное, кстати, членом Союза писателей и опубликованное в 1974 г., в разгар застоя. Говорить о ‘поэтическом мастерстве’ здесь не имеет смысла - достаточно прочесть уже первые строки. Но для нас этот образчик, который мог бы быть написан и более умело, важен с лингвистической точки зрения, т.е. своей насыщенностью советской застандартизованной лексикой. Вот сам текст:

Было многое под вечным небосводом,
Цвела и плакала в столетиях Земля,
Но где найти в истории народов
Страну такую, как моя страна!
Все отдаем для общего мы дела,
Свершеньям не было и нет предела.
Наш век велик достойными делами,
Не вместит их книга ни одна.

Страница ж главная - всегда за нами,
За тобой, Советская страна.
И знаменитым сделал этот век
Наш простой советский человек.
Пройдут века, тысячелетья,
Отмеченные мужеством годá,
Но подвигов народное соцветье
Для всей планеты - слава навсегда.
Все это мы - своей страны сыны -
Сейчас особенно ценить должны.
Славны те, кто родились в двадцатом,
В годы напряженного труда,
Были в деле доблестном и ратном,
Строили заводы, города.
Покорили своей волей целину,
Дорогу проложили на Луну.
Сын Октября пытлив, настойчив,
Не считаясь с жертвами веков,
Дела наукой, техникой упрочив,
Рвет притяжение земных оков.
Первыми мы к звездам прорвались,
Освоили космическую высь!
Гордимся тем, что были рядом
С особо одаренными людьми,
Которые космическим снарядам
Наш герб послали от Земли.
И наши парни на высоких скоростях
Не раз бывали в космосе в гостях.
Мы первыми сказали слово
В создании межпланетных кораблей,
Все будут помнить гений Королева,
Гагарина - Икара наших дней.
Какое счастье в эти годы жить
И подвиг своим сердцем оцугить!
Рады мы одержанным победам:
Полям целинным, городам в тайге,
Новому проложенному следу
В Антарктиде, хоккеистам на катке.
Девиз прекрасен нашей эры -
Во всем, всегда быть только первым.
Сердца наши раскрыты всем народам,
С мечтой о них работаем, живем.
Желанный мир, завоевав свободу,
Мы братьям по планете всей несем.
Пожар войны в любом Земли краю
Всегда мы тушим, как беду свою.

Голос наш звучит во всей Вселенной,
 На своих плечах несем планеты груз.
 Да здравствует могучий и нетленный
 Серпа и Молота Союз!
 Свет великих Ленинских идей
 Распространился по планете всей!
 И слушает торжественную оду
 О подвигах страны моей Земля.
 Родиться, жить в такие годы -
 Что может быть прекраснее, друзья!
 В делах любых участие наше есть
 И достижений всех не перечесть.
 Страна давно свой изменила облик,
 Сады раскинув средь пустынь, степей.
 Цветет Союз пятнадцати республик
 И автономных равных областей.
 Живет единым помыслом страна -
 Народов дружная семья одна.

И это только первая глава...

По отношению к Советской стране и советскому человеку здесь весь набор лексических и сочетаемостных средств дубового языка. Ср., например, адъективно-субстантивные доминанты типа:

простой советский человек, отмеченные мужеством года, (подвигов) народное соцветье, (годы) напряженного труда, в деле доблестном и ратном, (освоили) космическую высь, одержанные победы, поля целинные, могучий и нетленный (серпа и молота) союз, (свет) великих ленинских идей, (союз пятнадцати республик и) автономных равных областей, (живет) единым помыслом (страна), (народов) дружная семья одна и под.

Глагольно-субстантивные доминанты типа:

отдадим для (общего) дела; строили заводы, города; покорили целину, дорогу проложили на Луну, к звездам прорвались, освоили (космическую) высоту, герб послали (от Земли), (первое) сказали слово, подвиг оцутить; с мечтой работаем, живем; тушим пожары (войны), (голос наш) звучит по (всей) Вселенной, на (своих) плечах носим, достижений всех не перечесть, (страна) изменила облик, цветет Союз, живет (единым) помыслом (страна)...

Список стандартной лексики:

история, (Советская) страна, народы, свершенья, (наш) век, книги, страница (главная), (наш простой советский) человек, мужество, подвиги, планета, слава (навсегда), (своей страны) сыны, (напря-

женный) труд, (доблестные, ратные) дела, (строили) заводы, города, (покорили) целину и т.д. и т.п.

Теперь имело бы смысл обратиться к произведению, написанному профессионально, но составом лексики и сочетаемостными качествами слов стоящему в том же ряду, что и выше приведенное. 'Классическим' образцом в этом отношении может послужить стихотворение поэта ЕВГЕНИЯ ДОЛМАТОВСКОГО "Азбука", написанное, как кажется, не только под впечатлениями 'громких свершений', но и с целью попасть 'во все хрестоматии и антологии'. Поэт для каждой буквы русского алфавита нашел свою советскую лексическую доминанту:

Да, мы зовемся коммунистами,
 И шепчет циник кривогубый,
 Что только азбучные истины
 Одни нам дороги и любы.
 Давно уж способами разными
 Испытывают нашу веру.
 Согласен! Азбука так азбука!
 И приведу ее к примеру:
Атака.
Братство!
Вдохновение.
Геройство.
Долг.
Единство.
Жажда.
Звезда.
Исканья.
 Есть значение
 В той азбуке для буквы каждой.
К - Коммунизм.
Л - Ленин, ленинцы.
М - это мир.
Н - это нежность.
О - знак Огня и Откровенности.
П - это наша принадлежность
 К великой партии.
Р - Равенство.
Свобода.
Труд.
 И *Убежденность,*
 Всегда нам *Фантазеры* нравятся.
Характер.
Цельность.
Честь ведет нас.
 Есть *Ширь,*

И Щедрость,
 И Энергия.
 И Юность вечная в пути.
 А буква Я?
 Сто раз проверь ее,
 Пред тем, как вслух произнести.
 Ее выпячивать негоже нам,
 Как личное местоименье,
 Лишь только
 В Я,
 На Мы помноженном,
 Находит силу современник.
 В нелегких буднях и на праздники,
 Служа грядущему, как чуду,
 Такой придерживаюсь азбуки
 И до конца ей верен буду.
 (из: Книжное обозрение, 1976, 9, 8).

Здесь, как видим, и боевая героика (*атака, геройство, звезда, огонь*), и стержневые слова советской идеологии (*коммунизм, Ленин, ленинцы, партия = КПСС*), и лозунги общества (*братство, единство, равенство, свобода, труд*) и т.д. Здесь противопоставление *я - мы* в пользу последнего... Ясно, что поэт (впрочем, как и другие поэты того времени) выполнял 'социальный заказ'. Не случайно минское издательство "Мастацкая літаратура" выпустило "Азбуку" в виде миниатюрной отдельной книжечки к XXV съезду КПСС...

Застандартизованность языка советского времени была обусловлена, имела свои причины - ее формировало однообразие идеологическое. Бесчисленно раз повторялись одни и те же слова-понятия в разных ситуациях, но всегда для одной цели - 'решению' какой-либо задачи, поставленной КПСС перед обществом. Показательными являются в плане выделения лексических доминант времени эксцерпции слов, включенных в названия периодических изданий (прежде всего газет), издававшихся начиная с 1917 г. Так, в стране выходило 27 газет под названием "Авангард", около 75 - типа "Большевик", "Большевистский..." и под., около 300 типа "Коммуна", "Коммунар", "Коммунизм", "Коммунист", "Коммунистический/-ое/-ая (*заря, борьба, молодежь, мысль, правда, призыв, путь, темп, труд, знамя, завтра, слово, строительство* и т.д.)", более 800 названий с основой *красн-* и под. Десятками и сотнями насчитывались газеты, содержавшие в названиях своих лозунгово-призывные слова типа: *борьба, вперед, завет, заря, знамя, путь, правда* и многие другие (Газеты СССР 1976). Лексика названий периодических изданий, конечно, менялась, однако, как правило, лишь в русле того же идеологического направления. Мы сопоставили изменение названий районных газет Краснодарского края по двум справочникам - один из них фиксирует газеты за 1955-1960, а другой

- за 1961-1965 гг. (Летопись периодических изданий 1962: ч. II, 20-26; (Летопись периодических изданий 1967: ч. II, 21-28): из 46 газет за небольшой срок изменили названия 19. Вот состав названий (в скобках - число одинаковых названий):

"Адлерская правда"		"Колхозная трибуна",
"Апшеронский рабочий"		"Правда колхозника"
"Дзержинец"		"Знамя социализма"
"По пути Ильича"		"Вышка"
"За первенство"		"Колхозный ключ"
"За коммунизм" (2)		"Знамя победы" (2)
"Заря коммунизма"		"Советская правда"
"Социалистический труд"		"Знамя Ленина"
"Знамя труда"		"Знамя коммунизма"
"Ленинское знамя"		"Социалистический путь"
"Под знаменем Ленина" (2)		"Калининец"
"По ленинскому пути"		"Путь к коммунизму"
"Знамя труда"	→	"Восход"
"Ленинец"	→	"Советское Черноморье"
"Белореченская правда"	→	"Огни Кавказа"
"Красное знамя"	→	"Прибой"
"Ейская правда"	→	"Приазовские степи"
"Социалистическая Кубань"	→	"Свет коммунизма"
"Знамя коммунизма"	→	"Призыв"
"Знамя коммуны"	→	"Кубанская новь"
"Колхозник"	→	"Вперед"
"Сталинец"	→	"Степные зори"
"Новокубанская правда"	→	"Свет маяков"
"Советское казачество"	→	"Сельская жизнь"
"Коммунист"	→	"Путь к коммунизму"
"Знамя коммунизма"	→	"Советское Приазовье"
"Колхозный путь"	→	"Заря Кубани"
"Красный Таманец"	→	"Таманец"
"Колхозное знамя"	→	"Знамя труда"
"Ленинский путь"	→	"Знамя труда"
"Советская Кубань"	→	"Сельская новь"

Поражает лексическое однообразие, составляющее названия газет, издающихся в одном крае: *трибуна, правда, рабочий, колхозник, Ильич* = *Ленин - ленинец, ленинский, первенство, коммунизм, труд, заря, социализм, путь, победа; труд - социалистический, знамя - ленинское, колхозное, правда - советская, путь - социалистический, ленинский, колхозный* и т.д. Впрочем, лексические компоненты этих сочетаний-названий легко меняются местами, срав.: *путь Ильича* → *по пути социализма, коммунизма; под знаменем Ленина* → *под знаменем социализма, коммунизма, труда, победы, правды; по ленинскому пути* → *по социалисти-*

ческому, коммунистическому, советскому, колхозному пути и под. В списке газет, изменивших названия, лишь несколько избавились от идеологической 'окраски', срав.: "Знамя труда" → "Восход", "Белореченская правда" → "Огни Кавказа", "Ейская правда" → "Приазовские степи", "Сталинец" → "Степные зори", "Советское казачество" → "Сельская жизнь", "Знамя коммунизма" → "Советское Приазовье" (но, советское), "Красный Таманец" → "Таманец". Впрочем, и такие слова, как *восход*, *огни*, *прибой*, *зори*, также можно считать 'представителями' идеологического словаря советского времени, формирующими дубовый язык (они тоже 'призывают' на борьбу, в туманные дали...). В то же время лексика и словосочетания ряда новых названий газет идеологически почти никак не редуцированы, срав.: "Советская Кубань" → "Свет коммунизма", "Коммунист" → "Путь к коммунизму", "Колхозное знамя" → "Знамя труда", "Ленинский путь" → "Знамя труда".

Просмотренные нами тома "Летописи периодических изданий СССР" за разные годы показали, что подобное лексическое однообразие в названиях газет (впрочем, и журналов тоже) - явление повсеместное, т.е. характерное для всех краев и областей страны. Тома, содержащие многие сотни страниц с перечислением названий периодических изданий можно было бы лексикографически обработать, однако в результате мы бы получили весьма скромный по количеству и объему словарь-словник - вероятно, не более нескольких десятков слов, притом процентов на 90 носящих отчетливо однообразный идеологический характер.

Подобной стандартной лексикой буквально наспигованы тексты доперестроечного времени - в большей мере официальные, несколько в меньшей - публицистические (здесь все зависит от содержания текста). Возьмем, к примеру, одно из очень небольших по объему 'выступлений' (всего пять абзацев) Л. И. БРЕЖНЕВА, которого иногда называют 'отцом застоя'. Во время вручения ему удостоверения об очередном избрании депутатом Верховного Совета РСФСР [Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика]. Это классический образец клишеированности советского политического языка доперестроечного времени, весьма ограниченного лексически и синтаксически. Правда, уверенности, что Л. И. БРЕЖНЕВ был способен на составление даже такого текста, нет: как стало известно во времена перестройки, все тексты для него писали 'придворные' референты, многие из которых затем стали 'первыми перестройщиками'. Но даже и в этом случае важно для нас то, каков был (безотносительно к авторству) язык официальной идеологии. Вот этот текст:

"Дорогие товарищи!

Позвольте мне, теперь уже как депутату Верховного Совета РСФСР, поблагодарить избирателей Бауманского избирательного округа Москвы. Я очень дорожу их доверием.

Стало привычным, что выборы за выборами в нашей стране проходят в обстановке полного единодушия. И все же хочу подчеркнуть сплоченность советского народа - явление выдающееся, предмет нашей большой гордости.

Партия никогда не почивала на лаврах, никогда не считала, что ее авторитет завоеван раз и навсегда. Поэтому мы стремимся сегодня делать больше, чем вчера, трудиться с большей отдачей сил во имя блага народа. У нашего народа нет более высоких и жизненных интересов, чем обеспечение мира, чем строительство коммунистического общества. Вся политика Коммунистической партии, все ее практические дела как раз и подчинены обеспечению этих интересов.

Спасибо вам, товарищи, за проявленное внимание, за добрые слова”.

Здесь и доверие, и (полное) единодушие, и сплоченность, и гордость, и авторитет, и сама партия. Далее следуют сочетания - ‘идеологические афоризмы’ доперестроечного времени типа: никогда не поживает на лаврах (партия); сегодня делать лучше, чем вчера; трудиться с большей отдачей сил, во имя блага народа, обеспечение мира, строительство коммунистического общества и др. Из этих ‘речей’ многочисленной армией пропагандистов и чиновников высшего и низшего рангов брались цитаты для ‘украшения’ собственных ‘выступлений’ и ‘речей’, срав. свидетельство этого в “Литературной газете”(1988, 9, 2.III): А цитатник изречений Л. И. БРЕЖНЕВА? Его вынуждены были завести, потому что по несколько раз на дню из министерства раздавались звонки с требованием срочно подобрать подходящие к случаю изречения.

Жанр информационных сообщений о пленумах ЦК КПСС также заслуживает специального внимания. Обратимся к такому тексту от 25 апреля 1989 г., т.е. в перестроечное время (опубликован в жур. “Огонек”, 1989, 18). Это типичный образчик официального сообщения с партийных пленумов. Представим здесь лишь должности выступавших в той последовательности, как даны они в тексте (в скобках количество употреблений, следующих друг за другом):

персональный пенсионер (4), первый секретарь обкома, персональный пенсионер, машинист экскаватора, советник президиума Академии наук, первый секретарь обкома, персональный пенсионер, почетный директор института, председатель исполкома, первый секретарь ЦК (республики), первый секретарь крайкома, первый секретарь обкома, первый секретарь ЦК (республики), председатель госкомитета, первый секретарь обкома (3).

Теперь список переведенных из кандидатов в члены ЦК КПСС:

первый секретарь обкома, заместитель председателя Совмина, вице-президент Академии наук, первый секретарь обкома, второй секретарь ЦК (республики), радиомонтажница завода, посол СССР, бригадир хлопководческой бригады, машинист экскаватора, бригадир слесарей-инструментальщиков, вице-президент Академии наук, се-

кретарь парткома, второй секретарь ЦК (республики), председатель Совмина (республики), бригадир шпукатуров-маляров, бригадир электромонтажников, председатель госкомитета, генерал-полковник, бригадир-овоцевод, директор госплемзавода, директор института, генеральный директор, заведующий отделом ЦК, вице-президент Академии наук.

Такая номенклатура в диапазоне 'от секретаря ЦК до машиниста экскаватора' - неперемное условие в мероприятиях подобного рода. Следившие за такими событиями люди прекрасно знали реестр должностей и их порядок представления и, несомненно, были бы удивлены, если бы в нем не обнаружили почему-то *бригадир слесарей-инструментальщиков, радиомонтажницы, бригадир шпукатуров-маляров* и под. Общество хорошо было знакомо с этим 'лексическим (или, шире, - лингвистическим) ассорти' и спокойно 'проглатывало' его.

Публицистические тексты доперестроечного времени испещрены идеологической лексикой, особенно если речь идет об успехах страны под руководством КПСС. Вот типичный образец текста (приведем отрывок из него), который необязательно документировать - он мог быть взят из любой газеты или журнала 50-70-х гг. почти в неизменном виде:

"Более ста наций и народностей нашей великой Родины объединены, живут и героически трудятся в едином СССР. Советских людей, независимо от их национальной принадлежности, сплачивает в единую родную семью общность классовых интересов, общая идеология - марксизм-ленинизм, одна великая цель - строительство коммунистического общества. Нерушимая дружба, братское сотрудничество народов СССР, расцвет их экономики, культуры - это результат мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии, ее неустанной работы по воспитанию наших людей в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма..."

Из текста легко вычленяется субстантивная лексическая парадигма ('столбик') и оценивающие ее компоненты - в основном это прилагательные, поэтому правый 'столбик', правую сторону мы назовем адъективной парадигмой. Срав.:

<i>нации и народности</i>	↔	<i>[объединенные]</i>
	↔	<i>объединены</i>
	↔	<i>живут и трудятся</i>
	↔	<i>героически</i>
<i>Родина</i>	↔	<i>великая</i>
<i>СССР</i>	↔	<i>единый</i>
<i>семья (советских людей)</i>	↔	<i>единая, родная</i>
<i>люди</i>	↔	<i>советские</i>
<i>интересы</i>	↔	<i>классовые</i>

<i>идеология</i>	↔	<i>общая</i>
	↔	<i>марксизм-ленинизм</i>
<i>цель</i>	↔	<i>великая</i>
	↔	<i>строительство</i> <i>коммунистического</i> <i>общества</i>
<i>дружба</i>	↔	<i>нерушимая</i>
<i>сотрудничество</i>	↔	<i>братское</i>
	↔	<i>народов СССР</i>
<i>экономика</i>	↔	<i>[цветущая] (расцвет)</i>
<i>культура</i>	↔	<i>[цветущая] (расцвет)</i>
<i>политика</i>	↔	<i>ленинская национальная</i>
<i>работа</i>	↔	<i>неустанная</i>
	↔	<i>Коммунистической партии</i> <i>по воспитанию людей</i>
<i>патриотизм</i>	↔	<i>советский</i>
<i>интернационализм</i>	↔	<i>социалистический</i>

Абстрактные субстантивные доминанты сами по себе стилистически нейтральны, срав. *интересы, цель, экономика, работа...*, за исключением СССР, Родина. 'Советизируются' же они посредством адъективных слов оценочного характера - *великий, единый, объединенный, общий, нерушимый, братский, неустанный, национальный* (хотя и здесь находим маркированные адъективы типа *ленинский, классовый*).

Проведенное нами моделирование лексического состава типичного образчика застандартизованного стиля советского времени ('дубового языка') показывает, насколько здесь беден словарь, как при этом крепка и постоянна 'привязка' прилагательных к определяемым ими существительным. Впрочем, поскольку речь идет о более или менее устоявшемся составе существительных, то можно говорить, что внутри этого состава (а не вне его) 'привязка' почти свободно варьирует, - 'своя как рыба в воде'. Это выявляется, например, методом субституции соответствующих прилагательных, срав.:

<i>нации и народности</i>	↔	<i>[объединенные], советские,</i> <i>социалистические, братские</i>
<i>Родина</i>	↔	<i>великая, единая, общая,</i> <i>[цветущая], советская,</i> <i>социалистическая</i>
<i>СССР</i>	↔	<i>единый, [объединенный], великий,</i> <i>(= родная страна), нерушимый,</i> <i>[цветущий]</i>
<i>семья</i>	↔	<i>единая, родная, объединенная,</i> <i>великая, общая, нерушимая,</i> <i>братская, [цветущая], ленинская,</i>

<i>интересы</i>	↔	<i>национальная, советская, социалистическая</i>
<i>идеология</i>	↔	<i>классовые, единые, общие, [национальные - узурально невозможное в ту пору]</i>
<i>дружба</i>	↔	<i>великая, единая, (классовая), общая</i>
<i>сотрудничество</i>	↔	<i>братская, нерушимая, великая, ленинская</i>
<i>экономика</i>	↔	<i>братское, (великое), классовое, (нерушимое)</i>
<i>культура</i>	↔	<i>[цветущая], единая, общая, советская, социалистическая</i>
<i>работа</i>	↔	<i>[цветущая], великая, единая, классовая, общая, братская, национальная, советская, социалистическая</i>
<i>интернационализм</i>	↔	<i>неустанная, общая, (великая) социалистический, классовый, братский, ленинский, советский</i>

Предложенный нами метод моделирования с вычленением из текста лексических доминант различной частеречной принадлежности, показом их почти свободной сочетаемости друг с другом может быть, вероятно, применен по отношению к любому тексту, исполненному 'общесоюзным косноязычием'. В каждом конкретном случае будет выявлено лишь количественно несколько иное соотношение лексических элементов и некоторое различие в их сочетаемостных свойствах.

Особого внимания заслуживают лексические серии (или ряды, 'обоймы') и связанные с ним устойчивые (неидиоматичные) сочетания, которые в 'сгущенном виде' либо разреженном, в пределах абзаца либо текста, одного текста либо нескольких способствовали формированию 'дубового языка', придавали ему своего рода 'лоск'. Компоненты такого ряда могли быть синонимами либо словами близкой функциональной направленности в ряду могли оказаться по соседству со словами и устойчивые выражения. Вопрос о лексических сериях требует специальной разработки, а это осложнено тем, что они, эти серии, до сих пор не выявлены в достаточном количестве. Мы в качестве образца приведем здесь несколько.

Всем жившим в доперестроечное время хорошо известен ряд глагольных серий с 'мобилизующей семантикой' и функциональным предназначением срав.:

Многословны, водянисты, дублируют часто решения облисполкома, изобилуют призывами к самим себе: *'поднять'*, *'усилить'*, *'укрепить'*, *'повысить'*... (ЛГ, 1986, 46, 12. XI).

Иногда такие серии 'порождали' целую теорию - показательна в этом плане 'лозунговая теория', которую можно назвать *'догнать и перегнать'* (Америку), о которой широко и шумно вещали в 60-е гг. при Н.С. Хрущеве. В обнаруженном нами примере эта глагольная серия так и называется - 'теория':

Я принимал участие в разработке теории *'догнать и перегнать Америку'*. И теперь те, кто об этом знает, время от времени звонят и спрашивают: "Когда перед народом отчитываться будете?" (Огонек, 1989, 23,6).

Вот пример 'эпитетной' серии, 'рисовавший' очередную пятилетку и особенно ее последний, 'решающий', год:

Пробовали давать имя каждому году очередной пятилетки: *'решающий'*, *'определяющий'*, *'завершающий'*, пробовали объявлять очередную *'пятилеткой эффективности и качества'*. Все пробовали. Результат известен - поезд отстал (Огонек, 1989, 51, 32).

К 20-30-м гг. относится множество лексических и фразеологических рядов из партийно-политической сферы; многие из них 'дотянули' до 50-х гг. и позднее, срав., например, такие в примерах:

Групповой уклон, фракция, оппозиция! У этих слов исторически сложившаяся зловещая окраска, от них и по сей день отдает трупным запахом эпохи...; Ведь совсем недавно ученого, взывающего к правде, совести, гласности, клеймили в газетах, журналах, по радио, не без обличающего публицистического пафоса называли *'опицпенцем'*, *'клеветником'*, *'антисоветчиком'*; Были созданы миф о *'врагах народа'*, миф о *'социалистическом реализме'*, миф о *'торжестве советской демократии'*, о *'победе советской биологической мысли в лице академика Лысенко'*, миф о нашей военной мощи (Огонек, 1989, 8, 11, 39).

Срав. также пропагандисткую серию, 'завязанную' на стержневом слове *трибуна* :

На памяти у всех бесконечно повторяющиеся в средствах массовой информации *'трибуны'*: *'трибуна передового опыта'* (а его-то было много меньше, чем возвещалось), *'трибуна пропагандиста'* (мы теперь знаем, сколь честной и действенной была эта пропаганда), *'трибуна новатора'* (а его-то если в шею не гнали, то с назойливой мухой сравнивали непременно), *'трибуна народной инициативы'* (где и кто ее находил?), *'трибуна бережливых'* (мы-то?). И так далее - названия книг, брошюр, рубрики газет (Огонек).

Нередко лексические и фразеологические серии оставались лозунгами - ими были украшены города и села. Здесь мы ограничимся примером 'негативного' лексического ряда, помещенного в лозунг и высмеянного сатириком:

Говорю серьезно: руководители Ижевска запретили мне въезд в этот город, потому что я стал высмеивать их плакаты. Ну, скажите, как можно вешать такой: "Бюрократам, пьяницам и тунеядцам не место в нашем городе". Я спрашиваю: "А где им место? На Марсе?" (из газ.).

Материал этот богатейший и требует, как мы заметили уже, специального рассмотрения. Мы же добавим, что 'дубовость' языка хорошо ощущали простые люди. Показателен в этом отношении отклик одного из читателей "Литературной газеты" в самом начале перестройки (1986, 39, 24.IX):

"Истинным бедствием является засилье в периодической печати, радио- и телепередачах унылых языковых штампов и фальшивых словесных 'красивостей', изобилие ненужных метафор и просто слов-уродов. 'Притчей во языцех' стали уже *труженики* всех мастей, *золото* различных цветов и консистенции - *черное, белое, зеленое, жидкое, мягкое*. Не успевают потускнеть (или попасть в словарь) старые 'перлы', как возникают новые. Уже несколько лет мельтешат на страницах газет и порхают в эфире такие словечки с претензией на изящность, как *добротный, весомый, хлеборобы, корабель, сельчане, заводчане*. Резвые журналисты, а за ними и стремящиеся не отставать читатели в своих письмах все чаще величают *сено витаминным кормом, а петрушку и лук, соответственно, витаминной продукцией*. У них не *санаторий*, а *здравица*, не *больница*, а *кузница здоровья* (странно, почему врачей до сих пор не нарекли кузнецами?), *газ*, конечно, - *голубое топливо*, а *железная дорога* - *стальная магистраль*, даже если она хронически не выполняет план перевозок. Рассказывая о рыбаках, такой 'художник' не скажет уж *озеро*, но - *голубая нива*. Следующим шагом в этом направлении будет, надо полагать, переименование *рыбы* в *скользское серебро*. Беру последний номер нашей областной газеты. На первой полосе в небольшой статье о *сенокосе* встречаю *зеленую страду, битву за корма* и пять раз - *зеленую жатву*. Рядом редакционная заметка, призывающая *изжить надеж скота*. *Изжить надеж*, т. е. *гибель, смерть*... Заголовок статьи на второй странице: 'Сервис для сельчан'. Уж коли *сервис*, так лучше бы для *пейзан*. Совсем недавно вдруг выскочило откуда-то и замелькало явно искусственное словцо - *обустройство*. Не знаю, есть ли оно у Даля, но в современный русский литературный язык оно, по-моему, не вписывается. Режет слух, как пресловутая *задумка*. Но вот оно и на съезде писателей прозвучало..."

Читатель, может быть, оказался неправ относительно некоторых слов - таких, как, например, *добротный, весомый, хлеборобы, корабель*, которые широко распространились в речи и в печати. Ошибся читатель и в отношении слова *обустройство* - оно как раз 'набирает' в активности и признании. Что касается *задумки*, то ведь это - одно из любимых словечек

‘отца перестройки’. Впрочем, с его уходом с политической сцены это слово может ожидать забвение.

Многие десятилетия советизмы были ‘гордостью’ в языке (по крайней мере, их таковыми старались делать): когда говорили об обновлении или пополнении русского языка новыми словами, с этой лексической парадигмы непременно и начинали. *Советским* было практически все: *власть* (т.е. *советская власть*), *государство* (т.е. *советское государство*), *республики*, *строй*, *правительство*, *конституция*, *армия*, *промышленность*, *студенчество*, *патриотизм*, *законность*, *метод* (*индустриализации страны* и т.д.), *образ жизни* и под.; *советским* был и *народ*, который считали “новой исторической, социальной и интернациональной общностью людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель - построение коммунизма,” - так еще недавно писали в “Советском энциклопедическом словаре” (СЭС 1983: 1227). Сейчас эта лексическая парадигма и понятия, ею выражаемые, отодвигаются на периферию современного активного политического словаря и активной социальной жизни. С развалом страны практически исчезают либо резко ограничивают свою активность некогда ‘первые слова’ (и аббревиатуры) типа *КПСС*, *СССР*, *обком*, *горком*, *райком*, десятки сокращений с начальными усеченными компонентами *парт-*, *ком-*, *сов-* и др. Перестройка положила конец застандартизованному стилю и в целом ‘дубовому языку’. Померкли и, так сказать, ‘визитные карточки’, своего рода ‘льготные талоны’ в виде слова *коммунист* или выражения *член КПСС* (и непременно с такого-то года), которыми ‘определяли’ себя многие в письмах в официальные инстанции, в редакции газет и журналов, добавляя при этом другие лексемы типа *рабочий*, *ветеран* и т.д. Проиллюстрируем это примерами из журнала “Огонек”, беря в руки наугад любой его номер времени перестройки. Публикуемые здесь письма читателей заканчиваются таким образом: {идет фамилия и далее:}

член КПСС с 1943 г., участник Великой Отечественной войны; член КПСС с 1943 г., подполковник в отставке; инвалид ВОВ [Великой Отечественной войны]; член КПСС с 1948 г., ветеран войны и труда; член КПСС с 1955, главный инженер-геолог; член КПСС, участница войны; член КПСС, рабочий; ветеран труда, коммунист; коммунист, старший лейтенант; шлифовщик, член райкома КПСС и даже семья ‘члены КПСС’...

Сейчас все это - совершенно очевидные архаизмы.

Перестройка положила конец застандартизованному стилю и в целом ‘дубовому языку’. Но она же породила и новые лингвистические фантомы, о которых речь пойдет ниже.

- SERIOT 1985 - P. SERIOT. Analyse du discours politique soviétique. - Paris: Institut d'études slaves, 1985.**
- Периодическая печать СССР 1917-1949 - Периодическая печать СССР 1917-1949. Библиографический указатель. Журналы, труды и бюллетени по общественно-политическим и социально-экономическим вопросам. Вып. 1. - М., 1958.**
- Газеты СССР 1976 - Газеты СССР. 1917-1960. Библиографический справочник. Т. 2. - М., 1976.**
- Летопись периодических изданий 1962 - Летопись периодических изданий СССР. 1955-1960. Ч. II. Газеты. - М., 1962; 1961-1965. Ч. II. Газеты. - М., 1967.**
- СЭС 1983 - Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983**

2. Перестройка: начало лексической десоветизации

Под лексической десоветизацией следует понимать устранение из обращения специфически советских слов и словосочетаний [вместо *председатель облисполкома* = *областного исполнительного комитета депутатов трудящихся* через стадию *глава (краевой, областной) администрации к губернатор*], в одних случаях при сохранении референта (как в приведенном выше примере), в других - без сохранения, как, например, *КПСС, обком* = *областной комитет КПСС* и под. В первом случае речь идет о смене языкового знака, во втором - о лишении ряда советизмов референтов, что означает для них, советизмов, прямую дорогу 'на склад' архаичной лексики языка.

У нас есть возможность проследить, как проходила лексическая десоветизация в языковом поведении 'отца перестройки'. С этой целью мы проанализировали предметный указатель семи томов "Избранных речей и статей" М.С. ГОРБАЧЕВА (ГОРБАЧЕВ Избр. 1987-1990). Тексты в собрании представлены в хронологии, причем с точностью до месяца: т. 1 - 1967-1983, т. 2 - 1984 - X. 1985, т. 3 - X. 1985 - VII. 1986, т. 4 - VII. 1986 - IV. 1987, т. 5 - IV. - XII. 1987, т. 6 - I. - X. 1988, т. 7 - X. 1988 - VI. 1989. То есть тексты по времени их создания подходят к кульминации перестройки.

Сразу же отметим, что процесс лексической десоветизации здесь лишь только намечен, советизмы подверглись некоторому 'смягчению', но в то же время отдельные из них уже игнорировались - и об этом наш материал.

До 1989 г. (в ряде случаев и позднее) М.С. ГОРБАЧЕВ последовательно и усердно 'эксплуатировал' доминанты (лексику и выражения) официального советско-партийного политического языка, родившегося и сформировавшегося задолго до перестройки:

аграрная политика коммунистов, аграрная политика КПСС, активность и инициатива масс, Великая Октябрьская социалистическая революция, героизм трудовой (советского народа в строительстве социализма и коммунизма), демократический централизм, демократия социалистическая, дружба народов СССР, единство партии и народа, идеология социалистическая, интеллигенция советская, КПСС = Коммунистическая партия Советского Союза, культура социалистическая, Ленин и ленинизм, ленинский стиль (партийной и государственной работы), марксизм-ленинизм (творческое развитие КПСС, коммунистическими партиями марксистско-ленинской теории), международное коммунистическое и рабочее движение, народное хозяйство СССР, национальная политика КПСС, планы (их выполнение), планирование народного хозяйства (СССР), политическая система советского общества, права и обязанности (граждан СССР), продовольственная программа СССР (ее реализации) - с 1988 г. все чаще трансформируется в продовольственная проблема в СССР (чем как бы намекается на ее неразрешимость, по крайней мере,

в ближайшей перспективе), *пропаганда (коммунистическая, повышение ее эффективности; буржуазная, борьба с ней)* - примерно с 1988 г. сужается до *пропаганды буржуазной; собственность социалистическая, советский народ* (до начала перестройки с добавлением: *новая историческая общность*), *социализм (его преимущества), социальная политика КПСС*

и целый ряд других в таком же духе.

Это базовые политико-идеологические термины-понятия, формирующие суть советской системы, ее 'советскость'. К ним следовало бы добавить также ряд терминов и терминосочетаний, которые можно охарактеризовать как 'сквозные', поскольку они 'годны' для всех времен (в нашем случае они могут дополнительно маркироваться выражениями типа *борьба с ним/ними, повышение, распространение* - см. об этом ниже):

антисоциальные явления (борьба с ними), бесхозяйственность и расточительство (борьба с ними), бюрократизм (борьба с ним), кадры (подбор, расстановка), консерватизм (борьба с ним), контроль (разный), критика и самокритика, мир (борьба за мир), научно-технический прогресс, научно-техническая революция, опыт (передовой, его распространение), ответственность и дисциплина (их повышение), производительность труда, сотрудничество международное, социальная справедливость (- принцип социализма), техническое перевооружение производства, хозяйственный механизм (его совершенствование), эффективность общественного производства и под.

Показательны термины-понятия, возникшие задолго или накануне перестройки (а то и в ее первые годы), продержавшиеся в качестве ключевых недолго (это, однако, не означает, что они не употреблялись, хотя и менее активно, позднее):

бережливость - в 1984-1986 гг. переходящая в *ресурсосберегающую экономику*; *бригадный подряд* → *коллективный подряд* → *прогрессивные формы организации и стимулирования труда* (до 1987 г.), *колхозное крестьянство СССР* (до 1986 г.), *личность (ее гармоническое развитие)*; до 1985 г.), *подсобное хозяйство предприятий, организаций* (до 1985 г.), *производительные силы при социализме и производственные отношения социалистические* (до 1987 г.); *реконструкция* (до 1986 г.), *союз рабочего класса и рабочего крестьянства* (до 1986 г.), *экономическая политика и стратегия КПСС, экономический потенциал СССР* (до 1987 г.), *экстенсивное развитие экономики, сельскохозяйственного производства* (до 1987 г.) и под.

Ряд ключевых понятий советского идеологического языка практически был лишен своего 'официального статуса' уже в начале перестройки, срав.:

идеологическая борьба, инициативность в труде, социалистическая предприимчивость, показатели экономические, советское социалистическое общенародное государство, традиции революционные, боевые, трудовые и др.

(Некоторые из них активно 'эксплуатировались' лишь первые год-два перестройки).

Более показательна другая группа терминов-советизмов, которые 'отец перестройки' постепенно 'вымывал' из своего репертуара, стремясь, видимо, идти в ногу с временем. С 1988-1989 гг. М.С. ГОРБАЧЕВ уже не акцентирует так энергично (как он это делал раньше) такие политико-идеологические доминанты, как:

благосостояние советского народа; воспитание трудовое, идейно-политическое, нравственное; империализм, интеграция экономическая социалистическая, интенсификация общественного производства; интернационализм пролетарский, социалистический; качество продукции (борьба за его повышение), коллективы трудовые..., мировая социалистическая система; образ жизни советский, социалистический; патриотизм социалистический, резервы производства, содружество социалистических государств, соревнование социалистическое и под.

Даже на этом фоне самая главная здесь 'потеря' связана с терминами *коммунизм, коммунистическое общество и строительство*, которые в последнем, седьмом, томе "Избранных речей и статей" (1988-1989 гг.) просто отсутствуют в предметном указателе! *Дисциплина социалистическая* переросла просто в дисциплину, а затем отослана к *ответственность и дисциплина, их повышение*.

Примерно с 1986 г. в ранг ключевых (в целом их можно назвать перестроечными) попадают такие термины-понятия, как: *индивидуальная трудовая деятельность, кооперативная форма деятельности* (позднее трансформировано в *кооперация, кооперативный сектор*), *права человека, предприятия (объединения) - расширение самостоятельности, самокупаемость, самофинансирование* и под. примеры позитивного функционально-семантического ряда; срав. с отрицательным рядом: *администрирование, административно-командная система; консерватизм, консервативные силы перестройки, борьба с ними; механизм торможения (перестройки и т.д.)* и под.

С 1987-1988 гг. ключевых терминов-понятий прибывает:

госзаказ; пропаганда, ее применение; арендные отношения, единый народнохозяйственный комплекс; избирательная система, ее совершенствование; инвестиции, инвестиционный процесс; международ-

ные отношения, их демократизация; межнациональные отношения, их гармонизация; новое мышление, новый международный экономический порядок; подряд (теперь уже!) коллективный, семейный, арендный. До того возникли также суверенитет государственный, технология прогрессивная, ускорение социально-экономического развития (советского общества), достижение качественного состояния, экономические методы хозяйствования, экономия и бережливость, эксперименты экономические и под.

(Правда, они затем исчезли из активного употребления, за исключением, может быть, выражения *суверенитет государственный*). Что касается *перестройки, гласности, демократии (и застоя!)* в речах и статьях ‘отца перестройки’, то мы этот вопрос рассматривали ранее (см. главу II).

Таким образом, десоветизация языкового поведения ‘отца перестройки’, коррелирующая с поведением социальным, проявилась в следующем:

- 1) в нарушении сложившейся лексико-понятийной иерархии посредством выведения некоторых слов-понятий и выражений-понятий с уровня ключевых, срав. *коммунистическое общество и коммунизм, советское социалистическое общенародное государство, социалистическое соревнование* и др.;
- 2) в устранении оценочных характеристик в виде прилагательных, постоянно сочетающихся с существительными-понятиями и придающих им ‘советскость’: *социалистическая дисциплина → дисциплина*;
- 3) во внедрении новых для перестройки слов-понятий и выражений-понятий, ранее лишь декларировавшихся: *государственный суверенитет (республик), права человека, индивидуальная трудовая деятельность* и ряд других.

В дальнейшем (с 1989 г. и позднее) названные тенденции активизировались в направлении деидеологизации языка советской политической системы.

Особенно наглядно это проявилось в набиравшем к этому времени движении московских демократов, одной из задач которых было устранение от власти старого партийного аппарата, олицетворявшего советскую социально-политическую систему. Показателен в этом отношении ‘манифест’ демократов под названием “Перспективы и реалии. О стратегии и тактике демократических сил на современном этапе”, составленный одним из ‘отцов московской демократии’ Г.Х. Поповым и опубликованный в журнале “Огонек” (1990, 50, 6-8; 51, 7-9; по существу, сжатое изложение ра-

боты этого автора, названной по-ленински “Что делать?”). Его лексическое наполнение заслуживает того, чтобы понять, что процесс социальной и языковой десоветизации начался стремительно и по всем направлениям.

В отличие от ‘отца перестройки’, без устали твердившего о *социалистической демократии, социалистической дисциплине, об образе жизни - советском, социалистическом, о социалистическом соревновании, социализме и его преимуществах, советском социалистическом общенародном государстве* и под., ‘отец московской демократии’ не приемлет этих понятий и их терминологического оформления. В ‘манифесте’ он собирает и тем самым как бы проводит ‘узуальную кодификацию’ всех появившихся к этому времени видов социализма, до того бывшего единственным, универсальным ‘для всех времен и народов’, а потому выступавшего без каких бы то ни было адъективов. ‘Разблокировка’ левой, определяющей, оценивающей, стороны слова-понятия *социализм* - важнейшее приобретение перестройки (однако заслуга в ‘разблокировке’ принадлежит всем движениям, которые так или иначе противопоставляли себя КПСС). СРАВ. примеры из ‘манифеста’: *административный социализм, государственно-бюрократический* и отдельно - *государственный, бюрократический* и даже *преждевременный социализм*; сюда же следует отнести и синонимичные выражения типа *старое общество, прежний строй, ненавидимое и тупиковое общество, неэффективная система (социализма), советский государственно-социалистический эксперимент, однопартийная диктатура, административная система*. Семантика адъективов здесь имеет очевидный негативный заряд, а если поставить в один ряд оформляемые ими имена существительные *строй, общество, система, эксперимент, диктатура*, имея в виду, что обращены они к одному и тому же референту, то становится ясным, какой смысл вкладывается и в них, - срав. импульсивный в этом плане характер существительного *диктатура*. Впрочем, негативное отношение к системе выражается также и дополнительными средствами - в виде существительных с негативной семантикой типа: *неэффективность → советской системы, неприемлемость → советской системы, неэффективность → советского механизма* и под. Показательно также то, что с этим строем связывается кризис, все его виды - *кризис государственной системы, национальный кризис, экономический кризис, хлебный кризис, наличие теневой экономики*; сами аппаратчики поставлены в один ряд с антисоциальными субъектами либо предстают как тождественные им, срав.: *нынешние аппаратчики, нынешние теневики, нынешние монстры (экономики), а также новоявленные бизнесмены (из обкомов и райкомов), небольшевистские наследники (ленинизма)* и т.д.

Вместо привычной для ‘дубового языка’ и ставшей устойчивой ‘связки’ *партийные, советские, государственные и общественные организации (структуры)* и т.д., в тексте находим *государственные, партийные, хозяйственные* и так наз. *общественные силы*. Здесь и нарушение порядка

следования компонентов, и маркер в виде *так наз.* - лишь по отношению к *общественные (силы)*, вероятно, из-за нечеткости этой структуры.

Через весь 'манифест' проходит черта: все то, что оказывается за пределами планируемого демократического порядка, - это *аппарат*, своего рода обобщенный термин-понятие для всей советской традиционной системы. Это существительное и производное от него прилагательное повторяются в тексте множество раз: *аппарат КПСС, аппарат профсоюзов, аппарат комсомола*, просто *аппарат, аппаратная перестройка, аппаратный курс* и под. В 'манифесте' можно вскрыть поляризацию взглядов на развитие общества, отчетливо выражаемую лексическими средствами, а именно противопоставлением прежде всего *аппаратной* и *демократической* характеристик одним и тем же явлениям, срав.:

аппаратная	→	<i>денационализация</i>	←	демократическая
аппаратное	→	<i>разгосударствление</i>	←	демократическое
аппаратный	→	<i>подход</i>	←	демократический
аппаратный	→	<i>вариант</i>	←	демократический
аппаратная	→	<i>дефедерализация</i>	←	демократическая
аппаратная	→	<i>идея</i>	←	демократическая

и т. д. Такой же прием понятийно-лексической поляризации используется составителем 'манифеста' для разграничения подходов к перестройке - как его понимает, по мнению Г.Х. ПОПОВА, *аппарат*, с одной стороны, и *демократия* - с другой. ("Совершенно однозначно выделяются два полярных, узловых варианта: *аппаратный* и *демократический*"). Для этого вводятся понятия *аппаратного* и *демократического вариантов перестройки*, которые должны были создать представление о двух разных направлениях общественного развития и, что не менее важно, об их непримиримости друг по отношению к другу. В целях экономии места представляем здесь признаки лексико-семантической поляризации этих вариантов, выделив лишь наиболее выразительные:

аппаратный вариант

демократический вариант

А. Эксплицитные поляризации:

1. [За ним] стоит руководящая бюрократия и *силы теневой экономики*

1. все *остальные* круги общества

2. преимущественное право стать предпринимателем *дает себе (аппаратчики на старте будут иметь 'фору')*

2. на старт выходят *все*

3. взят крен в сторону нынешних *монстров экономики*

4. страна должна *ждать* [перемен]

5. исходит из убеждения, что никто [кроме *аппарата*] двигать перестройку не может

6. призывает *терпеть* невзгоды ради будущего рынка

7. ориентирует миллионы людей на *пассивное ожидание*

8. когда корабль пытаются спасти только *капитан и помощники*

3. ориентирован на массу *небольших предприятий*

4. *темп* перемен максимально быстр

5. исходит из притока качественно *новых сил*

6. дает работнику *какой-то доход*

7. все талантливые силы народа будут *иметь шанс*

8. когда на спасение корабля вызвана *вся команда*

Б. Эксплицитно-имплицитные поляризации:

9. заставит *аппарату* собственность дать *бесплатно*

10. [не отвечает]

11. не исключает активные *акции* трудящихся

12. сулит серьезные *тяготы*

13. предлагает *назначать* своими решениями президентов (и смещать тоже)

14. [нет их]

15. [только *аппарат*]

9. [бесплатно дать народу]

10. больше *отвечает* тенденции мирового развития

11. [исключает]

12. [не сулит]

13. [не назначать, а *избирать*]

14. сила варианта - *массовость, активность, решимость*

15. *любой гражданин* должен иметь право...

Если максимально освободить от синтаксиса представленные здесь эксплицитные поляризации, то получим более четкую для восприятия схему, срав. 'аппаратные' и 'демократические' антитезы, приближающиеся к слову или же минимально синтаксированные:

Группа А: 1. <i>бюрократия (силы теневой экономики)</i>	↔	<i>остальные</i>
2. <i>аппарат</i>	↔	<i>все</i>
3. <i>монстры (экономики)</i>	↔	<i>небольшие предприятия</i>
4. <i>ждать (перемен)</i>	↔	<i>быстро (иметь перемены)</i>
5. <i>никто [кроме аппарата]</i>	↔	<i>новые силы</i>
6. <i>терпеть</i>	↔	<i>дает доход</i>
7. <i>пассивное ожидание</i>	↔	<i>иметь шанс</i>
8. <i>капитан и помощники</i>	↔	<i>вся команда</i>

Срав. также группу Б:

9. <i>аппарату</i>	↔	<i>народу</i>
10. <i>[не отвечает]</i>	↔	<i>больше отвечает</i>
11. <i>акции (трудящихся)</i>	↔	<i>[исключает]</i>
12. <i>тяготы (сулит)</i>	↔	<i>[не сулит]</i>
13. <i>назначать</i>	↔	<i>[избирать]</i>
14. <i>[нет их]</i>	↔	<i>массовость и т.д.</i>
15. <i>(только) аппарат</i>	↔	<i>любой гражданин</i>

Показательно при этом, что составитель 'манифеста' в своих рассуждениях приходит в общем-то к тому, с чего начал: он выступал против *партийного аппарата*, а теперь ратует за *новый демократический аппарат*; за *демократии, ставшие аппаратом* (в 'своих' республиках), за *административную власть (ее укрепление)*, за *очень сильный центр* ('очень сильно пользующийся доверием всех демократов и всех республик центр') и под. Нетрудно заметить, что эти словосочетания-понятия стоят в одном ряду с теми, которые входят в парадигму *аппаратный вариант*.

В 1991 г., в самом его конце, в связи с устранением СССР советизмы были лишены той социальной основы и поддержки, которую они имели до того. Потеря КПСС власти и как результат этого - потеря монополии, монопольного права на единственность и единую для всего общества идеологию привела к тому, что уже в течение 1992 г. стала постепенно затухать частотность ранее самых употребительных ключевых слов и выражений советской системы. Происходит это буквально на глазах. Все реже говорят и пишут: *коммунизм, коммунист, коммунистический, социализм, социалистический, марксизм, марксист, ленинизм, марксизм-ленинизм, партия* (имея в виду, как раньше, *КПСС*) - теперь при многопартийной сис-

теме обязательно следует поставить уточняющий адъектив, т.е. дающий ответ на вопрос 'какая партия?' (*народная партия, христианско-демократическая партия, коммунистическая партия* и т.д.); целая серия 'партлексики' (или лексической 'партпарадигмы') - *партработа, партработник, парторг, партактив, партбюро, партком, партсобрание, партконференция, парторганы, партгруппа, партвзносы, партучеба, партстаж* и т. д.; далее, *обком, крайком, райком, горком* и под. С деполитизацией общества исчезают и слова типа *политучеба, политработа, политработник, политруководитель, политинформация, политкружок* и проч. 'Потускнели' и слова, заполнявшие газетные полосы многие десятилетия: *коллектив, коллективист, коллективистский, общественник* и т.д. и т.п. Распад единой молодежной организации - *комсомола* [Коммунистический Союз молодежи] привел к снижению, а затем и архаизации слов *комсомол, комсомолец, комсомолка, комсомольский, комсорг*, далее *пионер, пионерка, пионерлагерь, пионервожатый, пионердружина* и десятки подобных. Исчезает слово *октябрятя*. Вот письмо в журнал - одно из документальных свидетельств отношения к слову и референту соответствующей организации у родителей к 1991 г.:

"Моя дочь пошла в этом году в первый класс в школу. Но сейчас над нами нависла угроза 'поголовного приема в октябрятя', т.е. вступления детей в первую в их жизни политическую организацию, о которой они, кстати, не имеют ни малейшего представления. Это случится первого ноября. Каюсь, я не мог переубедить учительницу и родителей... Задумайтесь: в то время, когда по стране идет сомороспуск комсомольских и партийных организаций, самые маленькие и несмышленные насильно принимаются в октябрятя. Станут ли они 'верными ленинцами'?" (Огонек).

С очевидным процессом снижения частотности таких слов становится возможным прогнозировать, что со временем они станут историзмами - точно так же, как это было с лексикой ('собственно русизмами'), отражавшей специфику дореволюционной России и теперь в значительной своей части возвращающейся. Однако процесс этот весьма сложен, неоднозначен и нередко - противоречив.

ГОРБАЧЕВ Избр. 1987-1990 - М. С. ГОРБАЧЕВ. Избранные речи и статьи. Т. 1-7 . - М.: Политиздат, 1987-1990.

3. Административно-территориальная лексика

До революции 1917 г. в России функционировала весьма четкая система административного деления и управления и соответствующая им система терминологических обозначений. Так, территория страны делилась на *губернии* - основные административно-территориальные единицы, которые существовали в России с начала XVIII в. (некоторые, в основном окраинные, территории, имевшие особое управление, назывались также *областями*). Далее шла единица, входящая в губернию, - *уезд*, и в этот последний входила *волость*. В СССР в 1929-1930 гг. этим административно-территориальным единицам дали новые наименования: вместо *губерний* стали только *области* и *края*, вместо *уездов* - *районы*, а вместо *волостей* - *сельсоветы* (= *сельские советы*).

Смена в этой лексической парадигме коснулась наименования лиц и учреждений, управляющих этими единицами. Так появились советизмы в области административно-территориальной номенклатуры (см. выше). Ныне мы наблюдаем уже не смену (или замену), а, с одной стороны, возвращение части наименований, с другой - введение совершенно новых (в этой своей части - это как бы процесс 'новой советизации, или демосоветизации'). Причем, происходит это непоследовательно, несистемно, в ряде случаев поспешно, а если судить по свидетельству печати, радио и телевидения, и повсеместно. Вообще следует сказать, что к старой административно-территориальной системе наименований ранее всего вернулись в республиках Прибалтики. В качестве образца приведем здесь систему деления и управления в их наименованиях, принятые в Эстонии в 1989-1990 гг., которые во многом совпадают с досоветской административно-территориальной номенклатурой Эстонии и России. Газета "Советская Эстония" (1990, 22, 27. I, с. 1) представляет это так:

"Закон о местном самоуправлении принят. Новая модель предполагает двухступенчатую систему. Первичная, основная ступень... будет формироваться на основе бывших *сельсоветов*, будущих *волостей*, *поселков* (ранее *поселков городского типа*) и *городов районного подчинения* - теперь *просто городов*. У каждой волости, поселка и города будет свой *совет*... Главное должностное лицо в волости именуется *волостным старейшиной* (бывший *председатель сельсовета*), *поселковый старейшина* соответственно в поселке и в городе - *мэр*... Со вторым уровнем проще. Он уже существует. С 1 января 1990 г. все *районы* переименовали в *уезды*, а города республиканского подчинения в *республиканские города*... Теперь бывшие райсоветы - это *уездные советы*. А в городах - *городской совет (республиканского города)*... Дальше структура такая: главное - *совет*, который избирает *старейшину уезда или мэра*..."

Несколько позднее (в январе 1991 г.) в Грузии местная единица и органы и учреждения управления советского образца были заменены соответст-

венно на *префектуры и префектов*. В заметке “*Вся власть на местах - префектурам*” в газ. “*Известия*” за 31 января 1991 г. пишется:

Главной темой депутатов стало введение института *префектов* на местах. Они назначаются Верховным Советом, подконтрольны только парламенту и прокуратуре и фактически обладают неограниченной властью в своих районах... Некоторые представители оппозиции ... заявили, что *префект*, наделенный столь большими правами, может стать свособразным сплавом первого секретаря райкома и председателя райисполкома. Но тем не менее закон был принят практически без изменений...

Не успев утвердиться, эта номенклатурная должность наполняется уже тем же содержанием, что и предшествующая, обозначенная другим словесным знаком, срав.:

Читая в последние месяцы российские издания, я вдруг поймал себя на впечатлении, что почти все они вновь, как и в добрые застойные времена, удручающе однообразны, оживляя свои страницы сенсациями крайне сомнительного свойства. То московская милиция поднимает шум вокруг районного *префекта-взяточника*..., то... (писатель ВЛАДИМИР МАКСИМОВ; Правда, 1993, 71,). Т.е. знаки меняются, ‘обновляются’, а сущность остается прежней...

Почти одновременно с Грузией изменение старого административно-территориального деления и управления провели в Молдавии, при этом в номенклатуре большой вес занимают слова-наименования романского происхождения, срав.:

Закон предполагает упразднить сельсоветы и районы, их заменят *коммуны, волости, уезды*. *Коммуна* включит в себя либо большое село, либо несколько сел... Возглавит *коммуна* выборный *примар* - наиболее уважаемый ее житель. *Коммунальные советники*, также избираемые, сами определяют, сколько нужно при *мэрии* счетоводов, полицейских, нотариусов... Структура самоуправления небольших городов видится примерно такой: *совет, примэрия, примар*. Иной принцип положен в систему руководства крупной административной единицы - *жудеца (уезда)*... *Префект уезда* в ранге члена правительства должен осуществлять в регионе верховную исполнительную власть... *Районы* трансформируются в *волости*, где исполнительную власть будет осуществлять государственный аппарат *претур* во главе с *претором*, назначаемым *префектурой*. То есть выборных органов в *волостях* не будет... (Известия, 1991, 27, 2).

В России к ‘перестройке имен’ в административно-территориальной области приступили несколько позднее и, как представляется, по примеру и вслед за республиками Прибалтики. Называть здесь ‘перестройку имен’ только их возвращением нельзя, поскольку наряду с возрождением успели включить в номенклатуру и совершенно новые, чуждые традициям российской государственности названия должностей. Как и после революции 1917

г., эти новшества навеяны той же психологией и романтикой 'всемирности', 'транснациональности' и 'интернациональности', пригодных в подходе к абстрактным сущностям (например, в науке), а здесь подрывающих национальные основы существования. Тем не менее эти новшества изо дня в день тиражируются миллионы раз по всем видам информационных каналов, что, вероятно, в конце концов притупит отношение к ним, как к чуждым элементам национального самосознания.

На момент, когда пишется эта книга, номенклатура административно-территориального деления в России пока сохраняется советская, т.е. *область/край - район - сельсовет*. Правда, в некоторых периодических изданиях в письмах читателей уже встречаются возрождаемые наименования, срав., например, заметку под названием "Чьи средства массовой информации?" с подписью читателя: П. Н. СКВОРЦОВ, *Олонецкая губерния* (РВ, 1992, 40, 7).

В "Российской газете" (1993, 12, 1) опубликована в этом плане весьма показательная заметка, которую мы помещаем здесь полностью, ибо она отражает и состояние власти в сегодняшней России, и вопрос с административно-территориальной номенклатурой:

"Дашь областную конституцию!

Группой депутатов областного совета Вятки подготовлен проект конституции Вятского края. Наряду с изменением названия области им предусматривается введение новых названий органов власти, управлений и территорий. вместо *района - уезд, областного совета - краевая дума, главы администрации - губернатор*".

Что касается наименования должностей, то, как свидетельствует только что приведенный текст, новые демократические власти России ввели в самые крупные административно-территориальные единицы - области и края - новую должность, назвав ее глава (*областной, краевой, местной администрации, глава исполнительной власти*); вслед за этим появились и заместитель главы..., и даже первый заместитель главы... и т.д., срав.:

Новый глава администрации Краснодарского края в первых интервью местной прессе заявил, что смена команды исполнительной власти неизбежна... Исполняющим обязанности первого заместителя главы администрации края назначен в недавнем прошлом директор крупного Армавирского электротехнического завода (Рос. газ., 1993, 12, 20, 1).

Совершенно очевидно, что эти чрезмерно распространенные нетерминологичные наименования неудачны во многих отношениях, ибо требуют большой траты времени и усилий для произнесения и написания, потому нередко их, только что возникших, тут же сокращают до *глава, заместитель главы (замглавы)* либо просто предлагают вместо них использовать дореволюционные наименования - речь идет о слове *губернатор*. В обществе

мнения относительно этого наименования разделились. Глава администрации Сахалинской области ВАЛЕНТИН ФЕДОРОВ, которому приписывают инициативу возрождения этого административного термина, реагирует следующим образом:

- Кажется, с Вашей легкой руки в России появились *губернаторы*. Вы сторонник *губерний* - своего рода удельных княжеств? - Я сторонник *губерний*, да (КП, 1992, 199).

В оппозиционной печати высказывают прямо противоположные мнения, срав.:

Казалось бы, мелочь: наш молодой, назначенный президентом *глава администрации* то и дело называет себя '*губернатором*'. У него и на двери значится слово это; даже иск... он подписал его не как 'гражданин', а '*губернатор*'. Любой авторитарный произвол начинается с такой вроде бы незначительной подмены понятий; Я не могу сказать, что тут было прямым указанием '*губернатора*' или какого-либо другого чиновника... (ЛР, 1992, 49, 4); Сегодня прежнего *губернатора* уже нет в этом зале. Практика назначения *губернатора* 'сверху' себя не оправдала... (СР, 1992, 164, 31. XII).

Однако тенденция '*возвратить*' *губернаторов* вместе с *губерниями*, естественно, на их законное место, как кажется, '*набирает скорость*', хотя все еще (вероятно, под давлением уже включенного в законы, указы и постановления наименования *глава администрации*) в печати *губернаторы* идут наравне с *главами администрации*, срав.: название статьи "Воронежский *губернатор* сознательно пошел на нарушение законодательства" и тут же в тексте в основном *глава администрации*:

Отменив одно из постановлений *главы администрации*, облсуд принял заявление к рассмотрению и известил *губернатора*; *глава администрации* подписал постановление, *глава администрации* заверял, постановление *главы* о запрете отпуска ряда продовольственных товаров коммерческим структурам (Известия, 1992, 264, 2).

Еще примеры из подборки материала под названием "Слово - *губернатору*" из правительственной газеты "Российские вести" (1993, 36, 2):

Никаких призывов, будто казачество - главный (!) народ Кубани - не поддержу, - заверил новый *глава администрации*; Надолго ли эта 'не разлей вода' между спикером и новым *губернатором* края?: Что заботит сегодня молодого *губернатора*?; намерение в 1995 году участвовать в выборах *губернатора* Нижегородчины и т.д.

Уже создан и Союз *губернаторов*, в наименовании которого были с самого начала варианты, срав.: название статьи "Создан Союз *губернаторов* России. Укрепит ли это исполнительную власть?"; далее:

... президент поздравил собравшихся с юридическим оформлением в общественную организацию под названием Российский Союз руководителей территориальных исполнительных органов власти - *губернаторов* России; Затем перед *губернаторами* выступил министр финансов; Не случайно также и образование Союза *губернаторов*. По некоторым сведениям, существовал даже план образования Совета *глав администраций* как государственной структуры... (Известия, 1992, 250, 1).

Изменение языковых знаков интересующей нас сферы произвел узкий круг московской демократической элиты, причем сделано это было в спешке, с большой непоследовательностью и без обсуждения с народом. Вот некоторые примеры того, как это выглядело в самом начале:

Поэтому надо предусмотреть прямые альтернативные выборы руководителей исполнительной власти - *мэров (старост)* сел и городов, *губернаторов (комиссаров)* районов и областей. Видимо, пока что выборы *президентов* республик и *президента* страны можно поручить Верховным Советам и съездам. (Г. ПОПОВ; Огонек, 1989, 50, 5). выборы руководителей исполнительных органов - *президентов, губернаторов, мэров, старост* (он же, там же, с. 6); Москва обзаводилась новыми властями и структурами - *мэрия, московское городское собрание, департамент мэра, правительство Москвы, административные округа [вместо районов], префектуры, министры...* Какие звонкие все названия...: Кто в данном случае блокирует *мэра, вице-мэра, правительство Москвы?*; условия, в которых вынужден работать *мэр* Москвы, блокируют деятельность *мэрии* (Союз, 1991, 51, 4); Впереди выборы глав местной исполнительной власти - *мэров* городов и, возможно, *губернаторов* краев и областей (Дем. Рос., 1991, 19, 9); А при назначении *мэра* или *губернатора* сверху права местных выборных органов очень ограничены, а сам *губернатор* целиком зависит от тех, кто его назначал (Огонек, 1991, 51, 6).

Из приведенного материала легко составить список вводимой номенклатуры. Но самое замечательное заключается в том, что здесь мы находим лишь намек на возрождение дореволюционных административных знаков, их два: *губернатор, староста*, да и то у них есть 'грозные' конкуренты - *мэры* и *комиссары*... В основном здесь речь идет о смене знаков, в частности, советских на демократические, причем последние взяты, как правило, из 'западного арсенала', срав.: *мэр, мэрия, вице-мэр; президент, префектура, департамент мэра*; срав. также (вероятно, кальки!) *правительство города (правительство Москвы), административный округ*. Вызывает особое недоумение наличие милитаризованной или, если вспомнить аналогии недавнего прошлого, революционной терминологии - пример, пока, правда, один: *комиссары* (вместо *губернаторы*). Как это напоминает революционное и послереволюционное время!... Академик ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ недавно справедливо писал:

"Наши демократы по своим убеждениям западники... Отвергнув отечественные 'Советы' и не пожелав возвращаться к дореволюцион-

ному политическому словоупотреблению (*городским думам, управам, земствам* и т. п.), демократы пришли в восторг от опьяняющего звучания названий зарубежных управленческих институтов (*мэр, мэрия, префект, департамент*) и принялись насаждать их на нашей почве. В Москве мы имеем теперь (сразу и не разберешь), кроме *мэрии*, еще и свое *правительство*. Но не только желанием натянуть западный сюртук на российские плечи объясняется тяга к копированию иноземных образцов. Есть и более прозаическая причина. Когда нет реального дела, и, главное, не проглядываются реальные результаты, то... ” (Правда, 1993, 71, 1).

Слово *президент* как термин политического языка, обращенный не вовне, а внутрь, впервые был официализован 15 марта 1990 г., когда первым президентом СССР на внеочередном третьем съезде народных депутатов был избран М.С. ГОРБАЧЕВ. Вскоре, ‘как грибы после дождя’, стали появляться президенты и на местах - в республиках всех рангов, срав.:

Татарстан - первая из автономных республик, которая будет иметь своего *президента*... (Союз, 1991, 21, 3). Справедлива такая реакция на это должностное и словесное нововведение: Сама эта должность упала на страну, как кирпич на голову... Не имея истории и корней на российской почве, слово это кажется заемным...(Моск. нов., 1992, 22, XI).

Вслед за президентами появились *вице-президенты*, активизировались и стали ‘нашими’ *премьер-министры* или просто премьеры, созданы и конструкции типа *вице-премьер-министры* и, что, видимо, одно и то же, *вице-премьеры*, в том числе *первые вице-премьеры* (*вторые вице-премьеры* нам пока так и не попадались...). Советизм *Верховный Совет* начинает вытеснять интернационализм *парламент*, а *председатель Верховного Совета* - *спикер* и т.п. Срав. иллюстрации из печати:

Похоже, что решение *президента* России представить съезду народных депутатов нового *премьер-министра*, поддержка этой кандидатуры не слишком ослабили стремление усилить контроль... (Известия, 1992, 275, I); Резко сокращены расходы бюджета, прежде всего военные, что делается не в ущерб оборонной мощи, отметил *вице-премьер* (Известия - ФИ, 1992, 12. XII); Как было заявлено на пресс-конференции, которую провели четверо *вице-премьер-министров*: этот процесс растягивается на неделю (из газ.); Тут и двусмысленная позиция *вице-президента* и совсем недвусмысленная позиция *спикера парламента* (Известия, 1992, 275, 3); *Премьер* Литвы подтвердил, что получена копия указа первого *вице-преьера* России о поставках в страны Балтии (из газ.); создается личная бюрократия данного *мэра* (или *президента*) (НП, 1991, ноябрь, 3).

Появляются уже и термины вроде *парламентская республика, президентская республика*, срав.:

Но попробуйте вынести на референдум вопрос: “Вы за *парламентскую, президентскую республику* или за власть советов?” Не уверен в демократическом исходе такого плебисцита (из газ.).

Отношение к этой ‘новой старой волне’ замене знаков в обществе неоднозначно. Многие избегают использовать вводимые единицы, нередко выражая при этом откровенный скепсис, срав.:

И в то же время средства массовой информации постепенно разворачивали взор своих сограждан в сторону западных примеров. И вот у нас уже *президент, парламент, мэры* и проч. переименования на зарубежный лад наших органов государственного управления (Федерация, 1992, 53, 8); Борис Николаевич готов представить на утверждение кандидатуру *главы столичной администрации* (*мэр* - неконституционное название должности, и депутаты Моссовета его не употребляют). Увы, *президент* не пожелал действовать по закону (Правда, 1992, 194, 2).

Между тем ‘обрубочно-короткое’ *мэр* становится весьма модным и с помощью средств массовой информации успешно внедряется в массовое сознание:

Мэра выбирает Москва. Моссовет - она же. *Мэр* может наложить вето на решение Моссовета... *Мэр* обязан или согласиться с этим решением, или провести в городе референдум... Если Моссовет хочет добиться внеочередных выборов *мэра*, то нужно 2/3 голосов... (Огонек, 1991, 51, 6); Военная терминология в словах *мэра* не случайна. (Известия, 1992, 267, 3); Все правильно, соглашается со мной *мэр*. (из газ.); Вот *мэр* наш нынешний, господин Собчак, так тот оттуда почти и ‘не вылезит’ (РВ, 1992, 28, 19); А что же *мэр*? *Мэру*, видимо, недосуг. У него множество функций: он и политический обозреватель телепрограммы, и шеф Американского университета, и член политического консультативного совета при президенте, и президент Международного экономического союза... (Союз, 1991, 48, 8).

Вместе с *мэром* распространяются *мэрии* и даже теперь *примэрии*:

Мэрии столицы вроде и ни при чем - что она может поделать, если с дизельным топливом дело совсем плохо; У *примэрии*, правда, оговорка (отговорка?) есть - автобусный парк ей не подчиняется (Труд, 1992, 173, 1).

Расшифровать последний термин - *примэрия* - сейчас пока трудно. Возможно, что он приравнивается либо близок к *муниципалитету*:

При демократическом варианте местные *муниципалитеты* могут ставить вопрос о переизбрании губернатора или мэра, обращаясь к своим избирателям, так как эти же избиратели избирали и *муниципалитет*, и мэра (Огонек, 1990, 51, 6).

Что касается термина *мэр*, то он уже начинает 'обрастать' лексико-слово-образовательными связями и тем самым претендовать на укрепление в системе современного русского языка, срав. субстантивные образования с суффиксом *-ств(о)*, адъективные - с суффиксом *-ск-*:

Я считаю, что 'президентство', '*мэрство*' и т.д. должны быть вообще отменены (РВ, 1992, 15, 2); И тут еще собрался бежать с *мэрской* должности Попов... (ЛР, 1991, 52, 4).

Срав. также стилистическое обыгрывание адъективной формы в примере: *мэрское* [=мерзское] лицо петербургской демократии (из газ.).

Составит ли этому заемному слову конкуренцию исконно русское *городничий* 'начальник города' (термин употреблялся в России до середины XIX века) или *голова* (*городской голова*), сказать трудно. В печати изредка попадаются лишь стилистически маркированные употребления слова *городничий*, срав.:

... потому что таковы рамки нашей профессии - заниматься унижениями и оскорблениями, вне зависимости от того, кто это - старички-блокадники или бывший *городничий* Санкт-Петербурга (ЛР, 1991, 49, 3).

Возвращаются либо вводятся и другие административные термины типа, например, *департамент*: правовой *департамент* Министерства иностранных дел России (из газ.). Дискутируется вопрос о возвращении *Учредительного собрания* как структурной единицы власти и как, естественно, термина политического языка:

Идея *Учредительного собрания* перехватывается кланом РДДР у демократического и патриотического движения с вполне определенной целью - свалить Российский парламент, который просто надоело уговаривать по любому поводу (Дем. газ., 1992, 15, 1);

Есть и такие предложения:

Может, за основу взять первоначальное деление территории по *совнархозам* [= *советы народного хозяйства*]. Называться эти территории могут *губерниями* или *регионами*, или *штатами*. Можно дать и другое название, но сегодня нельзя оставить национальное деление и национальные названия (Наша Рос., 1991, 24, 4).

Последний пример демонстрирует, что 'мало нам Европы', подавай и 'заокеан' (т.е. *штаты*)...

Таким образом, представленный здесь материал - административно-территориальная номенклатура - следует рассматривать, как новый виток в функционировании этой лексической парадигмы, причем виток этот весьма

противоречивый, поскольку лишь небольшая часть терминов возвращается из дореволюционных лет (*губернатор*, но не *губерния*), лишь несколько административных советизмов устраняется (пока остаются *области*, *районы*, *сельсоветы*); устранение советизмов проходит в основном за счет введения терминов западного образца либо калек по западному образцу, что ведет в конечном счете к генетической гетерогенности всего состава этой лексической парадигмы. И не только к этому. Не менее важен психологический аспект. В этой связи уместным будет напомнить об одном случае из нашей истории.

Еще в XVII в. о чистоте русского (и шире - русско-славянского) языка много писал известный просветитель ЮРИЙ КРИЖАНИЧ, хорват по происхождению, прибывший в Россию с благородной идеей славянской взаимности, но по доносу сосланный на каторгу в Тобольск, где пробыл в общей сложности 15 лет. Там он написал на созданном им всеславянском языке свое сочинение "Политика" (КРИЖАНИЧ 1965), которое сделало его впоследствии знаменитым. Актуально звучат сегодня слова КРИЖАНИЧА о том, что язык непосредственным образом воздействует на дела людей и отражается на состоянии государства в целом. Особенно интересны его мысли о языке и армии:

Для [умножения] храбрости было бы полезно, чтобы наши воины считали и верили, что народ наш не уступает ни одному народу в воинской доблести и храбрее многих. Но этому убеждению очень мешает употребление чужих слов в воинском деле (подчеркнуто нами. - А. Д.). Ибо воины много храбрости теряют, когда они, словно попугаи, называют чужими и непонятными словами свое оружие и свои военные дела и занятия. Это ненужное смешение языков нигде не полезно, однако в военном деле оно особенно вредно.

И далее он продолжает:

Ведь когда воины слышат, как все ратные вещи называют иноязычными именами, они начинают представлять себе чужие народы чрезмерно храбрыми, а себя и свой народ - недостаточно храбрыми. Ибо рассуждают они так: откуда пришли названия воинских дел, оттуда произошли и сами воинские дела и доблести.

И тут же КРИЖАНИЧ предлагает решить вопрос о поднятии воинской храбрости и силы языковым путем! Как?

Было бы полезно, - пишет он, - запретить во всем царстве [употреблять] иноязычные слова в приказных бумагах, в челобитьях, в лагерях, в строю и под знаменами.

Для этого, считал КРИЖАНИЧ, надо произвести изменение имен: вместо *рейтар* - *конник*, *вм. солдат* - *пехотинец*, *сержант* - *поручник*,

ротмистр - сотник конный, добоец - бубнар, шипош - свирельщик, майор - первый сотник, гетман - полевой бан, мушкетер - пицальник, атаман - главарь, сотник, капитан - главарь, сотник, лейтенант - подвоевода, есаул - поручник, драгун - конный пицальник, кантар - узда, гусар - копейщик, аманат - заложник, барабан - бубен и др. (Крижанич 1965: 440-441). В сочинении он вновь и вновь повторяет:

На Руси немецкие названия *солдаты* и *рейтары* губят весь дух у людей. А если бы имели особые славянские имена, [они, т.е. солдаты] были бы куда страшнее врагам (с. 447) и под.

Пуризм КРИЖАНИЧА исходил, как видим, не только из желания произвести в языке реформы, но и из стремления решить социальные, военные, экономические и проч. задачи. Заметим, что даже там, где в русско-славянском материале он не находил однословного соответствия иноязычному эквиваленту, все равно мысль его была направлена на 'очищение', срав.: *сотник конный* вместо *ротмистр*, *полевой бан* вм. *гетман*, *конный пицальник* вм. *драгун*. Спустя три столетия следовало бы детальнее изучить пуристический опыт ЮРИЯ КРИЖАНИЧА.

КРИЖАНИЧ 1965 - Ю. КРИЖАНИЧ. Политика. - М.: Наука, 1965.

4. Номенклатура денежных знаков

Традиционные для России денежные знаки в виде *рубля* и *копейки* употреблялись и в послереволюционное время, т.е. в советский период. В национальных республиках бывшего СССР для этих единиц использовались либо эквиваленты на собственных языках, либо адаптированные русские названия, срав. *рубль* - в туркменском как *манат* и в эстонском - как *rubla* и т.д. В перестроечное время в связи с экономическим кризисом и разрухой стали появляться заменители денежных знаков, т. е. рублей, в виде всевозможных *купонов*, *карточек*, называемых также *визитками* (из-за того, что их надо было предъявлять в магазине), *талонов*, *расчетных билетов* и т.д. Так, в Москве *карточки*, или *талоны*, по которым можно было на льготных условиях покупать в государственном магазине продукты, стали в народе называть *гаврилками* - по имени инициатора этой акции, тогдашнего мэра Москвы экономиста *Гавриила* Попова:

Кто, если не Г. Попов, столкнул интересы москвичей и жителей ближайших областей, введя так называемые визитные карточки или, как их называют в народе, 'гаврилки', чем лишил столицу снабжения из хозяйств Калужской, Тверской и др. областей? (из газ.).

Появляются и купоны местного значения, т. е. местно-республиканские, областные, районные, срав.:

Ну, что теперь удивляться обилию так наз. 'валют'?... В этой связи приятно отметить уже хорошо зарекомендовавшую себя денежку, пользующуюся большой популярностью в излучине Волги, на территории республики Татарстан, метко названную суверенными жителями республики '*шаймийками*' в честь первого президента Татарстана Минтимера *Шаймиева*... Пусть вас не удивляет отсутствие номинальной цены на банкнотах - каждая '*шаймийка*' стоит 100 полновесных российских рублей... (КП, 1993, 27, 1).

Ясно, что здесь речь идет о своего рода 'однодневках', исчезающих с отменной правилами или с уходом инициатора с поста мэра или президента. В этом смысле фантомами являются и такие имена, как *лигачевик*, или *кузьмичевка* (от фамилии и имени деятеля КПСС Егора *Кузьмича Лигачева*) и под., срав.:

Коператоры решили заняться политикой... Взяли и выпустили в обращение новый денежный знак. Называют его по-разному: кто '*лигачевик*', кто '*кузьмичевкой*'... Того и гляди когда-нибудь начнут величать сию денежку '*гдялкой*' или '*гдялником*' (по фамилии одного из следователей, ныне деятеля демократического движения) (Союз. 1990, 38, 5).

В печати появляются даже предложения о введении различных видов рубля, в т.ч. и так наз. *приват-рублей*:

Вводится параллельная валюта: безналичный '*приват-рубль*', имеющий твердый курс, равный курсу доллара США (РВ, 1992, 40, 9).

С 1992 г. в бывших республиках СССР, ставших самостоятельными государствами, стали выпускать собственные валюты либо 'переходные' денежные знаки с соответствующим обозначением: в Эстонии вместо рубля и копейки возвращена *крона* и *цент (сент)*; в Латвии, до введения *латов*, напечатали *рублисы*, срав.:

Механизм прост: сначала напечатать приличные деньги - не такие, как, например, в Латвии, - поддержишь их над паром, *рублисы* и расслаиваются (КП, 1993, 27, 11.П).

В Литве до собственных *литов* введены 'переходные' знаки, которые по инициатору этой акции премьеру *Вагнорюсу* получили в народе название *вагнорки*:

Могут ввести так. наз. 'белые деньги'. Что-то похожее на литовские *вагнорки* и украинские купоны (Эмиграция, 1992, 2, 10).

Самым, пожалуй, оригинальным наименованием 'переходной' национальной валюты являются *зайчики* в Белоруссии - по изображению на знаках, расчетных билетах, различных животных, в т. ч. и *зайцев*, *зайчиков*. И в народе, и в печати об этих дензнаках говорят и пишут именно как о *зайчихах*, срав. весьма характерный текст в "Российской газете" (1992, 276, 25. XII):

"'Зайчики' побежали" (название статьи). Полугодовое шествие по Беларуси расчетных билетов Национального банка триумфальным не назовешь. Самой расхожей купюре с обликом *зайчишки* при встрече с традиционным червонцем частенько приходилось 'поджимать хвост'. Люди то сбивались с ног в погоне за ним, то напрочь забывали о его существовании. Одна из последних попыток '*косого*' выпутаться из расставленных финансовых силков - введение обменного курса: 70 '*зайцев*' за 100 русских, как здесь говорят, рублей... Оказывается, столь резкий крен курса в сторону *беловежской живности* был заложен, как ни парадоксально, чтобы максимально притормозить обмен... В '*зайцев*' перевоплотилось огромное количество рублей, эмигрировавших из России и Украины... И, конечно же, продажа только за '*зайчики*' относительно дешевых продуктов питания не остановила их отток к соседям. А на республиканской фондовой бирже 120 безналичных белорусских *расчетных билетов* идут за сотню традиционных рублей. Как и заложено *зайчишке* природой, шарахается он из стороны в сторону в борьбе за место под белорусским государственным флагом.

Здесь выстраивается целая серия дензнаковых обозначений: *расчетные билеты* - *зайчики* - '*косой*' - *зайцы* - *беловежская живность* - *зайчишка*. Понятно, практически все они носят метафорический характер. Срав. так-

же заметку “За одного ‘зайца’ буханку хлеба дают в Беларуси” (Эмиграция, 1993, 12, 2).

Таким образом, постепенно в русской печати и в речи русскоговорящих жителей бывших союзных республик слова *рубль* и *копейка* архаизируются, становятся как бы историзмами, в то время как на их место приходят из забвения либо впервые утверждаются *кроны, литы, латы, манаты, карбованцы* и т.д. Пример с названием эстонской мелкой денежной единицей - *сентом* ~ *центом*:

По выходе из места заключения он не получил ни *копейки*, точнее, - ни *сента* на то, чтобы теперь как-то существовать (Рус. газ., 1993, 27.III, с. 6).

В заключение отметим, что в перестроечное время необычайно активизировалось употребление в русском языке иностранных валют - *доллар, марка, крона, франк, шиллинг* и т.д. До перестройки эта валюта практически не имела хождения в стране, в перестройку она, как и в других странах, стала распространяться наряду с рублем. Сейчас в стране ‘зелененькие’, т.е. доллары, знает практически все активное население:

Менее 10 миллиардов ‘зелененьких’ хватит, чтобы купить основную часть индустриального потенциала республик...(из газ.).

5. Речезтикетная парадигма (Господа-товарищи..., или: как нас теперь называть?)

Лексическая парадигма, состоящая из слов-обращений и входящая в формулы речевого этикета, также 'чувствительна' к социальным изменениям - прежде всего к революционным. По крайней мере, эта 'чувствительность' отразилась именно на русском языке XX в., когда после революции 1917 г. традиционные слова-обращения, квалифицированные новыми властями как классовые, были устранены и взамен им практически ничего не было предложено, кроме как официально-партийного *товарищ*, которое, естественно, узко социально маркировано и никогда не могло иметь универсального хождения. Это понимали в обществе уже с момента 'ломки' речезтикетной традиции, однако вопрос, в силу его идеологической табуированности, так и остался открытым. На памяти пишущего эти строки немногие, но настойчиво появлявшиеся в разное время в печати статьи с предложениями урегулировать этот вопрос в русском языке, заполнить 'лексическую лакуну'. Иногда при этом возникали целые дискуссии, вызывавшие массовый интерес неселения. Но для рассуждений авторов статей и дискутировавших было характерно одно - избегание идеологически маркированных слов-обращений и попытка найти искомое слово в его нейтральном виде. Помнится, в 60-е гг. еженедельник "Неделя" (приложение к газете "Известия") поднимал этот вопрос, обращался к читателям с просьбой прислать свои предложения, и читатели весьма активно откликнулись на него, приводя бесчисленные случаи тех курьезных ситуаций, в которых они оказывались (или были свидетелями), не имея в своих лексических 'запасниках' нужного слова-обращения. Один из читателей предложил тогда возродить слова *сударь* и *сударыня*. Позднее в "Литературной газете" (1971, 45, 3.XI) другой читатель отстаивал то же самое, срав. его рассуждения :

"Однажды я ратовал за восстановление в правах старых русских слов *сударыня* и *сударь*, потому что у нас отсутствует неофициальное обращение незнакомых людей друг к другу. *Девушка, папаша, шеф, эй, борода* и *браток* не в счет. Пока что мы остаемся без такого обращения не только потому, что оно не было поддержано 'сверху' через радио, телевидение и газеты. Но, оказывается, слову всегда предшествует внутренний жест. Легко представить себе: "*Сударыня*, вы уронили перчатку". И несколько труднее (например, в электричке): "Ну-ка, *сударыня*, уберите свою авоську. Разложилась..."

Однако вопрос этот в советское время не мог быть решен, поскольку в языке действительно не было средств, способных компенсировать утраченные, точнее - устраненные, традиционные слова-обращения. В лингвистическом смысле здесь остается один выход (если не прибегать к заимствованиям): возвращение старых традиционных, отражающих национальную специфику слов-обращений, перевод их из архаизмов в активный словарь (в первое время они будут с неологическим налетом). Это и проявилось в перестроечное время. В печати появляются многочисленные письма, за-

метки и статьи читателей, которые предлагают свои решения, которые нам можно рассматривать, как документ времени. Одно из таких предложений-рассуждений мы и хотим привести здесь полностью:

“Кризис русского языка вошел в такую фазу, когда мы не знаем, как обращаться друг к другу. Сказать *девушка*?...Но, если это слово обращено к почтенной матроне, оно приобретает издевательский оттенок. *Гражданин*, - говорят в милиции. *Господин*, - говорили до революции. Сказать *женщина*, *мужчина*, *мужик*, звучит грубо, почти вульгарно. Сказать *товарищ*? Но в ходе перестройки это обращение дискредитировали и почти перестали употреблять. Во всяком случае в этом слове уже нет той непосредственности, естественности; это слово сохранилось лишь в некоторых официальных речах и программах радио. Кто-то пытался пустить в русский повседневный обиход английское *сэр*, французское *мадам*. Но в этих словах, согласитесь, немало иронии.

Что же говорят? По радио и со сцены определенный круг лиц говорит *дорогие друзья*, обращаясь ко всем сразу и тем самым полностью лишая это словосочетание его изначального смысла. Мужчины говорят иногда *командир*, обращаясь к дворнику или таксисту. Совершенно серьезно произносят слово *отец*. Но ведь не к каждому обратишься таким образом. Обращаясь к женщинам, говорят иногда *матушка*, но это порой вызывает гнев прекрасной половины. Универсального обращения сегодня нет. Народ в муках постепенно, вероятно, найдет когда-нибудь сам какое-нибудь слово.

Чтобы не обращаться друг к другу безадресно с чем-нибудь вроде *послушайте* или *э-э-э*, или *передайте, пожалуйста*, чтобы не ждать, когда из перестроечной пучины вынырнет какая-нибудь замена обращению *товарищ*, предлагаю следующее. Давайте вспомним доброе русское, ничем себя не запятнавшее обращение *сударь, сударыня*. Эти слова уважительны, нейтральны, приветливы. В первый раз произнести их будет, пожалуй, трудновато. Так трудно человеку, выучившему английский, уже все понимающему, начать говорить самому. Но будем помнить, что это обращение только к непосредственному собеседнику. Его никогда не используют в публичных выступлениях. Чтобы легче было ввести в обиход новое (старое) обращение, можно предложить следующее. Во-первых, начать пользоваться этим обращением всем вместе со дня выхода статьи. Во-вторых, начать употреблять это слово в самых незначительных ситуациях, где без него вроде бы невозможно обойтись. (Например, “*Сударыня, позвольте пройти...*”). В-третьих, никогда и ни к кому не обращаться безадресно. При этом вы сразу ощутите, что любое другое обращение, кроме *сударь*, будет звучать неискренне. Такого рода предложения звучали уже не однажды. Признаемся себе сами, многим из нас уже не однажды хотелось произнести где-нибудь в троллейбусе очень вежливо: “*Сударыня, не толкайтесь, пожалуйста.*” И всегда мешала не то чтобы робость или стеснительность, а что-то вроде нерешительности. Так решимся же, наконец?!” (РВ, 1992, 32, 15).

Таким образом, здесь отдается предпочтение словам *сударь* и *сударыня*. Впрочем, не только здесь, срав. также:

Господа-товарищи, а не вспомнить ли забытое исконное русское обращение *сударь* - звучное, чистое, как майское небо после грозы. И не обратиться ли друг к другу: "*Судари и сударыни*, будьте так любезны, оберегайте речь нашу от праздной мысли и худого дела!" (Правда, 1992, 9. IX).

Небезынтересно в этой связи рассуждение публициста АРСЕНИЯ ГУЛЫГИ в заметке, названной "*Господа!*" (ЛГ, 1989):

"В самом деле, а не пора ли нам вернуться к этому широко распространенному в мире вежливому обращению, еще не совсем забытому? Ну, не сразу в ночь на воскресенье и не полностью, а хотя бы частично, разделив сферу применения его с привычным, партийным *товарищи*. Конечно, у нас нет *господ* в старом смысле слова - 'угнетателей', но и от единоутробных по классу *товарищей* (вроде Сталина) натерпелись мы бед пострашнее старорежимных. В данном случае речь идет, однако, о другом значении слова *господин*. Цитирую четырехтомный академический словарь русского языка: "... форма вежливого обращения или упоминания в дореволюционное время..., в настоящее время - по отношению к официальным представителям или гражданам других государств"... В. Солоухин предлагал возродить обращение *сударь* и *сударыня*. Полностью с ним согласен. Тем более что почтенное слово *гражданин* навеки испорчено тюремно-лагерной практикой".

Как видим, и этот автор за *сударя* и *сударыню*, однако, как это ни странно, апеллирует он все же к *господам* (срав. и название заметки)... *Господин* (и *госпожа*) все чаще употребляется в современной речевой практике, с чем также не все согласны, срав., например, мнение читателя жур. "Огонек" (1991, № 11):

"Когда нас окликают по половому признаку: '*Эй, мужчина!*', '*Послушайте, женщина...*' и т.д., - это, конечно, неприятно. В то же время стремительный переход из одной крайности в другую мне кажется неоправданным. Согласитесь, как-то неловко назвать *господином* человека, задница которого оснащена заплатой. Вероятно, в шикарных отелях или офисах преуспевающих корпораций это обращение не кажется чужеродным. Но распространять его на людей, вымачивающих в несладком чае сухари... Когда после работы намотаешься по очередям, и, придя домой, услышишь, что тебя по радио называют *господином*, то расценить это иначе, как издевательство, нельзя. Естественно, усиливается раздражение, накопившееся за день".

На тему, поднятую читателем, уже пишут фельетоны (один из них с показательным названием "*Дама с котомкой*" опубликован в "Правде", (1993, 54, 2)).

Тем не менее слово пущено в оборот, точнее, возрождается, хотя общество все еще не отвернулось от советизмов да и сами протагонисты возрож-

даемого нередко путают в речи и то и другое. Этот весьма важный момент смены в лексической парадигме русского языка мы и хотели бы отразить 'по горячим следам', ибо еще несколько лет - и будет поздно: дискуссии улягутся, вариантность единиц разных временных срезов постепенно исчезнет, реконструировать ситуацию станет труднее.

Переживаемое нами ныне время характеризуется тем, что вместо дефектной однобокой речезтикетной микросистемы советского времени (с ее лакунами) мы имеем весьма пестрый репертуар, единицы которого в речевой практике могут уживаться друг с другом, противопоставляться либо вовсе отрицаться. В целом же можно сказать, что идет весьма активная конкуренция между возрожденным *господин* (и соответственно *госпожа*) и речезтикетным советизмом *товарищ*. Все зависит от ряда параметров: статуса лица, употребляющего слово-обращение; сферы и конкретной обстановки, идеологических, моральных и проч. позиций сторон и др. Срав., например, признание молодого демократа ('как все начиналось') в органе Российского Народного Фронта газете "Российское возрождение" (1990, 1, 4):

Когда я первый раз выступил на сессии и только произнес *уважаемый господин председатель*, многие депутаты впали в шок и чуть не заулюлюкали. Один даже подскочил и потребовал от меня извинений 'за оскорбление председателя'. Ничего, привыкли...

На сегодня можно выделить, по крайней мере, следующие модели обращения:

- 1) *товарищ*, *-и* - сохраняется в части оппозиционных движений и партий и среды вообще, прежде всего коммунистической, стоящей на советских позициях; нередко на периферии, о чем свидетельствуют примеры:

Дорогие *товарищи*, кому бы из нас ни была предоставлена трибуна, давайте говорить по делу (Огонек, 1989, 1):

срав. объявление в одной из гостиниц Пскова (зафиксировано 25. II. 1993 г.):

Уважаемые *товарищи*! Просьба постельное белье при выезде сдавать дежурной:

там же, на железнодорожном вокзале, диктор постоянно обращается к пассажирам:

Уважаемые *товарищи пассажиры*! Поезд номер....

И еще пример:

Отныне приказано Родину называть Отечеством. Обращение *товарищ* [в армии] тоже сохранилось (КП, 1992, 1, 2).

- 2) *господин* (мн. ч. *господа*), *госпожа* (ж. р.) - прежде всего в официальной речи - сначала по отношению к бывшим друзьям из социалистического лагеря, срав., например, “Беседу председателя Совета Министров Польской Народной республики Тадеуша Мазовецкого с главным редактором журнала “Огонек”:

- *Господин председатель* Совета министров, приходилось ли Вам бывать в Советском Союзе прежде? (Огонек, 1989, 49).

Вскоре эта форма обращения перешла и к высшим руководителям бывших братских республик Советского Союза, получивших независимость, срав.:

Господин Президент, постарайтесь объяснить, почему суверенитет республик начинается с национальных ‘разборок’? (обращение к М. С. Горбачеву; из газ.); Президенту СССР, *господину Горбачеву* М.С., председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР *господину* Нишанову Р.Н.... [следует текст] Президиум Верховного Совета Республики Грузия, президент Республики Грузия Звиад Гамсахурдия (Своб. Груз., 1991, 79, 1);

газета “Известия” (1992, 2. XII) берет интервью у заместителя министра топлива и энергетики России:

Господин заместитель министра, существует ли угроза, что потребители могут остаться без угля?; Его Превосходительству Витаутасу Ландсбергису, Председателю Верховного Совета Литовской республики. Уважаемый *господин Председатель!* В первую годовщину... С уважением Арнольд Рюйтель [председатель Верховного Совета Эстонии] (Мол. Эст., 1992, 7, 1).

Случаются и совершенно невероятные ‘перехлесты’ в этом плане, срав., например, следующие тексты:

Президенту Республики Грузия *господину* Звиаду Гамсахурдия. Нами принято решение о ликвидации Онского райкома независимой Компартии Грузии, его аппарата и контрольной комиссии. Бывшее руководство, члены бюро и работники аппарата райкома вышли из рядов партии. Бывший первый секретарь Онского райкома партии независимой Компартии Грузии Р. Нодаришвили, бывший второй секретарь...; и тут же ниже: Первому секретарю ЦК независимой Компартии Грузии [пропуск слова-обращения: *товарищу?* *господину?*] Д. Микеладзе. Просим считать упраздненным Онский райком независимой Компартии Грузии, его аппарат и контрольную комиссию, членов бюро райкома и председателя контрольной комиссии вышедшими из партии. Бывший первый секретарь... (Своб. Груз., 1991, 79, 1).

Здесь партийный функционер среднего звена легко перенимает старо-новое обращение *господин*; в то же время, оказавшись в 'нетоварищах', он к своему бывшему руководителю - *товарищу* - обращается уже абстрактно, без маркирующего элемента.

Парадокс ситуации заключается в том, что *господами* буквально на глазах изумленного населения стали в первую очередь те, кто месяц-два назад даже не допускал такой мысли, считал ее идеологической крамолой, преследовал и наказывал отступников, кто начинал свою карьеру с *товарищ* и благодаря этому слову-концепции оказался в верхнем эшелоне власти. По этой причине, как кажется, народом пока все-таки не воспринимаются обращения 'на господин', вызывающие в лучшем случае улыбку (срав. признания читателей некоторых периодических изданий, помещенные в начале этого раздела). Эту мысль подкрепляют также многочисленные примеры стилистически маркированного употребления *господин* по отношению к коммунистам, ставшими демократами, срав.:

Нет, *господа шлюп-лидеры*, не торопитесь зазывать гребцов в шлюпки, не подвергайте свои народы суровым испытаниям (Правда, 1991, 14, III); А сейчас разбогатевшая Япония мыслит купить у *господ советских правителей* то, что не удалось ей отобрать у нас силой (День, 1992, 14, 6); Каждый народ имеет право на самостоятельное решение своей судьбы, не так ли? Это не ваш ли коммунистический тезис о праве наций на самоопределение, *господа большевики*? (Д. БАЛЛШОВ; День, 1992, 21, 4); Неужели *господа демократы* сумели так разложить русскую армию? (НС, 1992, 8, 9); ... копирование идет даже в мелочах. Как сказал Ельцин вместо *товарищи* - *господа*, так это обращение тут же подхватили и наши руководители. (Правда, 1993, 71, 2).

Вот показательное обращение простого человека к президенту М.С. ГОРБАЧЕВУ незадолго до ликвидации СССР:

Господин Президент! Полагаю, такая форма обращения к Вам уже стала привычной. Вы действительно *господин*. Вот только - чего? Президентом какой страны Вы, собственно, являетесь?... (из газ.).

- 3) Комбинированный способ - объединение *товарищ* и *господин* в виде *товарищ-господин* или *господин-товарищ*, *товарищ* и *господин* (и наоборот), нередко с оценочными адъективами типа *господа нынешние* - *товарищи бывшие*. Отчетливо стилистическая направленность таких форм обра-

щения не требует специальных комментариев; заметим также, что такой способ обращения более всего используется в оппозиционной печати и среде. Примеры:

... т.е. мы с вами, *господа-товарищи*, и есть те самые 'прочие' (Б. ОЛЕЙНИК, Князь тьмы, 73); После душещипательного прощания с президентским креслом (самолетом и дачей) *товарища-господина* Горбачева в очередях и курилках прошел слух, что вскоре ожидается прощание сего мыслителя со страной и народом (РВ, 1992, 5, 2); За что *господа-товарищи* Горбачев, Ельцин, Яковлев ... подвергли народ геноциду? (Молния, 1992, 32, 1); *Товарищ-господин* Яковлев не устает называть "Перекресток" [телепередача] безвкусной, пошлой передачей, рассчитывая, таким образом, уязвить мое творческое самолюбие (НИКИТА МИХАЛКОВ; Культура, 1992, 29.VIII); Начал он с гоголевского: "Я собрал вам, господа... Впрочем, *господа* и *товарищи* кое-что уже знали: слухами, известно, земля полнится (Правда, 1992, 17.X); Об этом *господа-товарищи* в Москве думают и спорят уже более двух лет и, похоже, зашли в окончательный тупик (СПб. вести, 1993, 34-35); По нашему мнению, *господа нынешние - товарищи бывшие*, говорить об устранении военной угрозы для Содружества еще преждевременно и безответственно (из газ.). Срав. также актуальность проблемы в названии целой передачи телевидения "Москва" от 14. XII. 1992 г.: 18.20 (время). "*Господа-товарищи*" (Известия, 1992, 267, 8).

- 4) *гражданин* - иногда в официальной сфере, в заявлениях и проч., однако непоследовательно, нередко - в устной речи:

"Заявление. Прокурору г. Москвы. Уважаемый *гражданин* прокурор! 4 ноября 1991 г. нами была направлена в Ваш адрес жалоба..." (РВ, 1992, 7, 12-19. II).

- 5) *дамы и господа* - часто слышится в среде интеллигентов-демократов, с экранов телевидения и по радио, срав.:

Добрый вечер, *дамы и господа!* - Этими словами начинает свой концерт Надежда Чепрага. - Вот я и стала госпожой, приехав к вам из-за рубежа из Молдавии (Рос. газ., 1993, 36, 8); - А вы посмотрите, сколько уже 'сделано'? Возрождены *дамы и господа*, бордели и ночлежки, дворянские собрания и купеческие гильдии, безработные и прислуга, 'варварки' и 'разгуляи' и проч. (АРКАДИЙ ВОЛЬСКИЙ; Правда, 1992, 9, 2).

- б) *другие случаи*, например, 'чисто' женские обращения:

Прочла в "Огоньке" пасквиль на своего сына, погибшего в Приднестровье. Если найдете возможность, опубликуйте мой ответ Н. Чугуновой. *Мадемуазель (сударыня, мадам? Только не товарищ!)* Чугунова!... (СР, 1992, 139, 2).

Показательно, что процесс возрождения досоветской речезтикетной лексической парадигмы начался параллельно либо с небольшим опозданием и во всех других республиках бывшего СССР. Для нас здесь существенно подчеркнуть то, что речезтикетные слова из других языков интенсивно внедряются в нынешнее употребление центральными московскими демократическими средствами массовой информации. Срав., например, грузин. *батано*, молдав. *домнул* и т.д. - в значении 'господин':

- Прежде всего, *батано* Звиад, хотелось бы, чтобы Вы рассказали, какова платформа "Круглого стола"? (интервью председателя Верховного Совета Грузии Звиада Гамсахурдия; из газ.); - *Домнул* президент, как Вы оцениваете сегодняшнюю политическую и экономическую ситуацию в республике? (интервью с президентом Молдавии М. Снегуром; АиФ, 1991, 21, 2).

В заключении зададим вопрос: заполнится ли, наконец, в русском языке речезтикетная лакуна? Судя по нынешней ситуации, должна, однако процесс этот психологически весьма сложен и, вероятно, не очень ближайшего времени. Недавно поэт ГЕННАДИЙ ИВАНОВ откликнулся особым стихотворением на эту 'горячую тему' под названием "О господах" (1991):

'Дамы и господа!' Господа...
Непривычно и даже манерно.
Но пройдут понемногу года -
И естественным будет, наверно.

А с другой стороны, *господа*,
Что-то въелось в нас,
накрепко въелось,
Что давно уже и навсегда
Нам *господ* заводит
расхотелось.

Что-то будет? Летите, года,
Завивайтесь
русской вьюгой,
Господа, господа, господа...
Большинство будет
вашей обслугой (ЛР, 1991, 52, 2)

Глава IV

Адъективно-субстантивная валентность: снятие табу (продолжение языковой десоветизации)

Мы уже показали, что до перестройки базовые слова-понятия, отражавшие сущность советской социально-политической системы, имели, как правило, постоянные адъективы либо не имели их вовсе (что уже само по себе являлось показателем того, что такое слово-понятие - 'для всех времен и народов'). Так, по отношению к *демократия* постоянными 'эпитетами' выступали *советская* и *социалистическая* (также *подлинная* и *наша* в значении "советская", "социалистическая"). Это была *демократия* для, так сказать, 'внутреннего употребления'. *Демократия* за пределами страны, в капиталистических странах, имела иные 'эпитеты' - *буржуазная* или же *их*. Такое ключевое слово доперестроечного времени, как *социализм*, и вовсе использовалось без 'эпитетов'-определений, поскольку считалось, что модель этого общественного строя едина и единственна, универсальна для 'всех времен и народов', и попытки придать социализму локальный характер или какой-либо качественный признак объявлялись ревизионизмом. Исключением являлась лишь ситуация, когда речь шла о практической реализации социализма в СССР - тогда возможны были сочетания *победивший социализм*, *развитой социализм*, *зрелый социализм*, *реальный социализм*. Это, пожалуй, и все.

В первые годы перестройки еще верили в *социалистический рынок* /конкуренцию /выбор/ плюрализм:

Что такое *социалистический рынок* и чем он отличается от западного? (Огонек, 1989, 23, 3); Дело идет к формированию *социалистического рынка*; Конечно, изучать *социалистический рынок* возможно при условии, если он существует. А жизнеспособность его заложена в *социалистической конкуренции*; отраслевые министерства активно сопротивляются созданию *социалистического рынка* (Огонек, 1989, 9, с. 4; 10, с. 15).

Наряду с этим еще активно использовались:

социалистическая Родина, *советский народ*, *советский патриотизм*, *советский гражданин*, *советские рабочие...*, *Генеральный секретарь (Коммунистической партии Советского Союза)*, *партийный руководитель*, *освобожденный секретарь*, *ответственный работник*, *партийный работник*, *комсомольский вожак*, *комсомольский значок*, *ударная работа* и под.

Вероятно, одно из последних по времени официальных употреблений словосочетаний с *советский* находим в "Обращении к советскому народу", составленное 18 августа и обнародованное 19 августа 1991 г. ГКЧП

[Государственный комитет по чрезвычайному положению]. В его тексте обнаруживаются такие примеры:

Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства *советских людей*, расцвет спекуляции и теневой экономики; Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в *Советском Союзе* подрывает наши позиции в мире; Еще вчера *советский человек*, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства; Гордость и честь *советского человека* должны быть восстановлены в полном объеме; Мы намерены незамедлительно восстановить закон и правопорядок, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие *советских граждан*; Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех *советских людей* в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок...

В “Обращении” еще присутствуют привычные выражения типа:

великая Родина, широкая народная поддержка, единый народнохозяйственный комплекс, подавляющее большинство, решительные меры, достойный гражданин, всенародное обсуждение, экономическое и социальное процветание, трудовая интеллигенция, миролюбивая страна (по отношению к СССР), многонациональный народ, великая держава, всемерная поддержка, общественно-политические организации, трудовые коллективы, вековая дружба (народов СССР), братские народы (СССР) и др.

В дальнейшем, особенно после распада страны, подобная устойчивая адъективно-субстантивная валентность начинает утрачиваться в газетных и журнальных текстах, в речи дикторов радио и телевидения. На смену приходят новые адъективно-субстантивные связи, о которых речь ниже. Правда, в части оппозиционной печати, особенно советско-коммунистического направления, адъективно-субстантивные сочетания, о которых речь шла выше, продолжают до сих пор достаточно активно использоваться. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

- 1) *Социализм*. Почти безадъективное ранее (за исключением нескольких ‘канонизированных эпитетов’), это существительное стало ‘принимать’ всевозможные определения-‘эпитеты’ - в первые годы перестройки в основном позитивной, а в последующие - и негативной семантической окраски. Сформировались в этой связи две адъективно-субстантивные словосочетаемостные парадигмы, противопоставляющиеся содержанием и противопоставляющие время (‘до’ и ‘после’) их использования:

Т.е. налицо адъективная поляризация и в сфере синтаксической валентности этого существительного. Срав. некоторые примеры этих поляризаций:

- а) Ускорение сплотит и воодушевит все перестроичные силы, позволит существенно облегчить муки родов *демократического социализма* (Огонек, 1989, 50, 4); Сегодня я невероятно страдаю и когда слышу такие слова, как *гуманный социализм*; Высказано множество взглядов на то, каким должен стать *обновленный социализм* (Огонек, 1989, 23, 3); срав. также: *новый (облик) социализма* и под.; Какова же качественно новая модель *более эффективного, демократического, гуманного социализма?* (Ф. БУРЛАЦКИЙ; ЛГ, 1988, 16, 20.IV); Какой только социализм мы ни строили! И *победивший в основном, и победивший окончательно, и реальный, и зрелый, и развитой...* (Союз, 1990, 51);
- б) Начался неуправляемый самораспад системы *административного социализма* (Огонек, 1989, 50,4); Этот официально принятый 'марксизм-ленинизм' сложился и функционировал как идеология *командно-административного казарменного социализма* (Правда, 1990, 25.X); Страна стала постепенно выбираться из *казарменно-бюрократического социализма* (Известия, 1988, 163, 11.IV); Роман Е. Замятина "Мы" направлен против *примитивного, бездуховного, 'казарменно' понимаемого социализма ...*(ЛГ, 1987, 40, IX).

При замене существительного *социализм* функционально близкими типа *система* (срав. привычное *советская система, социалистическая система*) добавлялись теперь адъективы, 'работающие' на придание ему негативного оттенка, срав.:

Думается, что это завоевание *административной системы [= социализма]* (Огонек, 1989, 1, 7); Хотя и не мы изобрели *административную систему*, но долго и снисходительно терпели, наблюдая, как она создает собственные инфраструктуры...; У на-

шей страны появился реальный шанс стряхнуть путы *административной системы*... (Огонек, 1989, 1, с. 4, 6); ... *административно-командная система* власти себя изжила (Известия, 1988, 27. IV); В условиях *административно-командной системы* наша федерация подверглась различного рода деформациям ... (из газ.); срав. также: *командная система, издевательски-бюрократическая система* и под.

В качестве функционально близких существительному *социализм* стали употребляться также существительные *режим, диктатура, схема* и ряд других, что до перестройки было недопустимо: *авторитарный режим, партийно-военная диктатура, партийно-этатистский режим, кабинетно-утопическая схема* и под., срав. также и такой пример:

Был ли этот строй на самом деле социализмом или только *государственно-бюрократической казармой*? (Правда, 1990, 25.X, с. 1).

Надо сказать, что существительное *социализм*, в перестройку 'расцветая всеми цветами радуги', т. е. получив такое обилие определяющих его слов, вскоре стало исчезать вовсе из официально-демократического стиля средств массовой информации и употребляется в настоящее время лишь в оппозиционной коммунистической печати.

2) Проводники системы.

В качестве таковых выступали, с одной стороны, *первые лица, платные (партийные, комсомольские...) функционеры, комсомольские чиновники, записные ораторы, бездумные цитатчики* и под. , с другой - *руководящий иконостас, партийные дворняги* (ЛГ, 1988, 23, 8.VI), *партийно-государственная элита, распоясавшаяся элита, министерское сословие, рабоче-колхозная аристократия, ведомственный клан* и многие другие: ... актер вводит в роль тот 'энергетический запас' гражданского гнева, который дает нам знание о негативных явлениях в жизни страны, в деятельности весьма *высоких лиц* (из газ.); Но сколь же часто *записные ораторы* используют их [слова-ориентиры] как ширму...; В каждом коллективе надо поставить барьер демагогам, словесным спекулянтам, *бездумным цитатчикам* (Правда, 1988, 23.VII); Гораздо менее заметные вернисажи собирают *целый руководящий иконостас* (ЛГ, 1988, 9.XI); Не проходит и дня, чтобы не попался в руки номер газеты или журнала, в котором представители какого-нибудь *ведомственного клана* не проливали бы горьких слез по поводу сложного финансового положения (Огонек, 1989, 1, 7).

Вездесущим и всемогущим был, безусловно, *аппарат*. Для доперестроечного времени и первых лет перестройки была

обычной сочетаемость этого существительного с прилагательными *советский, партийный*:

Выяснилось, что и работники *советского и партийного аппарата* - люди с незначительным достатком (Огонек, 1989, 1, 7).

В дальнейшем *аппарат* приобрел широкий спектр определений, оценивающих результативность и стиль его работы (в основном отрицательно):

руководящий, правящий, государственно-бюрократический, административно-бюрократический, чиновничий, производственно-управленческий, командно-бюрократический, переродившийся, многослойный и под.

Аппаратными стали *чиновники, традиции, мораль, приоритеты, игры, солидарность*:

Старых *аппаратных чиновников* заменили молодыми демократами (из газ.); До той поры, пока ее не будет, останутся *аппаратные игры*, кулуарные бои за каждую тысячу тонн мяса... (Огонек, 1989, 13, 22); Это возврат так называемой *аппаратной морали* и прочее ... (Известия, 1988, 1.XII).

Срав. также: *партийные аппаратчики, аппаратные работники* и... *безаппаратное хозяйствование*:

Разобраться хочу, что это за такой сюрприз перестройки образовался в Красногорском районе и почему он своим *безаппаратным хозяйствованием* и большими зарплатами всем колет глаза (Известия, 1988, 17. V).

Долгое время понятие *номенклатура* держалось в коридорах высшего эшелона власти, срав. в примере:

Едва ли не каждый день нам приходится слышать вполне привычные для уха фразы: "Иван Иванович попал в '*номенклатуру*', '*это номенклатурная должность*', '*номенклатурный список*'. Отчего же делается вид, что понятия не существует? Да оттого, что в течение многих десятилетий вся наша политическая жизнь была неким эвфемизмом, административным инкогнито... (Огонек, 1989, 1, 12).

Перестройка 'засветила' этот административный термин, и он стал мелькать на страницах газет и журналов, о нем стали открыто рассуждать:

Суть *номенклатуры* - в подмене власти идеей голой идеей власти. Идеология в руках *номенклатуры* из путеводной звезды превращается в инструмент удержания власти. *Номенклатура*, которая

досталась стране в наследство от генералиссимуса, напоминает разбитую вдребезги вазу...; В том или ином обличье *номенклатура* существовала всегда. Наивно полагать, что перестройка упразднит *номенклатуру*; Ей, *номенклатуре*, ведь тоже полезно понять, почему в перестройке она играет столь противоречивую роль; В глазах обывателя жизнь советской *номенклатуры* кажется верхом блаженства и достатка... (Огонек, 1989, 1, с. 12, 15).

В последнем примере *номенклатура* впервые определяется как *советская*; срав. также:

'руководящая номенклатура' или, на языке бюрократов, пресловутые перечни № 1 и № 2 (из газ.); Центр - *'просвещенная номенклатура'* - стремится к приватизации в своих интересах... (Дем. Рос., 1990, 4, 2).

Общество узнало, что *номенклатурой* могли быть:

коммунисты, цекисты [члены ЦК КПСС], *партократия*, срав. также: *номенклатурный бездельник*; Вот ведь как славно мы боремся с *'номенклатурной приватизацией'* - взяли и закрепили все привилегии в собственность (СР, 1992, 145, 2); приспособление и ложь - пропуск в *номенклатурную науку* (из газ).

И усложненные *номенклатурные* признаки типа:

партийно-номенклатурный аппарат, номенклатурно-обустроенная верхушка; Территориальные начальники мечтают сохранить *номенклатурно-назначенческую* систему (ЛГ, 1988, 21, 25.V); тенденция абсолютно ясна - перемещаться от людей с *аппаратно-номенклатурным прошлым* к ученым и политическим деятелям (Огонек).

Наконец, нельзя не сказать и о доморощенной *бюрократии*, которая в перестройку стала уже и *советской*, и *партийно-государственной* и иной; срав. явления, *'маркированные бюрократически'*:

безусловно справедливо, что частью механизма торможения в *командно-бюрократической системе*, сложившейся в нашем обществе, была и цензура (Известия, 1988, 3.XI); Вместе с тем нам не продвинуться к новой модели общества, если не поломать *'бюрократический централизм'*, всецелье *бюрократического аппарата* (Известия, 1988, 336, 1.XII); Окончательно *номенклатура* как особая *партийно-бюрократическая прослойка* сложилась в тридцатые и послевоенные годы (Огонек, 1989, 1, 15); Проблемы настолько остры, что привычная для многих из нас *бюрократическая раскачка* только повредит делу (Известия, 1988, 30.XI); *махровый бюрократизм* и др.

3) *Методы - подходы - стиль в управлении обществом.* В целом они характеризуются теми же адъективами, что и *социализм, аппарат, бюрократия*, срав.:

Партия должна осуществлять свою ведущую роль не *директивно-командными методами*, не 'по телефону', а через тех коммунистов, которые занимают различные должности в экономике, в государственном аппарате (ЛГ, 1988, 27.IV); Причем осуществлять эти функции государство должно не *административно-командными, а экономическими методами* (Известия, 1988, 144, 23.V); Это - всяческие попытки ущемить с помощью *административно-нажимных, бюрократических методов* предоставленные предприятиям права (Известия, 1988, 16.V); Мы на собственном опыте убедились, что управлять обществом *демократическими методами* неизмеримо сложнее, чем *авторитарными* (Известия, 1988, 336, 1.XII); Сегодня все *административно-командное управление* критикуется как архаичное (Огонек, 1989, 10, 21); 'Верхи' и 'низы' идут навстречу друг другу, но между ними все еще могущественный партийный аппарат со *старыми методами* (Известия, 1988, 21.X); *штурмовые методы*, т.е. "выполнение плана всеми средствами, особенно в конце месяца или квартала, перед зарплатой"; *командный стиль, келейный подход, волевые решения, командно-распределительные функции* и под.

4) *Производственная, финансовая и проч. сферы.* Вместо стандартного *плановая экономика, рентабельное предприятие* и под., появляются новые сочетания типа:

административная экономика, теневая экономика, планово-убыточные предприятия (Известия, 1988, 315, 10.XI), байкало-загрязняющие ведомства (термин В. Распутина; ЛГ, 1988, 34, 24. VIII); также: *безостановочные капиталовложения*, т.е. субсидирование государством отраслей производства и отдельных предприятий, работающих нерентабельно; *затратный механизм (экономики), экстенсивное развитие (экономики), затратный показатель, безубыточная работа, остаточный принцип* (выделения средств на развитие той или иной социально-экономической сферы), *тотальная бесхозяйственность*; Упорно внедряется формула: "*Теневая экономика - это нормальная экономика, работающая в новых нормальных условиях*" (СР, 1991, 54, 16.III); из словаря *административной экономики* (Огонек); срав. также: *соревновательный режим, соревновательный экстаз* и под.

5) *Другие 'надстроечные' явления, процессы и т.д.:*

безоговорочное одобрение, громкое одобрение, единогласно-бездумное одобрение, повальная инициатива, полное безгласие, школьно-бытовой оптимизм, всеподданнейшее одобрение, монопольное единодушие, многословные обсуждения, субординационное мышление (Б. ОЛЕЙНИК; ЛГ, 1988, 18, 4.V), *казен-*

ный оптимизм, безбрежная демагогия, празднично-показательные мероприятия, помпезные заседания, очередные лозунги, бумажная карусель, бюрократическая раскочка, показное цифротворчество, управленческо-канцелярская текучка, социальное лицемерие, отчетная лихорадка, победные марши (трудовых успехов), круглая дата, ведомственные соображения, коллективная безответственность, двойная мораль, штатная идеология, командно-административные должности, пожизненная должность и пожизненный пост, союзно-заграничные места (работы и т.д.), переродившаяся партверхушка, размашисто-плакатная информация, нетрудовые доходы, неуставные отношения (например, в армии), мафиозный капитал, антицентровские настроения, деспотический централизм, закрытые санатории, прирученные профсоюзы (т.е. защищающие интересы властей), престижные поездки (за государственный счет, например, за границу), высокое ведомство, ведомственный произвол, престижные кресла, авторитарная власть, привилегированный вуз, 'руководящий' автор (М.С. ГОРБАЧЕВ; ЛГ, 1988, 19, 11.V), коррумпированные группы; бюрократическая молодежь значительно более консервативна, чем старое поколение (Известия, 1988, 18.V); По стране циркулирует 120 тысяч тонн ведомственной переписки ежегодно. Думаю, одной из причин, вызвавших этот бумажный цунами, стало и то, что произнесенное слово, не заверенное печатью, катастрофически обесценилось (Известия, 1988, 31. X); Поневоле приходится оперировать не фактами, а 'голой' идеологией... (Известия, 1988, 31.X); ... давнее наше бедствие - ведомства, ведомственные интересы (Известия, 1988, 19.XI); Телефонный звонок, доверительный разговор в важном кабинете, переданное судье 'высокое мнение'. (ЛГ, 1988, 27.IV); К каким же мерам социальной защиты от должностного вранья прибегать в практике внесудебной? (Известия, 1988, 27.XI); Но давайте присмотримся к этому идеологическому переодеванию!...(Правда, 1990, 25.X); Поезд истории ушел и невозврат партийной власти и марксистской идеологии должен стать знаменем русского человека - более других в СССР пострадавшего в обманно-лозунговые времена (из газ.); Времена 'единодушного всеобщего одобрения', к счастью, прошли. (Огонек);

Срав. также 'телефонные явления', поразившие доперестроечное общество:

Они способны противостоять 'телефонному праву' (Известия, 1988, 16.I); *телефонная просьба* (ЛГ, 1988, 23, 8.VI), *телефонная протекция*: У Первого [секретаря обкома партии] - *телефонное право*, а у телевизионного начальства - только послушание ему (Огонек, 1989, 48, 14).

Сюда же примыкает и *газетное право*, срав.:

Попытка повлиять на приговор путем использования 'газетного права' (Правда, 1987, 29.VI).

Стало возможным конкретизировать предперестроечное время по именам правителей:

Мне никогда не забыть, как в Пскове в *хрущевское время*, когда многое вдруг пропало в магазинах, на памятнике Ленину увидели тетрадный лист со словами: Водка стоит двадцать семь, Мяса, масла нет совсем. Дорогой Ильич, проснись И с Никитой [т.е. Хрущевым] разберись (из газ.); *брежневские времена* и *брежневская эпоха* (как синонимы застоя), *брежневское руководство* и под.; Жить в *брежневско-черненко-ском маразме* было уже нельзя. Народ устал от нужды и вранья. Перестройка была встречена с одобрением... (из газ.). (Комментарий о правителях СССР: после Н.С. Хрущева - Л.И. Брежнев, затем - К.У. Черненко).

Растабуированной стала и специфика обозначения речи элит высокого социального уровня, срав. выражения типа

партийный жаргон, командно-административный лексикон, начальственный мат (Неделя, 1988, 25), *начальственные матюки* (ЛГ, 1988, 16, 20.IV); Но уже тогда начал возникать новый тип комсомольского работника. Я их называю 'нейлоновые мальчики'. С их бюрократической манерой пользоваться *номенклатурным жаргоном* ('выходить на такого-то', 'решать вопрос') (ВЛАДИМИР АМЛИНСКИЙ; ЛГ, 1987, 19, 6.V).

Возникает целый 'адъективный букет', приставляемый к одному и тому же слову:

социальный догматизм, экономический догматизм, политический догматизм, идеологический догматизм..., также *кабинетные догматики* и др. (Известия, 1988, 163, 11.VI).

Растабуированием сочетаемости валентности занимаются публицисты и писатели, срав., например, таковые писателя ЕВГЕНИЯ НОСОВА в одной из его статей: *ударное молоко, плановый теленок, декоративные агрогорода, бумажно-волоконные сооружения* (ЛГ, 1988, 16, 20.IV). Наряду с митинговой демократией появляются:

митинговый авторитет; областная митинговая революция; Мы находимся в митинговом синдроме (из газ.).

Показательно также обилие *альтернативных действий*, срав.:

альтернативная (трудова) служба, альтернативная кандидатура; Альтернативные выборы - явление новое и многих застало врасплох (Огонек, 1989, 7, 2).

Разработана была антитеза *тоталитарное государство ~ правовое государство*; к последнему сочетанию близко ранее практически не употреблявшееся понятие-выражение *гражданское общество*. Вместо *великий, вечно живой* и т.д. Ленин появились и другие определения в виде *иконописный* и др.:

Рушится сталинская версия безошибочного социалистического Октября и *иконописного Ленина* ... (Правда, 1990, 25.X).

Из политической тени вышли и наши *серые кардиналы*, которых теперь уже называют по имени:

Господи! Опять Яковлев! В Прибалтике - Яковлев, в Грузии - Яковлев... Оказывается, всего лишь за два месяца до ночной трагедии [в Тбилиси], *серый кардинал* Горбачева занял позицию, очень хорошо принятую неформалами, - теми, кто спровоцировал 9 апреля... '*серый кардинал*' за два месяца до 9 апреля поощрял грузинских неформалов на 'демократические преобразования'... (НС, 1992, 6, 128).

Раньше это выражение по отношению к деятелям советской системы было полным табу.

Публицист АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ создал новый адъективно-субстантивный термин *кочующая номенклатура* - одна из его статей так и называется: "*Кочующая номенклатура. (Цекисты и академкраты)*" (НС, 1991, 8, 150). Автор имел в виду бывшую высшую номенклатуру, которая 'преобразовалась' в демократов и вновь оказалась у власти. По аналогии вскоре был создан термин *кочующая ассамблея* - о встрече руководителей бывших союзных республик СССР по проблемам СНГ [Содружества Независимых Государств]:

Ничего подобного нет у так наз. СНГ. Да и само образование фактически не существует - так, '*кочующая ассамблея*' глав правительств (НС, 1992, 5, 175).

Сюда же примыкают и такие новые сочетания, как:

перестроечная номенклатура, новая номенклатура - За последние несколько лет в стране сформировалась *новая номенклатура* (СР, 1992, 164, 31.XII).

Весьма оригинальным адъективным образованием этого времени является *забугорный*, употребляемое по отношению к тем лицам высшего руководства, которые ориентируются на заграницу, точнее - на Запад, в политике, экономике, в области культуры и т.д. Прилагательное, созданное на базе предложно-субстантивного сочетания *за бугром*, означающего 'за границей', быстро получило распространение:

Логика проста: 'за бугром' живут лучше. Факт! (СР, 1991, 54, 16.III); ведут разведку среди патриотов с помощью *забугорных* корреспондентов (Отечество, 1991, 4,1).

К концу перестройки стали возможными и такие сочетания, как *эстонская армия, таджикско-афганская граница* и под.

Многочисленны адъективно-субстантивные сочетания, отражающие хозяйственные, финансовые, торговые и проч. отношения перестроечного и послеперестроечного времени:

потребительская корзина, рублевая зона (т.е. распространение рубля на территории бывшего СССР), *(единое) экономическое пространство* (имеется в виду на территории бывшего СССР), *переходный период* (в связи с процессами суверенизации бывших республик страны), *(единое) информационное пространство, массовая безработица, скрытая безработица, антимонопольные меры, деловая активность, обвальная приватизация, массовые банкротства, чиновничьи структуры, частная собственность, частные владельцы, торгово-посреднические структуры, парламентский комитет (комиссия), фондовый рынок, финансовый рынок, малые и средние предприятия, федеральное правительство* (по отношению к России), *инфляционные процессы, негосударственный сектор, коммерческие структуры, демпинговая цена, торгово-инвестиционные центры, инвестиционный процесс, валютные торги, 'рублевый голод'* (нехватка рублевой массы в связи с инфляцией), *федеральный бюджет* (России), *чековый аукцион, акционерное общество, рыночные процессы, федеральная собственность* (России), *муниципальная собственность* (в России), *деловые круги* (России), *сервисные центры, таможенная пошлина* (между республиками бывшего СССР), *парламентские слушания, радикальные круги* (в правительстве России и т.д.), *номенклатурный реванш* и др.

Не имевшее ранее широкого хождения существительное *валюта* и его адъективное производное *валютный* становится обычным, сравните, что теперь стало валютным (примеры взяты из одного номера газеты "Финансовые известия" - приложение к газ. "Известия", 1992,12.XII):

На первом и последнем *валютных торгах* инвестиции ЦБ [Центральный Банк России] были направлены на сглаживание колебаний *валютного курса* ...; операции по покупке и продаже рублей и карбованцев на *валютных рынках*; Отток рублевых средств с *валютного рынка*; ЦБ России располагает достаточными средствами для проведения масштабных *валютных интервенций*; клиенты, опасаясь дальнейшего понижения курса доллара, продают *валютные активы*...; Были и слухи о возможном изменении системы *валютного регулирования*; Введение 100-процентной продажи *валютной выручки* в самое ближайшее время маловероятно...; Начинается спад экспортной деятельности и массовое уклонение от перевода в Россию *валютных доходов*; Любой отход от системы единого курса ... может привести к росту рыночного курса доллара и возврату *валютной монополии*..

В области межнационально-языковых отношений стали широко обсуждаться ранее запретные темы и вопросы. Распространились такие новые явления, как

коренная нация/ народ/ население, национальное/ национально-языковое/языковое возрождение, национальный конгресс, национальная партия, национально-патриотическое движение, национальный пессимизм, национальное неповиновение, национальные формирования (военные), депортированные народы и репрессированные народы (переселявшиеся Сталиным вскоре после войны в другие регионы СССР), демографическая агрессия, государственный суверенитет (а также региональный суверенитет) и т.д. и т.п.

В первые годы перестройки часты были и выражения, негативно оценивающие национально-языковые вопросы, вернее попытки публично их обсуждать (ибо они были 'решены' политикой партии), срав.:

узконациональные устремления, прикрытый (или неприкрытый) национализм (сепаратизм), сепаратистские националистические силы, экстремистские выступления, национальная рознь, языковой ультиматум, языковой нигилизм, 'национальные квартиры' и национальные квартиры и под.

Однако стержневым сочетанием в этой области следует считать *государственный язык*. Ранее этот термин-сочетание употреблялся в стандартных рассуждениях в рамках темы о ленинской национально-языковой политике и лишь по отношению к капиталистическим странам, при этом, согласно В.И. ЛЕНИНУ, в прилагательном *государственный* уже заложено силовое решение вопроса, принуждение и т.д., что декларировалось как непригодное для СССР. В перестройку это терминосочетание активизировалось в связи с принятием республиками СССР языков коренного населения в качестве государственных на своих территориях (до того лишь несколько республик СССР включали это понятие в свои конституции). Этот статус закреплялся специальными законами о языке (или о языках). До перестройки русский язык фактически выполнял роль общегосударственного языка в СССР, однако официально так его никогда не называли, опасаясь противоречий с национально-языковыми установками В.И. ЛЕНИНА. Теперь же терминосочетание *государственный язык* было легализовано и под ним уже понимали не просто и не только абстрактную категорию, но и конкретный язык конкретной республики, срав.:

Сейчас остро поставлен вопрос о *государственном языке* (Известия, 1988, 1.XII); Осенью прошлого года сессия Верховного Совета Казахстана приняла закон о языке, придав *языку* коренной национальности статус *государственного* (Союз, 1990, 15, апрель); Эстонская Советская Социалистическая республика является суверенным национальным государством, *государственным языком* которого является эстонский язык... Статус *эстонского языка* как *государственного* обеспечивает

конституционные права иноязычным лицам пользоваться своим родным языком (Сов. Эст., 1988, 249, 30.X, с. 3); Опубликовано постановление Верховного Совета Литовской республики “О сроках осуществления статуса *государственного языка*”; постановление продлевает срок перехода к введению делопроизводства на *государственном языке*; не все еще знают *государственный язык*, и Верховный Совет дал распоряжение - пять лет для его изучения... (Союз, 1990, 50, 2); Условия же нормальной адаптации обязательно оговаривают знание *государственного языка*, приобщение к культуре молдавского народа (Союз, 1990, 40, 17); *Государственным языком* в республике признан молдавский, языками межнационального общения - молдавский и русский (Известия, 1989, 3.IX); В нашем еженедельнике были помещены статьи, рассказывающие о вынужденном оттоке из Узбекистана русскоязычного населения. Среди причин, в частности, назывались закон о *государственном языке* и проект закона о гражданстве ... (Союз, 1990, 40) и т.д.

Практически в каждой сфере жизни сформировались нетабуированные адъективно-субстантивные парадигмы. Так произошло ‘раскрепощение’ малого синтаксиса.

[The text in this section is extremely faint and illegible due to heavy noise and low contrast. It appears to be a multi-paragraph document.]

[This section contains several paragraphs of text, which are also illegible due to the same quality issues as the first section. The text is scattered and difficult to discern.]

[The final section of the page contains a few more lines of illegible text, likely representing the end of a document or a specific section.]

Глава V

Возвращение забытого

Какие они длинные, тягучие, ворожащие, внушающе-певучие, исконные русские слова. Это подлинные русские слова, и в наших двух тысячелетиях, из которых мы помним одно, эти слова жили, перебрасывались, тихонько подходили, колдовали, брали, ворожили, внушали Книгу Голубиную, подползали змеей подколодную, ширяли в поднебесьи быстрым соколом...

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ ("Русский язык", 1924)

О возвращении в активное употребление ряда лексических пластов мы уже говорили (административно-территориальная лексика, речэтикетная парадигма и проч.). Процесс этот ныне проходит весьма интенсивно. В доперестроечное время считалось, что прежним социальным отношениям нет места, а потому понятия, их выражающие, не могут иметь более или менее активного хождения или быть фактами обыденного сознания. В перестройку, однако, прежде всего в связи с произошедшими социальными потрясениями и ломкой установившихся социально-политических отношений, пришлось вспомнить кое о чем, что считалось утраченным навсегда. Так, для советского общества ни теоретически, ни практически не допускалось такое социальное явление, как забастовка, поскольку, как утверждали, для этого нет оснований. Существительное *забастовка* (и связанные с ним) употреблялось лишь, когда это явление наблюдалось вовне, т.е. в капиталистических странах. Таким образом, в отношении употребления этого существительного тогдашняя система закрепила четкие ограничения: слово это предназначалось как бы на вынос, для внешнего мира. И не только это слово.

В перестроечные годы в связи с нарушением социальных основ прежней системы и обострением противоречий между отдельными группами населения существительное *забастовка* неожиданно всплыло из забвения. Сначала дикторы радио и телевидения произносили его с опаской, вместо него пытались использовать те или иные эвфемизмы. Однако, когда забастовочное движение в разных частях страны приняло открытый, широкий и затяжной характер, соответствующую лексику удержать 'в кармане' уже не удавалось. Вслед за *забастовкой* появились *стачка*, *забастком* (< *забастовочный комитет*), *стачком* (< *стачечный комитет*), *забастовщици*, *бастующие* и под., срав.:

Со школьной скамьи мы неопровержимо знали, что после Октября в нашей стране никаких рабочих волнений быть не может, потому что рабочим уже не из-за чего 'волноваться'. Они хозяева страны, владельцы фабрик и заводов, и диктатура пролетариата - самая справедливая в мире. И вдруг в конце девятого десятилетия XX века оживают музейные понятия и картинки: *забастовка*, *стачечные комитеты* ... Что это? Уж не мираж ли? Куда там - мираж..., изумленные репортеры растерянно передают: "*Среди бастующих* сотни коммунистов" ... (Огонек, 1989, 32, 3); Да, произошли первые на нашей памяти легальные, так, сказать, *забастовки*. Да, у руководства страны, у членов *забастовочных комитетов*, оказалось достаточно выдержки ... *забастовочные комитеты* сохраняются до 1 августа 1989 года; И *забастовщики* удовлетворенно передавали друг другу эту оценку (там же, с. 4, 3); *Шахтеры-забастовщики* нагнали на вас страху своей организованностью ... (там же, № 40, 4); Местные парторганизации, *забасткомы*, группы депутатов ввели центр в заблуждение, пообещав быстрый развал демократических сил. Но Прибалтику поддержали Ельцин, его команда, демократы России (Известия, 191, 31.1); *Стачка* началась 11-го, а комитет выбрали только 16-го (Огонек, 1989, 32, 4); "Что произойдет с нашей Родиной, если весь народ будет добиваться решения своих проблем путем *забастовок*?" - со скорбным пафосом вопрошают *забастовщиков* труженики колхоза "Россия" (там же, № 40, 4).

Вернулись *частник* и *частная собственность*, *крестьяне* (до того обычно *колхозники*, *рабочие совхозов*, *труженики полей* и под.), *рынок*, в т.ч. *рынок труда*, *предприниматель* и *предпринимательство*, *наемный рабочий*, *аренда* и *арендатор*, *фермер*, *безработица* (и производные), *биржа*, *биржевой делец* и даже *богач* и *бедняк*, срав.:

Слово *частник* у нас почти ругательное. А *частник-то* у нас обездолен (Огонек, 1989, 39, 32); Одна из целей земельной реформы - создание класса *крестьян-собственников* (Известия, 1992, 251, 3); Все-таки какая огромная пирамида движет на *крестьянина*. Мы ему пока до конца не доверяем. (М. ГОРБАЧЕВ; ЛГ, 1988, 19, 11.V); Так жизнь подвела наших реформаторов во главе с Горбачевым к чужим словам: *рынок*, *приватизация*, *частная собственность* и заставила сделать их своими (Огонек); Но вот возрождаются *арендные отношения*; *арендатор* - хозяин? Напротив, он лишь *арендует*... (Огонек, 1989, 5, 1); *Предпринимательская деятельность* (*предпринимательство*) представляет собой инициативную самостоятельную деятельность граждан (Рос. газ., 1991, 15. 1); *Богач* и *бедняк*, *фермер* и *биржевой делец*, генерал и солдат, учительница и академик, *наемный рабочий* и *предприниматель* - нам будут интересны все люди (Союз, 1991, 52, 11); Существует ли в природе 'приемлемая' *безработица*?.. Ее можно считать нормой, обусловленной естественными издержками подвижности на *рынке труда*; численность *безработных* возросла с 61 тыс. до 400 тыс.; На Западе экономически 'нормальным' основанием *безработицы* является только исчерпание емкости *рынка* ...; Это не значит, что угрозы *безработицы* не существует; Необходимо активнее использовать возможности государственного регулирования *рынка*

труда в рамках социального партнерства с *работодателями*; ... при обвальном *приватизации* России угрожает хроническая *безработица* в будущем (Известия, 1992, 267, 2); главное внимание французы уделяют не прямым переговорам с российскими *биржами*; Если *предприниматели* заинтересованы..., пусть помогут стабилизировать обстановку; (Известия, 1992, 267 - "Финансовые известия", № 7); и т. д.

Более близки к человеку и его чувствам слова *сострадание*, *милосердие*, *благотворительность*, которые, конечно, не были забыты носителями русского языка, однако в доперестроечные годы их социальный статус был весьма ограничен. Считалось, что государство взяло на себя все заботы о человеке, потому никаких обществ или комитетов милосердия, благотворительных организаций и под. существовать не должно. В перестройку социальное звучание таких слов стало слышнее, особенно в связи с появлением различного рода обществ и комитетов. Вот как журнал пишет о возвращении этого слова:

Милосердие, *сострадание*, *благотворительность* - эти слова все прочнее входят в лексикон нашей повседневной жизни. Страна возвращается к истокам общечеловеческих ценностей, мучительно восстанавливая то, что разрушалось десятилетиями (Огонек, 1989, 47).

Кажется, сейчас, когда появилась возможность обращать 'свои взоры' не к господствующей идеологии, а к душе непосредственно, слова такого рода могут сыграть неоценимую помощь в обогащении внутреннего мира русского человека, в установлении между людьми доброжелательных, дружеских отношений. Русский язык в этом отношении, его словарь может стать неисчерпаемым источником. "Словарь русского языка XI-XVII вв." зафиксировал, например, более 400 слов с первым, так необходимым нынешнему обществу, компонентом *благо-*. Большинство из этих слов носителями современного русского языка практически не используются, а о многих из них они просто не знают. Напомним об этих словах, воспользовавшись прекрасной возможностью представить их полностью (Словарь XI-XVII 1975: вып. I, 191-231); знаком + отмечены слова, фиксируемые Большим академическим словарем (БАС 1991: т. 1, 592-622):

благободренный

благобязненный - *благобязнивый* - *благобязнь* - *благобязньство*

благоверие - +*благоверный* - *благовержати* - *благоверствие* - *благоверство*

+*благовест* - *благовествование* - *благовествовати* - *благовестец* - *благовестие* - +*благовестити* (совр. *благовестить*) - *благовестник* - *благовестница* - *благовестновати* - *благовестный* - *благовествование* - *благовествовати*

благовецательный - *благовецати* - +*благовецение* - +*благовеценьский* - *благовеценье*

+*благожидный*

+благоволение - благоволие - благовоительство - +благоволити
 (совр. благоволить) - благовольный - благовольственный -
 благовольство
 благоволение и +благовоние - благовоности - +благовонный - благо-
 вонство - благовоня - благовонящие
 благовременовати - +благовременно - благовременство
 благоглаголанье - благоглаголати - благоглаголивый
 благогласие - благогласный
 благоговеинство и +благоговеие - благоговеинствовати - благовейный
 - +благоговейный - благоговеинный - благоговеяние
 благогодитися - благогодный
 благодаеть - благодание - +благодарение - благодарие - +благодарити
 (совр. благодарить) - благодаритися - благодарная - благода-
 рник - +благодарный - благодарование - благодарованный -
 благодаровати - +благодарственный - благодарствие - благо-
 дарствити - благодарство - +благодарствовати (совр.
 благодарствовать)
 благодатель - благодательник - благодательство - благо-
 дательствовати - благодатице - благодатливый - благодатник -
 +благодатный - благодатство - благодатствовати - +благо-
 дать - благодаяние - +благодетель - благодетельник - +благо-
 детельный - благодетельствие - благодетельство - +благо-
 детельствовати (совр. благодетельствовать) - благодетный -
 +благодаяние - благодаяти
 благодействие - благодейство - благодействовати - благодейст-
 воватися
 благоделати - благодельна и благодельня
 благодение - благоденно - +благоденственный - +благоденствие -
 благоденство - +благоденствовати (совр. благоденствовать)
 +благодарушествиювати (совр. благодарушествивать) - +благодарушие -
 благодарушие и +благодарушию - +благодарушый - благодарушание -
 благодарушание
 благоестественный
 благожеланный - +благожелательный
 благожизненный - благожизние - благожителство - благожитие
 благозаконие - благозаконный
 благозельный
 благознаменитый - благознатный
 благозрачие - благозрачный
 благоизволение - благоизволити
 благоименитый
 благоискусный
 благоключимый
 благокознение - благокозненный
 благокрасный
 благолепетство - +благолепие - благолепность - +благолепный -
 благолепость - благолепота - благолепотный - благолепый
 благолучный
 благолюбезный

благолюбец - благолюбить - благолюбие - благолюбный
 благомастие - благомастный
 благомощие - благомоцный
 благомудренный - благомудрие - благомудрый
 благомужество - благомужествовати
 благомысленный - благомыслити
 +благонадежный
 благонаказательный
 благонамерительный
 благонарочитый
 благонеискусный
 +благонравие - +благонравный - благонравство
 +благообразие - +благообразный
 благообращение
 благообретати
 благоотеческий
 благоохотно
 благопесненный
 благопищие
 благоплеменитство - благоплеменитый - благоплеменство
 благоплодие - благоплодный - благоплодовитый
 благопожинный - благоповиновение
 благопогодный
 благоподатель - благоподативый - благоподатливый - благоподатие -
 благоподатный
 благопокорение - благопокоривый и благопокорливый - благопокорник
 - благопокорный - благопокорство - благопокоритися
 благополезный
 благополучение - благополучество - +благополучие - благополучливый -
 +благополучный
 благопослушливый - благопослушливый - благопослушание - благопослу-
 шивый - благопослушник - благопослушный
 благопоспешаши - благопоспешение - благопоспешество - благопоспе-
 шествжати - благопоспешие - благопоспешити - благопоспе-
 шитися - благопоспешно - благопоспешный
 благопотребие - благопотребный - благопотребство
 благопохваление - благопохвалити - благопохвальный
 благопоясаный
 благопробывание - благопробывательный
 благовременение - благовременный
 благопреспевание
 благоприбыток
 благопривение - благоприветливый - благоприветный - благопри-
 ветственный - благоприветствие - благоприветство - благо-
 приветствжвание - благоприветствжаний - благоприветство-
 вати
 благоприлежный
 благоприступание - благоприступный
 благоприятельный - благоприятельство - благоприятие - +благопри-
 ятный - благоприятство
 благопростирательный

благопротяжный
 благорадостный
 благоразумевати - благоразумивый - +благоразумие - +благоразумный
 благорассудивый - благорассудительный - благорассудити - благо-
 рассудливый - благорассудный - благорассуждение
 +благорастворение - +благораствореный (совр. благорастворённый)
 благорачительный
 благоревностие
 благоречивство - благоречивый - благоречие
 +благородие - благороднически - +благородный - благороденный -
 благородственный - +благородство - благородствовати
 благорумянство
 благосеннолиственный
 благосердие - благосердный - благосердый
 +благословенный и благословенный - благословенное - благословесие -
 благословесити - благословесник - благословесный - благосло-
 вествити и благословствити - благословествовати и благо-
 словствовати - благословестити - благословец - благосло-
 вецати - благословие - +благословити (совр. благословить) -
 +благословитися (совр. благословиться) - +благословляти
 (совр. благословлять) - благословлятися - благословный
 благославие и благослутие
 благослугование
 благосмысленный - благосмысленый
 благосовестный
 благосоветник - благосоветно - благосоветный - благосоветювати
 благосодействовати
 благосоставный
 благосотворити
 благосочетанный
 благосоюзный
 благоспасительный
 благоспети - благоспение - благоспешный
 благостивый и +благостный - благостишк
 благостояние
 благострадати
 благострастие
 благостроение - благостроитель - благостройне и благостройно -
 благостройный
 благостынный - благостыниствовати - +благостыня и благостыни
 - +благость
 благосудити
 благосчастие - благосчастный
 благота
 +благодворение - благодворец - благодворивый - +благодворитель-
 ный
 благодущный
 благодочный
 благотрудие
 благодичивый
 благоуветися - благоуветлив - благоуветный - благоувецание - благо-

увещевати
 благоугodie - благоугодити - благоугодливый - благоугодник - благо-
 угодный - благоугождати - благоугождение и благоугожение
 благоуготовитися - благоуготовленный
 благоудобие - благоудобне и благоудобно
 благоукрасити - благоукрашение
 благоукутание
 благоумие - благоумный
 благоумильный
 благоуродивый и благоюродивый - благоуродливый
 благоусердно
 благоустный
 благоустроенное - +благоустроенный - +благоустроить (совр. благо-
 устроить) - +благоустроиться (совр. благоустроиться)
 благоутвердитися
 благоутвореный
 благоутешный и благоутешный - благоутешие
 благоутробие и благоютробие - благоутробный и благоютробный
 +благоухание и благоухание - +благоуханный и благоуханный -
 +благоухати (совр. благоухать) - благоухнути
 благоучительный
 благохваление - благохвалити - благохвалитися - благохвальный -
 благохвальство - благохвальствовати
 благохитрене - благохитрие - благохитрый
 благохотение - благохотие - благохотне и благохотно
 благохудожне
 благоцвети - благоцветный - благоцветуций
 благочадие - благочадствовати
 благочастный - благочасть
 благочествие и благочестие - благочествовати - благочестивный и
 +благочестивый - благочестити - благочестный
 благочестнодержавный
 +благочиние - благочинновати - +благочинный
 благомысленный
 благочистосердний
 благочтивый - благочтити
 благошляхетный
 благоявленно - благоявственный
 благоязычие - благоязычный

Ознакомившись с этим списком 'благолексики', можно предположить, какими тонкими чувствами добра была полна душа русского человека с древности, как он точно мог выразить свое внутреннее состояние, отношение к близкому, содеянному и т.д. Многого из этого списка мы уже не знаем, но ощущаем, 'пройдясь' по списку, что такие слова должны быть и сейчас. Современный русский человек слово *благодарник* может понять, как "тот, кто что-либо дарит или же благодарит за что-то". Однако же это - синоним существительного *благодетель* "тот, кто делает другим добро" (впрочем, и дарит что-то). Вызовет совершенно определенные семантические ассоциации и слово *благодарение* из-за второй части с корнем *козн-*

(срав. *козни*). Однако же в древности это слово обозначало...“опыт, умение, искусство”! А сколько можно из этого ‘благо-лексического’ склада возродить ныне слов! Разве не точнее и в то же время короче и образнее выражение “вот и подошло к концу наше *благожизние*”, чем “вот и подошла к концу наша *благополучная счастливая жизнь*”? А разве не несет в себе совершенно новые семантические нюансы слово *благоязычие*, синонимичное в целом существительному *красноречие* ! Это ведь не только *красивая речь, говорение, владение языком*, но и, вероятно, *приятное для слуха и души владение, пользование языком ...*

В современных толковых словарях русского языка, в частности, в ‘Большом академическом словаре’ (БАС 1991: т. 1, 592-622) представлена лишь небольшая часть ‘благолексики’ - в приведенном списке все такие слова помечены ‘звездочкой’. Правда, БАС содержит и ряд слов и форм на *благо-*, не зафиксированных в историческом “Словаре русского языка XI–XVII вв.” хотя нередко в древности такие слова просто употреблялись с иными суффиксами, срав.:

*благовольный, благовоспитанность, благовоспитать, благовре-
мение, благоглупость, благодарность* - при наличии в историческом
словаре *благодарование, благодарство; благоветь* - имеется ряд одно-
значных, *благожелатель, благожелательница, благожелательность*
- но имеется *благожелательный* (вполне возможно допустить, что
составители словаря просто не зафиксировали слов на *-тель, -тельщи-
ца, -ость*, но они в древности употреблялись), *благозвучие, благозвуч-
ность, благозвучный, благомыслиций* - но имеется *благомысленный,*
благонадежность - при *благонадежный, благоправность* - при *благо-
правный, благопожелание, благоприобретать, благоприобретение,*
*благоприобретенный, благопристойность, благоприятность, благо-
приятствоваше, благоприятствовать* - при *благоприятственный,*
благоприятство, благоприятств; *благоразумничать, благоразумность*
- при *благоразумие, благорасположение, благорасположенный, благо-
родить, благосклонность, благосклонный, благосостояние, благо-
творительница* - при *благотворитель, благотворительность;*
благотворный - при *благотворивый, благотворствовать, благо-
творность* - при *благотворный, благоустройство, благоустроен-
ность, благоустройство* - при *благоустроение* .

‘Благолексическая’ парадигма в русском языке насчитывает, таким образом, не менее полутысячи единиц. Уже одно это свидетельствует о том, как сильны и активны словообразовательные потенции, заложенные в этой парадигме: ‘Новые’ слова (в БАС) производятся не просто одно от другого, но и потому, что существует прочно поставленная модель, клетки которой заполняют многие сотни лексических единиц. Слова этой лексической парадигмы будут ‘теряться’, но в то же время будут появляться и новые. Хотя последних было бы значительно больше, если бы основная часть из представленных более 400 слов активно использовалась в практике носителей русского языка в недалеком прошлом и сейчас.

В далеком прошлом древние и средневековые русичи употребляли более 160 сложных слов, которые объединялись начальным компонентом *добро-* (Словарь XI–XVII 1977:258-270). Небезынтересно привести здесь не только полный список ‘добролексики’, но и дать ее толкование:

<i>добробеседный</i>	“красноречивый”
<i>добробрадый</i>	“с хорошей, красивой бородой”
<i>добровазнье, -вазньство</i>	“преуспеяние, благополучие”
<i>добрроверный</i>	“благодетельный, набожный”
<i>добрвзорный</i>	“приятный на вид, милостивый”
<i>добрволение</i>	“благожелательность, расположенность”
<i>добрволенство</i>	“расположение, хорошее отношение”
<i>добрволь</i>	“добровольно, по своей воле”
<i>добрвольно</i>	“свободно, беспрепятственно, по своей воле”
<i>добрвольный</i>	“вольный, независимый”
<i>добрвольство</i>	“благожелательность, расположенность”
<i>добрвидный</i>	“приятный на вид, милостивый”
<i>добрводный</i>	“имеющий светлую, чистую воду”
<i>добрвонение, -воняние</i>	“благоухание”
<i>добрвоние</i>	“благоухание”
<i>добрвонный</i>	“издающий приятный запах”
<i>добрвонство</i>	“благоухание”
<i>добрвоняти</i>	“благоухать”
<i>добрвглаголивый</i>	“говорящий свободно, красиво”
<i>добрвгласие</i>	“благозвучие”
<i>добрвгласно</i>	“охотно, согласно”
<i>добрвгласный</i>	“обладающий красивым, приятным голосом”
<i>добрвгвейный</i>	“почтительный, благоухающий”
<i>добрвговение</i>	“страх; уважение”
<i>добрвгод</i>	“вовремя, своевременно”
<i>добрвгодие</i>	“благорасположение”
<i>добрвгодный</i>	“удобный, подходящий; полезный, благородного, знатного происхождения”
<i>добрвдавец</i>	“творящий, дарующий добро”
<i>добрвдарие</i>	“благодарность”
<i>добрвдарий</i>	“дарящий (подающий) добро”
<i>добрвдарствие</i>	“благодарность”
<i>добрвдарствовати</i>	“благодарить”
<i>добрвдеец</i>	“тот, кто делает добро”
<i>добрвдеи</i>	“тот, кто делает добро”
<i>добрвдейственный</i>	“благожелательный, желающий добра”
<i>добрвдействие</i>	“благодетельность”
<i>добрвделание</i>	“совершение добрых дел”
<i>добрвденство</i>	“благополучие, счастье; счастливые времена”
<i>добрвденствовати</i>	“быть счастливым, благоденствовать”
<i>добрвдетливый</i>	“добродетельный”
<i>добрвдетлие</i>	“добродетель”

<i>добродетель</i>	“добро, польза; добродетель, нравственное совершенство; искусство, мастерство; благодетель”
<i>добродетельно</i>	“нравственно; мирно, дружно”
<i>добродетельный</i>	“добродетельный”
<i>добродетельство</i>	“доброжелательность, любезность”
<i>добродетельствовати</i>	“вести добрую, подвижническую жизнь”
<i>доброедеяние</i>	“добро, благо; польза; добродетель; любезность”
<i>доброедеяти, -дети</i>	“делать добро, быть добродетельным”
<i>добродушевати</i>	“быть спокойным душой”
<i>добродушный</i>	“устойчивый в добром поведении, взглядах”
<i>добродушествувати</i>	“благодушествовать”
<i>доброездный</i>	“быстрый в езде”
<i>доброжелатель</i>	“доброжелатель”
<i>доброжелательный</i>	“благожелательный, добропорядочный”
<i>доброжизние</i>	“благополучие”
<i>доброжителный</i>	“хорошей, правильной жизни, поведения”
<i>доброрачие</i>	“миловидность, красота”
<i>доброрачный</i>	“миловидный, красивый”
<i>доброизволение</i>	“добродетель, склонность к добру”
<i>доброискусный</i>	“опытный, умелый”
<i>доброискусство</i>	“опытность, умение”
<i>добророзанный</i>	“искусно выкованный”
<i>добророзный</i>	“с красивыми волосами, косами”
<i>добророзный</i>	“красивый, изящный”
<i>добророзный</i>	“хорошо закругленный, совершенно круглый”
<i>добророзный</i>	“красота”
<i>добророзный</i>	“соблюдая порядок, правила”
<i>добророзный</i>	“красивый: украшенный”
<i>добророзный</i>	“красивый, миловидный (лицом)”
<i>добророзный</i>	“красивый, миловидный (лицом)”
<i>добророзный</i>	“густолиственный, с хорошей листвой”
<i>добророзный</i>	“склонный, расположенный к добру”
<i>добророзный</i>	“весьма любимый”
<i>добророзный</i>	“весьма, расположенный, любящий”
<i>добророзный</i>	“здравомыслящий, умный”
<i>добророзный</i>	“благоразумный, рассудительный; благожелательный, благосклонный”
<i>добророзный</i>	“благожелательность”
<i>добророзный</i>	“быть благоразумным”
<i>добророзный</i>	“благожелательность”
<i>добророзный</i>	“тот, кто ненавидит добро”
<i>добророзный</i>	“доброжелательность, доброе отношение; благонравие, благородство”
<i>добророзный</i>	“доброжелательность, доброе отношение; благонравие, благородство”
<i>добророзный</i>	“имеющий красивый нос”
<i>добророзный</i>	“добродетельный, благонравный”
<i>добророзный</i>	“добродетельный, благонравный”

<i>доброобразный</i>	“благообразный; хороших правил, примерного образа жизни”
<i>доброобычный</i>	“принятый за хороший обычай, правило”
<i>доброовощной</i>	“с хорошими плодами”
<i>доброокий</i>	“имеющий красивые глаза”
<i>доброопасный</i>	“тщательный, осторожный”
<i>добротеснивый</i>	“красиво поющий”
<i>добротесный</i>	“красиво поющий”
<i>добротписание</i>	“хороший почерк, красивое письмо”
<i>добротписец</i>	“человек с хорошим почерком, каллиграф”
<i>добротодие</i>	“плодородие”
<i>добротодный</i>	“плодородный”
<i>добротодовитый</i>	“плодородный”
<i>добротобедник</i>	“одержавший победу (в борьбе за веру)”
<i>добротобедный</i>	“одержавший победу над дьяволом (о мучениках)”
<i>добротоподный</i>	“благоприятный (по погоде)”
<i>добротодатный</i>	“пожалованный, данный с добрыми чувствами, с пожеланиями добра”
<i>добротодобный</i>	“хорошего нрава, образа жизни”
<i>добротолучие</i>	“благополучие”
<i>добротоправый</i>	“добротпорядочный”
<i>добротопрелюбный</i>	“сопровождается любовью, желанием добра”
<i>добротоприступный</i>	“всем доступный, благосклонный”
<i>добротопришитель</i>	“тот, кто расположен к кому-либо, доброжелатель”
<i>добротопришти</i>	“получать удовольствие, наслаждение”
<i>добротоприятный</i>	“охотно принимаемый, приемлемый”
<i>добротопроповедатель</i>	“проповедник добра, пользы”
<i>доброторадование</i>	“усердие, расположенность”
<i>доброторазумивый</i>	“благоразумный, сообразительный”
<i>доброторазумный</i>	“благоразумный, сообразительный”
<i>доброторазумие</i>	“благоразумие”
<i>доброторассудливый</i>	“рассудительный, благоразумный”
<i>доброторассудный</i>	“рассудительный, благоразумный”
<i>доброторастный</i>	“быстро и хорошо растущий, крупный (о плодах, деревьях)”
<i>доброторастый</i>	“рхслый, высокий (о человеке)”
<i>доброторечие</i>	“чистота, отчетливость произношения”
<i>добротородный</i>	“плодородный; родовитый, знатный; благородный; породистый, красивый”
<i>добротородство</i>	“родовитость, знатность, благородное происхождение”
<i>доброторожденный</i>	“знатного, благородного происхождения”
<i>добротосаный</i>	“имеющий красивую осанку”
<i>добротосердие</i>	“благосклонность, отзывчивость”
<i>добротосердый</i>	“благосклонный, отзывчивый”
<i>добротосклонность</i>	“благосклонность”
<i>добротославие</i>	“прославленность, знаменитость, почет”
<i>добротославный</i>	“превосходный, замечательный”

<i>доброслужный</i>	“исполнительный”
<i>добросоставный</i>	“хорошо сложенный, устроенный”
<i>добрососый</i>	“с пышной грудью, сосцами”
<i>добросотворенный</i>	“совершенный для добра”
<i>добросумный</i>	“сознательный, разумный”
<i>добросчастие</i>	“благополучие”
<i>добротворение</i>	“доброе дело, благодеяние; польза”
<i>добротворец</i>	“тот, кто делает добро”
<i>добротворивый</i>	“делающий благодеяние, доброе дело”
<i>добротворие</i>	“благодеяние, доброе дело”
<i>добротворити</i>	“делать добро”
<i>добротворник</i>	“тот, кто делает добро”
<i>добротворный</i>	“делающий благодеяние, доброе дело”
<i>доброточный</i>	“мелодичный, приятный (о голосе)”
<i>доброугодие</i>	“благоприятные обстоятельства”
<i>доброугодный</i>	“благоприятный”
<i>доброудбие</i>	“благоприятные обстоятельства”
<i>доброумие</i>	“ясный, трезвый ум”
<i>доброурожденный</i>	“знатного, благородного происхождения”
<i>доброутробие</i>	“доброта”
<i>доброухание</i>	“благоухание”
<i>доброухати</i>	“благоухать”
<i>доброходный</i>	“легкий на ногу, имеющий быструю походку”
<i>доброхот</i>	“доброжелатель, сторонник”
<i>доброхотати</i>	“желать добра кому-либо, действовать в чью-либо пользу”
<i>доброхотенье</i>	“доброжелательство”
<i>доброхотство</i>	“доброжелательство”
<i>доброхотимый</i>	“доброжелательный к кому-либо, поддерживающий чью-либо сторону”
<i>доброхотный</i>	“доброжелательный к кому-либо, поддерживающий чью-либо сторону”
<i>доброхотствовати</i>	“проявлять доброжелательность к кому-либо, действовать в чью-либо пользу”
<i>доброхотящий</i>	“доброжелатель”
<i>доброцветущий</i>	“процветающий, находящийся в полном расцвете; разноцветный”
<i>доброчестивый</i>	“благочестивый, праведный”
<i>доброчестие</i>	“благочестие”
<i>доброчестный</i>	“благочестивый; честолюбивый”
<i>доброчинение</i>	“строгий распорядок”
<i>доброчиние</i>	“строгий распорядок”
<i>доброчинный</i>	“согласный с установленными правилами, чином”
<i>доброчинство</i>	“порядок; послушание, дисциплина”
<i>доброчиумный</i>	“благозвучный”

Что же мы видим из обзора левой и правой сторон этого списка? Многие из 163 слов, экономным путем созданные нашими далекими предками, толкуются нередко одни и теми же словами современного языка: *добро-воление, -вольство, -мыслие, -мышление* - словом “доброжелательность”;

добровазнье, -вазньство, -денство, -получие, -счастье - словом “благополучие” и под. Сколько, таким образом, теряется нюансов! В большинстве случаев приходится прибегать к многословным описаниям типа:

<i>добролюбивый</i>	“склонный, расположенный к добру”;
<i>доброносый</i>	“имеющий красивый нос”;
<i>доброобычный</i>	“принятый за хороший обычай, правило”;
<i>доброподатный</i>	“пожалованный, данный с добрыми чувствами, с пожеланием добра”;
<i>доброхотати</i>	“желать добра кому-либо, действовать в чью-либо пользу”;
<i>доброхотимый</i>	“доброжелательный к кому-либо, поддерживающий чью-либо сторону”;
<i>доброеец, -дей</i>	“тот, кто делает добро” и т.д.

Совершенно очевидная семантическая компрессия вызывает многосинонимичные толкования в современном языке, срав.:

<i>доброедеяние</i>	“добро, благо; польза; любезность; добродетель”;
<i>доброродный</i>	“плодородный; родовитый, знатный, благородного происхождения”;
<i>доброславие</i>	“прославленность, знаменитость, почет”;
<i>добромысленный</i>	“благоразумный, рассудительный; благожелательный, благосклонный”;
<i>добротворение</i>	“доброе дело, благодеяние; польза”;
<i>доброцветущий</i>	“процветающий, находящийся в полном расцвете; разноцветный” и под.

При такой лексической ‘забывчивости’ приходится сегодня прибегать уже к заимствованиям (подумать только - для толкования исконно русских слов!), срав.: *добротисец* - “человек с хорошим почерком, *каллиграф*”!.. А на какие размышления наводят толкования русских слов конструкцией “тот, кто делает добро” и далее в таком же духе!.. Перспективен ли перевод ‘словобразовательного языка’ в ‘язык синтаксический’? Это вопрос, над которым следует поразмыслить особо.

В целом сопоставление двух столбцов убеждает нас в том, что синтетический способ передачи тончайших семантических оттенков, емкий и морфологически удобный, в современном языке заменяется в основном аналитическим, описательным, способом, может быть, более простым, однако же не столь точным. Может быть, отсюда и неумное стремление к готовым заимствованиям из других языков?!... Для нас ясно одно: современное поколение носителей русского языка не должно отторгаться от прошлого, от результатов языковой работы многих поколений предков. Многие слова из приведенных лексических парадигм ‘благолексики’ и ‘добролексики’ оживили и освежили бы наш литературный язык, придали бы ему большую гибкость и емкость. Воскресить следует и другие слова,

нужные нам во всех областях жизни. И сделать это можно будет, как нам кажется, при наличии четко разработанной пуристической программы развития современного русского литературного языка.

БАС 1991 - Словарь современного русского литературного языка. Изд. II, т. I. - Москва: Русский язык, 1991.

Словарь XI–XVII 1975 -Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 1. - Москва: Наука, 1975.

Словарь XI–XVII 1977 - Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 4. - Москва: Наука, 1977.

Глава VI

Из анализа нынешней демократической терминологии

С августа 1991 г. все основные средства массовой информации - радио, телевидение, центральные газеты и журналы - находятся под влиянием или контролем победившей демократии. Совершенно понятно, что изучение языкового аспекта этих средств информации - вопрос особый и требующий большого объема выписки материала. Материал же этот на сегодняшний день стал практически безбрежным. Мы ограничили свою задачу небольшим, но показательным текстом. В качестве опорного для анализа возьмем уже цитированный нами демократический 'манифест' под названием "Перспективы и реалии", написанный Г. ПОПОВЫМ (Огонек, 1990, 50-51). Напомним, что содержание 'манифеста' и выражающие его лексические средства группируются вокруг двух лексико-содержательных доминант - *аппаратного варианта* и противопоставленного ему *демократического варианта* перестройки. Старым, 'темным' силам, т.е. *аппарату*, автор 'манифеста' противопоставляет 'светлые', т.е. *демократические, силы*, имеющие *демократическую программу (перестройки)*. И далее в этом ряду следуют: *демократическая власть, демократическая республика, демократическая платформа, союз демократических сил, демократический подход* (например, к денационализации) - он же одновременно и *альтернативный подход* (по отношению к *подходу аппаратному*), *демократическое разгосударствление* и даже *новый демократический аппарат*. Вот как это выглядит в тексте:

Борьба идет за то, какой вариант перестройки будет реализован - *демократический* или *аппаратный*; наиболее важно бороться за немедленное создание коалиции центра, конструктивной части аппарата и конструктивной части *демократических сил*; создать для подготовки к выборам организацию - *Союз демократических сил...*; Добиться на этих выборах победы, обеспечить руководящее положение *демократических сил* во всех механизмах власти; Но есть и *демократический подход* к денационализации; ...при *демократическом разгосударствлении* неравенство будет итогом равного старта к частной конкуренции; При *демократическом варианте* парламенты стран и республик, не отвечающие за выбор президента, свободны в контроле за ним...; При этом самое характерное, что тут сливаются не только интересы старого аппарата, но и интересы *аппарата нового, демократического*; Поэтому перспектива его [*демократического варианта* децентрализации] не менее реальна во всем комплексе мер *демократической перестройки*; Предположим, удалось сформулировать *демократическую программу перестройки*; Остаются следующие потенциальные возможности: *демократическую платформу* реализуют демократы, взяв власть в свои руки; Казалось бы, самый первый вариант - самый лучший: *демократическая власть - демократическая платформа*; В

демократической республике никто не имеет права удерживать всю власть; Второй вариант *демократической дефедерализации* - провести референдум и т.д.

Особенно примечательно в этом тексте в связи со словами *демократия*, *демократы* появление сочетаний, претендующих на устойчивость, афористичность, срав., например,

с демократической точки зрения: с демократической точки зрения любой гражданин страны должен иметь право ...; демократы рыночной экономики : Демократы, которые сейчас есть, - это не демократы рыночной экономики, это демократы, выращенные на почве разложения бюрократического социализма...; в котле конкуренции - в котле (политической) демократии : ...будут 'выявляться' в котле конкуренции все те, кто получил государственную собственность. Будут выявляться в котле демократии все партии; И в котле политической демократии будут перевариваться партии; курс на десоветизацию - всеобщий лозунг ; без разгосударствления нет перестройки ; в проблеме дележа - суть перестройки ...

Но, пожалуй, 'изюминкой' такой устойчивой сочетаемости является афоризм *жить будет неизмеримо лучше*, явно скалькированный с известных ленинских и послеленинских афоризмов о 'светлом коммунистическом будущем'. Впрочем, скалькировано не все - немало взято 'прямо' из нашего недалекого прошлого, как, например, *под руководством демократов...* - всего лишь с заменой словосочетания на слово: *под руководством Коммунистической партии...* Как говорят, все это было, было, было...

В 'манифесте' имеются новые для перестройки термины-понятия, которые идут вразрез с тем терминосоставом и курсом, который планировался М. С. ГОРБАЧЕВЫМ:

а) *денационализация* :

Все проблемы *денационализации*, разгосударствления концентрируются вокруг вопроса: кто получит распределяемую собственность...; суть перестройки в экономике - *денационализация* (разгосударствление);

б) *дефедерализация* :

Аппаратный вариант *дефедерализации* за основу берет идею суверенитета республик; Преимущество аппаратного варианта *дефедерализации* - возможность в суверенных республиках ускорить экономические и политические реформы; В принципе демократический вариант *дефедерализации* мог бы быть реализован в двух подвариантах;

в) *десоветизация* :

Денационализация и *десоветизация* должны прийти извне; Такова схема вариантов перестройки политического механизма - о '*десоветизации*';

г) *деимпериализация* :

Реальны только дефедерализация, *деимпериализация* и в перспективе добровольные межгосударственные ассоциации.

Составитель 'манифеста' - сторонник *рыночной экономики, сильнейшей конкуренции, небольших предприятий, нормального бизнеса*; он провозглашает *плюрализм форм собственности* - в виде *частной, коллективной, акционерной*, а также *новой государственной и государственной собственности будущего* - все это будет уже *после разгосударствления, после перестройки*, когда сформируется '*светлое*' *новое общество, новый механизм (власти), новый хозяин, новые владельцы*, словом, *целая послеперестроечная система*, срав.:

Надо, чтобы у средств производства появился вместо государства *новый хозяин*; Но фундамент всего - *частная собственность*; везде есть *частная собственность*. Но превалируют формы *коллективной собственности*, причем наиболее массовая из них - *акционерная* - базируется прежде всего на *частной собственности*; Переход не просто к *плюрализму форм собственности*, а к системе; Демократы, которые сейчас есть, - это не демократы *рыночной экономики*...; Дело в том, что *новая, послеперестроечная система* не вырастает естественным образом из прошлого; каждый *после перестройки* будет жить неизмеримо лучше, но ведь должно возникнуть общество *неравенства*...; За демократическим вариантом - все остальные круги общества, весьма и весьма *разнородного* по своему положению, своему будущему *после перестройки*...; Так что никто не гарантирует конкретным аппаратчикам... *чего-то устойчивого в конце перестройки* и т.д. и т.п.

Однако несколько ранее приведенные афоризмы (типа *жить будет неизмеримо лучше* и под.) и сочетания типа *новое общество* и т.д. трудно сопоставимы с провозглашенным в 'манифесте' главным признаком *нового общества*, выразимым существительным *неравенство*. Впрочем, эта лексическая доминанта демократического варианта (*неравенство*) идет в противоречие и с термином-понятием *демократия*, означающим "народовластие", т.е. для всего народа, что выражается в понятиях *справедливость, равноправие и равенство*. Срав., однако:

Если я равен всем при вступлении в *будущее общество неравенства*, если те, у кого сегодня есть деньги, коренных преимуществ передо мной не имеют, - я горячо борюсь за перемены; Возникнет *неравенство*. Но при демократическом разгосударствлении *неравенство* будет итогом *равного старта и частной конкуренции*; Хотя каждый после

перестройки будет жить неизмеримо лучше, но ведь должно возникнуть *общество неравенства*; *предстоящее неравенство* рыночной экономики легко 'вписывается' в аппаратные подходы, тем более в подходы теневиков.

Другая лексическая доминанта демократического варианта перестройки более чем 'оригинальна' - *дележ (государственной собственности)*. Разговорное слово, бытующее в практических житейских сферах, 'притянуто' к терминологической функции вместо более подходящих в этом случае *разделение, распределение (государственной собственности)* (впрочем, в одном примере мы нашли использование *разделения* : "... снова уточним границы всех республик. А затем уже *разделение* собственности по республикам"). Полностью наделить существительное *дележ* социально-политической семантикой не удастся: слово сохраняет нюанс произвольности, силы, нахрапистости и под. - не случайно в словарях современного русского языка оно, повсеместно помечаемое как 'разговорное', нередко иллюстрируется примерами типа *дележ добычи*. Срав. примеры из 'манифеста':

Главное в перестройке в экономическом плане - это *дележ* государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого *дележа* - суть перестройки, ее корень; нежелание реально и немедленно начать денационализацию, *дележ* государственной собственности, земли прежде всего; Перед нами четко выраженный подход к *делажу* государственной собственности: аппаратный.

Оказывается, может быть и *демократический дележ* (или же его можно провести!):

Действительно, какой возможен *демократический дележ* собственности в республике между всеми ее гражданами, если эти граждане втянуты в межнациональный конфликт?

Для осуществления *дележа* в 'манифесте' предлагается создать даже *органы дележа (государственного имущества)* - нечто вроде органов продрозверстки, 'решительно' действовавших в послереволюционные годы:

Собственность государства должны делить органы власти и созданные ими особые *органы нового типа - органы дележа государственного имущества*.

Лексико-содержательной доминанте демократического варианта перестройки *дележ* близка лексика военной, силовой и деструктивной семантики, которой буквально испещрен 'манифест'. Все это явно напоминает большевистские тексты революционной и послереволюционной поры, а особенно - 'пламенные ленинские строки'. Причем совпадение наблюдается не только и не просто в лексике, но и в тех устойчивых лозунговых оборотах, которые были сформулированы еще тогда и культивировались в

обществе на протяжении десятилетий. Для того чтобы доказать эту неожиданную связь, мы проанализировали весь текст 'манифеста', выделив при этом в нем специфический пласт лексики и синтаксических конструкций. Дальнейший анализ выделенного пласта позволил вычленить четыре блока, связанные друг с другом содержательно: *блок лексики и конструкций борьбы, силы, деструктивизма и противостояния*. Проиллюстрируем это конкретным текстом.

а) *Блок лексики и конструкций борьбы: бороться за немедленное... сразу же начать борьбу за..., борьба между... и под., срав.:*

Борьба идет за то, какой вариант перестройки будет реализован - демократический или аппаратный; Наиволле важно бороться за немедленное создание коалиции центра; И сразу же начать борьбу за новую Конституцию СССР и РСФСР...; Именно борьба между двумя вариантами перестройки уже сегодня обязывает и определяет всю нынешнюю ситуацию; ...активная борьба за свой путь; надо пойти на полный разрыв с аппаратным вариантом и борьбу с ним всеми способами...; Чтобы взять власть, надо нанести мощное поражение аппарату.

Срав. также:

Весьма примечательно, что эта неэффективность становится особенно очевидной и наглядной именно *после победы демократов на выборах в советы*.

б) *Блок лексики и конструкций силы:*

Сделать для избирателей все, что в пределах полномочий демократов, взявших в руки власть в республиках и местных органах; ... после того, как эти советы оказались под контролем демократов, стало очевидно...; ... ее [новую перестроечную систему] надо искусственно, извне насаждать на перекопанном поле прежнего строя; Но сам процесс в обоих случаях - процесс насаждения, а не выращивания; в период перестройки установление особого режима исполнительной власти - единственный вариант политического механизма; Принимается режим свободных переселений, при котором те республики, откуда уезжают люди, обязаны нести все расходы...; уточнить границы республик по итогам референдума; Теоретическими итогами референдума могут быть уменьшение Эстонии и Молдавии за счет районов с преобладанием некоренного населения... и его можно реализовать сейчас, пока есть в стране единая армия; Демократическую платформу реализуют демократы, взяв власть в свои руки; возможно ли и реально ли взятие власти демократами?; Чтобы взять власть, надо нанести мощное поражение аппарату; Но самое опасное - это перерождение демократов, взявших власть; Конечно, вариант взятия демократами власти может возникнуть как вынужденный - как в 1917 году...; Если нет перспектив на демократическом пути, то надо пойти на полный разрыв с аппаратным вариантом и борьбу с ним всеми способами; Опыт

взятия власти демократами на местах показывает, что когда демократы берут власть, то они в лучшем случае могут управлять советом (и то порой неэффективно), но они совершенно не готовы создать сами административную систему...

Здесь поражает откровенность ссылок на 1917 год как на опору - идеологическую и практическую:

вариант взятия демократами власти - как в 1917 году; надо искусственно, извне насаждать на перекопанном поле прежнего строя [новую социальную систему] -

вспомним “Весь мир насилья мы разрушим до основанья, А затем мы наш, мы новый мир построим...; установление особого режима исполнительной власти - вроде института комиссаров (что, впрочем, и реализовано, срав. ‘институт глав администраций краев и областей - своего рода комиссаров-демократов на местах’) и под. Поражает призыв искусственно, извне насаждать новую социальную систему, которая, вероятно, будет неизмеримо лучше насажденной в революцию 1917 года! Надо понимать, ‘насаждение’ планируется снова ‘на тело России’. Итак, новый виток социальных экспериментов...

в) *Блок лексики и конструкций деструктивизма :*

Суть перестройки в политике - полная ликвидация советов...; во-первых, своими (!) законами и решениями разрушать правовые устои старого механизма; Чтобы эти бумаги на деле что-то разрушили из старого и что-то создали из нового, нужен механизм администрирования, механизм исполнения; Неудивительно, что более или менее устойчиво советы новые действуют в двух аспектах: когда надо разрушить старое и когда надо определить самые общие линии на будущее; на этапе перестройки главной должна стать исполнительная власть. Так же, как на этапе разрушения старой системы главной силой были советы; оба варианта тоже совпадают: в обоих случаях строй государственного социализма уничтожается и заменяется новым, соответствующим нынешнему уровню человеческой цивилизации, и под.

В этом блоке ‘первые’ слова - *ликвидация, разрушать/разрушили, уничтожается*; цель - та же, что и в предыдущем блоке: “...до основанья, а затем...” (“уничтожается и заменяется новым”).

г) *Блок лексики и конструкций противостояния, образуемый преимущественно моделями типа или...или; если..., то... и др., срав.:*

Вариант перестройки - демократический или аппаратный ; Если аппарат отвергает..., необходимо за месяц-два сделать...; строй государственного социализма уничтожается и заменяется новым...; Те, кто проявит способность быть предпринимателем, будет укреплять свои позиции. Те, кто не сможет или не захочет быть предпринимателем,

после начальных попыток из бизнеса *уйдут* ; *Уцелеют те, кто* найдет в новом обществе свои населения, интересы которых они выражают; *Чтобы взять власть, надо нанести мощное поражение...*; Возможны два коалиционных варианта: *под руководством аппарата, под руководством демократов* и т.д.

В целом этот блок укладывается в большевистско-ленинскую модель “кто не с нами - тот против нас”. Речь идет лишь о ее новом лексическом и синтаксическом наполнении...

Наконец, выделенные блоки подкрепляют и известные устойчивые идеологемы-словосочетания типа: *большинству нечего терять* (“Здесь большинство участников преобразований просто *ничего не теряют*, и они готовы к самым последовательным переменам”) - срав. известное марксистско-ленинское *пролетариату нечего терять, кроме своих цепей* (вторая часть афоризма, правда, здесь не задействована); *пойти на полный разрыв* ; *поднять все массы, бросить их в бой*, срав. также раньше приведенное *жить будет неизмеримо лучше* и т.д. и т.п.

Как и в 1917 году, предлагается замена административно-территориальной терминологии, о чем мы подробно говорили в главе II “Смена лексических парадигм” (раздел 3). Резюмируем здесь. Разница в этом вопросе заключается лишь в том, что тогда в основном исконно русские наименования заменили советизмами, тоже в основном русскими по происхождению. Теперь же предлагается в основном интернационализировать этот слой специальной лексики, лишь частично вернувшись к дореволюционным наименованиям, т.е. выражаясь словами составителя ‘манифеста’, предлагается ‘искусственно, извне насаждать’. Так, в ‘манифесте’ находим предложения:

Руководители исполнительных органов - *президенты, губернаторы, мэры, старосты* (здесь пока номенклатурный ряд дан попеременно по принципу ‘свое - чужое’, снова ‘свое’ и под.); - избрание прямым голосованием населения руководителей исполнительной власти всех уровней: *президента, губернаторов, мэров, старост*; При демократическом варианте местные *муниципалитеты* могут ставить вопрос о переизбрании *губернатора* или *мэра* и т. д.

В дальнейшем, как мы видели, прибавятся *мэрии, префектура* и *префект, департамент* и другая ‘мэрская’ терминология. В другом месте составитель этого ‘манифеста’ пишет о необходимости введения *института комиссаров* (предложение оказалось, видимо, слишком ассоциирующимся с *большевистскими комиссарами*, потому было заменено на *главы администраций...*). Подобная смена знаков (или вывесок) как бы подчеркивает лишнюю раз революционность предлагаемых мер. К этому следует добавить и проект формирования “по большинству голосов на месте СССР трех, четырех, а то и пяти десятков независимых государств” и даже *подсоюзов*

(например, “*союз русских республик - России, или союз нескольких украинских республик - Украина, или же союз общин России, Украины и Белоруссии*”). Как видим, за терминологией дело здесь не стоит...

Знакомясь с содержанием, а особенно языковым наполнением ‘манифеста’, не покидает ощущение его ‘близкого родства’ с работами В. И. ЛЕНИНА. Неслучайно расширенная демократическая программа, составленная тем же автором, была названа по-ленински, т.е. как и одна из работ В. И. ЛЕНИНА, “Что делать?”...

Глава VII

Новый виток идеологизации языка и общества

Мы уже затрагивали так наз. 'дубовый язык' нашего доперестроечного прошлого. Он был чрезмерно идеологизирован и представлял собою набор стандартных лексем и устойчивых клише, которые достаточно легко было прогнозировать, обращаясь к чтению политических текстов. Вот небольшой образец такого текста-выступления, сделанного Л. И. БРЕЖНЕВЫМ в связи с выборами в Верховный Совет в феврале 1980 г.:

...Ленинский юбилей нашей страны все советские республики встречают новым размахом социалистического соревнования, всенародного творческого подъема. Огромная, прекрасная у нас страна, товарищи... Гигантские мы делаем дела. И сегодня, на пороге 80-х годов, когда развертывается подготовка к XXVI съезду партии, у нас есть все основания спокойно и уверенно смотреть в будущее. Наш курс, как и прежде, - это курс мирного созидания, дальнейшего преобразования необъятных просторов нашей страны, приумножение материальных и духовных богатств советского народа. И никому нас с этого курса не свернуть!.. Какова была главная тенденция развития... в 70-е годы? Думаю, что главным было дальнейшее упрочение единства, сплоченности советского общества. Я имею в виду сплоченность идейно-политическую. Она выражается в теснейшем единении партии и народа, в незыблемости блока коммунистов и беспартийных, во всестороннем одобрении предвыборной платформы нашей партии - платформы, которая воплощена (уже!) в решениях партийных съездов и пленумов ЦК КПСС..

А вот образец выступления одного из делегатов уже на упомянутом XXVI съезде КПСС:

"...Все это [достижения] - результат мудрого коллективного разума, титанического труда, несгибаемой воли и непревзойденного организаторского таланта Коммунистической партии, ее боевого штаба - Центрального Комитета и Политбюро во главе с товарищем Леонидом Ильичом Брежневым. Отчетный доклад ЦК партии XXVI съезду - важнейший вклад в теорию марксизма-ленинизма. Он дает осмыслить пройденный путь, открывает величественные перспективы... У нас нет иной цели, кроме целей партии..."

В этих текстах всем все знакомо, ибо каждое подобное мероприятие - это просто-напросто повторная реализация лингвоидеологических доминант, которые однажды были сформулированы и практически неизменно готовились людьми одного и того же социального слоя (так наз. 'придворными советниками'). Чтобы охватить суть этого языка в целом, следует обратить внимание на две важнейшие его особенности: с одной стороны, это семантически и функционально 'согласованная' лексика и устойчивые

выражения (клише), когда речь идет о характеристике советского строя (см. приведенные выше образцы текстов), с другой стороны, активизация семантически и функционально контрастных лексических и устойчивых единиц, когда 'свое' противопоставляли 'чужому'. Эти языковые средства помогали идеологическому размежеванию, способствовали выработке 'дистанционности' во взглядах, поступках, поведении и т.д. 'нас' и 'их'. Общество было идеологизировано до предела. Это очень хорошо известно теперь.

Надо сказать, что названная модель лингвоидеологической политики (т.е. 'мы - они', 'свой- чужие', 'наши - не наши' и под.) не была изжита и перестройкой, хотя именно на это надеялся народ, положительно воспринявший идеи свободы слова, устранения монополизма во всех сферах жизни, утверждение плюрализма мнений, многопартийности и т.д. Можно сказать, напротив, модель эта, известная с революции 1917 года, была взята почти в полном объеме на вооружение прежде всего теми, кто оказался у власти, при этом сменились лишь некоторые акценты да произведена была замена терминологии. Так, с утратой КПСС власти исчезает лингвоидеологическая антитеза 'мы - они' в значении 'здесь - там', т.е. 'у нас - на Западе', но зато она переносится теперь и активно эксплуатируется по отношению только к 'мы', т.е. 'нам'. Иными словами, 'внутренне-внешняя' антитеза превращается полностью в антитезу 'внутреннюю'. Это вопрос, который требует написания особой книги - настолько он обширен. И это надо было бы сделать 'по горячим следам' нынешних политических событий: еще свежи в памяти дела так наз. перестройки, а послеперестроечные проходят на глазах. Анализ лексики и конструкций, даже без специального изучения программ, манифестов, платформ и под. партий, движений и групп, даст возможность произвести их истинную оценку, поможет установить расхождения между заявлениями и действиями, между романтическими планами и конкретными формами их воплощения в жизнь. Мы обратим наше внимание лишь на отдельные аспекты этой проблемы и ни в коем случае не станем претендовать на какую-либо полноту.

Как и после революции 1917 г., общество ныне стараниями идеологов новой власти, их средств массовой информации разделено на два лагеря - на 'своих' и 'других', причем за основу этого, как нетрудно заметить, взят принцип противостояния, хорошо известный нам с революционных лет (одна из его формулировок - 'кто не с нами - тот против нас'). Идет сортировка народа по различным, порою даже самым неожиданным, признакам.

Снова общество поделено на *консерваторов* и *реформаторов* - по тому, как, с точки зрения использующего эти слова, относились к перестройке и тем социальным изменениям, которые она вызвала, срав.:

В этом плане трудно определить, кто *большевик*, кто *меньшевик*. Страна раскололась на *реформаторов* и *консерваторов*. И те и другие заверяют, что они за перестройку, тянут в разные стороны и, глядя друг на друга, крутят пальцем у виска (Огонек, 1989, 41, 5).

Нередко синонимами *реформаторов* становятся *прогрессисты*, *радикалы* и под. (*сторонники демократических перемен*), срав.:

Демаркационная линия, разделяющая *консерваторов* и *сторонников демократических перемен*, отныне целиком проходит вне КПСС (Огонек, 1990); Русский народ поделен на *консерваторов* (*рабочих и крестьян*) и *прогрессистов* (*предпринимателей, обновленцев, коммерсантов*) (СР, 1991, 54, 16. П); Кто бы ни стоял сегодня у власти в Союзе, в республиках или на местах - *центристы*, *консерваторы* или *радикалы* - все едины в одном: советский политический механизм показал себя в ходе перестройки таким же неэффективным, как и экономическая система социализма (Огонек, 1990, 51, 5).

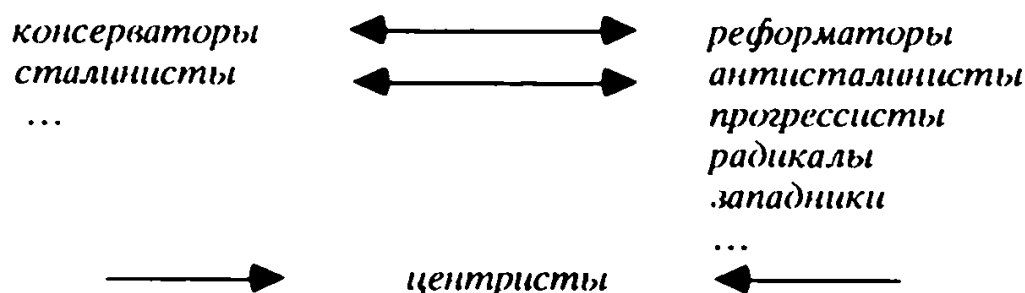
В последнем примере выделена и третья группа - *центристы*. Впоследствии эта группа станет более или менее устойчивой, однако охотнее общество все же делится на два полярных лагеря. Нередко вместо отмеченной лексико-идеологической оппозиции употребляют синонимичную тип *сталинисты* - *антисталинисты*:

(Один из новых мифов - это прямолинейное деление общества на *сталинистов* и *антисталинистов* (Огонек, 1989, 21, 9).

Лингвоидеологическая антитеза, подобная только что приведенной, конечно, существенно упрощает ситуацию, а точнее - не отражает ее вовсе. В оппозиционной печати *реформаторы*, *прогрессисты*, *радикалы* называются *западниками*, поскольку в качестве социального образца берут западные общества, а в практических действиях рассчитывают на помощь и поддержку Запада, срав.:

Вот как ведет спор Ю. Бородай: '*наши вальяжные прогрессисты*'... '*местечковые наши западники*'... (из газ.).

Таким образом, лексическая или, шире, лингвоидеологическая, антитеза, 'смягчаемая' *центристами*, имеет следующий вид:

Примечательно также то, что социально активные силы общества в период перестройки вспомнили иное, порядком уже забытое, социальное деление - на *левых* и *правых* :

Сюда на равных входят и *правые* и *левые*. Здесь, несмотря на политические взгляды его членов, *правый* может получить скидку на путевку, а *левый* укоротить в ателье брюки (Известия, 1992, 264, 3).

Демократический журнал "Огонек" (1990, 35, 9) так, например, определяет социальное значение слова *правый* в новых, перестроечных, условиях:

При всей нынешней путанице между *правыми* и *левыми* большинство читающей публики к *правым* изданиям по вполне понятным основаниям относит журналы "Наш современник", "Молодую гвардию", "Москву", "Военно-исторический журнал", газеты "Советская Россия", "Литературная Россия"...; под *правым* течением общественной мысли мы понимаем не консервативно-сохранительское направление, а агрессивное, склонное не столько к защите 'своего', сколько к дискредитации всего кажущегося чужим.

Еще пример из той же статьи:

Представить, как преломляются идеи наших *правых* идеологов в сознании различных групп читателей, можно на основании первых результатов пробного опроса подписчиков "Нашего современника": русская идея, о которой так много пишут *правые*, стягивается в конечном счете до масштабов 'русского бунта'...

(Также название самой статьи - " 'Оглобли взлетят' , или логика *правых* ").

К сожалению, ни автор статьи, ни редакция журнала не дают здесь определения понятия *левых*, т.е. самих себя. Вероятно, *левые* - это те, кто не соотносится с упомянутыми периодическими изданиями, не агрессивен и не дискредитирует 'кажущееся чужое'. Иными словами, это, видимо, *новые левые как продолжатели революционных (образца 1917 года) левых*. Поскольку журнал "Огонек" оказался 'одним из самых демократических' в стране, то, следовательно, такое понимание естественным образом распространяется на все демократические издания и на всю демократическую интеллигенцию. Видимо, из-за такого рода ассоциации демократическая общественность с оглядкой стала употреблять право-левую терминологию. Вместо *правые* появляется целая 'обойма' лексических конкретизаций, выражающая отношение к этнической принадлежности, исповеданию тех или иных идеологических и прочих взглядов. Поскольку в демократической печати такие лексические конкретизации, как правило, разбросаны, а в оппозиционной - коллекционируются и нередко представлены в одном контексте, мы и воспользуемся в основном такой возможностью:

В некоторых письмах “Молодую гвардию” обвиняют в *национализме, шовинизме и антисемитизме*. Что вы можете сказать по данному поводу? (из газ.); Это тема для вдумчивых размышлений, а не провокационных скороговорок, - о *руссофобии, шовинизме, антисемитизме, антитюркизме* и прочем (Правда, 1989, 246, 3. IX); Они призывают не искать врагов, потому что вокруг нас только одни друзья, вместе с которыми надо бороться против *империалистов, великодержавных шовинистов, черносотенцев, коричневых, красных, красно-коричневых* и всех прочих, кто по разным причинам мешает нашим друзьям развернуться как следует (РВ, 1992, 41-44, 2); Обзывал нас *красно-коричневыми, консерваторами, фашистами, антисемитами, национал-патриотами, люмпенами*, а его друг, министр иностранных дел Козырев, окрестил *быдлом* (День, 1992, 52, 7); И опять то же самое: *сволочи, русские фашисты, антисемиты, провокаторы, подонки, черносотенцы ...* (СР, 1992, 144, 4).

Заслуживают специального внимания некоторые из приведенных в примерах лексических конкретизаций. Вот как разъясняет, что такое *люмпены* и *фашисты*, один из авторов московского еженедельника “Русский вестник” (1992, 18, 4; А. ИВАНОВ, “ ‘Люмпены’ и ‘фашисты’. Анализ демократической терминологии”):

Излюбленное ругательство нашей современной демократической прессы - *люмпен*. Этот ярлык приклеивается каждому, кто осмелится усомниться в отменных достоинствах демократов, таких благородных, таких возвышенных, денно и нощно пекущихся о благе народа... В интеллектуально-демократической среде народ давно уже иначе, как *быдлом*, не называли, но *быдло* - это понятно всем, народ может и обидеться, поэтому и решили... лучше расшифровать ругательство. И опятьтаки слово красивое - *люмпен*.

Например, газета “Голос” (1991, 50) опубликовала снимок, сделанный во время марша голодных очередей в Москве 22 декабря 1991 г. На снимке люди с лозунгом ‘Мишка - Каин, Буш - хозяин’ и подпись: ‘Эти *люмпены* еще покажут...’ А ниже - карикатура: стоят три алкаша, один пьет из горла, другой справляет естественную нужду, а третий держит лозунг ‘Капитализм не пройдет!...’ И далее:

Люмпенами демократы презрительно называют простонародье; тем же, кто идейно возглавляет оппозицию против демократического разбоя, грозит гораздо худшая участь. Их объявляют *фашистами*... Оружие это теперь обращается уже и против самих демократов, их тоже стали называть *демофашистами*...

Однако еще бóльшую популярность в современной демократической печати получило слово-ярлык *красно-коричневые* - по отношению практически ко всем тем, кто не с демократией. Первая часть, *красно-* (< *красные*) вызывает как бы ассоциацию с *советской властью, с властью коммунистов*, а вторая, *коричневые*, - намек на *фашизм*. Примеры:

Несмотря на потуги *красно-коричневых* раздуть пламя гражданской войны, народ проявит сдержанность и в будущем году (Известия, 1992, 281); Сегодня "Трудовая Россия" собрала митинг в центре столицы: *красно-коричневые* требовали отставки президента и правительства (из новостей московского телевидения).

Из печати, если ей верить, можно также узнать о том, кто был создателем или активным проводником этого лексического ярлыка, срав.:

Благодаря стараниями А. Яковлева, А. Янова, А. Нуйкина, О. Лациса в обиход постперестроечного времени быстро вошло сочетание *красно-коричневые*. Тем самым достигнута одна из главных задач контрперестройки - исказить понятийный смысл термина 'фашизм'... (НС, 1992, 5, 128); Михаил Никифорович [Полторанин, бывший министр информации России в первом демократическом правительстве] - один из разряда тех политиков, кто приложил руку к пополнению словарного запаса русского языка. Термин *красно-коричневые*, которым они наградили оскорбленный и униженный народ, - это, вероятно, своего рода 'благодарность' со стороны властей придерживающих (Правда, 1992, 176, 1).

Экономисту ПАВЛУ БУНИЧУ ярлык *красно-коричневые* оказался недостаточно выразительным и он предложил более 'яркий', по его мнению, - *серые*. Срав. его рассуждения в газете "Культура" (1992, 25, 1) под заглавием " 'Серые' рвутся к власти. Состоялся конгресс Фронта Национального Спасения, объединившего противников нынешнего строя":

Россия стоит сегодня на распутье. Перед ней три дороги. Одна из дорог, назовем ее сразу третьей, отмечена *красно-коричневым, черным* цветом... Для восстановления Советского Союза другого средства нет, кроме военного. Поэтому я ее называю дорогой *серого* цвета. *Серый* цвет опаснее *черного*. *Черный* цвет виден издали, он отчетлив, отталкивающий, а *серый* цвет производит впечатление золотой середины.

Журнал "Огонек" подыскивал и иные цвета:

И тем не менее в структурах власти доминируют профессионалы, в структурах оппозиции - комиссары, *белые, красные, карие* (1992, 24-26, 2).

Промелькнуло даже предложение расширить 'цветовой спектр' оппозиции за счет *бежевого*, срав.:

Например, теперь уже становится очевидным, что демократизация не привела к демократии. Зато проторила дорожку к диктатуре. А будет ли она *красная, коричневая, трехцветная* - так ли уж важно? Мне вот кажется, что при всех условиях *красно-коричневые* там (в России) не победят, хотя *бежевых* станет побольше (Мол. Эст., 1993, 52, 2).

Еще одно размышление над происхождением лингвоидеологемы *красно-коричневые* :

Но был сознательно сделан выбор. Будущий митинг был заранее назван *красно-коричневым*. Не надо быть большим знатоком советской культуры, чтобы понять: этот ярлык - знак, что правительство ни на диалог, ни на компромисс с недовольными не пойдет... Можно ли поверить, что разработка идеологемы *красно-коричневые* была сделана людьми импульсивными, которые 'хотели как лучше'?.. Пугало партократов эксплуатировать больше невозможно (тем более что они теперь - заядлые демократы и реформаторы)..., приходится создавать *красно-коричневых*. А через год услышим: "Эх, опять не дали спасти Россию..." (НС, 1992, 5, 111).

Дальнейшие примеры:

Для патриота, гражданина, для тех, кого лакеи называют *красно-коричневыми*, честь Родины - не абстрактное понятие (РВ, 1992, 45-48, 5); сегодня демократы разгоняют митинги, называемые ими *красно-коричневыми* (Дем. газ., 1992, 15, 3); Не считаете ли вы, что крики о фашизме, русском фашизме, о *красно-коричневых*, о люмпенах - это какая-то сознательная крупная политическая провокация? (НС, 1992, 10, 137).

Это сложное прилагательное употребляется также в несубстантивной форме, выступая в роли определения к различным существительным - типа *униформа, роба, тонá, опасность, люмпен* и под., срав.:

Так вот, единственное 'ноу-хау' состоит в том, [Михаил Сергеевич Горбачев], что меня вкупе с этими десятками миллионов облачили... в *красно-коричневую униформу*. Вот так и хожу, радостный, в *красно-коричневой робе* и думаю... (Б. ОЛЕЙНИК. "Князь тьмы", 75); Сейчас все зарождающиеся очаги национального русского сопротивления наши враги стараются окрасить в *красно-коричневые тонá* (из газ.); Сегодня врагом номер один они объявили '*красно-коричневую*' *опасность*. Оказывается, она исходит от тех, кто выступает против невиданного оскорбления трудящихся... (РВ, 1992, 6, 3); "Я *красно-коричневый люмпен*", - разъясняет он с гордостью свое место в демократической таблице о рангах (Правда, 1992, 161, 8).

В заключении небезынтересно привести здесь небольшой фрагмент из заметки "Разрушители" известного писателя ТИМУРА ПУЛАТОВА (опубликована в оппозиционной газете "День", 1992, 52), в которой он размышляет над лингвоидеологемой *красно-коричневые* :

"К проблеме '*красно-коричневых*' я отношусь, как евразиец... *Красный* цвет на Востоке - это цвет перехода от весны к осени, это лето, плодоношение, это будущая сытость, *коричневый* цвет - это цвет перехода от поздней осени к зиме, которая несет обновление... Для меня

определение 'красно-коричневый', которое применяют и ко мне, находится в плоскости абсурда и бессмыслицы..."

Весьма активизировалось в перестроечное и особенно послеперестроечное время слово *патриот*, при этом в позитивном значении и контексте его употребляет оппозиция. Вместо примеров из печати, мы приведем показательные в этом отношении размышления писателя ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА, которого в демократическом лагере давно и единодушно бранят за пропаганду *патриотизма*. В интервью, весьма символично названном "Знать себя *патриотом*", он сказал:

"Меня задело в одной из статей утверждение о том, что слово *патриот* в русском языке не должно иметь первого лица. Это значит, что никто из нас не вправе сказать про себя: "Я - *патриот*", а может лишь надеяться, что кто-то скажет о нем "Ты - *патриот*". Или после смерти напишут в пространном слове: "Он был *патриотом*". Выходит, декабрист Раевский был слишком нескромнен и много на себя брал, когда говорил: "Если *патриотизм* - преступление, я - преступник..."

Далее писатель вспоминает недалекое прошлое:

...Вспомним, что предстояло вынести нашей стране после 20-х годов, когда *патриотизм* как сознание народа был заклеен и втоптан в грязь. Слово *патриот* ассоциировалось с дикостью и невежеством. Но когда встал вопрос, быть или не быть стране, когда потребовалось спасти ее от фашизма, за ним, обруганным, пошли и поклонились. Другого выхода не было... Нет, *патриоту* не только можно, но и должно знать себя *патриотом*. Это по милость (Правда, 1988, 176, 4).

В демократических кругах нередко слово *патриот* сопровождается маркерами в виде *так называемый*, *так сказать* и под., в виде кавычек, а также приставлением сегмента *национал-* (< *национальный*), что дает повод видеть в этом слове негативный смысл:

Так называемые патриоты провели вчера пикетирование Белого дома; *Национал-патриотам* не терпится, они готовы к решительным действиям (из интервью по телевидению); Значит, за живое задело, даже про *национал-патриотов* забыли по такому случаю (из газет.).

А вот 'расшифровка' слова *патриот* оппозиционной газетой:

Уже сейчас на языке нынешней российской демократии *патриот* - шовинист, фашист, черносотинец, антисемит и т.п. Вся российская демократическая печать, яростно клеветца на *патриотов*, издевается, представляя их сборищем тупых, недоразвитых дебилов (РВ, 1992, 6, 8).

Срав., однако, рассуждения на этот счет губернатора Сахалина ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВА:

Любопытно, что поляки, чехи, немцы или венгры очень бы удивились этому лозунгу. Для них *патриот* и демократ - практически одно и то же (корреспондент). - Что лишь указывает на противоречивость нашей политической картины... Солженицын верно подметил: несчастная страна, в которой демократ и *патриот* - слова ругательные... (В. ФЕДОРОВ) (КП, 1992, 199).

В ответ оппозиция подыскивает свои 'лексические обоймы' для характеристики демократического лагеря. Таких 'обойм' рассыпано по страницам периодической печати бесчисленное множество. Приведем один из показательных примеров (правда, со страниц правительственного издания):

Сами по себе ярлыки *русофобов* и *космополитов*, которые участники форума навешивали на власть придерживающих и демократов, не стали чем-то неожиданным (Союз, 1991, 47, 13).

На уровне межэтнических отношений также возникли лингвоидеологемы, манипулирование которыми способствовало продвижению к власти определенным силам в бывших республиках Союза. Приводим ниже примеры, которые показывают, что образуемые такими лингвоидеологемами 'лексические обоймы' носят пейоративный характер:

... Виноваты всегда другие. Женщина, мужчина, студенты, соседи, бригадир, бюрократы... Всякие... 'иные': *иноземцы, инородцы, иноверцы, инакомыслящие* и прочие враги (Союз, 1990, 51, 6); *Колонисты, оккупанты, мигранты, вошь* - это обозначение тех жителей, которые приехали в Латвию после 1940 года (Союз, 1991, 38); Произошла невероятная вещь - люди, имевшие родину и жившие, казалось бы, на своей земле, стали *иностранцами, инородцами, чужаками, оккупантами* и еще Бог весть кем, не меняя своего места жительства (Федерация, 1992, 53, 8).

Совершенно очевидно, что не попадающее в эти 'обоймы' население - коренное - составляет противоположный полюс. Показательна в этом отношении и такая антигега внутри 'лексических обойм':

Заседания Верховного Совета Украины смотрятся, как телесериал. Большинство на языке довольно внушительного меньшинства - это *партократы, прислужники московских колонизаторов, имперские запродавцы*. А меньшинство в устах противной стороны - *экстремисты, националисты, безответственные авантюристы* (Огонек).

Была сформулирована 'лексическая обойма', включающая представителей преступного мира и слоев общества. Один из вариантов такой 'обоймы':

"Открытое письмо ко всем *бюрократам, коррупционерам, взяточникам, военно-промышленным ястребам, дельцам теневой экономики, мафиози* и прочим *захребетникам* Советского Союза" (название статьи; Огонек, 1989, 40, 4).

Более 'мягкие' социальные группы:

Провинция патриархальна: нет *рокеров, металлистов, люберов, панков, хиппи*. Только фулиганы. Мода доходит с опозданием на два года (Огонек, 1989, 14, 11);

срав. следующий пример:

Что творилось в те дни в прессе, по телевидению, на собраниях! Не говорю о таких "бешеных" (термин Великой французской революции), как Адамович, Карякин, Черниченко... (НС, 1992, 6, 127).

Нет нужды продолжать. Приведенный материал показывает, что общество действительно расклассифицировано, так сказать, 'вдоль и поперек', что, вероятно, представляет собой первостепенную важность, когда речь идет о борьбе за власть или о ее удержании. Для этой цели, как мы видели, были мобилизованы все возможные лексические средства языка.

Как и после революции 1917 г., в перестройку и после нее на размежевание общества, на поражение одних и победу других ориентирована и военная лексика. Мы бы назвали это *новой волной милитаризации русского языкового употребления*. Начало такому употреблению было положено в 1917 г., затем усилено в период Великой Отечественной войны и удерживалось (хотя и в рассеянном, разреженном виде), можно сказать, вплоть до перестройки. Милитаризация языкового употребления шла по всем направлениям, она проникла во все сферы жизни, в том числе в науку и языкознание, в частности. Только один пример. В 1932 г. вышел, например, сборник с показательным названием "*Против буржуазной контрабанды в языкознании*", состоящий из таких статей: "*Против буржуазной контрабанды в языковедении*", "*Борьба за марксистское языкознание*", "*Языкфронт*", "*На поводу у классового врага*", "*Об одном контрабандисте буржуазного газетоведения*", "*Вылазка буржуазной агентуры в языкознании*"; срав. также 'воинственные' признаки в таких названиях статей: "*Авторизованная халтура и безграмотность*", "*Против 'даниловищины'*" и др. (Против контрабанды 1932). В перестройку - новый взрыв, новая волна активизации военносилловой лексики и конструкций, как отражение социальных устремлений отдельных групп общества. По существу все, что происходило в перестройку, было революцией либо попыткой к ней. Не случайно 'отец перестройки' в многословных определениях сущности ее переходил в конечном счете к краткой ее дефиниции типа "перестройка - это революция" (ГОРБАЧЕВ 1987: 46). В другом месте: "Перестройка - это революция, самая мирная и демократичная" (с. 71). Таким образом, инициатор рассматриваемого социального потрясения практически с самого начала задумывал его именно как потрясение, по-

сколько совершенно отчетливо давал ему синоним: *революция*. По В. ДАЛЮ, напомним, *революция* -

“переворот, внезапная смена состояния, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство... Смуты государственные, восстание, возмущение, мятеж, крамолы и насильственный переворот гражданского бытия” (Даль 1991: т. IV, с. 88).

По определению современного словаря, *революция* - это

“коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к переходу от исторически отжившего общественного строя к более прогрессивному” (Словарь РЯ 1984: т. III, с. 693).

Из этих определений мы видим, что В. ДАЛЬ в социальной революции усматривал негативный заряд, в то время как современные (советские) словари - непременно положительный, т.е. любая революция - это обязательно прогрессивно! Здесь очевиден перекося... Для нас важно, что ломка социальных отношений вызывает обострение между слоями, группами общества и отдельными людьми. А это может сопровождаться столкновениями, приводящими нередко к гибели людей.

О воинственной терминологии одного из представителей демократии мы уже писали (см. предыдущую главу “Из анализа нынешней демократической терминологии”). Тщательный анализ его многочисленных речей и статей показывает, что он блестяще овладел ленинским стилем и словарем борьбы с ‘темными силами’. Наиболее излюбленные слова этой области у него - это, безусловно, *борьба*, *фронт*, *противник* и ряд других, срав. показательные в этом отношении примеры:

Нет больше Ноева ковчега перестройки. Из него выделился *фронт противников* перестройки... *Новый фронт* объединяет разрыв с самой идеей перестройки (Огонек, 1989, 50, 4); Ответом на *фронт противников* может быть только *Единый Народный Антибюрократический Фронт* ее сторонников... (Огонек, 1989, 50, 4).

Итак, начали с перестройки-революции, затем вплотную подошли к фронтам, что естественным образом делит общество на ‘фронтовиков’ и стоящих на иных позициях. Кстати, именно в русле этой тенденции возникли многочисленные *фронты в поддержку перестройки*. Один из первых в стране был создан в г. Тарту - *Народный Фронт Эстонии в поддержку перестройки*, затем фронты появляются и в других районах:

Почему, несмотря на то, что *Народный Фронт России*, *Ростахез* в Таджикистане, *Алад* в Казахстане, *Народно-демократический фронт* в Киргизии открепиваются от экстремистов..., всюду по стране... перед

очередным выходом толпы на площадь общественность охватывает тревога? (Правда, 1990, 308, 4. XI).

Демократическое движение было одним из первых, поддержавших *народные фронты*, срав., например, позицию журнала “Огонек” (1989, 36):

Сыграть на ошибках, тактических просчетах народных движений за перестройку, обвинить *Народные фронты* в оголтелом национализме оказывается проще, чем понять, что последовательное развитие республиканского хозрасчета и политического суверенитета в рамках новой структуры федерального устройства СССР - единственный разумный путь в будущее.

Вслед за *фронтами* появились в обществе и *противники*, от которых к *врагам* - всего лишь один шаг, срав. показательный пример:

Из газет вроде “Правды” или “Советская Россия” узнаешь про себя много нового. Впрочем, со стороны *противников* естественно ожидать всяческих козней (Г. СТАРОВОЙТОВА; Огонек, 1991, 11); Вот так и ведется с самого сотворения мира. Никто из нас никогда ни в чем не виноват, виноваты всегда другие... Всякие ‘иные’: иноземцы, инородцы, иноверцы, инакомыслящие и прочие *враги*. *Враги революции*. *Враги народа*. *Враги перестройки*. Всегда и повсюду - *враги*. Ибо друзья у нас могут быть, а *враги* должны быть. Они нужны нам, как хлеб насущный, а бывает и больше (Союз, 1990, 51, 6); Почему не прекращается поиск ‘*врагов*’? Почему, взяв власть, ведут себя так, как будто находятся в оппозиции (С. КУРГИНЯН; ИС, 1992, 7, 4).

Затем этот лингвоидеологический расклад был перенесен и в область государственной политики новых республик-стран, срав. пример из текста таллинского журналиста МАРКА ЛЕВИНА (Мол. Эст., 1993, 18. III, с. 2):

Он, однако, понял, что нужно не просто раздавать обещания, надо привязывать их к близкому сроку (‘через полгода’, ‘к будущей осени’) и одновременно указывать на *врага* (‘*реакционеры*’, ‘*коммунисты*’, ‘*номенклатура*’). Ельцинская харизма требует постоянной подпитки - сравнением, противопоставлением и авансами. Отсюда и курс на раскол - с парламентом, со вчерашними соратниками, с интеллигенцией...

Другие примеры:

В прошлую пятницу “Останкино” показало отчет о встрече Ельцина с главными редакторами газет. Ничего позорного я не видел уже давно. Пленку с записью этого мероприятия надо было хранить в дальнем сейфе, пометив грифом “Совершенно секретно”. Выдававший ее в эфир - либо *скрытый враг президента*, либо тот услужливый, что опаснее *врага* (Незав. газ., 1993, 17. IV, с. 5); И нам непонятно, почему победители, к которым вроде бы принадлежим и мы, счастливо размахивают ушами и дают *врагам* отделаться легким испугом (Моск. комсом.).

А вот реакция демократической печати и общественности на массовые выступления оппозиции в Москве в начале 1993 г.:

Все выступавшие предостерегали *против угрозы фашистской диктатуры*: “Либо сильная президентская власть, либо *сильная фашистская диктатура*”. На совещании прозвучал призыв к прессе и телевидению - более решительно отстаивать демократические позиции и не предоставлять трибуну *фашистам, гэкачепистам и реваншистам* (перечатка: Рус. газ., 1993, 18, 2).

Московский журналист БОРИС КУРКИН об этом пишет так:

Кампания по выявлению *врагов* перестройки умело режиссировалась сверху, а снизу порожидала требование создать ЧК [Чрезвычайная комиссия] по борьбе с ее противниками. А недавно бывший безбожник-профессионал, а ныне экономист-любитель и киновед А. Нуйкин заявил через “Огонек”, что он с автоматом в руках готов защищать эту самую перестройку. Хотелось бы знать, в кого-то собирается стрелять тов. (или г-н) Нуйкин...? (ЛР, 1991, 31, 3).

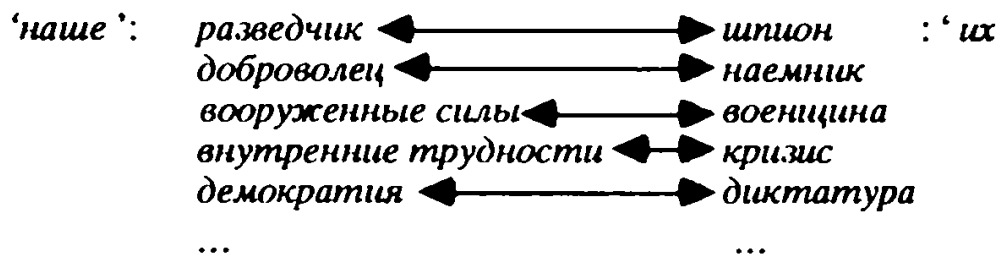
Милитаризация перестроечного языка пустила глубокие корни - и не только в центре, но и в бывших союзных республиках. Материал здесь безбрежен. Обратимся к трем статьям из газет “Правда”, “Известия” и “Советская молодежь” (г. Рига), описывающих перестроечную ситуацию в Грузии. Сначала выборка иллюстративного материала: ‘*рука Москвы*’, ‘*происки КГБ*’, ‘*блокада*’, ‘*вредительство*’ и тому подобная терминология времен борьбы с космополитизмом и ‘чуждыми идеями’ кочуют из издания в издание:

Можно сказать, что центр нам прямо *объявил войну*. *Война всеми средствами - блокадой*, в частности, энергетической, продовольственной, *мобилизацией своей агентуры и усилением акций* против нас...; *Центр борется* против Грузии, опираясь на свои войска и осетинских экстремистов, но этому придают вид этнических конфликтов... (Правда, 1991, 1. III); *Силы* на нашей стороне, грузинская нация с нами, и мы расправимся со всеми *предателями*, всех призовем к надлежащему ответу и всех *лых врагов*, приютивших тут негрузин, выгоним из Грузии...; ... в ‘дискуссиях’ между собой руководители ведущих партий, лидеры национальных движений своей лексикой углубляются еще дальше в отечественную историю. ‘*Враги грузинского народа*’, ‘*агент КГБ*’, ‘*продажные предатели*’, ‘*съезд предателей*’ и т. д. (Известия, 1991, 62, 3); *Отпетые ‘враги грузинского народа’* (этот блок слов уже можно использовать сокращенно - например, ‘ВГН’, но в грузинских источниках это не практикуется) делятся на *внутренних* и *внешних*; *внешние враги* на территории Советского Союза более коварны, чем их закордонные коллеги...; В стане *внутреннего врага* тоже своя иерархия...; *Остальные враги* помельче и много времени не займут... (Сов. мол., 1991, 28. III) и т.д. и т.п.

Здесь, кажется, все, что нужно для военного словаря: *война, войска, мобилизация, агенты и агентура, враги, происки, блокада, вредительство*, далее *бороться, расправиться...* Не считая, конечно, той системы иерархии, в которую каждый раз включается то или иное военное слово, т.е. *враги - просто враги, злые, внешние, внутренние, остальные; предатели - просто предатели, продажные, все* и т.д.

Действительно, все это напоминает послереволюционные годы, времена СТАЛИНА, о которых общество так хорошо было уже информировано и от которого, казалось бы, навсегда отмежевалось. Увы, жажда захвата власти требует возврата к пройденному...

Еще совсем недавно, в недалекое доперестроечное время, в политическом языке было обычным явлением идеологическая маркировка важнейших терминов по линии 'наше - их'

Срав. свидетельство такого рода в предложении:

Франция издавна прибегала к привлечению в свою армию иностранных *добровольцев* (или *наемников*, как мы называли их раньше) (из газ.).

(О лексических идеологемах см. подробнее: MOSKOVICH 1989:85-99).

Однако и этот прием идеологической маркировки лексики взят нынешней официальной прессой и властями на вооружение. В августе 1992 г. вспыхнул вооруженный конфликт между Грузией и пытающейся выйти из ее состава Абхазией. Поскольку силы неравны, за Абхазию выступили также народы Северного Кавказа, отправив в помощь своих *добровольцев*. Какова же была реакция официальных средств массовой информации и властей России на эти действия? В августе телевидение, радио говорили еще о *добровольцах* Северного Кавказа, срав.:

Как стало известно, на срочно созванном заседании Конфедерации горских народов Северного Кавказа решено было помочь Абхазии отправкой туда своих *добровольцев*...; Сегодня первая группа *добровольцев*, состоящая из адыгейцев, чечен и других народностей Северного Кавказа, прибыла в Абхазию...

Однако уже в сентябре терминология резко поменялась (вероятно, по официальной указке): теперь уже в сообщениях о событиях в Абхазии *добровольцы* называются *наемниками* и *боевиками*, со стороны Грузии

воюет *грузинская армия*, со стороны Абхазии - *вооруженные формирования*, т.е. производится сортировка по признаку 'законное - незаконное', срав.:

Москва опасается, что *наемники* из Конфедерации горских народов Северного Кавказа, участвующие на стороне абхазов, осложняют ее отношения с Грузией (сообщение по радио); Как сообщил наш корреспондент, *грузинская армия* вела сегодня успешное наступление на позиции *абхазских вооруженных формирований*, поддерживаемых *боевиками* из Конфедерации горских народов (радио); Соединения *абхазских вооруженных формирований* и *боевиков* Конфедерации горских народов предприняли вчера атаку на грузинское село Колхида. В результате 4 человека погибли и 16 ранено (КП, 1992, 17. IX).

Таким же образом продолжают выражать симпатии или антипатии и к внешним странам и народам, срав.:

Мусульманские вооруженные силы пытаются очистить как можно больше улиц и живых кварталов Сараево и других городов от *сербских боевиков* (Известия, 1992, 17. IX).

- в то время как и мусульмане, и сербы - равноправные жители Боснии и ведут бои друг против друга (а также против хорватов) 'на равных'...

Та же лингвоидеологическая избирательность характеризует нынешние официальные средства массовой информации и российскую дипломатию в целом, уверенно проводящих поддержку лидеров бывших союзных республик и не признающих прав небольших этносов внутри этих республик на самоопределение. Наша современная жизнь пестрит такого рода избирательностью - достаточно раскрыть любой номер любой официальной газеты. Вот лишь один пример. В "Российской газете" (1992, 25. XII) опубликована статья "Противостояние", имеющая весьма примечательный подзаголовок "*Президент Молдовы* [т.е. Молдавии] и *лидер Приднестровья* по-прежнему не находят общего языка". И далее в тексте: "Вот две точки зрения - М. Снегура, *президента Молдовы* [т.е. Молдавии], и И. Смирнова, *лидера мятежного Приднестровья*" и т.д. Это следует понимать как то, что нынешнее руководство России поддерживает и признает законность лишь президента Молдавии и не поддерживает и не признает законность президента Приднестровья, которого избрал народ (также законно), т.е. живущие здесь молдаване, русские, украинцы и др. Так терминология и средства, которыми она маркируется, позволяют выявить истинные идеологические установки официальной власти даже без ознакомления с ее заявлениями.

Поэт РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ опубликовал несколько лет назад в журнале "Огонек" стихотворение "Бессоница", как раз и посвященное новому витку чрезмерной идеологизации общества, делению его на две по-

лярных части. Может быть, его удачнее было бы назвать “Мы”, поскольку через весь текст проходим *мы* - и такие, и другие, срав.:

<i>молящиеся</i>	←	→	<i>материцимся</i>
<i>стареющие</i>	←	→	<i>растущие</i>
<i>следователи</i>	←	→	<i>подследственные</i>
<i>работающие</i>	←	→	<i>бастующие</i>
<i>жаждущие немедленной демократии</i>	←	→	<i>крови</i>
<i>типовые, типичные</i>	←	→	<i>кажущиеся нетипичными</i>
<i>обожаящие музыку Шнитке</i>	←	→	<i>перетягивание каната</i>
<i>говорящие на трех языках</i>	←	→	<i>не знающие (своего языка)</i>
<i>отъезжающие за свободой на Запад</i>	←	→	<i>за деньгами на Север</i>
<i>обитающие в общежитиях, подвалах</i>	←	→	<i>хоромах, квартирах</i>
<i>требующие ‘хлеба и зрелища’</i>	←	→	<i>‘хлеба и презервативов’</i>
<i>объединяет</i>	←	→	<i>разъединяет</i>
<i>сдающие карты, пустые бутылки</i>	←	→	<i>экзамены, вахты</i>
<i>задыхающиеся от смога, обид</i>	←	→	<i>от счастья</i>
<i>делающие открытия</i>	←	→	<i>подлости, важный вид</i>
<i>мечтающие о светлом грядущем</i>	←	→	<i>чтоб дожить до зарплаты</i>
<i>идейные</i>	←	→	<i>безыдейные</i>
<i>глядящие вперед</i>	←	→	<i>назад</i>
<i>ищущие врагов</i>	←	→	<i>их находящие</i>
<i>пышущие здоровьем</i>	←	→	<i>никотинную слизью харкающие</i>
<i>надежные</i>	←	→	<i>растерянные</i>
<i>побирающиеся</i>	←	→	<i>хапающие</i>
<i>одетые в шубы, купальники</i>	←	→	<i>в ватники, бронжилеты</i>
<i>слушающие</i>	←	→	<i>не слышащие</i>
<i>равняющиеся на красное</i>	←	→	<i>черное-белое знамя...</i>

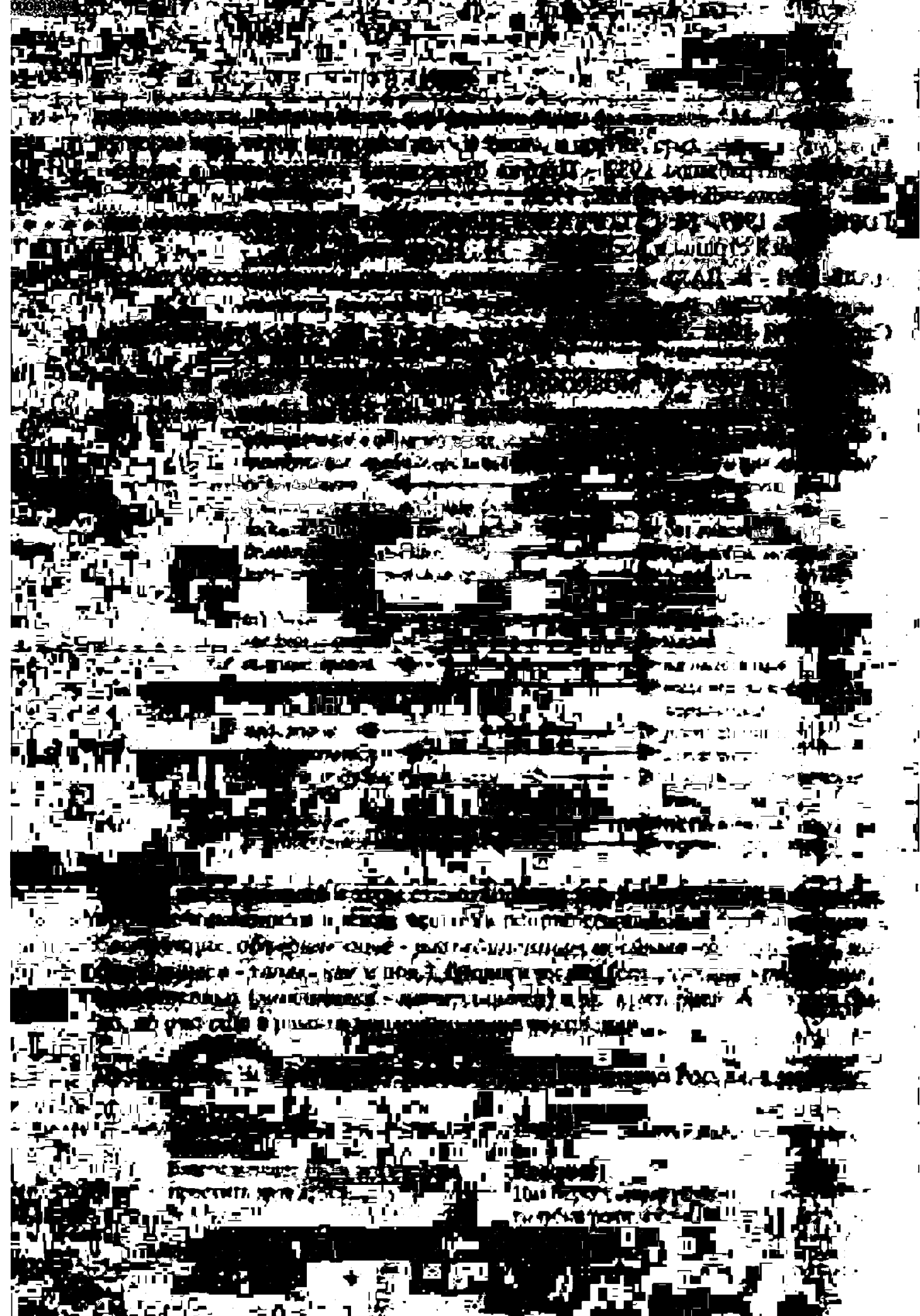
Народ, выступающий в этом стихотворении под именем “мы”, поделен на противоположности прежде всего на основе социальных (*работающие - бастующие, объединенные - разъединенные, идейные - безыдейные, побирающиеся - хапающие* и под.), биологических (*стареющие - растущие*), нравственных (*молящиеся - материцимся*) и др. критериев. А это уже было, но оно еще в памяти живущего ныне поколения...

Другой поэт, ВСЕВОЛОД КУЗНЕЦОВ, призвал недавно Россию к другому:

Сам господь Бог,
похоже,
благословляет нас в эти минуты
простить друг друга...

Белый
и
Красный -
Два берега одной реки -
голубой реки жизни.

-
- Против контрабанды 1932 - Против буржуазной контрабанды в языко-
знании. - Л.: ГАИМК, 1932.
- ГОРБАЧЕВ 1987 - М. С. ГОРБАЧЕВ, Перестройка и новое мышление для
нашей страны и всего мира. - М.: Политиздат, 1987.
- ДАЛЬ 1991 - В. ДАЛЬ, Толковый словарь живого великорусского языка,
т. IV. - М.: Русский язык, 1991.
- Словарь РЯ 1984 - Словарь русского языка, т. III. - М.: Русский язык,
1984.
- MOSKOVICH 1989 - W. MOSKOVICH. Planned Language Change in Russian
since 1917. - Language Planning in the Soviet Union. Ed. by M.
Kirkwood. London, 1989.

Глава VIII

Русский и российский: от генетического единства к идеологическому разладу

Разлад меж нами не такой уж грустный,
 Тем более, есть общие черты:
 Стыдишься ты, что носишь званье "русский",
 И стыдно мне, что в русских ходишь ты.
 НИКОЛАЙ КОТЕНКО (1991)

Сначала несколько слов об этимологии корня *рус- / рос-*. Не будем здесь касаться той обширной литературы, почти не обозримой, которая посвящена этому вопросу. Сразу же заметим, что попытки видеть в рассматриваемом корне заимствование из того или иного языка вряд ли имеют под собою основание, хотя нередко поддерживаются весьма авторитетными славистами. Распространена точка зрения о греческой огласовке корня *рос-* - из топонима *Россия*. В то же время заманчива и гипотеза о гидронимическом происхождении корня, связываемого с названием *Рось*, правого притока Днепра, что согласуется с и.-е. корнем **ros-* "роса, влага" (срав., например, новое подтверждение этого значения в раб. ТРУБАЧЕВ 1991: 248). Этот же корень и эту же семантику подтверждают также гидронимы *Руса* - река в Курской области; редко используемая, почти забытое (не потому ли, что древнее?) *Русское море* для обозначения озера Ильмень; *Неруса* - левый приток Десны, образованный, вероятно, от *не- + рус-л-о*; со словом *русло* связано и происхождение гидронимов *Рось* и *Руса*. Вероятно, можно допустить, что варьирование *-у-* и *-о-* в одном и том же корне - не что иное, как территориальная неустойчивость, проявившаяся в рамках одного способа образования гласных, т.е. губного (оба гласные губные). От *Рос-* возникли (*Рось*), *росский*, с ним связано греко-латинское название страны с суффиксом *-иј-* - *Россия* (срав., однако, русское народное *Росея*), а отсюда - *российский*; от *Рус-* - *Русь*, *русичи*, *русский*. Налицо, таким образом, генетическое единство *рус-* и *рос-*, на основе которых в дальнейшем произведены параллельные словообразовательные процедуры, приведшие в конечном счете к функционально-семантическому расхождению: *русский* употребляется преимущественно с этнонимическим значением, а *российский* - с географическим (территориальным).

После революции 1917 г. этим адъективам, как, впрочем, и существительному-топониму *Россия*, а также этнониму *русский* (мн. ч. *русские*) и сочетанию *русский человек* (мн. ч. *русские люди*) предстояло постепенное 'вхождение в тень' соответственно *советского*, *Советского Союза*, *СССР*, *советского человека*, *советских людей*. Делалось это по идеологическим мотивам, в развитие ленинской 'идеи' о так наз. *русском* или *вели-*

корусском шовинизме и России, как 'тюрьме народов'. Уже в 20-30-е гг. прилагательное *русский* и его субстантивированная форма интенсивно вытесняются различными эвфемистическими средствами либо просто замалчиваются. Чтобы не углубляться в историю вопроса, который сам по себе весьма интересен для социолингвистической разработки проблемы "Язык и идеология", обратимся только к одному аргументу, связанному с названием периодических изданий, выходивших в СССР с 1917 г. и далее. Согласно справочнику "Газеты СССР. 1917-1960" (Газеты СССР 1980), на периферии издавалось всего четыре газеты, в названии которых было слово *русский*: "*Русская жизнь*" (две газеты), "*Русский Восток*", "*Русский Манчестер*"; плюс пять газет в Москве и Петрограде: "*Русская изба*", "*Русская промышленность*", "*Русские ведомости*", "*Русские новости дня*", "*Русское слово*". Что касается названий журналов, то здесь есть возможность сравнить и скорость исчезновения таких со словом *русский* по десятилетиям. Так, в 1917-1949 гг. выходило немногим более трех десятков журналов общего и специального содержания (ПП СССР 1963: 219); в 1955-1960 гг., т.е. после Великой Отечественной войны, ни один из них не издавался под своим названием, если не считать двух журналов - "*Русский язык в советской школе*" и "*Русский язык и литература в средней школе*", которые после войны стали называться "*Русский язык в национальной школе*" и "*Русский язык в русской школе*" (> "*Русский язык в школе*"); прибавилось лишь пять новых журналов - "*Русская литература*" и "*Русский язык в армянской школе...*" (и некоторых других национальных школ). Таким образом, стали нежелательны "*Русская страна*", "*Русские записки*", "*Русский исторический журнал*", "*Русский современник*", "*Русское искусство*", "*Русское прошлое*" и под. Допустимы оказались лишь *русский язык* и *русская литература* - другого прилагательного для "язык" и для "литература" и не приставить!...

До перестройки, конечно, говорили и писали *русский язык*, но *литература* была преимущественно *советская* (*русской* ее конкретизировали, когда ставили в ряд 'братских' национальных литератур), и *русские писатели* и *поэты* были по преимуществу *советскими*. Так на историческое этнокультурное русское пространство было сознательно накинута 'советское географическое покрывало'.

Перестройка вызвала новый виток национального возрождения народов СССР, в том числе и русского. Правда, по отношению к русским произошло это, вернее, происходит (процесс еще далек от своего завершения) уже после того, как практически все народы страны 'возродились'. Каким бы трудным и противоречивым процесс этот ни был, очевидно одно: русскому этносу безразлична его собственная история, глубина которой достигает более тысячи лет (а не тех нескольких десятков, которыми пытались ее ограничить), безразлично исконное имя. Активно стали употреблять не только слово *Россия*, но вспомнили и о *Руси*:

Люблю страну, которую зовут
то *Родиной*, то *Русью*, то *Россией*.
По ней то плачут, то ее клянут,
то обещают рай, то с плахой кнут,
то нищая она, а то - мессия!

Это строки из стихотворения “Люблю” поэта ЮРИЯ ПОЛОЗОВА (НП, 1992, 13, 1).

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский ИОАНН называет ее *Святая Русь*:

Братья, все, кому дорога *Святая Русь*, кто ревнует о христианском подвиге державного строительства! Паки и паки призываю вас - услышите огненный глагол святого перво-верховного апостола Петра...; Нельзя учредить *Святую Русь* ни указом, ни постановлением, ни на конференции, ни на съезде. Ее можно только вымолить с покаянием и смирением (РВ, 1992, 41-44, 12).

Организовалось даже общество “*Русь и офицеры*”.

В крайних течениях нынешней оппозиции вынашивается также идея создания *Республики Русь* (также *Русской Республики*):

Перед началом заседания собравшиеся изучали в фойе карту будущей *Республики Русь*...; Как следовало из многих выступлений, возродить русскую нацию, “достигшую крайней степени деградации и вырождения”, можно только на путях выделения в России *Республики Русь* (Союз, 1991, 47, 13).

Называют эту республику, кроме *Русская Республика*, даже *Русская Республика Россия*, срав.:

Можно, конечно, спорить с идеей схематически построенной и вычлененной из реального времени и пространства *Русской Республики* (там же); Русский народ и его представители при наличии достаточной интеллектуальности могли бы создать свою государственность в рамках существующей Конституции РСФСР. Это будет *Русская Республика Россия*. Есть же Грузинская, Украинская и другие республики; Нужно начинать с создания *Русской Республики Россия*; Какое бы ни было в данный момент конституционное название, все равно нужно создавать *Русскую Республику - Русское государство*; Я за создание *Русской Республики - России*, пусть сначала в составе Российской Федерации и т.д. (Рус. ведом., 1991, 3, 1).

В обществе вспомнили и о древнем этнониме *русич* (мн. ч. *русичи*):

Я доволен тем, что мы избежали дискуссии на тему: *русичи* ли мы или украинцы. Хотя это упорно хотели нам навязать некоторые ‘гости’

конференции (Союз, 1991, 23); На первое декабря властями Украины назначен референдум, призванный дать ответ: быть или не быть колючей проволоке между *русичами*? (День, 1991, 22); *Русичи!* Соотечественники! Не будьте безучастны к горю и слезам ваших братьев. Окажите возможное содействие святому начинанию (РВ, 1992, 5, 28. 1); Так, может, есть претендент замены *русича* в этом не легком деле? Взять на плечи свой атлантов груз? (День, 1992, 34); И, конечно, ежели мы и своих, *русичей*, будем бросать на поток и разграбление, то распад страны станет лишь делом времени, причем самого недалекого (Д. БАЛАШОВ; ИС, 1992, 8, 3).

Из выше приведенных примеров видно, что этноним *русичи* как бы переживает возрождение, употребляясь по отношению не только к далеким предкам, но и к современникам.

Помеченное просторечной сферой употребления *русак* “человек с ярко выраженными чертами русского народного характера” также активизировалось, притом и в устах русских:

А вы знаете, что говорят люди в автобусах, очередях у нас, в крошечном городке? “Если уж тут, на Алтае, *русаков* ковырнуть, возьмем за топоры”. Остается надеяться, что местная этнократия представляет себе последствия антирусской политики (РВ, 1992, 41-44, 4).

В патриотической печати нередко появляются высказывания, в которых давняя история как бы возвращается в современность: в понятие *русский народ* (*россы, правороссы* и т.д.) вкладывается некогда действительно существовавшее единство *великорусов, малорусов и белорусов* - по крайней мере этим как бы хотят подчеркнуть органичность судеб этих трех этносов и в настоящее время, срав. мнение на этот счет писателя ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА:

В сущности *российские славяне* - это один народ, *народ русский*, разлученный историческими обстоятельствами в старые времена на три части и в разлуке наживший различия, давшие основание называться *Малой, Белой и Великой Русью*, но Русью с единым телом (День, 1992, 14, 5).

Другие примеры:

Главное же заключается не в экономических трудностях, а в том, что *русский народ* (*великороссы, украинцы и белорусы*) да и ряд других народов страны перешли грань, за которой начинается вымирание (Россияне, 1991, 3, 6); Слова *малоросс, белорус, великоросс* подчеркивают единство трех ветвей *русского народа* (РВ, 1992, 36-37, 6); Они не русскоязычные, как неуместно и глумливо острит печать, но после 1812, 1933, 1945-го и после Чернобыля уже не *мало-, бело- или великороссы, а правороссы*; Казачество - творчество только *правороссов* и

повторить это не дано никому, как никому не пережить их судьбу (К. Раш; НС, 1991, 5, 4).

То же применительно к географическому пространству, вернее, к историческим областям, срав.:

Лишь привычка заставляет нас связывать имя России с одной ее частью, с *Великороссией* (СР, 1992, 163, 29. XII); *Россия* - это по меньшей мере *Великороссия, Малороссия, Белороссия, Новороссия* и *Сибирь*.. (там же).

Заметно стремление возродить этнонимы и отэтнонимические прилагательные типа *новороссы* и *новорусский*, *младороссы* и *младорусский*, *старорусы* (*старороссы*) и *старорусский*:

Не уместно ли требовать главенства Основного закона СССР по отношению к гагаузам и *новороссам*?; Как проявление и начало этого процесса, на наш взгляд, следует рассматривать оформление *новороссами* и гагаузами своих суверенных республик (НС, 1991, 2, 10-11); Сверхзадача РНФ [Российский народный фронт] - воскресение России, рождение новой *младоросской* нации из пыли и обломков того, что осталось в великом *старорусском* народе, который... Но Бог милостив...; *новорусский* Ной после Потопа... (Рос. возр., 1990, 1, 1).

В оппозиционной среде уже в разгар перестройки стали в полный голос рассуждать об антирусских явлениях в обществе, которых до того практически никогда не касались и тем более не делали их вопросами дискуссий. Особенно эта сторона общественного интереса активизировалась после обострения антирусских настроений в национальных республиках СССР, а также публикации статьи академика ИГОРЯ ШАФАРЕВИЧА под названием "Русофобия" (перепечатку см. ШАФАРЕВИЧ 1991). Для нас важны не столько пространные рассуждения на эту тему, сколько то, какими языковыми средствами выражались объекты, подталкивающие, с точки зрения оппозиции, к антирусским проявлениям в обществе. При этом имеется в виду все тот же этнопонимический корень *рос-/рус-*: *русофобы*, *русопняты* (слово старое, в просторечии выражает "простой русский человек", т.е. то же, что *русак*), пейоративно составленное *россиянцы* (в противовес нейтральному *россияне*), *русоненавистники*, *россиеустроители* и многие другие, срав. в контексте:

Конечно, если видеть Россию так, как ее видели и видят господа интеллигенты - что "*русофобы*", что "*русопняты*", то такой крутой мужчина, как "царь Борис", только и жаждет диктатуры, переворота... (Огонек, 1992, 24-26, 2); Какова цель экономических и финансовых игр нынешнего правительства "*россиянцев*"? Во что играют теневые "*россиянцы*", стоящие вокруг Ельцина и за ним? Понимает ли "*россиянец*" Ельцин, во что играет?; Вопрос сейчас в том, с кого будут брать пример наши "*россиянцы*" со странными родственными связями и вос-

хитительными источниками инвалюты?; Так что, когда вопреки представлениям Старовойтовой, Боннер и прочих “россиеустроителей” наши национальногосударственные интересы объективно поставят вопросы о Крыме, Причерноморье, - решать их придется в крайне неблагоприятных условиях...; В местах регулярных сборов кавказцев ведутся *русоненавистнические* споры, разговоры, звучат призывы...; Таково кредо “Московского комсомольца” - кредо палачей, установка *русоненавистников* и сексуальных плюралистов (из газет).

Доминантой этого этноагентивного ряда, без сомнения, является *неруси* (и собирательное *нерусь*). Современный толковый словарь русского языка фиксирует лишь *нерусский* со значением “не относящийся к русскому, к русским, не свойственный русским, не такой, как у русских” (Словарь РЯ 1982: т. II, с. 477). “Словарь русского языка XI–XVII вв.” не фиксирует этого слова (Словарь XI–XVII: вып. 11, с. 278–279). В собирательное *нерусь* заложен негативный и даже оскорбительный для других народов смысл. Нами это слово было обнаружено в еженедельнике “Русский вестник”, в котором была напечатана статья под названием “*Нерусь* в России” (1992, 35, 4; 1993, 3, 2). Встретившийся в поэзии пример *нерусь*, кажется, не несет в себе пейоративного заряда, срав. из стихотворения молодой поэтессы СВЕТЛАНЫ СЫРНЕВОЙ (1992):

Им досталось местечко в углу фотографии.
 Городские-то гости - те мигом устроились,
 а они, простота, все топтались да ахали,
 лишь в последний момент где-то сбоку пристроились.
 Так и вышли навеки - во всей своей серости,
 городским по плечо, что туземцы тунгусские.
 И лицом-то, лицом получились, как *неруси*,
 почему это так, уж они ли не русские!
 Ведь живешь ты на свете: работаешь, маешься,
 а на фото - как пень заскорузлый осиновый.
 Чай, за всю свою жизнь раза два и снимаешься -
 Лишь на свадьбах, и то: на своей да на сыновой.

Это этнослово поддерживается, вероятно, благодаря ассоциации с собирательным *нелюдь*, срав. строки из стихотворения “Весна 1990 г.” НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВА:

О, сколь их нынче, за собой манящих!
 Глаза повылезали из орбит.
 Помедли, Русь. Ты - Церковь Всех Скорбящих.
 Теперь лишь только *нелюдь* не скорбит.

Кстати, тот же толковый словарь приводит в качестве словарной статьи не собирательное *нелюдь*, а множественное *нелюди* в значении “плохие, дурные люди” (Словарь РЯ 1982: Т. II, с. 453).

В перестройку из словесного 'макропокрывала' *советский народ, советские люди* всплыл этнолингвальный термин *русскоязычный*. Показательно, что "Словарь русского языка" (Словарь РЯ 1984: т. III, с. 742) вообще этого слова не фиксирует, оно, благодаря перестройке и активному его использованию в эти годы, попадает лишь в "Орфографический словарь русского языка", переизданный в 1991 г. (29-е изд.) (ОСРЯ 1991). Слово это образовано сложно-суффиксальным способом (опорный компонент - прилагательное, образованное от существительного суффиксальным способом с предшествующей основой 'этноприлагательного'). До перестройки в "Словарь русского языка" С. И. ОЖЕГОВА (21-е изд.) были введены лишь два слова, образованные по данной словообразовательной модели - *англоязычный* и *франкоязычный* (плюс *англоговорящий* и *франкоговорящий*) (ОЖЕГОВ 1989).

Это слово вызвало настоящие баталии, которые не прекращаются и в постперестроечное время. Киргизский писатель ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ, пипящий также и на русском языке, высказался о нем так:

Русский [язык] обладает куда большими возможностями для поэтического отражения... Однако разве это не оправдывает мое творческое *русскоязычие*? И второе - желание говорить с огромным *русскоязычным* миром без посредников, напрямую (ЛГ, 1988, 45, 3).

То есть киргизский писатель, поскольку пишет он и по-русски, называет это *русскоязычием*.

Русскоязычной, т.е. написанной на русском языке, может быть статья:

Мне кажется, что некоторое непонимание могло возникнуть из-за того, что авторы письма могли неправильно понять целый ряд утверждений в *русскоязычной* статье (Огонек, 1989, 41, 6).

Однако проблемы возникают, когда в этот термин вкладывают этническое содержание, т.е. делают чем-то похожим на этноним:

Полагаю, каждый из соотечественников должен поддержать позицию тех, кто выступает против деления России на несколько *русскоязычных республик* (Федерация, 1991, 2, 1).

Что значит *русскоязычные республики*? Если в них говорят *по-русски*, то почему республика не одна, а несколько? Если под *русскоязычными* понимают только *русских* (как под *франкоязычными* - *французов* и т.д.) - вспомним идею крайних течений оппозиции о создании *Русской республики* или *Русской Республики России*, то не является ли бессмыслицей это, ибо ясно, что *русские* говорят *по-русски*! В одной из газет читаем:

... мне теперь это слово *русскоязычные* кажется все более удобным. Ведь говорят *франкоязычная* Канада - и это не *французы*. Или говорят *немецкоговорящая* Швейцария - и не *немцы*, а швейцарцы. Тут есть определенный смысл. Так вот теперь, мы все, *русскоязычные*, оказались в одной яме... (из газ.).

Трудно понять, в чем здесь заключается “определенный смысл” - в утоплении ли собственно *русских* в *русскоязычных*, поскольку последними могут быть не обязательно только русские, но и представители других этносов?..

В 1991 г. группа русских писателей обратилась к президенту России с письмом, в котором упрекала его в сознательном избегании этнотерминов *русские*, *русский народ*, в замене их выражением *русскоязычное население*:

Навязчивая и недостойная политического руководителя России формула *русскоязычное население*, настойчиво употребляемая вами в заявлении на пресс-конференции не только в отношении прибалтийских россиян, но и по отношению к русским, живущим на своих исторических землях, красноречиво свидетельствует о вашем отношении к своему народу (ЛР, 1991, 5, 1. П).

Срав. также:

Нас лишили имени своей страны, нам запрещали называть себя *русскими*, да и сейчас нас снова толкают обратно к ‘советские’, называя население нашей страны “*русскоязычным*”, т.е. безымянным, безнациональным (РВ, 1992, 21, 7).

Верный смысл таких манипуляций уловила, как нам кажется, московская публицистка КСЕНИЯ МЯЛЛО в одной из своих статей:

Уже сама настойчивая тенденция к отождествлению понятий *Россия* и *Евразия*, их взаимозаменяемость и прогрессирующее превращение России в ‘Евразию’ говорит о многом. Ведь ритуал перемены имени, как известно с древности, - это не пустое дело, ибо имя есть личность. Имя страны и народа определяет структуру национальных идентификаций. Есть код, стереть который - значит переименовать историю. Это прекрасно понимали большевики, заменив историческое имя страны ‘*Россия*’ на ‘*СССР*’... Сегодня вновь нарушено чувство исторической протяженности, и при ослабленности идентификационных полей у русских, в массовом порядке превращаясь в ‘*русскоязычных*’ и абстрактных ‘*россиян*’ (а слово это сегодня значит совсем не то, что при Петре Великом, когда оно вошло в употребление), окрещение их еще и ‘евразийцами’, думаю приближает не возрождение Руси..., а окончательную мутацию национально-исторического самосознания (НС, 1992, 9, 103-104).

Именно стремление определенных общественных сил “*утопить*” русских в русскоязычных, а особенно в россиянах, стремление использовать только *российский* вместо *русский* вызывает сегодня серьезное беспокойство в стране. Особенно остро на этот процесс реагирует оппозиция. Вот некоторые документальные свидетельства.

Уже упомянутая нами публицистка К. МЯЛЛО пишет:

“И если не удивляет равнодушие ‘демократов’, у подавляющей части которых само слово *русский* с автоматизмом условного рефлекса вызывает единственную ассоциацию - ‘фашизм’, то гораздо труднее понять, почему проблему как будто не замечают и их оппоненты” (НС, 1992, 9, 102-103); Однако заметьте, слова *русский* демократы по-прежнему явно боятся, предпочитая ему вненациональное *российский* (Отечество, 1991, 1, 2); Слово *русский* ушло из демократической лексики, прочно замененное на ‘национал-шовинист’: “... наш великий могучий национал-шовинистический язык!”, “И какой национал-шовинист не любит быстрой езды!” (День, 1991, 22); Вчерашние громилы всего этого (от писак до матерого партократа) сегодня объявили себя крещеными ‘россиянами’, но вот называть себя ‘русскими’ у них никак не хватит духа (М. ЛОБАНОВ; НС, 1991, 11, 4-5); - В национальной обособленности вы видите последнюю возможность “спасительного объединения”? - Никакой обособленности. Наоборот. - Ну, как же, уже одно ваше название: не *Российский* даже, а *Русский Национальный Собор*. Как, скажем, украинцы, немцы, евреи могут в нем участвовать? - *Русский Национальный Собор* - это скорее не национальное, а духовное образование людей, разделяющих идею и традиции фольклорности, общности, соборности (Труд, 1992, 17. X); Характерно, что и власти Российской Федерации и их средства массовой информации преднамеренно, как кажется, избегают употреблять слова *русские*, *русский народ*. Пущено в ход слово *россияне*, к которым относят всех граждан России, независимо от их национальности. Слово *россияне* уже до революции было устаревшим, носило официально-торжественный характер, но самое главное - было тождественным понятию *русские*, которое включало *великорусов*, *малорусов* (*украинцев*) и *белорусов*. В настоящее время понятию *россияне* придано территориальное, а не этническое, как раньше, содержание, и оттого оно звучит в известной мере фальшиво, искусственно. Еще более искусственным является неологизм *русскоязычные*, который просто оскорбителен для русских людей. Главным аргументом использования слова-понятия *россияне* в территориальном значении является то, что Россия многонациональна и что для ее граждан должно быть какое-то общее название. Но многонациональны и все прочие бывшие союзные и автономные республики, однако до подобных неологизмов там никто не додумался... Понятие *россияне* должно рассматриваться лишь в качестве устаревшего синонима понятия *русские*, и его нельзя переносить на граждан России не-русской национальности... Никто не додумался называть многонациональные народы Украины, Литвы, Грузии и др. бывших союзных республик *украинянами*, *литвинянами*, *грузинянами* и т.д.... Если коммунисты-интернационалисты стремились подменить *русский советским*,

то сейчас 'демократы' пытаются утопить *русских* в *российском*... (РВ, 1992, 49-52, 2).

Вряд ли можно согласиться с утверждением автора только что приведенного фрагмента о том, что *россияне* должно использоваться только как синоним для *русский*: исторически это так, однако в настоящее время этот топоним включает в себя не только русских, но и все этносы, живущие в России (*Россия* > *россияне*, т.е. *россиј-* + *-ан' -е*). Такие предложения только запутывают существо дела.

В оппозиционной прессе утверждается также, что официальные средства массовой информации нередко используют прилагательное *русский* в пейоративном словесном окружении. Вот два мнения читателей московского еженедельника "Русский вестник":

За 70 лет советской власти *русские* перестали осознавать себя *русскими* (благодаря советской прессе!), потому что само слово *русский* было запрещено. Встретив его в рукописи журналиста или писателя, редактор немедленно зачеркивал это огнеопасное слово, вместо него вставлялось слово *советский*. Например, нельзя было сказать *русский народ*, нужно было говорить *советский народ*. Интересно, что к другим народам нашей страны это не относилось. Можно было говорить и писать *армянский народ*, *литовский народ*, *еврейский народ* и т.д. Нельзя было только говорить *русский народ*, *русский поэт*, *русский художник* и т.д. Поэтому русские не любят, точнее, не привыкли читать те газеты и журналы, где это слово встречается часто, где поднимаются русские проблемы, зато русские привыкли и охотно читают те издания (их можно назвать русофобскими), где слово *русский* встречается только в некоторых выражениях вроде *ядренный русский трехэтажный мат*, *русский фашизм*, где о русских проблемах не пишут, зато пишут о всякой чепухе ("Запретное слово '*русский*'"; РВ, 1992, 12, 15);

Наконец-то пробуждается русское самосознание и слово *русский* произносится вслух без страха, что тебя за это посадят в тюрьму, как это было при коммунистическом кошмаре. Но и теперь демократическая власть, особенно в лице ее лидеров, предпочитает сочетание этого слова с такими эпитетами, как *русский дурак*, *русский лодырь*, *русский пьяница*, *русская вялость*! Нужна терпеливая разъяснительная работа, чтобы наш народ, вспомнив свою блистательную историю, мог спасти государство от развала... ("Будить национальный дух"; РВ, 1992, 22, 21).

Вопрос о том, действительно ли это так, необходимо, конечно, проверить на текстах большого объема. Однако примеры такого рода все же не так редки и потому выявляемы без специального исследования, срав., например, весьма популярное в последнее время выражение *русская мафия в Америке*, хотя известно, что под *русской мафией* здесь понимаются выход-

цы различных национальностей из СССР, покинувшие страну в последние десятилетие-два. В еженедельнике "Союз" (1991, 4, 18) читаем:

Русский фашизм в настоящее время еще не вызрел...

Или :

"*Русский фашизм* пойдет из Санкт-Петербурга", - утверждает со страниц местной прессы советник председателя Петросовета... Все громче и в петербургской печати, и в разговорах питерцев слышится тревога... В "колыбели трех революций" рождается новое крикливое и агрессивное дитя - *российский фашизм* (Известия, 1992, 209, 19. IX).

В последнем примере употреблено *русский фашизм* и *российский фашизм*, что ставит читателя, без сомнения, в недоумение: что же все-таки верно - первое или второе?.. Еще свежий пример. Открываю "Независимую газету" (1993, 72, 17. IV, с. 5) и читаю статью "Демьянова уха: ТВ должно информировать общество, а не реформировать его", напечатанной в рубрике под названием "*Русский бред*". Или: "Россия всегда славилась плохими дорогами и дураками" (название статьи; Союз, 1991, 51, 9). И т.д. и т.п.

На сталкивание *русского* с *российским*, или, точнее, на избегание *русского* указал недавно в интервью газете "Литературная Россия" (1991, 41, 4-5) известный русский славист Олег Н. ТРУБАЧЕВ в связи с затянувшейся историей по изданию *Русской энциклопедии*. Это свидетельство специалиста, не доверять которому нет оснований:

...Пока прекраснодушные люди мечтали об идеальной *Русской энциклопедии*, явились предприимчивые дельцы из числа "друзей русского народа" и взялись все "проверить"... Свою концепцию *Русской энциклопедии* я неоднократно излагал в печати. И все же чувствовалось явное отчуждение и определенное неприятие этой идеи. Что же не правилось в проекте? Не сразу, но стало понятным: не правилось именно то, что энциклопедия - *Русская*. Вскоре это обрело более зримые формы. Как известно, с некоторых пор у читающей публики зарябило в глазах от множества новых российских академий - инженерных наук, естественных наук... В недрах последней (РАЕН - Российская Академия естественных наук) запланировано целое отделение *Российской энциклопедии*, разработанное с редкой дотошностью - с массой направлений... Каким-то, далеко не первым, - шестым, кажется, номером идет "*Энциклопедия русского народа*"...

И далее ученый поясняет:

Возможно, кто-то спросит: так ли это существенно, *Русская* ли, *Российская*? Синонимы, мол. Разница есть и весьма существенная. С первых шагов в этом деле я не уставал ее разъяснять людям, которые

этого не понимают или, что гораздо хуже, делают вид, что не понимают. Попробуйте вместо *русский язык, русская культура* сказать *российский язык, российская культура*. Не получится, если вы, конечно, не совсем лишены чувства языка. Дело в том, что *русский, русская, русское* - этническое, ибо относится к конкретному этносу, народу, культуре. Русская, а не *российская народная сказка, русская музыка* - этот ряд можно продолжить. *Российский* - это то, что преимущественно связано с территорией, с административным понятием. Башкир, татарин, якут - все они *россияне*, жители России. Я же очень огорчился, прочитав, как крупнейший наш русский писатель рассуждал, что называться *русскими* уже и не очень принято, можно - *россиянами*. Мне возразят, что в прошлом так и говорили о *русском языке, о русских*. Верно, но это и тогда уже несло на себе оттенок книжный, не народный. А народным было и остается то, что приходится неожиданно отстаивать сегодня. Да, буквально отстаивать, бороться приходится с теми, кого почему-то более устраивает расплывчатое и выхолощенное - *российский*. Эта подмена слов совершается давно и могла бы показаться загадочной, не будь она очень уж направленной. Смысл тут один - вытеснение *русского*... Когда вам станут доказывать, что *Русская энциклопедия* - это нехорошо, а лучше - *Российская энциклопедия* или вообще *Энциклопедия России*, вспомните мои слова.

В этом довольно пространным фрагменте ученым подмечена тенденция, которую нетрудно почувствовать, если внимательно следить за проправительственными средствами массовой информации. Прежде чем проверить это утверждение, мы бы хотели добавить, что понятие *русский*, помимо этнического, имеет и духовное содержание, о чем недавно напомнил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ИОАНН:

Понятие *русский* не является исключительно этнической характеристикой. Соучастие в служении русского народа может принять каждый, признающий Богоустановленность этого служения, отождествляющий себя с русским народом по духу, цели и смыслу существования, независимо от национального происхождения (РВ, 1992, 39, 12).

Для того, чтобы убедиться, действительно ли “идеологический раскол (разлад)” по линии *русский - российский* имеет место между стоящей у власти демократией и оппозицией, мы провели с этой целью эксперимент - сделали сплошную эксерпцию (игнорируя лишь часто повторяющиеся сочетания) микроконтекстов с доминантами *русский* и *российский*. Из оппозиционной печати были взяты по одному номеру еженедельника “Русский вестник” и еженедельной газеты “День”.

Итак, “Русский вестник”, 1992, 41-44, 24 страницы.

Русский употреблено здесь почти в полусотне словосочетаний или микроконтекстов:

пробуждение национального самосознания *русских людей*, *русская патриотическая газета*, возрождение *русского народа*, обращаемся к *русским предпринимателям*, "*русская идея*" как факт фальсификации, замечательный *русский писатель*, без участия *русских краев и областей*; *Великорусский народ*, презрительно именуемый населением; *против русского народа*, *русская государственность*, *антирусская политика*, о судьбе беженцев *русских* из самой России, я *русский патриот*, великодержавный *русский шовинизм*, название "*русская душа*", оскорбление "*русская свинья*", обновленный *русский народ*, обеспечение законных прав *русского народа*, *антирусская сущность*, возвращение *русских специалистов*, *антирусское правительство* России, *русская молодежь*, *руско-турецкая война*, ошибки *русской политики* в Сибири, вопрос о разграничении *русских* и китайских земель, с *народом русским* мы всегда договоримся, принципы *русской шахматной игры*, *русский гражданин* (XIX в.), *русские святыни*, *русские земли* опустошены, любой человек из *русского народа*; *интеллигенты* столько же *русские*, сколько и *русские*; *светочи русской земли*, *церковь русская*, и *Русская православная церковь*; что в *русской жизни* не было церковным?; *русский человек*, источник *русской жизни*, гордиться принадлежностью к *русскому народу*, иллюстрация "*русского варварства*", объединитель *русских земель*, сопротивление *русских патриотов* интернациональной большевистской диктатуре, советские злодеяния над *русским народом*, с *рубежей русской земли*.

К этому следует добавить 5 употреблений в наименованиях учреждений, объединений и проч.: *Русский Национальный Собор*, *Русское историческое общество*, *Русская православная церковь*, *Русская армия* (XIX в.), *Общество русско-сербской дружбы*.

Этноним *русский* (*русские*) употреблен около 20 раз:

но пусть только попробует *русский* появиться...; *русские* не видят равноправия и на собственной территории, не считать *русских* избирателями, ущемление прав *русских*, можно только удивляться долготерпению *русских*, многие *русские* перестают удивляться бесстыдству и цинизму, *русские* способствовали освобождению сербов, эту любовь знает на себе всякий *русский*, стержень многонациональной России - *русские*; я вдруг понял, что я - *русский*; я *русский* и горжусь этим!; *русских* обвиняют во всех мыслимых грехах, смысл понятия "*русский*", натравливание *русских* на евреев, изгоняли с островов *русских*; можно было ожидать, что чеченцы вообще возненавидят *русских*; *русские* не принимали активного участия в выборах (в Чечне), быть *русским* - это значит быть православным, кровожадные *русские*.

Российский употреблено 11 раз и плюс 8 примеров в наименованиях объединений и проч.:

российское правительство, о провокации *российских спецслужб*, *общероссийский беспредел*, *Российское государство*, по инициативе *российской делегации*, в *российской деревне*, *российская присяга*, дула авто-

матов российских солдат, российское руководство ведет на Кавказе пагубную политику, российское воинство, российские правители создали хаос; Всероссийский Земский Собор, Российская Академия наук, Российская Федерация, Российское общество историков-архивистов, Российский государственный гуманитарный университет, Всероссийская телевизионная программа, Российская армия, чтобы Чечня была частью Российского содружества.

Россиянин употреблено 4 раза:

истинный россиянин определялся не национальностью, *россиянам* постоянно буквально давят на психику, чеченцы никогда не считали себя *россиянами*, укреплять Россию - дело самих *россиян*.

Дважды употребляется *русскоязычные*, затем *неруси*, *русаки*, *полурусский*, *нерусские*.

“День” (1992, 1, 8 страниц).

Прилагательное *русский* употреблено в этом номере газеты более 70 раз:

биться за каждый малый клочок русской земли, наш русский Ангел, мы и выходим в русскую выюгу; с Новым годом, люди русские; “День” - явление не только русское, но и континентальное; молчаливый русский Генштаб, жертвы антирусской пропаганды, русский фашизм, русская история выстрадала, русская экономика, русский карлик, русский вопрос, русский империализм, за счет русского народа; удар по русской нации, по России и русской культуре; структура русского населения деформирована, политика подавления русского народа, русский полковник, националы бесчинствуют уже на русской земле; русский Ленин, если он там действительно имел какую-то каплю русской крови; ненависть к русскому народу, русский народ отомстит за все эти годы поруганой жизни; поэтому у нас просто русский бунт, возмущение русского народа против...; русский бунт обошелся бы Западу...; русскому народу терять нечего; известный русский математик, философ и публицист; можно вспомнить и русскую философию, события русской истории, обвиненные русские историки, душа русского народа, с русской прямоотой пошел на смертельный риск, если не чувствовали этой русской боли его друзья, расхождение литературы русской и литературы советской, национальный русский писатель (о Солженицыне), не было бы русской философии XX века; душевная прирожденность к русским корням, русской сути и русскому языку; русской литературе я принадлежу не больше, чем русской каторге; его каторжная среда была частью нерусская, а то и антирусская; вдали от русской литературной среды, провозглашал ее своей русской сутью, возвысил голос русской культуры, скажется еще в русском развитии; ему, русскому художнику; до сотни книг вышло на русском языке за рубежом; страницы, посвященные русским национальным страданиям; все русские гении не случайно были консерваторами, появляются новые русские гении, русская культура вновь доказывает свое православно-патриотическое начало, люди с русским подлинным

чувством, исполненный традицией великой русской мысли; спасал честь России, русского иудея (о Л. Каннегисере); перед русским народом, он - среди русской культуры, замечательные писатели русской эмиграции, русский писатель Борис Зайцев, ценитель русской истории и русской литературы, подвалы были переполнены русскими офицерами, распространился цвет русской элиты, не предполагая в русском еврействе возможности мести за погубленную Россию, воздадим должное одному из лучших представителей русского еврейства (о Л. Каннегисере), русский сказ.

Более двух десятков раз употреблено существительное *русский (русские)*:

вместе с коренными русскими, русские явно перепредставлены в рабочем классе, большинство выпускников ПТУ [производственно-техническое училище] - русские, удел русских везде - вкалывать, берите любой завод - одни русские, инженеры - русские; в Молдавии русского убили за то, что говорил по-русски; пишут на стенах: "Русские, убирайтесь!", "Русские - оккупанты!", "Русские - долой!"...; убивают русского, будут уничтожать русских, а русские этого не делают, у русских денег никаких нет, в списке покупателей не оказалось ни одного русского, вернутся русские из республик, опять погибнет 10 миллионов русских, провести политику в интересах русских, спасибо русским, гениальный пасквиль на Россию и русских, за счет привлечения местных жителей - русских, не входя в соприкосновение с русскими, защищая интересы русских и интересы государства Российского; он был слишком крестьянским, слишком русским.

Российский здесь употреблено 7 раз (в т.ч. два раза - в названиях учреждений):

российская ЧК [Чрезвычайная комиссия], глава российской власти встречался в Италии, российское культурное пространство, в российских крупных городах, фамилия Урицкого перестает мелькать на улицах российских городов, Российская Академия наук, защищая интересы русских и государства Российского.

И далее: *россияне* употреблено один раз, *русскоязычные* - 5, *русскость* - 1, *руссофобия*, *-ский* - 4 раза.

Теперь обратимся к проправительственной газете, которую здесь представляют "*Известия*" в № 251 от 18. XI, 1992 г. (8 страниц).

Зафиксировано 25 словосочетаний и микроконтекстов с прилагательным *русский* плюс три в наименованиях объединений и т.д. и одно в виде *россияне*:

русские и чеченские войска, русские и чеченские вооруженные силы, попытка обстрела русского патруля, здравый смысл российских парламентариев, строки из письма русского президента, обязательство российской дипмиссии, заседание русского парла-

мента, российские фирмы наторговали, недоверие к *российской банковской системе*, подготовленный *российским парламентом* законопроект, программа *российской конверсии*, *российская космическая отрасль*, *российская космонавтика*, *российско-американские отношения*, запарковать у *российского посольства* машины; не только *дипломатов советских*, а потом и *российских*; *американо-российские* регулярные консультации, на *российском рынке*, *российский разработчик*, *российские сторонники "строгого законодательства"*, произведения *российских литераторов*, рабочие места для тысяч *российских программистов*, *российский загранпаспорт*, новые *российские паспорта*, по белу свету с *российским паспортом*, корпорация "*Российские лесопромышленники*", *Российская Федерация*, директор *Российского агентства интеллектуальной собственности*; депутаты не позволяют на глаза *россиян...*

Прилагательное *русский* употреблено здесь 4 раза, при этом один раз - в письмах читателей ("в *России русский человек* подвергается унижениям"), в сочетании *англо-русский* и *русско-английский словарь* и лишь два раза - сотрудниками газеты: "*творчество русской поэтессы*" (о М. Цветаевой), "*для предоставления работы русским талантам*"; срав. также субстантивированную форму: "*сейчас много говорят о судьбе русских... так наз. ближнего зарубежья*" (из письма читателя).

№ 267 от 10. XII. 1992 г. (16 страниц вместе с приложением "*Финансовые известия*").

Российский употреблено около 45 раз, плюс еще около десятка - в наименованиях объединений и т.д.:

кризис еще неокрепшей российской государственности, выравнивание цен в *российских регионах*, обязательства перед *российскими предприятиями*, *российские монополисты-нефтедобытчики*, *российское своеобразие* процессов и явлений, особенность *российской безработицы*, *российские средства информации*, один из ведущих *российских следователей*;

из "*Финансовых известий*":

кризис российской экономики, для *российских коллег* семинар, 100 тысяч *российских инженеров*, переговоры с *российскими биржами*, в Москве *всероссийский семинар*, новое для *российского рынка*, *российские* коммерческие банки, увеличение объемов *российского экспорта*, *российские экспортеры*, спад экспортной деятельности *российских предприятий*, *российские* нормативные документы, не рады и *российские промышленники*, миллионы *российских иностранных акционеров*, *российские промышленники* всерьез опасаются, экономический курс *российского правительства*, западные банки с *российскими представителями*, оборудование для *российских газопроводов*, поставки *российскими газовиками*, сотрудничество с *российскими авиастроителями*, родственные *российские предприятия*, конференция

для российских дилеров, российский уголь, обращение к российскому президенту, акционирование российской энергетики, сотрудники одной из российских компаний, использовать российские порты, вывоз российского угля, продажа российского угля, направления российского экспорта, во все республики бывшего СССР поставляется российский уголь, российские потребители угля, решение российского правительства, российский рубль, российская организация "Инпредстрой", российский заказчик ждет отмены, 15 лучших российских школ; в Российском сбербанке, Российская Академия наук;

из "Финансовых известий":

Российская гильдия риэлторов, Российская угольная компания, Российская государственная библиотека, Российский Фонд культуры, Российско-Американский университет, Российский Университет дружбы народов, Российско-канадское СП [совместное предприятие], Российско-канадская акционерная компания.

Русский употреблено однажды: "выдающийся русский шахматист" (в 'разоблачительной' статье по отношению к Анатолию Карпову); один раз в связанном контексте: "петербургское предприятие 'Русские самоцветы'."

В № 275 от 22. XII.1992 г. (6 страниц). Российский употреблено более 20 раз (плюс 5 раз в связанном виде - в наименованиях объединений и т.д.), дважды употреблено россияне:

введение национальной российской валюты, совет при российском правительстве, группа российских погранвойск, видное место в истории российской журналистики, происходящее в российском парламенте, члены российской делегации, в присутствии российского посла, представил российским и иностранным журналистам, для российской общественности переговоры были интересны, на почве нашей российской действительности, причины в основе конфликтов в российском руководстве, новый глава российского правительства, обвинен наш российский журналист, высказал несогласие российской стороны, экспорт российских товаров, процент российского импорта, российский экспорт во Францию, о передаче компетентным российским властям, до передачи его властям в первом российском порту, на борту российского судна, веское слово должна сказать российская прокуратура; председатель Российского отделения фонда, 14 Российская армия, собрание Российской Академии наук, Российская Федерация, президент Российского союза промышленников и предпринимателей, Ассоциация японо-российской торговли, сопредседатель Российско-японского комитета; причины мудрой сдержанности россияни; похоже, его судьба не интересует ни африканцев, ни россияни.

И далее: русский использовано три раза:

типично *русское разгильдяйство*, выволочка за очередное оскорбление *русского народа*, встреча с выдающимся современным *русским композитором*.

И еще один пример в таком виде:

Русский Пен-центр. Кстати, это последнее образование, *Русский Пен-центр*, вызывает недоумение: непонятно, входят ли в него только *русские писатели*? Если писатели всей России, то почему не *Российский*?!"

Срав., однако, более странную конструкцию - пример из "Огонька" (1989, 47, 8): "*Русский советский Пен-центр* выражает свою глубокую озабоченность ситуацией, сложившейся вокруг еженедельника 'Книжное обозрение'."

Наконец, в последнем рассмотренном нами номере газеты употреблено *однажды и русскоязычный*: "преследование литераторов, представляющих *русскоязычную прозу*".

Итак, подведем некоторые итоги. Много говорить о статистике (в данном случае также и о частотности) анализируемых прилагательных и их субстантивированных форм не приходится: оппозиционная печать пишет прежде всего о *русском и русских*, проправительственная - о *российском и россиянах*. Показательно также, что в оппозиционной печати даже 'непопулярные' доминанты - *российский и россияне* - употребляются чаще, чем 'непопулярные' доминанты *русский и русские* в проправительственном издании (по серьезному счету в одном номере газеты - от трех до одного упоминаний).

Уместно поставить вопрос: не связана ли такая функциональная дистрибуция рассматриваемых доминант с контекстом и, в частности, не ограничивается ли она согласующимися с этими доминантами существительными? Безусловно, это имеет к вопросу самое непосредственное отношение. В оппозиционной печати *русский* связывается с такими существительными, как: *люди, газета, народ, предприниматели, писатель, государство, специалисты, молодежь, политика, крестьянство, прозаик, литература, культура, развитие, бунт, суть, идея, прямота, Генштаб, композитор, земли (земля), жизнь, патриоты, история, экономика, полковник, математик, философ, кровь, корни, язык* и др.

В проправительственном издании *российский* приставляется к: *армия, войска (вооруженные силы), правительство, власти, парламент, президент, фирмы, отрасль, посольство, дипломаты, рынок, разработчики, менеджеры, биржа, экспорт, импорт, предприятия, промышленники, уголь, энергетика, компании, порты, заказчик, литераторы, программисты, паспорт, государственность, регионы, безработица, следова-*

тели, экономика, школа, журналисты и журналистика, делегация, действительность, товары и под.

'Оппозиционный' список, как нам кажется, носит более этнический характер (срав.: *люди, народ, писатель, крестьянство, культура, литература, бунт, идея, кровь, корни, язык и др.*), в то время как 'проправительственный' клонит к административно-территориальной семантике (срав.: *армия, парламент, президент, фирма, конверсия* и далее по списку почти без прерываний). Однако есть немало близких по значению или по функциональной направленности существительных, определяемых в одном случае прилагательным *русский*, во втором - *российский*, срав. (в первом столбце - 'оппозиционные' сочетания, во втором - 'проправительственные'):

<i>русские предприниматели</i>	- <i>российские промышленники</i>
<i>русские специалисты</i>	- <i>российские программисты, разработчики</i>
<i>русские писатели</i>	- <i>российские литераторы</i>
<i>русское государство</i>	- <i>российская государственность</i>
<i>русский Генштаб</i>	- <i>российские войска (вооруженные силы, армия)</i>
<i>русская жизнь</i>	- <i>российская действительность и др.</i>

В то же время совершенно очевидно, что, например, *крестьянство* может быть не только *русским*, но и *российским*, также и: *предприниматели, газеты, молодежь, политика, история* и под., а *русскими* могут быть *литераторы, государственность, действительность, журналисты и журналистика, школа* и т.д.

Выявляется также некоторая тенденция к употреблению в оппозиционной печати прилагательного *российский* в негативном контексте, с существительными негативной или 'отчужденной' семантики, срав.: *общероссийский беспредел, российские правители* (создали хаос), *российское руководство* (ведет на Кавказе пагубную политику), *российский ЧК, глава российской власти* (встречается в Италии). Проверить аналогичное в связи с прилагательным *русский* в проправительственном издании не представляется возможным из-за единичности случаев употребления этого слова. Кроме нейтральных *русский шахматист, русская поэтесса, русский композитор*, здесь лишь два случая, граничащие с негативной семантикой и семантикой 'отчуждения', срав.: *типичное русское разгильдяйство* и *выволочка за очередное оскорбление русского народа* (в первом примере - высказывание теледиктора, сочувственно процитированное газетой). Мы понимаем, что сказанное относительно негативности контекста и семантики в

связи с *русский* и *российский* лишь только догадка, которая требует подтверждения или опровержения на значительно большем объеме материала.

И, наконец, несколько слов о колебаниях, отмечаемых в использовании прилагательных *русский* и *российский*. Такие колебания замечены нами в оппозиционной печати, срав., например:

Кавказцам созданы условия для торговли *на российских рынках* фруктами, среднеазиатской анашой, перекупленными и ворованными тряпками и многим другим. Когда же со своими товарами *на русские рынки* приезжают русские, они попадают под контроль азиатской мафии (РВ, 1992, 41-44, 2); Где традиции славного *русского офицерства*, некогда бывшего честью и гордостью нации? Перечитайте рассказ А. Куприна "Брегет". Помните, офицер, на которого упало подозрение в краже, не задумываясь, покончил с собой. Честь для него была дороже жизни. Попробуйте представить в этой ситуации нынешнего *российского офицера*. Куда там! (там же, с. 6); Все, кто в прошлом году был на праздновании 200-летия со дня рождения С.Т. Аксакова на его родине, в Башкирии, - *российские писатели* Д. Жуков, М. Лобанов, Б. Романов, Н. Дорошенко, гости из-за рубежа - помнят, какие светлые и чистые это были дни. Как большой народный и государственный праздник отметили в Башкортостане [т.е. в Башкирии] двухвековой юбилей *русского писателя*... (там же, с. 23); В Брюсселе международные банки решили: *российская земля* пойдет под долги, но не в 'натуре', а в форме документов (акций) на право управления *русской землей* на 99 лет (СР, 1992, 160, 3).

В приведенных примерах колебания трудно объяснимы: *российский рынок* - *русский рынок*, *русское офицерство* - *российский офицер*, *российские писатели* - *русский писатель*, *российская земля* - *русская земля*.

Из проправительственных изданий:

Русские бизнесмены - за возрождение России; В Москве состоится очередная конференция Палаты *российского предпринимательства*; Знаменитая в начале 70-х гг. *российская теннисистка* уехала работать в Англию в декабре 1990 года с мужем и дочерью; Учится в обычной общеобразовательной школе для английских детей, а в *русской школе* в Лондоне собирается сдавать экзамен экстерном (из газ.);

срав. также варьирования типа *русский* - *русскаяязычный*:

Конкурент и удачливый соперник известного "Плейбоя", *русскаяязычный "Пентхауз"*, скромно именуется на обложке "международным журналом развлечений"; издатели обещают, что второй номер *русского "Пентхауза"* уже полумиллионным тиражом они выпустят в марте... (из газ.) и др.

Несмотря на невольные или же сознательные колебания в употреблении прилагательных *русский* и *российский*, постепенно, как показывают наши наблюдения, эти прилагательные очерчивают свой контекстуальный круг, круг связанных с ними существительных определенной семантики и функционального предназначения. Иными словами, формируется своеобразное функциональное поле с разграничением тех его частей, что предназначены для семантики этно-духовного характера - это в одном случае, и для семантики административно-территориальной - в другом. Проанализированная нами с этих позиций статья одного из лидеров нынешней оппозиции, представляющего Российское христианское демократическое движение (РХДД), В. АКСЮЧИЦА (“Испытание русской идеи”; Правда, 1992, 15.Х), показывает, что это так, срав. два ряда:

российское государство
российский центр
российский империализм
российская жизнь

русский народ
русская история, культура
русская идея
русской жизни (уклад)
русский человек
русская губерния
“русского империализма” (идея)
русские люди

Здесь логична дистрибуция прилагательных в примерах *российская жизнь* (характерная для всей России) и *уклад русской жизни* (т.е. национальный уклад жизни); признается *российский империализм* и отрицается идея “*русского империализма*” (маркерами в виде кавычек); лишь в случае с *русская губерния* возможна вариантность употребления, т.е. и *российская губерния*.

Проведенный нами анализ собранного материала, а также приведенные примеры и высказывания показывают, что интересующее нас функциональное поле с его главными доминантами *русский* и *российский* нередко используется в чисто идеологических целях. Нет необходимости анализировать содержание пространственных выступлений борющихся сторон - достаточно, как это сделали мы, проследить особенности использования лексических доминант и контекста их употребления - и идеологическая позиция поддается совершенно четкой дефиниции. Манипуляция прилагательными *русский* и *российский*, весьма заметная в перестроечное и послеперестроечное время, ‘работает’ на и без того чрезмерную идеологизацию языка и общества.

ТРУБАЧЕВ 1991 - О. Н. ТРУБАЧЕВ. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. - М.: Наука, 1991.

- Газеты СССР 1980 - Газеты СССР. 1917-1960. Библиографический справочник. Т. 4. - М.: Книга, 1980.
- ПП СССР 1963 - Периодическая печать СССР. 1917-1949. Библиографический указатель. Журналы, труды и бюллетени. Сводный указатель. - М.: Книжная Палата, 1963.
- Словарь РЯ 1982 - Словарь русского языка. Т. II. - М.: Русский язык, 1982.
- Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 11. - М.: Наука, 1986.
- Словарь РЯ 1984 - Словарь русского языка. Т. IV. - М.: Русский язык, 1984.
- ОСРЯ 1991 - Орфографический словарь русского языка. Изд. 29-ое. - М., 1991.
- ОЖЕГОВ 1989 - С. И. ОЖЕГОВ. Словарь русского языка. 21-ое изд. - М.: Русский язык, 1989.
- ШАФАРЕВИЧ 1991 - И. Р. ШАФАРЕВИЧ. Русофобия. Две дороги - к одному обрыву. (Белая книга России. Вып. 1). - М.: Товарищество русских художников, 1991.

Глава IX

Срамословие и грубословие как отражение агрессивных тенденций в современной речи

В перестройку актуализировался вопрос о лексической вульгаризации - явлении, которое развивается в сфере речевой практики, конкретно - культуры современной речи. Огрубление лексической стороны речи - показатель уровня духовного состояния общества в тот или иной период его исторического развития.

Само понятие вульгаризации как процесса внедрения и использования вульгаризмов характеризуется весьма широким функционально-семантическим диапазоном: с одной стороны, сюда включаются *грубословие* (или *эсхрология*) - вероятно, 'более легкая степень' вульгаризации речи по сравнению со *сквернословием*, с другой стороны, *матерщина*, *матерная брань*, *мат* и т.д. К грубословию приближается так наз. *просторечие*, срав. *лапа* вм. *рука*, *облапошить* вм. *обмануть*, *башковитый* вм. *сообразительный* и под. Что касается мата, матерной брани, матерщины, то эти родственные термины не представляются нам удачными уже по причине ассоциации со словом *мать*. В "Повести временных лет" (XII в.) летописец употребляет слово *срамословие* - по отношению к постыдным словам, которые характеризуют языковое поведение некоторых людей. Ныне, как нам кажется, можно надеяться на возрождение этого слова для обозначения процесса вульгаризации и вульгаризмов 'крайней степени'. Этот термин достаточно точен по смыслу и весьма искусен по строению, срав. *срамословный*, *срамослов*, *срамословить*.

Заслуживает в этой связи вопрос о наименовании рассматриваемого явления в современной русской культуре вообще и речевой - в частности. В настоящее время процесс и состояние обозначаются следующими словами и сочетаниями: *сквернословие*, *ругань* и *брань* (также: *неприличная брань/ругань*, *безудержная брань/ругань*, *площадная брань/ругань...*), *похабщина*, *нецензурица*, *непристойная речь* (и *ругань*, *брань*), *мат*, *матерщина* и некоторые другие, срав.:

Сквернословие нельзя назвать привычной (Правда, 1970, 296, 3); Не в порядке запальчивости, а вполне трезво я оценил, что мода *сквернословия* охватила множество людей, и эпидемия продолжает нарастать в угрожающей быстроте (ЛГ, 1979, 26.XII, с. 12); *Нецензурная брань* в общественном месте наказуема в административном порядке. Это - мелкое хулиганство; Она возмущалась *руганью* матери (Правда, 1970, 296, 3); Последнее время повсеместно распространилась мода при помощи *похабицы* 'украшать' свою речь, аранжировать ее (ЛГ, 1979, 26.XII, с.12); Может быть, и правда, не стоит волноваться? Может, *похабщина* - мелочь, пустяк?; Рост культурного, нравственного уров-

ня человека не должен тормозиться никакими вредными привычками, в том числе к *нецензурщине* и *площадной брани*; Я не верю в то, что газета, печатая хоть раз в три дня по статье о скверноте *непристойной речи* и *ругани* даже через 20 лет достигнет нужного результата...; Мне представляется, что примиряться с *похабщиной* не следует никогда, ни в каких ее формах; Но я далеко не уверен, надо ли 'вводить в школах' спецсеминары по *сквернословию*... (ЛГ, 1978, 29.XI., с. 12); Непристойность *материцины* осознается всеми; *Мат*, я считаю, - это социальное зло. Язык подонков, 'блатарей' грозит стать нормой (СР, 1987, 31.VII); Недавно в городе Киеве наука решительно вторглась в *мат*; А факты свидетельствуют: без *мата* ни корабль на воду не спустишь, ни интернациональный долг не исполнишь... (Известия, 1988, 10.IV) и др.

Сами вульгаризмы получили также разнообразные обозначения: *бранные / скверные / неприличные / нецензурные / непристойные / площадные / черные / заборные / "плохие"* и т.д. *слова, запретные словечки, матерное выражение, забористые словечки, соленые, "сильные выражения"* и т.д. Срав. в тексте:

Скверному слову, где бы таковое ни прозвучало, нет прощения; Тем не менее мы часто прощаем *скверное слово*, дальше благородных возмущений не идем...; При мне он вел разговоры с подчиненными, частенько используя *неприличные слова*; На собрании редко услышишь критику в адрес любителя "*соленых выражений*"; В школе рабочей молодежи была перемена. У окна юноши что-то обсуждали. Подхожу ближе и вдруг слышу *бранное слово* (Правда, 1970, 296, 3); Биографы Хемингуэя пишут: когда Эрнест, будучи еще мальчишкой, приносил домой с улицы слишком уж *забористые словечки*, его мать, женщина очень строгих правил, крепко отчитывала сына... (ЛГ, 1979, 26.XII, с. 12); И так пересыпали свою речь *нецензурными словами*, что любой дореволюционный боцман раскрыл бы рот от удивления; Употребление *непристойных слов* выражает прежде всего грубое, оскорбительное отношение к матери, к женщине (ЛГ, 1979, 29.XI, с. 12); Когда в городах *черное слово* распространилось настолько, что на него и внимания перестали обращать?; И вслед за бездуховностью *слякоть черных слов* затолпила на улице (СР, 1987, 31.VII); Но, пожалуй, никто из нас не мог подвести под *материцину* столь научную глубокую базу, как автор статьи о "*плохих*" словах; Иногда и *бранное слово*, сказанное уместно, хорошо услышанное и понятное, спасает какую-то ситуацию; *Брань*, употребление *запретных словечек* - какая-то необходимость нашего общения (Известия, 1988, 10.IV); Никто у нас всерьез не оправдывает "*сильных выражений*" (Правда, 1988, 22.VIII) и т.д.

Как видим из приведенного 'репертуара' терминов, носителям русского языка далеко небезразлична проблема срамословия. Выявлены даже некоторые мотивы, 'заставляющие' людей обращаться к лексической парадигме вульгаризмов: "для связки слов (речи, языка)", "чтобы речь была колоритнее (выразительнее)", "иначе не доходит" и некот. др. В доперестроечные времена предлагались даже меры борьбы со срамословием: "Самое верное средство", - с уверенностью пишет один из читателей "Правды", -

“коллективный гнев, нелицеприятный суд общественности. Это подействует - да еще как!” (Правда, 1970, 296, 3). И даже предлагался комплекс мер такого характера:

Что мы предлагаем? Во-первых, в борьбе со сквернословием должны участвовать трудовые коллективы, школа, семья, культурно-массовые учреждения, административные органы, милиция, комсомол. Во-вторых, борьба должна вестись непрерывно. В-третьих, нужно широко использовать все моральные и материальные средства поощрения и наказания. И, наконец, создать специальный рабочий комитет (разумеется, внештатный) из заинтересованных лиц - в центре, куда должны войти ученые, философы, социологи, психологи, педагоги, лингвисты, представители органов образования, внутренних дел, комсомола, деятели литературы и искусства. Комитет мог бы разработать программу действий, в которой было бы записано, каким организациям, какими методами, в какие сроки проводить работу...(ЛГ, 29.XI, с.12).

По требованию общественности в 60-е гг. (конкретно - 26 июля 1966 г.) вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об усилении ответственности за хулиганство”, в котором срамословие (в тексте Указа - нецензурная брань) в общественных местах наказуется штрафом от 10 до 50 рублей или же исправительно-трудовыми работами на срок от 1 до 2 месяцев с удержанием 20% зарплаты (см., например: СР, 1987, 31.VII). Заметим, кстати: это не первый в истории России указ, в котором определяется наказание за срамословие. Еще царь Алексей Михайлович распространил по России указы (в 1648 г.), в которых срамословие не только осуждалось, но и наказывалось. Однако ничто не помогало - срамословие остается достаточно распространенным видом языкового поведения людей. Дело, вероятно, не в борьбе, суде, наказании и т.д., а в уровне общей культуры и воспитания.

Надо сказать, что уже задолго до перестройки общество подстегивалось к срамословию, в частности, художественной литературой, вернее, отдельными авторами, в том числе и популярными. Неумное использование в текстах их произведений слов и выражений - не только просторечных, но нередко переходивших в грубословие и граничащих со сквернословием, создавало привычность в их восприятии, вырабатывало спокойное к ним отношение в обществе. Чтобы проиллюстрировать это наблюдение, обратимся к фрагменту фантастического произведения братьев АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ “За миллиард лет до конца света”, опубликованного в журнале “Знание - сила” (1976, 9, 49-53; здесь лишь первая часть произведения). Вот просто список вульгарных слов и выражений из небольшого по объему текста:

Появился откуда-то одуревший от жары Калям; Жрать хочется..., - он сказал; какой паршивый интеграл оказался; дура безрукая; дурацкая идея; ничего себе - привет; что это Ирка - ошалела совсем; ни фига

не понимаю; Калям ужасно заорал; как это я сразу не допер?; не один ты не допер. Академик вон тоже не допер; Малянов зарычал от ненависти; не знаешь, собака?; - Работаешь..., - Вангартен засопел; Нетленку, значит, лепишь...; Малянов обалдел; делать гаду нечего, трепло...; со Светкой поцался; даже сопеть перестал; Нет, явно сорвался с цепи!; Брюхо у него потное; не хамя; - Алё! - заорал Вайнгартен; С-сукин сын!; Сидели, трепались, пили чаек; в легкой трепотне; интересно, какие ослы установили...; Калям вякнул; -А-а, провались ты, сатана!; Он приволок бутылку "Бычьей крови"; несет лишнее...; пора вырливать из этой темы; трепло забалдевшее; отрицательно мычал; проследовал за Снеговым, как овечка; в полном обалдении; кой черт - закрыться?, его дело телячье; не спеша очухиваясь; дрыхнет Лидочка; поскреб в затылке; заорать во весь голос; Как последняя слявка, обалдело переводил взгляд; Это не лезло ни в какие ворота и некоторые другие.

Добавим к этому также слова и выражения 'помягче' (он чертыхнулся; плюгавый муж; бурчал плюгавый, тыча траурным (!) ногтем; огрызок карандаша; расплющенный и присохший комар; проклятый телефон; секу помаленьку; шибко секретный; прогудел -, возопил -; сунулся в стол, выкопал паспорт и под.) - и станет ясно, какова степень 'насыщенности' и каков стиль этой прозы, предназначенной для молодежи.

А вот письмо читателя, опубликованное в начале перестройки в "Литературной газете" (1987, 31, 29.VII) на затронутую нами тему:

... Ко всем эпитетам, относящимся к русскому языку, я бы добавил еще один: многострадальный, ибо как только не ломают-коречат его некоторые писатели! В их адрес было направлено острие сатиры еще Ильфа и Петрова: 'Инда взопрели озимые. Рассупонилося солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился...' Однако некоторые писатели выводов не делают. Примеров тому множество, один из них - повесть братьев Вайнеров "Завещание Колумба", напечатанная в № 1-3 журнала 'Смена' за 1987 г. Как шелухой подсолнуха, усыпана небольшая по объему повесть сомнительными неологизмами: *сыскарь, ерзливо, беспород, забуркотел, оживело* (на вопрос "как?"), *гультепа*... В стремлении 'модернизировать' русский язык авторы изобретают новшества, смысл которых постигаешь с трудом: *просоночный, тараканить*. А чего стоят такие вот словосочетания: *клопица наливная, кровоядный крокодильчик, хмель горе жидит?* Порой создается впечатление, что авторы боятся словечко в простоте сказать. К примеру: 'Он поставил меня в невыносимую позицию демонстрации своей добродетели'. Или: 'только что наведенные тоненькие сходни разговора, слабые швартовы вопросов и ответов разорвутся и рухнут в воду молчания'.

В традиции русской культуры всегда было избегать вульгаризмов практически в любой сфере письменного (да и устного) применения литературного языка. Иногда, правда, это принимало и крайние формы, как, например,

в переводе с немецкого на русский язык и издании “Этимологического словаря русского языка” МАКСА ФАСМЕРА. Вот как об этом писал переводчик ОЛЕГ Н. ТРУБАЧЕВ:

... Пришлось снять... так называемые непристойные слова, лексику половой сферы. Эти слова весьма интересны в плане этимологии, истории языка, развития значений... Будучи словарем академического типа, наше издание, конечно, вправе было претендовать на соответствующую лицензию. Но наша общепринятая культура речи и языка принципиально исключают неприличную лексику. Понять это можно... Слова эти... немедленно приобретали бы маркированный характер, как только попадали в русский литературный контекст... Наш читатель к этому не привык и, может быть, не нужно его легкомысленно эпатировать. До этого и не дошло, хоть вначале я предпринял усилия, чтобы убедить редакцию не сокращать... Чистота русского литературного языка одержала верх. Негативный заряд этих слов и понятий был слишком велик. Вопрос этот отнюдь не только научный, он связан с традицией культуры и этики.

И далее:

‘Неприличность’ - понятие общечеловеческое, но только его объем, его понятийное поле различны в разных культурах и языках. Возможно, мы, русские, лучше чувствуем чрезвычайную ‘выразительность’ таких слов, которые знаменуют, так сказать, антикультуру и особенно строго изгоняются из литературного языка и культурной жизни в эпоху массовой книжной продукции. Культурное разнообразие, конечно, этим не исчерпывается... (ТРУБАЧЕВ 1978: 21-22).

Из этого высказывания вытекает, что переводчик, с одной стороны, понимал необходимость включения в словарь (вернее, ‘оставления’) как научное издание “непристойных слов”, с другой стороны, ощущал сдерживающий фактор в виде ограничений, накладываемых русской традицией и культурой, в частности, литературного русского языка. Приходится только сожалеть, что переводчик не настоял на первом, хотя, как выясняется из статьи, против этого выступили и редакция издательства, и редактор издания Б. А. ЛАРИН. Справедливости ради надо сказать, что этот ‘просчет’ был учтен позднее, и “непристойные слова” попали в алфавитном порядке (хотя и в ‘латинических одеждах’) в “Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд”, издаваемый под редакцией О. Н. ТРУБАЧЕВА с 1974 г. (ЭССЯ 1974).

Надо сказать, что сложности возникают не только с представлением срамословия в словарях, но и с его научным изучением. Б. А. УСПЕНСКИЙ, опубликовавший прекрасную работу о русском срамословии, пишет об этом:

Характерна прежде всего табуированность этой темы, которая - как это не удивительно - распространяется и на исследователей... Соответствующее табу распространяют и на ряд слов, семантически связанных с матерщиной, в частности, на обозначение гепиталий, а также глагола со значением *futuere*; в литературном языке более или менее допустимы только церковнославянизмы типа *совокупляться*, *член*, *детородный уд*, *афедрон*, *седалище*, но никак не собственно русские выражения. Специфика русского языка в этом отношении предстает особенно наглядно в сопоставлении с западноевропейскими языками, где такого рода лексика не табуирована (УСПЕНСКИЙ 1983: 33).

Сам автор, попытавшись разрушить это табу, убедительно показал в своей работе, что срамословие - весьма древнее явление, которое в традиционной культуре славян (и не только славян) выполняло различные культурные функции. Трудно понять только последнюю фразу (предложения) из приведенной выше цитаты, поскольку табуированность матерной брани характерна не для языков - именно в языках она формируется и хранится, а для культур, базирующихся на соответствующих языках. Если это так, то не совсем, далее, корректно утверждение о растабуированности срамословия во "всех" европейских языках и культурах. Л. БЛУМФИЛД, например, писал в своей книге "Язык" по этому поводу:

Другим случаем запретного является табу, налагаемое на так наз. непристойные формы. В английском языке существует строжайшее табу на ряд языковых форм [и здесь то же: не в языке, а в культуре!], значение которых связано с экскреторной функцией, а также на некоторые сферы со значением продления рода (Блумфилд 1968: 161).

Приходится сожалеть, что лексика грубословия, сквернословия и срамословия в отечественной русистике не изучается, не известен полный состав этой лексической категории. Кое-что в этом плане пока сделано за рубежом, где, например, вышел и словарь русского срамословия, составленный и выпущенный в 1979 г. Д. А. ДРАММОНДОМ и Г. (Дж.) ПЕРКИНСОМ (DRUMMOND, PERKINS 1979). Правда, этот словарь страдает множеством ошибок, неточностей, в него нередко включены слова, не относящиеся к срамословной лексической парадигме; в то же время отмечается отсутствие некоторых выразительных срамословных единиц. В 1983 г. вышла монография Вильгельма Тимрота, затрагивающая также интересующий нас вопрос (TIMROTH 1983). Что касается других славян, то у них есть некоторые сдвиги в этой области исследования. Так, достаточно хорошо собрана срамословная лексическая парадигма сербско-хорватского языка - тысячи единиц ее представлены в большом по объему словаре сербского жаргона ДРАГОСЛАВА АНДРИЧА (АНДРИН 1976). Совсем недавно вышел полностью срамословный словарь словацкого языка, названный весьма показательно, - "Кратчайший словарь словацкого языка" (Zelený a kol. 1991).

Пассивность нашей русистики в этом направлении тем более вызывает удивление, что грубословие и срамословие в наших средствах массовой информации стали привычным делом. В перестроечное время вульгаризмы потоком хлынули на страницы печати, стали слышны по радио и телевидению. Агрессия этих элементов приняла сейчас устрашающий характер: *шестерка* “тот, кто безвольно служит кому-то”, *катала* “участник определенной игры на деньги”, *кидала* (от глагола *кидать*) “игрок, подкидывающий карты”, *кодла-кодло* “сброд, сборище наглецов (и не только)”, *рожа* “неприятное лицо, человек”, срав. такие выражения типа: *пудрить мозги* “обманывать, проявлять коварство, хитрость”, *качать права* “доказывать свою правоту вопреки пониманию обратной стороны” и многие другие. Этот слой лексики и выражений требует особого рассмотрения, частью он возник задолго до перестройки. Его необходимо сначала собрать, как это сделал, например, в 20-30-ые гг. профессор СЕРГЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ ЗАВАДСКИЙ, русский эмигрант первой, послереволюционной, волны, - его “Словарь ошибок, неточностей, спорных вопросов и неудобных заимствований в живом русском языке, устном и письменном” как раз и фиксировал, помимо прочего, подобного рода лексику и выражения, однако полезная книга из-за условий того времени так и не была издана (БЕМ 1935: 125-142).

Редакции нынешних периодических изданий, разделенные на два противодействующих лагеря (“демократический” и “оппозиционный”), нередко не стесняются в словах и выражениях друг по отношению к другу, срав., например:

Последнее время, читая демократическую прессу, мы, работающий крестьянский народ, замечаем, что и не имеем для себя другого названия, кроме как *быдло*, *плебс* и *охлос...*” (Век XX и мир, 1992, 6, 3).

“Московский комсомолец” (1991, 26.IX) пишет, например:

Неплохо было бы закрыть... “600 секунд”, “Рабочую трибуну”, “Пульс Тушина”, “Наш современник”, “Ветеран”, “Молодую гвардию”, “Военно-исторический журнал”, “Литературную” и “Советскую Россию”. Да и “Правду” туда же... Мы не призываем никого сажать. Мы только требуем отлучить *подонков* от спусковых крючков и микрофонов...

Одна поэтесса помещает в газете “Московские новости” свой материал, который озаглавливает так: “На кой мне такой *писсоюз*?”, подразумевая под *писсоюзом* (< писательский союз) Союз писателей СССР; и далее: *писдело* (< писательское дело), *писгенерал* (< писательский генерал, писатель-генерал); срав. также: Писатели, писатели, в карман ЦК [Центрального Комитета КПСС] *поссатели*. Еженедельник “Литературная Россия” среагировал такой аббревиатурой: “*Писдама* (< *писательская дама*, *писательница-дама*) выражаются” (заголовок заметки) и далее: “Она *писчлен*

(< писатель-член Союза писателей) со стажем, негоже с ней пререкаться” и т.д. Дальше - больше. Дальше - прямой путь к срамословию. Упомянутый еженедельник (1991, 22, 30.V) пишет:

... Он снимает лишь укрупненные детали, и там уж сам догадывайся, кто есть кто. Исполнителя роли Сталина нет, виден-то лишь зад вождя. Или татуировка на запястье Кагановича: “ЛК”. Или вышитая украинская рубашка Хрущева... Или угадывается (роль детали!) ‘каменная жопа’ Молотова - так охарактеризовал бывшего партийца № 2 Николай Бухарин, покойник. Все эти владыки, неучи, лизоблюды, пропойцы, что-то мычат, чавкают, гмыкают, интригуют, унижаются перед Хозяином, алкают. Одним словом, свинарник...

Московская “Независимая газета” (1991, 27.VI) публикует статью одного своего “отважного” автора под названием “Говно”, пересыпанную заборно-туалетной лексикой типа фекалии, пенис, высерок... Но более всего, как кажется, преуспел в перестройку в пропаганде срамословия еще неподготовленному обществу журнал “Огонек” (впрочем, не ручаемся за “единственность” и “первенность” в этом деле только этого журнала). Здесь последовательно и широко стали тиражировать срамословие и в прозе, и в поэзии. Вот образец “поэтического срамословия” (сначала из фольклоро-подобного творчества):

Прощай, милка дорогая, -
Мне к душманам в Азию,
Потому последний раз
На тебя залазию.

Выходите, девки, замуж
За Ивана Кузина.
У Ивана Кузина
Большая кукурузина.

Ах, ты, милка, моя милка
Встань ты, милка, у куста.
Покажи мне, моя милка,
Эрогенные места.

Уезжали мы на БАМ
С чемоданом кожаным.
А назад вернулись с БАМа
С хреном отмороженным.

Милка показала в койке
Новое движение.
Я-то думал - перестройка,
А это - ускорение.

Насмешили всю Европу,
Показали простоту -
Десять лет лизали ж...,
Оказалось - не ту.

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана.
Где б найти такую б...,
Чтоб на Брежнева сменять?

Как видим, некоторых срамных слов журнал как будто стесняется, не идя дальше написания начальной буквы слова...

А вот еще поэтический образец фольклорного типа из текста - то ли художественного, то ли публицистического:

Я жену себе нашел
 На Кольском полуострове:
 жопа есть и сиськи есть -
 слава тебе, Господи!

По деревне девки плачут:
 что им делать, как им быть?
 Демократ умеет начать,
 но не может углубить.

Горба в Форосе купался,
 вдруг - пугчисты, испугался,
 туалета не нашел,
 а "процесс уже пошел"!

И т.д.

Большим откровением для читателей этого журнала была публикация скабрезных стихотворений некогда популярных поэтов - постоянных авторов журнала. Один из них, АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ, долго и мучительно играя словами *Rossia* и *Poesia*, завершает текст такими поэтическими перлами:

России крах? Демонтаж сфинкса.
 Свобода, демоны и прах...
 Святой Андрей Филадельфийский
 светает в синих куполах.

Мы - тени супертекста
 Езда в бездну, - но
 Yes, Достоевский!
 А г-... но - по!

Ты не был взорван... не был засран,
 не стал ты хлевом под свиньей,
 сюда необъяснимо заслан
 предчувствующей синевой.

Музы носятся -
 Pants off
 над University
 Penns' of...

Единомышленник этого поэта, ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО, так 'рисует' 'портрет времени' (название цикла "К портрету времени"):

И пропищал скопец верховный:
 "Забудь, Самсон, свой мир греховный,
 наш мир безгрешный возлюбя.
 Я эту штуку враз оттяпиу,
 и столько времени внезапно
 свободным станет у тебя.
 Дадим тебе, мой друг болезный,
 избу под крышею железной,
 коня, коров, курей, крольчих
 и тыщу новыми - довольно?
 Лишь эту малость я безбольно
 стерильным ножичком чик-чик!"
 И появился старикашка,
 Самсону выдав полстаканка,
 он пропустил: "Мужайсь, родной!"
 Самсон решил, момент почуя:
 "Когда шагнет ко мне, вскачу я
 и завоплю что было сил!" -
 Но кто-то вкрадчивей китайца,
 открыв подполье, с криком: "Кайся!"

вдруг отхватил ему и что-то,
и вообще все отхватил.
И наш Самсон, как полусонный,
рукой нащупал, потрясенный,
там, где когда-то было то,
чем он, как орденом, гордился
и чем так творчески трудился,
сплошное ровное ничто...

Оказывается, такое поэтическое 'озарение' посетило поэта еще в 1966 г.! Сколько же потребовалось времени ждать, пока 'раскованный' "Огонек" не опубликовал это 'творение'!... Может, все проще: не получается иначе, так, может быть, и таким способом есть стремление утвердиться в истории русской литературы?!...

Скабрезная поэзия и проза, выдаваемая журналом за "новую современную литературу", вызывает у читателей шок, ибо они воспитаны на иных традициях русской литературы и культуры в целом. Примечательно в этой связи письмо возмущенного читателя редакции журнала:

До каких пор Коротич [главный редактор "Огонька"] и его шайка-лейка будут пользоваться вседозволенностью, печатать всяких матерщинников, вроде так называемых писателей, таких, как Войнович, Добровольский, Аксенов, Лимонов?! Рука не слушается мне написать те слова, какими они пользуются в своих 'произведениях'. Самое мягкое там слово жопа. Я прожил большую трудную жизнь, сорок лет из которой отдал службе в рядах доблестной армии, но никогда таких слов не слышал. На каких же примерах мы хотим воспитывать наше молодое поколение?

... Однако поезд ушел, и читатель уже отстал... Срамословно окрашенные произведения уже хлынули в русскую литературу. И здесь, как кажется сейчас, следует выделить два подхода: в соответствии с одним, "этим" бравируют, "это" смакуют (срав. только что приведенные фрагменты из текстов двух поэтов), в соответствии с другим - "это" вплетают в текст (и "это" вытекает из самого текста), делают произведение "текстом с открытой стилистикой" (с чем можно также не соглашаться, но отмахнуться - нельзя). Кажется, этим последним отличаются произведения писателя ЭДУАРДА ЛИМОНОВА, "русского Генри Миллера", использующего срамословную лексику не только в диалогах, но и в авторской речи. Приведем здесь небольшие образцы из одного из самых лучших произведений писателя "Подросток Савенко". Примеры берем почти наугад (ЛИМОНОВ 1992):

Эди-бэби не такой, как они. Потому он и стоит тут в рваных и мятых польских вельветовых брюках и желтой куртке с капюшоном, стоит этаким Гамлетом Салтовского поселка и сплевывает независимо. Эди-бэби думает, что ебал он их всех. И еще он размышляет тоскливо над тем, где же ему достать денег (с. 2); - Брось ты ее на хуй совсем, Саня,

- говорит Лева. - Ты что, не можешь себе найти пизду? Только свистни - десяток прибежит на Красного. - Попроси Светку, - поддерживает Леву Эди-бэби... - На хуй мне кого просить,- возражает Саня, может быть, немного обидевшись. - Я только на танцы вхожу, на меня уже каждая пизда поглядывает, только и ждут, чтоб пригласил и выебал. А Светка моя, - тут Саня поворачивается к Эди, - еще ссыкуха, и подружки ее больше для тебя, Эд, годятся по возрасту, для меня они малолетки: (62); - Ох, блядь! - ругается Степан злобно и бессильно, уворачиваясь от тяжелых, как пушечные ядра, бульжников. Голос Степана дрожит, словно он плачет. - Хуй мы их отсюда выкурим! На нашу голову пиздюки-рабочие не успели заново замостить дорогу. (Дело в том, что черножопые укрылись за естественной баррикадой из бульжных камней...).(65); - Почему ты, пизда, не стреляешь? - обращается Саня к Степану. - На хуя они тебе ТТ дали, чтоб ты бандитов голыми руками ловил? - Нельзя! - Строго объявляет Степан... - Мудак! - озлобленно говорит ему Саня. - Стреляй, они обосрут сразу. Мы все в свидетели пойдем, что они твоей жизни угрожали... (66); Эди разглядывает Мушку, пытаюсь понять, как такое нежное с виду существо может ебаться хором с десятком ивановских хулиганов, сосать всем десяти хуи, в том числе и толстенькому Витьке Фоменко? Вид у Машки наглый, конечно, но она худенькая, и ей нет еще даже пятнадцати лет. Эди слышал об одном из последних Мушкиных подвигов - она залезла в мужское общежитие в окно и провела там несколько дней, переходя из комнаты в комнату и сбываясь с четырьмя мужчинами в одной комнате, потом с четырьмя в другой, в общежитиях живут по четыре человека в комнате... (146); - Вот то-то. Нравится, - говорит один из парней, - а то уж корчила из себя целку. - Нравится новый хуй, сука! - спрашивает ее злобно новый парень, становясь на колени и всовывая в девку член. - Нравится здоровый хуй, блядь? - опять спрашивает парень, зло хватая девку за бока и натягивая себе на хуй... - Сейчас он ее пропесочит своим бревном, - пьяно усмеваются парни. - Прочистит ей духовку. У Мишки хуй, как у слона. (Эди думает, прислонясь к забору: "И вот это называется ебля. И так все мужчины и женщины на Салтовке, и в Харькове, и в мире лежат и делают так...") (185) и т.д.

(Не выделяем ни здесь, ни ранее срамословные элементы).

Агрессию срамословия, кажется, уже не остановить. Станет ли оно обычным, т.е. в большей или меньшей степени нейтральным в нашем сознании, средством выражения чувств, как того хотят некоторые средства печати? Сможет ли оно сломать многовековую традицию русской культуры избегать не самое существо срамословных предметов и действий, а их обозначение, называние, именование? Ответ на этот вопрос даст только время...

ТРУБАЧЕВ 1978 - О. Н. ТРУБАЧЕВ. Из работы над русским Фасмером. К вопросам теории и практики перевода. - Вопросы языкознания, М., 1978, 6.

- ЭССЯ 1974 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1→. Под ред. О. Н. ТРУБАЧЕВА. - М.: Наука, 1974→.
- УСПЕНСКИЙ 1983 - Б. А. УСПЕНСКИЙ. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. - In: *Studia slavica*, Budapest, 1983, t. XXIX.
- БЛУМФИЛД 1968 - Л. БЛУМФИЛД. Язык. Перевод с англ. - М.: Прогресс, 1968.
- DRUMMOND, PERKINS 1979 - D. A. DRUMMOND, G. PERKINS. *Dictionary of Russian Obscenities*. - Berkeley, 1979.
- TIMROTH 1983 - W. VON TIMROTH. *Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat)*. - München, 1983.
- АНДРИН 1976 - Д.АНДРИН. Двосмерни речник српског жаргона и жаргону сродних речи и израза. - Београд, 1976.
- Zelený a kol. 1991 - A.Zelený a kol. *Najkratší slovník slovenského jazyka*. - [Bratislava], 1991.
- БЕМ 1935 - А. БЕМ. Мастер слова. Памяти Сергея Владиславовича Завадского. - Новь, Таллин, 1935, 8.
- ЛИМОНОВ 1992 - Э. ЛИМОНОВ. Подросток Савенко. Повесть. (Приложение к журналу "Кубань"). - Краснодар, 1992.

Глава X

От агрессии слов к ономастическому перевороту

Как славно ехать через город Тверь! -
Вернулось имя древнее отныне.
... А проводница вновь кричит "Калинин!"
Попробуй-ка переучись теперь.

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ (1991)

В этой главе речь пойдет о так наз. ономастическом перевороте - явлении массового переименования географических объектов под влиянием крупных социальных событий или тотальных идеологических кампаний. Начало этому положила революция 1917 г., сразу же переименовавшая страну. "Зуд" переименований быстро набирал скорость. Стали заменять на новые старые названия улиц, городов и поселений. Основным 'материалом' новых замен были идеологически окрашенные имена - названия революционной атрибутики, имена и фамилии инициаторов революции и проводников ее идей. Так, уже в 1919 г., т.е. через два года после революции, в Москве появилась одна из первых замен - старая улица *Золоторожская* (от названия речки-ручейка *Золотой Рожок*) получила название *Бухаринской* (по фамилии одного из революционных деятелей - *Николай Бухарина*). Затем последовало 'расхищение' городов. В течение 20-30-х гг. и позднее имя *Сталина* носили семь городов, имевших, естественно, до того собственные имена: *Сталинград* вместо *Царицын*, *Сталинабад* вм. *Душанбе*, *Сталино* вм. *Юзовка*, *Сталинск* вм. *Новокузнецк*, *Сталиногорск* вм. *Бобрики*, *Сталинир* вм. *Цхинвал(и)*, *Сталиниси* вм. *Хашури*. Исторические имена многих городов заменялись фамилиями (вернее их было бы назвать топофамилиями) новых правителей и 'героев' самого различного ранга - вплоть до занимавших третьестепенное место в правящей иерархии. Особенно многочисленны были названия на основе фамилий *Киров*, *Ворошилов*, *Орджоникидзе*, *Каганович* и т.д. В 20-е гг. на Украине даже появился город *Карлолибкнехтовск* (от *Карл Либкнехт*)!... Позднее в связи с кампаниями 'разоблачений' и другими идеологическими мотивами, некоторым городам были возвращены их истинные имена. Таким образом, на протяжении жизни одного поколения людей город мог не один раз менять свое имя, срав., например: *Пермь* → *Молотов* → *Пермь*, *Луганск* → *Ворошилов* → *Луганск*, *Царицын* → *Сталинград* → *Волгоград* (→ *Царицын?*), *Оренбург* → *Чкалов* → *Оренбург* и т.д. Появились даже улицы и площади-хамелеоны, о чем сообщается в заметке в еженедельнике "Союз" (1991, 45, 11):

Одна из центральных площадей столицы Украины меняла свое название в зависимости от политических ветров. Первоначально она называлась *Конной*, потом *Театральной*, *Европейской*, *Царской*. В бурные революционные годы она стала носить имя *III Интернационала*. С

1944 года удостоилась чести называться площадью *Сталина*, а уже после его кончины и поныне именуется площадью *Ленинского комсомола*. Киевляне дебатировали, подыскать ли ей новое название или вернуть одно из старых. Однако никто не может дать гарантии, что оно - на века.

По данным “Алфавитного списка предприятий связи СССР”, в 1979 г. в СССР было 277 городов, поселков и районов, ‘освященных’ именем В. И. Ленина, причем многие повторялись десятки раз в совершенно одинаковой форме. Поскольку этот материал становится уникальным буквально на наших глазах (теперь эти географические объекты возвращают к их исконным именам), приведем в алфавитном порядке этот список (в скобках указывается общее количество таких названий по всем республикам СССР):

<i>имени Ленина (15)</i>	<i>Лененнишан</i>
<i>Ленинабад (10)</i>	<i>Ленино (29)</i>
<i>Ленинаван (2)</i>	<i>Лениновка</i>
<i>Ленинакан</i>	<i>Лениногорск (3)</i>
<i>имени Ленина колхоз (2)</i>	<i>Ленинодар</i>
<i>имени Ленина совхоз (6)</i>	<i>Ленино-Кокушкино</i>
<i>Ленинаул (2)</i>	<i>Ленино-Ульяновское</i>
<i>Ленингоги</i>	<i>Ленино-Шахтинское</i>
<i>Ленинград</i>	<i>Ленинполь</i>
<i>Ленинград-колхоз</i>	<i>Ленинск (9)</i>
<i>Ленинградская (3)</i>	<i>Ленинская</i>
<i>Ленинградский (2)</i>	<i>Ленинская Слобода</i>
<i>Ленинградский район (4)</i>	<i>Ленинский (23)</i>
<i>Ленинградское</i>	<i>Ленинский Луч</i>
<i>Ленин-джол (Киргизия)</i>	<i>Ленинский Поселок</i>
<i>Ленин-жол (Казахстан)</i>	<i>Ленинский Путь (3)</i>
<i>Ленинизм (5)</i>	<i>Ленинский район (81)</i>
<i>Ленинизм-колхоз</i>	<i>Ленинск-Кузнецкий (2)</i>
<i>Ленинка (5)</i>	<i>Ленинское (45)</i>
<i>Ленинкенд (2, оба в Азербайджане)</i>	<i>Ленин юлы (4)</i>
<i>Ленишкент</i>	

(Алфавитный список 1979: 816-823).

Следует иметь в виду, что это - далеко не полный список ‘ленинотопонимов’, так как сюда не включены поселки и деревни, носящие это имя, но не имеющие почтовых отделений, а потому не отраженные в почтовом справочнике. Но ведь не только такого рода ‘ленинотопонимами’ пестрит карта страны: внутри городов и районов нередко десятки, а то и сотни объектов названы ‘по-ленински’, срав., например, информацию читателя “Огонька” об этом:

В 'Светской хронике' опубликована заметка 'Лебединое озеро им. В. И. Ленина', в которой перечислено рекордное присвоение имени вождя предприятиям, площадям, паркам и т.д. одного только лишь *Ленинского района Запорожья*. Смею заверить, что опубликованная информация неполная. Рядом с плотиной ГЭС протянуто две нитки шлюза им. *Ленина*'. В *Ленинском районе*, в двух километрах от ГЭС, располагается производственное объединение 'Запорожтрансформатор' им. *Ленина*. К его забору примыкает *Дворец трансформаторостроителей им. Ленина*. Вот теперь, кажется, и вся Лениниана Ленинского района г. Запорожья. А может, и не вся? Может, кто дополнит? Ленинские комнаты не называть. ... что будут думать о нас потомки, изучающие наше время по названиям улиц, площадей, колхозов, городов, кораблей, горных вершин, заводов, приисков, островов, озер, дворцов, институтов, академий, метрополитенов, шахт, электростанций?! Кто же для них был Ленин, спросят. Кто они были - фанатики или умственно ограниченные? Кто же мы с вами?

В языковом плане в 'ленинотопонимах' есть 'всего': здесь мы находим и падежные формы имени Ленин (*имени Ленина*), и суффиксальные типа *Ленино*, *Ленинизм*, *Ленинка*, *Лениновск*, *Ленинск*, а также с постфиксальными компонентами типа *Ленин-град*, *Ленин-о-горск*, *Ленин-о-дар*, *Ленин-поль*. К этому добавляются также постфиксальные элементы нерусского происхождения - тюркские, армянские, грузинские и др., срав.: *Ленинабад*, *Ленинджол*, *Ленинжол*, *Ленинкенд*, *Ленинкент*, *Лениннишан*, *Ленинаул*, *Ленингори*, *Ленинаван*, *Ленинакан* и др. Находим и образования композитного характера, например: *Ленино-Кокушкино*, *Ленино-Шахтинское*, множество образований адъективного типа: *Ленинский*, *Ленинское*, срав. также адъективные образования от постфиксально осложненных основ типа *Ленинградская*, *Ленинградский*, *Ленинградское*.

От фамилии Киров тот же источник дает 150 названий:

<i>Киров (7)</i>	<i>Киров-совхоз</i>
<i>имени Кирова (18)</i>	<i>Киров-Чепец</i>
<i>Кировабад</i>	<i>Кировск (8)</i>
<i>Кировакан</i>	<i>Кировская (3)</i>
<i>Кировоград</i>	<i>Кировский (15)</i>
<i>Кирови</i>	<i>Кировский район (29)</i>
<i>Кировиси</i>	<i>Кировский совхоз (2)</i>
<i>Кировка (6)</i>	<i>Кировск-Мурманский</i>
<i>Кировкенд</i>	<i>Кировское (17)</i>
<i>Кирово (35)</i>	(т. I, с. 651-655)

Фамилия *Свердлов* заменила 29 в основном старых, традиционных топонимов:

Свердлов (2)
имени Свердлова (2)
Свердловка (3)
Свердлово (5)
Свердлово-колхоз

Свердловск (2)
Свердловский (4)
Свердловский район (7)
Свердловское (3)

Многочисленны также географические названия-замены на базе идеологической лексики. Так, на основе *совет* создано 114 топонимов ('советотопонимов', топонимов-советизмов):

Советабад (6)
Советакан
Советашен (2)
Советка (9)
Советск (4)
Советская (4)
Советская Гавань
Советская Речка
Советская Россия
Советская Россия-совхоз

Советская Сибирь
Советский (23)
Советский район (38)
Советский совхоз
Советское (25)
Советское Руно-совхоз
Советское Сахалинское
Советы
Совет-яб
 (т. II, с. 410-413).

Топонимов с основой *комсомол*- насчитывается 133:

Комсомол (13)
Комсомолабад
Комсомолец (10)
Комсомолец-совхоз (2)
Комсомольск (10)
Комсомольская (7)
Комсомольская коммуна
Комсомольск-Западный
Комсомольский (46)
Комсомольский район (2)

Комсомольский совхоз (2)
Комсомольск-Мурманский
Комсомольск-на-Амуре
Комсомольск-на-Печоре
Комсомольск-на-Устьюрте
Комсомольское (32)
Комсомольское-совхоз
Комсомольск-Молодежный
 (т. I, с. 693-697).

По тому же источнику зафиксировано 12 'коммунизмотопонимов' в формах *Коммунизм*, *Коммунист* (2), *Коммунистическая* и *Коммунистический* (2). Даже революция пошла по пути 'ономастического строительства': *Революционное*, *Революционный* (2) и даже *Революция* (в Марийской АССР).

Вождями и функционерами владела слепая и тщеславная жажда к увековечиванию своих имен, оболваненных масс - вера в то, что люди, носящие эти имена, совершенны и величественны, что их фамилии вполне могут и должны заменить имена древних героев и святых. А разве не всеобщая паранойа - тысячи фабрик, заводов, улиц, городов, пароходов имени того-то и того-то, вплоть до никому не известного

журналиста - главного редактора "Известий" Стеклова-Нахамкеса? Был даже город Стекловск, просуществовал под этим именем два или три года! Разве эта вакханалия не свидетельство алчности, чудовищного тщеславия, нечеловеческой гордыни "владельцев заводов, газет, пароходов", жаждущих остаться в истории и вечности, жаждущих того, чтобы их лица были намалеваны на древних досках, а эта тотальная жажда личных культов, мелкого 'самообожествления' была столь агрессивна и всеобъемлюща" (КУНЯЕВ 1990: 94).

Введение подобного рода названий отразилось и на других слоях лексики. Появились целые серии похожих друг на друга слов-названий жителей соответствующих городов и мест, срав.: *ленинабадец*, -дка, -дцы (от *Ленинабад*), *ленинаканец*, -нка, -нцы (от *Ленинакан*), *лениногорец*, -рцы (от *Лениногорск*), *ленинградец*, -дка, -дцы (от *Ленинград*), *ленинджалец*, -льцы (от *Ленинджол*) и под.

Что касается *ленинцы*, то тут приходится гадать: то ли речь идет о *материалистах-ленинцах* (идеологическое значение), то ли о жителях *Ленинска*, *Ленинского*, *Ленинского района* (этнотопонимическое значение). На базе Киров произведены: *кировабадец*, -дка, -дцы (от *Кировабад*), *кироваканец*, -нка, -нцы (от *Кировакан*), *кировоградец*, -дка, -дцы (от *Кировоград*), *кировцы* и *кировчане*, -анин-, -анка (от *Киров*) и под; *кировочепчане* и *кировочепчанин* вызывают ассоциацию с *кировские чепчики!*... Так и не утвердилось в русском языке нечто вроде этнонима (при ответе на вопрос "кто вы по национальности") *советский*, *советская*, *советские*. Однако образования *советчане*, -анин-, -анка, оказывается, существовали! Правда, по отношению лишь к жителям соответствующих мест - *Советск*, *Советское*, *Советский район*. Срав. также: *совгаванец*, -нцы (и *совгаванка?*) - от *Советская Гавань/Совгавань*, *советабадец*, -дцы от *Советабад* и под. Однако, несмотря на официальную 'накидку' в виде *советчане*, жители, например, г. *Советска* и *Советского района* Кировской области продолжали называть себя *кукарянами* (*кукаряне*, устаревшее *кукареня*, *кукара*, -ы), так как до 1919 г. они жили в слободе *Кукарка!*... Жители города *Комсомольска-на-Амуре* не должны были путать себя с собственно *комсомольцами*, т.е. членами *Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ВЛКСМ)*, поэтому им рекомендовалось называть себя *комсомольчане* (-анин, -анка). А от топонимов *Коммунизм* и *Коммунист*, вероятно, не решались употреблять *коммунистчане* (-анин, -анка) или как-то иначе, а *коммунистами* все жители города быть не могли. Этот, практически еще не осмысленный в русистике материал (10 тысяч названий), содержится в специальном словаре (Словарь названий 1975).

Производные образования породили омонимию форм и значений, срав., например, адъективы типа *ленинский* - как *относящийся к учению Ленина* (*ленинское учение*, *ленинизм*) и как *относящийся к Ленинский район*,

к *Ленинск* и т.д.; так же *кировский, советский* и под. Производные от *Ленин* образовывали серии адъективного типа: *Ленинград - ленинградский, Ленинад - ленинадский, Лениногорск - лениногорский* и под.

Единое гармоничное топонимическое пространство России, веками формировавшееся на основе духовного и практического опыта многих поколений людей, их представления о мире вообще и о конкретных местах обитания в частности, было разрушено. Выдержавшие испытание временем топонимы были сознательно устранены, заменены новыми стандартными. О том, что русская топонимия составляла органическое единство с связанными с нею географическими объектами, отражала самые разнообразные особенности этих объектов (наличие жизненно важных источников, материальных ресурсов, расположение, размер, отношение живущих к природе и труду и т.д.), убеждает даже беглый взгляд на подробную географическую карту любого региона России. Но мы не будем этого делать. Просто приведем небольшое газетное свидетельство о названии сел в некоторых местах Рязанщины:

- Как деревня называется, бабушка? - спросил я.

- Что? Деревня-то наша? - расслышала, наконец. - *Потерянным Раем* кличут.

Вот те на!... *Рай*, да еще *Потерянный*.

А старушка продолжала, радуясь возможности поговорить с редким заезжим человеком:

- За лесом - *Новый Мир*. В эту сторону - *Ключи*. Родничок там бьет летом и зимой не уставая. Вода - роса божья. Да только некому ее пить, милый.

С незапамятных времен, поселившись на нашей земле, с мирными помыслами, с чистой душой обживали ее предки-славяне, и потому не случайно по рязанским весям в достатке рассыпаны ныне такие теплые, ласкающие слух названия, как *Добрая Слободка, Желанное, Добродушное, Добрые Пчелы, Жданное, Добрый Сот*. Кинешь заинтересованный взгляд в историю - и многое тебе откроется. Иное название на карте повергнет просто в недоумение. Ну, вот, к примеру. *Мыс Доброй Надежды*... Верно, есть такой на Юге Африки. Но при чем тут рязанская деревня?... Тут такая история [И далее повествуется: выходец из Рязанщины, лейтенант Василий Головин, отправился в кругосветное путешествие, добрался до Мыса Доброй Надежды, с великим трудом вернулся на родину; родственники в память об этом назвали одну из деревень *Мыс Доброй Надежды*]... Произнесешь вслух: *Гиблицы* - и мурашки невольно по телу пробегают: топь, болото, глушь несусветная!... Топот лошадиных копыт слышится в другом названии - *Дикое Поле*... Кружатся в цветистом хороводе *Веселый Кавказ* и *Теплый Стан, Дунай* и *Ялта, Утро* и *Кукушка*. А это что? *Сново-Здорово*... *Сново-Здорово*, конечно, изюминка. Но и это не предел оригинальности. До недавних лет бытовали на просторах рязанского края и такие названия, как *Блины Съедены* и *Прасковья Никитична*. Эх, куда заносила фантазия наших предков!... (из газ.)

Одного этого фрагмента публицистического текста достаточно, чтобы понять, что в топонимии нет ничего напрасного, временного. Однако же синдром переименований 20-30-гг. довлел и над послевоенными годами, т.е. в 50-е, а затем и 60-70-е гг. В обществе успело сформироваться положительное отношение к новым идеологическим топонимам, поощрялась их сортировка на “перспективные” и “неперспективные”, “благозвучные” и “неблагозвучные” и т.д. Показательны в этом отношении такие два свидетельства, опубликованные в свое время в газете “Правда” [1964, 4.VIII; 1968, 18.IV; их сочувственно приводит в своей монографии о русском языке советской эпохи И. Ф. ПРОТЧЕНКО (ПРОТЧЕНКО 1975: 120)].

Каких только названий не дали когда-то белорусским деревням. Услышишь иное и сразу же представишь, как жили там люди в далекое дореволюционное прошлое. В Пинском районе, например, была деревня *Бесхлебичи*. На Полесье до последнего времени встречались *Короеды* и *Мохоеды*. В Барановичском районе одна деревня носила название *Горечь*, в Брестском районе - *Скорбичи*. Очень точно отражалась в названии жизнь крестьян одной деревни в Верхнедвинском районе - *Голыши*. Были в Витебской области деревни *Беда*, *Дерюги*, *Голодница*, *Мезуны*. Забитость, бесправие, униженность белорусского крестьянина выражались в названиях деревень *Холуи*, *Гицляки...*, *Пентюхи*, *Мямли*, *Грязная*, *Свинолупы*, *Синебрюхи...*, *Неумываки...* Колхозники и рабочие совхозов повсюду просили переименовать такие населенные пункты... Теперь на карте Белоруссии появляются новые названия деревень: *Дружба*, *Маячная (!)*, *Первомайская*, *Соловьиная*, *Отрадная*, *Малиновая*, *Лучезарная*, *Партизаны*, *Садовая*, *Советская* и др.

Из России:

Ехал я по той дороге, встречал странно звучащие в наше время названия населенных пунктов: *Могильно-Посельское*, *Крестики*, *Царицыно*, *Терпение*, *Богодуховка*, *Божедарюшка...* Конечно, не надо браться в другую крайность и менять названия всех деревень подряд. Дело это тонкое, да и времени требует. А как надо делать, сама жизнь показывает. Скажем, есть в Омской области населенный пункт, который называется *Чудесное*. Сколько других хороших слов в русском языке.

И, наконец, из Украины:

Думаю, это правильно, что почти не осталось теперь деревень, которые бы носили имена бывших помещиков: названия этих деревень заменены. Понятно также, почему переименованы села, невесть когда (!) и кем (!) названные грубо, а то и оскорбительно для местных жителей... Было, скажем, тут село *Свиное* - теперь оно называется *Веснянка*, были *Дурняки* - теперь это село *Любомировка*. (Известия, 1976, 227, 2).

Пристрастиям к красотам, благозвучию и т.д. были подвержены даже специалисты по ономастике, которые, казалось бы, и должны были стоять

на страже традиционных топонимов как памятников культуры. Срав., однако:

В послеоктябрьский период происходило переименование ряда населенных пунктов (в Калужской области) в связи с идеологически и этически (!) неприемлемыми старыми их наименованиями: например, село *Песье* Лидынского района было переименовано в *Свердлово*, село *Князь-Иваново* стало называться имени *Володарского*, село *Князь-Романово* переименовали в село *Коллонтай*... До настоящего времени много еще имеется таких названий, которые вызывают неприятные (!) ассоциации в связи с их отрицательной эмоциональной окраской... Например, с. *Дураково*, д. *Голодная*, д. *Нагая*, д. *Свиная*, д. *Голосиловка* (МОРОЗОВА 1977: 51).

Такие настроения и подходы (“неприятные ассоциации”, “невесть когда и кто дал”, “в словаре есть много красивых слов” и под., а главное - “отразить политику партии и новую жизнь”), нередко подстегивавшиеся местными партийными руководителями, вели к тому, что топонимия стала идеологизироваться, вслед за “персональными” топонимами стали появляться безликие, с фантастическим привкусом, названия, о чем лучше скажет читатель “Литературной газеты” (1979, 38, 19.IX):

Я беру сохранившуюся у меня карту Калининской (ныне Тверской) области. Сколько здесь деревень, названия которых хочется выписать: *Водобог. Горелая Будка. Оболынье. Подсосна. Шумиха. Усохи. Заволочье. Большие и Малые Боталки. Замашица. Бабуриха. Черный Ручей. Малые Гвозды. Дуплице. Старая Пустошка. Хмелище. Залимье. Жгуны. Зайчиха. Святец. Обитель. Ваньки. Заборовье. Уклеино. Малое Подберезье. Байкино. Старые Рукавы. Казенные Леиши. Уставны. Козыри. Прудок. Журавки. Утуги. Усвечье. Горелая Яма.* Одно удовольствие произносить эти слова. И все это в квадрате каких-нибудь 10-15 км!... Названия наших деревень - это запасники языка, кладовая его. Уйдут эти названия - язык наш станет беднее... Без нужды и порою безвкусно переименовывают старые и называют новые улицы, новые и старые населенные пункты, деревни и села. Русские села и деревни, в самих названиях которых столько красоты и поэзии, такое богатство языка, печать истории, наконец! Сколько у нас теперь всяких *Солнечных* и *Счастливых*, *Добрых* и *Заветных*! Но это еще куда ни шло, хуже, когда *Пусковое*, *Установочное*, *Карозийное*, *Шлаковое*, *Торфяное*, и *Калийное*, и *Сланцевое*, и *Суперфосфатное*. Сколько их, этих производственно-промышленных наименований возникло за последнее время!...

Последнее высказывание свидетельствует о том, что не все в обществе были за *Соловьиное*, *Чудесное*, *Солнечное* и *Шлаковое*. Народ болезненно переживал переименования, нередко продолжая пользоваться старыми именами. Новые словесные знаки не просто запутывали людей, но и нередко мешали практической жизни, важным делам. В этой связи интересно

такое свидетельство, появившееся задолго до перестройки (Известия, 1973, 20.IX, с. 4):

Не могу понять, зачем двум городам дается одно название? Ведь географические близнецы вносят нетерпимую путаницу в работу почты. О такой истории "Известия" рассказали в сигнале из Красноярского края, когда пропали очень важные документы, посланные не в тот Свердловск. По этой причине осиротевший ребенок полтора года не мог получить пенсии...

Кто же отвечал за переименования в стране и каково было положение с ответственностью за это? Вот какой ответ поместила газета:

В министерстве связи сказали, что многократно повторяющиеся названия населенных пунктов... - это бич для почты. Городов, носящих имя *Свердлова*, не менее пятнадцати. *Первомайских* почтовых отделений насчитывается в стране 63. Неисчислимо множество поселков *Октябрьских*, *Красноармейских* и т.д. Общая координация работ по наименованиям и переименованиям физико-географических объектов нашей страны возложена на Главное управление геодезии и картографии, при котором действует междоуведомственная комиссия. Эта комиссия следит за тем, чтобы не присваивались названия, одноименные уже с существующими. Но, когда дело касается переименований населенных пунктов, то комиссия обладает лишь функцией консультативного органа. С ее мнением часто не считаются, и одноименные названия продолжают 'самодеятельно' расти. Так, недавно образован еще один *Комсомольск* - на сей раз девятнадцатый. В Донбассе переименовали *Ногайск* в *Приморск* (пятый), хотя до моря там многие километры...

В начале перестройки, когда усилиями таких писателей, как СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН (его статья "Зачем нам отреченья?" в: ЛГ, 1986, июнь), ВАЛЕНТИН РАСПУТИН, ВАСИЛИЙ БЕЛОВ (на втором съезде народных депутатов СССР сказал: "... вернуть исторические названия городам, площадям и улицам! Только из одного этого у многих изменится отношение к семье, к работе, к ресурсам, к машинам, природе и к той же рюмке"), как академики ДМИТРИЙ С. ЛИХАЧЕВ, НИКИТА И. ТОЛСТОЙ и ряд других вопрос о состоянии топонимического пространства страны был поставлен как остро актуальный, требующий немедленного решения, стали об этом писать без оглядки на партийные органы. Показательно в этом отношении мнение читателя, откликнувшегося на статью С. ЗАЛЫГИНА "Зачем нам отреченья?"; в нем как бы резюмировано народное кредо в отношении "языка земли" (ЛГ, 1987, 11.III):

1. Мне не приходилось встречать людей, которые одобряли бы бесконечные и бесчисленные переименования улиц, площадей, городов...
2. Исторические названия улиц и городов - это достояние народа, это корни, и уничтожить их - значит не любить свое Отечество и его историю.
3. Посмотрите на карту России - сколько мы понесли потерь!
4. Я с душевной болью думаю о том, что мы могли лишиться Смоленска,

Вологды, Ярославля, Углича и других прекрасных названий. 5. Мне не приходилось читать, чтобы во Франции, Германии, Англии, Испании и других странах когда-либо меняли названия городов. 6. Возьмите областной или районный центр. Ведь в них центральные улицы носят одни и те же имена... 7. Следует сказать об избыточности некоторых увековечений. Например: Киров, Кировск, Кировоград, Кировакан, Кировабад и, наверное, еще не все. Я не против С. М. Кирова, я против одноименности. 8. Почти все парки отдыха страны и драматические театры носят имя Горького. Это вызывает какой-то внутренний протест, когда приезжаешь в любой город и видишь одни и те же названия театров, парков, улиц.

Но как трудно порой оказывалось решать вопросы, связанные с переименованиями или с исправлением ошибок в написании и произношении топонимов. Заслуживает внимания история с названием городка *Мышкин* в Ярославской области, о которой в начале перестройки поведали "Известия" (1988, 152, 3):

В "Известиях" (№ 108 за 1988 г.) в очерке А. Васиного "Хроника неподвижности (или О том, как десятилетиями крутится история вокруг буквы 'О')" рассказывалось: в 1929 г. вследствие ошибки или описки составителя документа было искажено название города - с 1777 г. значившийся *Мышкин* превратился в *Мышкино*. Потребовалось много десятилетий, чтобы энтузиасты, краеведы, депутаты райцентра Мышкино из Ярославской области смогли убедить облисполком войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета РСФСР вернуть поселку его исторически правильное название. 4 апреля 1988 г. был издан Указ о внесении уточнения в наименовании этого городка населенного пункта...

Одни читатели увидели в этом "мышиную возню", другие же - насущную проблему всей страны:

В горестях жителей маленького русского городка поднята проблема всей державы. Да, понатворили мы 'делов' с нашей замечательной историей. Особенно в так наз. переименованиях. Безрассудно, безграмотно, безразлично. Вот поэтому град *Рыбинск* успел четырежды поменять свое название, исчезли названия других городов. Долго перечислять... Поэтому и лишняя буква появилась в историческом названии *Мышкин*. Эта 'посторонняя буква' не просто казус. Это позиция бездуховного и бездушного чиновника-бюрократа, это безразличие оскорбленных святотатством и уничтоженных власть имущими гражданами. Был культурный город, а стало село "со всеми вытекающими..." Подумаешь, *Мышкин - Мышкино*... Вот отсюда и начинается "порухение земли родной". Когда же, соотечественники, поймем-то это твердо?!

Академик ДМИТРИЙ С. ЛИХАЧЕВ так отреагировал на "историю вокруг буквы 'О'":

В очерке упоминается о Рыбинске, который “четырежды успел поменять свое название”. Да, это так. Жители нескольких старых городов выступают за возвращение их городам прежних названий. Среди них и *Андропов (Рыбинск)*, и *Калинин (Тверь)*, *Киров (Вятка)*... Недавно я получил много писем от жителей *Горького*. Нежелание местных руководителей серьезно рассмотреть этот вопрос известно из публикаций в печати. Главный аргумент противников возвращения старых названий - большие затраты. Однако, насколько мне известно, есть предложения горожан провести субботник для сбора необходимых средств. Кроме того, необходимо узнать подлинное мнение горожан. Это можно было бы, например, выяснить во время проведения очередных выборов в местные Советы, вручив избирателям соответствующий бюллетень. Всесторонне рассмотреть проблемы, связанные с возвращением старых названий, должна государственная комиссия, состоящая из специалистов, способных обсудить все аспекты этой проблемы и дать рекомендации (Известия, 1988, 152, 3).

Предложение о создании государственной комиссии, вернее совета по топонимии, было вскоре осуществлено при Советском фонде культуры, организованном в 1986 г., т.е. в самом начале перестройки. (Показательно, что в проекте “Устава Советского фонда культуры” среди прочих важных задач вопрос о сохранении и возвращении топонимических названий не был поставлен - видимо, потому, что не было ‘сигнала’ из партийных структур, под опекой которых и создавался сам фонд; см. проект, опубликованный в: ЛГ, 1988, 37, 5). Интересна заслуживает информация о первом заседании Совета в июле 1988 г.:

... было одобрено открытое письмо Верховному Совету СССР о культурно-исторической значимости охраны исторических названий... Исторические названия должны обрести статус памятников культуры. Таким образом они станут под правовую охрану государства. Необходимо разработать на строгой научной основе положение о наименованиях и переименованиях географических объектов. Кроме того, авторы письма обратились с просьбой в кратчайший срок подготовить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о возвращении на карту страны названий городов *Тверь, Нижний Новгород, Гянджа, Самара, Мариуполь, Вятка, Луганск, Петергоф*... Список этот предварительный и не исчерпывающий. Д. С. Лихачев подчеркнул, что удобней было бы одновременно переименовать несколько городов. Это облегчит исправление географических карт, авиа- и железнодорожных расписаний. Переименования должны коснуться и больниц, театров, вузов. Почему Ленинградский университет носит имя *Жданова*, а не *Менделеева*, например, - одного из прославленных его профессоров? ... В РСФСР десятки больниц носят имя *Семашко*, множество колхозов и совхозов (причем далеко не всегда передовых) - имя *Ленина*. Не лучше ли папывать колхозы и совхозы по имени села, в котором они расположены? О проблемах названий в Сибири и на Севере говорили В. Распутин и В. Астафьев. Они также предложили вернуть историческое название *Загорску - Сергиев Посад*. В. П. Нерознак сообщил о ближайших планах совета: это создание Красной книги исторических названий по Москве и другим городам и регионам страны, подготовка всесоюзной

конференции “Исторические названия - памятники культуры” (ЛГ, 1988, 20.VII; о совете см. также: ЛГ, 1988, 6.IV).

Конференция “Исторические названия - памятники культуры” прошла в апреле 1989 г., на ней выступили представители из 90 городов страны. Пресса писала, что “такой конференции не было никогда” (см., например: ЛГ, 1989, 26.IV). На конференции было решено приступить к разработке программы “Топонимика” с целью собирания и полного учета исторических названий “на основе банка компьютерных данных”.

Ныне идет массовое возвращение старых названий. В географическом и языковом плане - это настоящий переворот, который страна и русский язык переживают уже второй раз в XX столетии. В 1991 г. в еженедельнике “Аргументы и факты” (№ 35) опубликованы следующие данные относительно возвращения старых имен городов в течение 1988-1991 гг.: (возвращены в 1991 г.):

<i>Андропов</i>	→ <i>Рыбинск</i>
<i>Брежнев</i>	→ <i>Набережные Челны</i>
<i>Ворошиловград</i>	→ <i>Луганск</i>
<i>Гегечкори</i>	→ <i>Мартвили</i>
<i>Георгиу-Деж</i>	→ <i>Лиски</i>
<i>Горький</i>	→ <i>Нижний-Новгород</i>
<i>Готвальд</i>	→ <i>Змиев</i>
<i>Жданов</i>	→ <i>Мариуполь</i>
<i>Калинин</i>	→ <i>Тверь</i>
<i>Капсукас</i>	→ <i>Маршмполе</i>
<i>Кингисепи</i>	→ <i>Курессааре</i>
<i>Кировабад</i>	→ <i>Гянджа</i>
<i>Куйбышев</i>	→ <i>Самара</i>
<i>Куйбышев</i>	→ <i>Булгар</i>
<i>(Татария)</i>	
<i>Ленинабад</i>	→ <i>Худжанд</i>
<i>Ленинакан</i>	→ <i>Кумайри</i>
<i>Маяковский</i>	→ <i>Багдади</i>
<i>Махарадзе</i>	→ <i>Озургети</i>
<i>Орджоникидзе</i>	→ <i>Владикавказ</i>
<i>Рыбачье</i>	→ <i>Иссык-Куль</i>
<i>Цулукидзе</i>	→ <i>Хони</i>
<i>Цхакая</i>	→ <i>Сенаки</i>
<i>Черненко</i>	→ <i>Шарыпово</i>

Как видно, смена носила в основном идеологический характер. Из списка видно также, что на города ‘накидывали’ фамилии даже локальных ‘вождей’. Эти вожди, неизбежно забываемые в народе вскоре после их ухода,

еще напоминали о себе в виде таких вот названий городов и сел. Теперь и эта их опора устранена, а значит, впереди - полное их забвение...

Процесс возвращения (а не переименования!) названий географических объектов во время перестройки и после нее не был гладким. В обществе возникло противостояние: большинство населения понимало необходимость восстановления исторической справедливости, в то время как были и такие, кто свыкся с 'новыми' именами, связывавшими живущее поколение с советской властью. Практически вокруг каждого города с несвоим историческим именем возникала полемика. Так, в 1988 г. профессор ВАДИМ БАРАНОВ (Известия, № 345) предложил вернуть городу Горький его историческое имя - *Нижний Новгород* (статья названа "Не в ущерб всемирной славы"). Последовал поток читательских писем с полярными мнениями. Главный аргумент противников Нижнего - "забота об авторитете писателя" - оказался несостоятельным даже с такой вот элементарной позиции, на которую указал читатель "Литературной газеты" (1988, 2.XI):

...доходим до того, что известных миру писателей и общественных деятелей лишаем их родины. Например: Иван Франко родился в селе *Нагуевичи*. Но напрасно мы будем искать это место на картах и в справочниках. Вместо него появилось село *Ивано-Франково*. Выше мы упоминали о Горьком. Он родился в *Нижнем Новгороде* - такого города ныне тоже не существует. Вот и получается, что *Горький* родился в *Горьком*. Список можно продолжить.

А ведь *Нижний Новгород* был основан в 1226 г., сотни лет носил это имя, пока в 1932 г. не был переименован в *Горький*; последнее имя не удержалось и 60 лет.

Значительно сложнее обстоит дело с названием *Калининград*. Снятие с этого города 'идеологического клейма' должно привести либо к исконному названию *Кенигсберг* (немец. *Königsberg*), либо, как предполагают некоторые, к созданию русской кальки от исконного имени - *Княжгород*. Однако вопрос этот находится еще в стадии обсуждения (см. например: РВ, 1992, 7, 2; статья "Калининград?... Кенигсберг?... Княжгород!").

До сих пор не решен вопрос о возвращении исконного имени нынешнего *Волгограда* - *Царицын* (через стадию *Сталинград*). Как ни странно, имеются и сторонники 'промежуточного' имени этого города, т.е. *Сталинград*. Так, в 1989 г. на этом настаивал писатель ЮРИЙ БОНДАРЬЕВ. Находясь в этом городе, он следующим образом ответил на вопрос о том, как он "оценивает свое давнишнее выступление по телевидению о возвращении городу Волгограду имени Сталина":

Отвечаю, товарищи, на первый вопрос. Я думаю и глубоко убежден в том, что наши города, исторические города, которые связаны с биографией наших предков, нашей историей, нашими страданиями, героизмом

и вообще историей наших народов, должны иметь те названия, которые они всегда имели, которые носили еще издревле. Что касается города Волгограда, то я стою на той же позиции и не меняю своего мнения, несмотря ни на что и как бы меня ни упрекали. Этот город должен носить имя Сталинград... Что касается Сталина, я знаю все то черное, что было сделано этим человеком, но я знаю и то, что в строительстве социализма и в годы войны он вложил свою определенную лепту (цитируется по: Огонек, 1989, 15, 13; перепечатка из волгоградской газеты).

Между тем вызывает удивление, что писатель 'неглубоко' вошел в историю, не заметив, что город этот назывался *Царицын* (название реки *Царицы* - русская адаптация тюркского слова со значением "желтый") еще с XVI в.!

В 1991 г. *Ленинград* вернулся к своему первоначальному названию - *Санкт-Петербург*. Этому предшествовали многочисленные дискуссии как в самом городе, так и по всей стране. Однако несколько слов из истории. Город носил имя Петра I - *Санкт-Петербург* - 211 лет, с 1703 по 1914 гг. Камергер ИВАН ТХОРЖЕВСКИЙ в своих мемуарах так писал о том, "как Петербург стал Петроградом" (см.: Семья, 1991, 44, 7-8):

С одним из последних докладов Кривошеин [министр земледелия] вернулся [от царя] сияющим:

- Составьте письмо от меня Горемыкину [председатель Совета Министров]. Государь повелел переименовать *Петербург* в *Петроград*. Надо оформить и опубликовать это высочайшее повеление.

Я замер.

- Какой ужас! И какая безвкусица!

Лицо министра потемнело, шрам на щеке задергался.

- А ваши славянские чувства? Тютчев?

- У Тютчева этого нет, Александр Васильевич.

- Все ясно. *Петроград* есть у Пушкина. Государь давно этого хочет. Военные круги тоже. Разговаривать некогда, пишите...

Петроград... Что-то захолустное...

Дня через два Кривошеин рассказывал:

- Государь держался молодцом. Многие на него за *Петроград* нападают. Рухлов будто бы сказал: Что это Вы, Ваше величество, Петра Великого поправлять! И, знаете, как государь ответил? Не рассердился, а отшутился: "Что же! Царь Петр требовал от своих генералов рапортов о *викториях*, а я рад был бы вестям о *победах*. Русский звук милее..." Правда, хорошо сказано?

Петербуржец был недоволен. Его переименовали, не спрашивая: точно разжаловали. Позднее, когда война обернулась гибелью, переименованию петербуржцы стали придавать какое-то мистическое значение: сглазили, мол, столицу! "Роковая незадачливость государя!"

Это было в 1914 г. Всего лишь 10 лет 'носил' это имя город на Неве: в 1924 г. на него 'накинули' имя *Ленина*. *Санкт-Петербург*, казалось, уже

никогда не пробьется вновь сквозь такую толщу времени и имен. Однако же произошло совершенно неожиданное: имя вернулось. Этому предшествовала длительная и острая дискуссия. В качестве аргументов противников возвращения исконного имени была связь имени *Ленинград* с основоположником Советского государства В. И. Лениным и с 900-дневной блокадой города во время Великой Отечественной войны. Однако нередко аргументация доходила до смешного. Так, например, московский еженедельник "Союз" (1991, № 25) доказывал необходимость возвращения к первоначальному имени на том лишь основании, что "и Осип Манделъштам, и Марина Цветаева до конца своих дней называли город этот *Санкт-Петербургом*"... Возобладала, конечно, не такая аргументация, а осознание того, что необходимо вернуться к корням своим. В 1991 г., чтобы разрешить спор, одновременно с выборами главы городской власти был проведен референдум о возвращении Санкт-Петербурга. Результат этого референдума и поставил все точки над *i*: "за" высказалось 54%, против - 44%. Вскоре после этого появляется и "Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о возвращении городу *Ленинграду* его исторического названия *Санкт-Петербург*", который гласит так:

Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:
Вернуть городу *Ленинграду* его историческое название *Санкт-Петербург*.

Первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов.
Москва, Дом Советов РСФСР, 6 сентября 1991 года
(СПб. панорама, 1991, 10, 1).

Созданный еще до референдума общественный комитет "В защиту Ленинграда" продолжал и после этого свою 'борьбу' за 'промежуточное имя'. Так, в его заявлении, опубликованном в ноябре 1991 г. (ПП, № 2), утверждается, что референдум проводился в неравных условиях (те, кто был за возвращение имени, пользовался всеми средствами информации города), с нарушениями в подсчетах и т.д. Комитет требовал приостановить указ Верховного Совета и назначить "Всероссийский (или Всесоюзный) референдум". До референдума дело не дошло, и 'промежуточное имя', как и подобает в этих случаях, постепенно начинает таять и выветриваться из сознания жителей города на Неве и всего населения страны.

Массовое возвращение исторических имен в течение 1988-1991 гг. способствовало национальному возрождению многих народов СССР. Оно было настолько бурным, а зачастую и непредсказуемым, что это вызывало беспокойство за рубежом, где, конечно же, понимали справедливость топонимических перемен, однако испытывали при этом неудобства. О чем речь? Вот небольшое сообщение:

ООН выразила озабоченность по поводу массовых переименований географических объектов в СССР. Через своего представителя она уведомила об этом председателя Главного управления геодезии и картографии при Совмине СССР.

... Картографические службы многих стран недовольны бесконечной сменой 'вывесок' в Союзе. Ибо исправления в картографическом материале бьют по их карману. Во многих странах мира заведен такой порядок: все данные об изменениях названий вводят в компьютер и хранят там до тех пор, пока не подойдет пора переиздавать атласы - примерно раз в три года. Но у нас за это время переименований происходит столько, что карты СССР за год-два практически устаревают. Оттого-то и вынуждены за границей их регулярно обновлять, чтобы не отставать от жизни... Главное управление геодезии и картографии выпускает 900 наименований продукции в год. Это всевозможные атласы, учебная, туристская литература. Тиражи - миллионные. Изменить какое-то одно название в картах - это как минимум 400 тысяч выброшенных на ветер рублей. Ведь устаревший тираж приходится пускать под нож... (Правда, 1990, 6.IX).

Однако и это предупреждение уже было не в состоянии приостановить начатый процесс.

Процесс, о котором мы пишем, очень важен не только для характеристики современного состояния русской культуры и русского языка, но и для их истории. Потому несомненную ценность, на наш взгляд, представляют документальные свидетельства современников (на что мы уже опирались) и официальных учреждений, касающиеся затронутого вопроса. Приведем здесь несколько таких документов. Вот какая и в каком виде подавалась информация о возвращении *Набережных Челнов* и ряда других объектов, несколько лет до того официально и насильно 'переодетых' в 'брежневские топонимы':

В ЦК КПСС, Президиуме Верховного Совета СССР, Совете Министров СССР. ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР поддержали предложения трудящихся о восстановлении наименований города *Набережные Челны*, *Черемушкинского района города Москвы*, площади *Красногвардейская* в городе Ленинграде и упразднении названия площади *Л. И. Брежнева* в городе Москве.

Пункты 1, 2 постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР № 1010 от 18 ноября 1982 г. в части переименований города *Набережные Челны*, *Черемушкинского района города Москвы*, площади в городе Ленинграде и названия одной из новых площадей в городе Москве отменены.

Еще образец информации:

"Теплоход меняет имя" (заглавие). ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР совместным постановлением отменили предыдущее решение от 19 апреля 1985 г. о присвоении име-

ни К. У. Черненко морскому пассажирскому судну. На днях "Известия" сообщили также о переименовании Нурекской ГЭС, трудовой коллектив которой при поддержке партийных и советских органов отказался от имени Л. И. Брежнева. Подобный процесс происходит и в отношении других имен непопулярных в народе руководителей".

После потери КПСС монополии на власть эти процессы стали оформляться только Верховным Советом, т.е. только законодательным органом власти.

Очень частыми стали обращения жителей и организаций к властям соответствующих городов и т.д., носивших 'накинутые' на них идеологические имена, с просьбой вернуть историческое название. Приведем здесь образцы таких обращений, в частности, писателей и литераторов, участников II пленума правления Союза писателей РСФСР (опубл.: ЛР, 1991, 15, 12.IV):

Московская область, гор. Загорск. Городскому Совету народных депутатов.

Дорогие товарищи! Всеми цивилизованному миру известно, какую великую, непреходящую роль сыграл в истории России ее бессмертный сын - Преподобный Сергей Радонежский, давно причисленный к лику святых Русской Православной Церкви, духовный вдохновитель разгрома вражеских орд на поле Куликовом, выдающийся патриот и гражданин своего Отечества.

Именно им более шести столетий тому назад были заложены первые камни в основание нынешней Троице-Сергиевой Лавры и города *Сергиев Посад*, названного в первые годы революции *Загорском* - вопреки логике истории, вопреки воле народа.

Союз писателей РСФСР присоединяет свой голос ко всем, кто требует восстановления справедливости, и обращается к Загорскому горисполкому с призывом: на одной из ближайших сессий вернуть священному для каждого русского сердца древнему граду Сергия его изначальное родное имя - *Сергиев Посад*.

Будем признательны, если группе представителей нашего союза будет разрешено участвовать в работе сессии горсовета...

Второе обращение относительно города Екатеринбурга:

гор. Свердловск, областному Совету народных депутатов.

Дорогие товарищи! Вы знаете, что в последние годы вскрылись неопровержимые факты участия Я. М. Свердлова в массовых репрессиях против русского народа в первые годы революции. Речь идет прежде всего об активной поддержке им так наз. 'казакачивания' - по сути, геноцида в отношении российского казачества. Речь также - о прямой его причастности к зверскому, без суда и следствия, уничтожению императорской семьи Романовых. Известна теперь и роль Я. Свердлова в создании первых советских концлагерей. Движимые любовью к оте-

чественной истории, обращаемся к депутатам облсовета с горячим призывом: верните вашему славному русскому городу его законное имя - *Екатеринбург!*

Будем сердечно признательны, если наших представителей пригласят принять участие в обсуждении вами этого акта исторической справедливости...

Особого разговора заслуживает вопрос о переименовании (именно переименовании, хотя были предложения и по возвращению) страны - *СССР, Советского Союза*, поскольку все, что с этим связано, становится достоянием истории на глазах. В 1990 г. по этому поводу возникла дискуссия, в основном в высших эшелонах власти и в центральных средствах массовой информации, причем на место одного идеологически окрашенного имени - *СССР (= Союз Советских Социалистических Республик)* (срав. компоненты *советский, социалистический*) предлагались другие названия, в которых идеологический момент сохранялся, срав., например, такие предложения: *Союз Суверенных Социалистических Государств* (вероятно, *СССГ*), *Союз Советских Суверенных Республик* (снова *СССР*), *Союз Суверенных Равноправных Советских (Социалистических) Республик* (*ССРССР?*). Чего, однако, стоит одна лишь громоздкость в первом и третьем предложениях! Лишь в названии *Евро-Азиатский Союз Республик* идеологический налет отсутствует, зато название в целом страдает локальной (географической) неопределенностью. 24 декабря 1990 г. Верховный Совет СССР принял постановление о сохранении названия СССР. Называется оно "О названии Советского государства" и гласит следующим образом:

Съезд народных депутатов СССР поименным голосованием постановляет: поддержать предложение о сохранении названия Советского государства - *Союза Советских Социалистических Республик*.

Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов.
Москва, Кремль. 24 декабря 1990 г.
(Правда, 1990, 25.XII).

Однако уже в следующем году в "Договоре о Союзе суверенных государств", согласованном между сторонами 23 июля 1991 г., в разделе "Основные принципы", в первой его статье, сказано буквально следующее: "Каждая республика - участник договора - является суверенным государством. *Союз Советских Суверенных Республик (СССР)* - суверенное федеративное демократическое государство, образованное в результате объединения равноправных республик и осуществляющее государственную власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора..." (Правда, 1991, 196, 2), т.е. произведена подмена несколько более полугода назад законодательно утвержденного названия страны (*Социалистический* заменено на *Суверенный*). Дело, в конечном счете, свелось к переименованию.

Были и предложения по возвращению утраченного имени - *Россия*, срав. точку зрения сотрудника московского еженедельника "Союз" (1990, 47, 9):

Понятие *Россия*, если вернуться к его традиционному содержанию, значительно шире. Это, говоря иными словами, страна, на территории которой в свое время образовался СССР. Сейчас мы возвращаем прежние названия отдельным улицам и целым городам. Поэтому, думается, вполне закономерен вопрос: не вернуть ли исконное имя всей стране? Не сомневаюсь, что некоторые воспримут такое предложение с раздражением и обидой. По моему же личному мнению, которое, уверен, многие разделят, принадлежность к России, звание россиянина ни в коей мере не могут быть унижительными, а наоборот, сделали бы честь каждому, кто на этой земле живет, вне зависимости от его национальности или происхождения. К тому же не вижу, каким образом это могло бы задеть чувства жителей, пожелавших вступить в создающееся сообщество краев и республик... Они назывались бы не русскими, а повторяю, россиянами, что совсем не одно и то же. Из составленных частей объединения относились бы при этом к целому, т.е. к России, как, например, Бавария к Германии, Каталония к Испании или Шотландия к Великобритании.

Как известно, после развала СССР в декабре 1991 г. проблема его переименования снята с повестки дня. Сейчас, если судить по печати, на прежнем названии СССР настаивают оппозиционные движения и партии, выступающие за возрождение страны; в то же время в оппозиции есть и силы, стоящие за возвращение имени *Россия* для всего того, что включалось в понятие СССР. Как писали "Известия" (1992, 8, 3), "СССР распался на 15 СССР". Впрочем, еще в 1989 г. "Литературная газета" (31, с. 8) устами одного из своих сотрудников под многозначительным названием "Демократия и границы" предлагала топоним-аббревиатуру СССР расчленить на 50 "микротопонимов" - "новых республик" (по национальному или географическому признакам, как сказано в тексте):

Европейская Россия (Северный Кавказ, Центральная Россия, Поволжье, Северо-Восточная Россия, Западная Россия, Южная Россия), Украина, Узбекистан, Казахстан, Урал, Западная Сибирь, Белоруссия, Азербайджан, Дальний Восток, Восточная Сибирь, Грузия, Таджикистан, Молдавия, Киргизия, Башкирия, Литва, Татария, Армения, Туркмения, Алтай, Латвия, Карелия, Дагестан, Удмуртия, Эстония, Чувашия, Коми, Забайкалье, Чечено-Ингушетия, Бурятия, Каракалпакия, Республика хантов и манси, Якутия, Мордовия, Балтийская Республика (пока это Калининградская область РСФСР), Мари, Кабардино-Балкария, Осетия, Хакассия, Ненецкая Республика, Камчатка, Адыгея, Карачаево-Черкессия, Калмыкия, Тува, Горный Бадахшан, Чукотка, Еврейская Республика, Республика коряков, Эвенкия. И все со столицами - от Москвы до эвенкийской Туры...

С 1992 г. СССР, Советский Союз в средствах массовой информации употребляются, как правило, со ставшим весьма частотным адективом *бывший*, срав.:

в странах *бывшего Советского Союза*, телефонная сеть среднеазиатских республик *бывшего Советского Союза*, экономическая конъюнктура республик *бывшего СССР*, на помощь странам *бывшего Советского Союза*, государства *бывшего СССР*, в *бывших Советских республиках*, граждане *бывшего Советского Союза*, с *бывшими республиками бывшего Союза* (Известия, 1992, 275, 1; Финанс. изв.); Как и ожидалось, вопреки сделанным накануне открытия в Санкт-Петербурге заседания Межпарламентской ассамблеи заявлениям ее председателя, мероприятие, если судить по его итогам, не стало сколь-нибудь заметным политическим событием *на пространстве бывшего СССР*; Возможно, небесполезным для этого оказался бы пересмотр ряда концептуальных идей ассамблеи, в основе которых отчетливо просматривается тенденция воссоздать по старой схеме, несмотря на сегодняшние реалии, подобие *бывшего СССР* (Известия, 1992, 280, 29.XII); С 1989 г., когда Кремль сделал выезд из страны более свободным, Израиль приобрел 409 тысяч новых граждан *из бывшего СССР* (из газ.).

Срав. также такие реакции на это обозначение:

...Любопытно, что, если на частях страны пишут не иначе, как *бывшие союзные республики, бывшие субъекты СССР, субъекты бывшего СССР* и т.д., то я ни разу не встречал упоминаний о Горбачеве, как о президенте бывшего СССР или что-нибудь в этом роде. СССР нет, а Горбачев есть, есть вопреки всему (Политика, 1991, 15, 3).

Процесс пересименования и возвращения имен коснулся и республик, входящих в состав СССР. Уже в 1990 г. еженедельник "Союз" (№ 43) привел внушительный список, озаглавленный "Как нас теперь называть?":

<i>Армянская ССР</i>	→ <i>Республика Армения - Айастан</i>
<i>Башкирская АССР</i>	→ <i>Башкирская Советская Социалистическая Республика - Башкортостан</i>
<i>Бурятская АССР</i>	→ <i>Бурятская Советская Социалистическая Республика</i>
<i>Калмыцкая АССР</i>	→ <i>Калмыцкая Советская Социалистическая Республика</i>
<i>Коми АССР</i>	→ <i>Коми Советская Социалистическая Республика</i>
<i>Латвийская ССР</i>	→ <i>Латвийская Республика - Латвия</i>
<i>Литовская ССР</i>	→ <i>Литовская Республика - Литва</i>
<i>Марийская АССР</i>	→ <i>Марийская Советская Социалистическая Республика - Республика Марийэл</i>
<i>Молдавская ССР</i>	→ <i>Советская Социалистическая Республика Молдова</i>

<i>Татарская АССР</i>	→ <i>Татарская Советская Социалистическая Республика - Татарстан</i>
<i>Удмуртская АССР</i>	→ <i>Удмуртская Республика</i>
<i>Чукотский автономный округ</i>	→ <i>Чукотская Советская Автономная Республика</i>
<i>Эстонская ССР</i>	→ <i>Эстонская Республика - Эстония</i>
<i>Якутская АССР</i>	→ <i>Якутская-Саха Советская Социалистическая Республика</i>
<i>Ямало-Ненецкий национальный округ</i>	→ <i>Ямало-Ненецкая Республика</i>

Вот еще несколько официальных сообщений на эту тему:

“Провозглашен суверенитет *Удмуртии*. Отныне эта бывшая автономная область, затем АССР [Автономная Советская Социалистическая Республика] будет называться - *Удмуртская Республика*” (Известия, 1990, 23.IX, с.2); “Объявлен отказ от статуса автономной республики и провозглашена *Бурятская Советская Социалистическая Республика*, суверенное многонациональное государство в составе РСФСР и СССР” (Союз, 1990, 41); “...принята декларация о государственном суверенитете. В ней объявлен отказ от статуса автономной республики и провозглашена *Кабардино-Балкарская Советская Социалистическая Республика* - суверенное многонациональное государство в составе РСФСР и СССР” (Правда, 1991, 1.II) и т.д.

3 июля председателем Верховного Совета РСФСР Б. ЕЛЫЦИНЫМ были подписаны “законы РСФСР”: “О преобразовании *Адыгейской Автономной области* в *Советскую Социалистическую Республику Адыгея* в составе РСФСР”, “О преобразовании *Карачаево-Черкесской автономной области* в *Карачаево-Черкесскую Советскую Социалистическую Республику* в составе РСФСР”, “О преобразовании *Хакасской автономной республики* в *Хакасскую Советскую Социалистическую Республику* в составе РСФСР”, “О преобразовании *Горно-Алтайской автономной области* в *Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику* в составе РСФСР” (см. СР, 1991, 142, 2). Как видим, все происходило массово... В еженедельнике “Союз” за 1991 г. (№ 30) появилась статья под знаменательным названием “В России осталась только одна автономия...”, в которой говорится, что “число российских автономий сократилось до минимума - зато увеличилось число республик”. И далее:

В единственно оставшейся на территории России автономной области - Еврейской - разыгралась “война районных суверенитетов”, вызванная принятием областным Советом решения о выходе из состава Хабаровского края. Несколько районов провели собственные ‘референдумы’ и требуют обратного перехода, руководство же области продолжает настаивать на своем решении, продиктованном скорее личными амбициями, чем здравым смыслом: во-первых, территория с населением в 220 тыс. человек никак не осилит содержание собственного пра-

вительства, во-вторых, вопрос защиты национальных интересов звучит несколько неестественно, когда национальность, давшая имя автономии, составляет 5% населения. И третье - самое главное - Еврейская автономная область является едва ли не единственным национальным образованием, имеющим статус свободной экономической зоны. Что означает свободу гораздо большую, чем название республики...

Что касается России как одной из республик, то вопрос об уточнении ее названия встал лишь после развала СССР, когда на одном из заседаний Верховного Совета, как бы между прочим, без обсуждения и альтернативных предложений проголосовали за *Российскую Федерацию*. Один из московских еженедельников так прореагировал на это обозначение:

Странными кажутся уже первые строки [Конституции РСФСР], определяющие название нашего государства: "*Российская Федерация (РФ, Россия)*". Наша страна сотни лет называлась *Россией* и помещение этого слова на третье место, после непонятого словосочетания *РФ* вызывает чувство горечи (РВ, 1992, 30-31, 23).

Впрочем, до сих пор во многих российских законах фигурирует не только *Россия*, но и *Российская Федерация*, и *РСФСР* [*Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика*]. Входящие в состав России республики настаивают на сохранении в названии слов *федерация*, *федеративный*.

Итак, аббревиатура *СССР* и ее словесный эквивалент *Советский Союз* начинают выходить из употребления, из активного словаря современного русского языка. На смену ей, как известно, пришла новая аббревиатура, созданная в Беловежской пуще (Белоруссия) в декабре 1991 г. по воле трех руководителей республик - России, Украины и Белоруссии. Замена аббревиатуры *СССР* на новую *СНГ* [= *Содружество Независимых Государств*] демонстрировало конец стране, просуществовавшей несколько веков как *Россия* и несколько десятков лет - как *СССР*.

Надо сразу сказать, что общество в целом не приняло новой аббревиатуры. Хотя ее активно и внедряют средства массовой информации, она все более используется в ироническом и скептическом смысле. Некоторые средства печати не употребляют *СНГ* как название страны, а говорят (об СНГ) как об аббревиатуре, срав.:

С удовольствием оперируют новыми аббревиатурами - *ССГ*, *СНГ* или просто *Г* - и озабочены только тем, как бы предотвратить расползание ядерного оружия, его применение (ЛР, 1991, 52, с. 4, 10); Но дело еще и в том, что в безвыходной ловушке демократической пропаганды оказались не только мы, население *СССР*, *ССГ*, *СНГ* и других будущих аббревиатур, но (в первую очередь) уже давно обработанное, окончательно закабаленное и от того самодовольное, не осознающее своей трагедии народонаселение западного ультракапиталистического мира...

(РВ, 1992, 5, 8-9); 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще волей трех политических деятелей прекращено существование Союза ССР и на его руинах создан *СНГ*. Первоначально, о чем сейчас уже забывают, даже *ССГ - Содружество Славянских Государств* (Правда, 1992, 185, 1).

Поэт ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ в стихотворении “Я поэт Советского Союза” называет *СНГ* “тремя буквами”:

Три буквы прописные “СНГ”,
 Что ж с ними быть на дружеской ноге
 Никак моя не согласится муза!
 Среди долин и закадычных гор
 Себя надеждой тешу до сих пор,
 Что я поэт Советского Союза
 (Правда, 1992, 199, 1).

“Три буквы” расшифровываются по-разному:

А эти буквы *СНГ* - не розыгрыш ли предпраздничный? Ведь они так и расшифровываются: *С Новым Годом* (День, 1992, 1, 8); Надо же, чтобы как-то ожил этот организм - пусть даже он называется *СНГ*. Вот прочитал, как “Комсомолка” расшифровала эту аббревиатуру: способ насолить Горбачеву (слова М. ГОРБАЧЕВА в интервью радио “Эхо Москвы”; перепечатка: Эстония, 1992, 198, 4).

Срав. также и такие расшифровки:

Да и само название этой горе-страны (т. е. *СНГ*) неплохо бы подправить, скажем, так: *Союз Независимых Генеральных Государств* (по аналогии с *Генеральными Штатами*). Мне, впрочем, больше нравится такой вариант: *Союз Независимых Гуманитарных Государств* (как напоминание о получаемой помощи из стран Запада). С течением времени это образование может быть безболезненно преобразовано в *Союз Независимых Городов-Государств*. Тем, кто станет возражать, что слово *Генеральных* бессмысленно, а *Гуманитарных* - нелепо, заранее отвечу, что столь же нелепо и бессмысленно слово *Независимых*, и дело вообще не в словах, а в том, что аббревиатура *СНГГ* вернее подходит к данному случаю, так как с подчеркнутой прозрачностью показывает, что за всем этим стоит (РВ, 1992, 25, 13).

“Три буквы” называют даже псевдонимом:

Нельзя, конечно, утверждать, что державы *под псевдонимом СНГ* все до единой рвутся вышибить скамейку из-под ног зачинателя революционной перестройки (РВ, 1992, 3-4, 7).

Срав. также:

Всем вдруг все стало все равно: СССР, СНГ... и т.д. - не имеет значения... Эта вялость и дряблость душевных реакций, это безразличие к судьбе государства и самому его имени ("хошь горшком назови"), уже привычное равнодушие к крови и не менее привычная надтробная телеселость... говорят как раз об обратном: Об их исходной недолговечности, если не о мертворожденности "соглашения трех"... (ЛР, 1991, 51, 2); СНГ - что прыщ в носу (КП, 1993, 3, 1).

Некоторые публицисты предпочитают называть СНГ просто *пространством*, иногда даже - с прописной буквы - *Пространство*;

В нашем Отечестве (или на нашем *Пространстве*?) узлы и клубки все больше запутываются; события надевают причудливые маски (Известия, 1992, 8, 3); И нет страны, а есть - *пространство* с целепой кличкой *эСэНГа* (Правда, 1992, 18.IX, с. 4).

А вот как обыгрывается аббревиатура СНГ в частушках, созданных 'по горячим следам' политического события:

Всем известно: клады прячут
Там, где лес погуще.
Закопали СССР
В Беловежской пуше
(СР, 1992, 25.II, с. 6)

От души мы все трудились
И в Союз объединились.
А стараньем Е. [Ельцин] и Г. [Горбачев]
Получилось СНГ
(СР, 1992, 25.II, с. 6)

Что мне делать, посоветуй,
Милая товарочка,
Стало снится до рассвета
СНГ... на палочке

Раньше жили в государстве
Под названием Союз,
А теперь живем в *пространстве*,
Но в каком - сказать боюсь
(СР, 1992, 163, 29.XII)

Ой, ребята, не могу!
Запихнули в СНГу.
Жить-то в этой СНГе
Можно при большой деньге-е-е!

Что такое ЭС-ЭН-ГЭ?
Всем понятно вроде бы:
Это - мертвый манекен
Бывшей милой Родины

Весьма интересны рассуждения на затронутую тему одного из авторов "Литературной России" (1991, 51, 5), обширный фрагмент из которого мы здесь приводим, понимая, как важно запечатлеть живые свидетельства современников, носителей русского языка. Статья называется "Страна 'СЫ...ГЫ'":

У слов и имен есть своя музыка.

В свое время хозяев страны не смутило, что имя без единой гласной, как, впрочем, и РСФСР, трудно произносить. Даже орфоэпически отдрессированные радиодикторы ленились и вместо *эСэСэСэР* выговаривали даже не *СэСэСэР*, а еще короче - *эСэСэР*. И вот - новый перелом, а с ним - и новые 'коды'. Задумывались, как привычную формулу СССР сохранить, а 'устаревшие' слова *Советских* и *Социалистических* заменить другими, только бы на те же буквы, например, *свобод-*

ными и суверенными, даже славянскими, будто нам не дорого единство с неславянскими народами. Остряки и циники не упускали случая позабавиться и вовсе хулиганскими подменами слов в той же формуле.

А вообще-то разумно ли вставлять слова-комплименты в названия государства? Разве решит уважающая себя держава официально называться *Свободной Италией (СИ)* или *Суверенной Швейцарией (СИШ)*? Скажете, а как же *США*? Да, грешны. Свергли английское господство, а фантазии на чисто собственное имя не хватило - вот и назвались *Соединенными Штатами Северной Америки* - у нас это превратилось в *САСШ*. Потом упоминание о Севере отбросили и предпочли *ЮЭСЭй - Соединенные Штаты* просто *Америки*. По-русски получилось *США* - как выговаривать? *СэШэА*?

...ССГ уже народилось при сокращении *Союза суверенных государств*. Тут душно пахнет и неоднозначное *ге*, да и целое *СыСыГы* не сахар. И зачем опять втискивать суверенность и государственность в имя страны, к тому же и без всякой географической привязки? Даже *Содружество Наций* долго оставалось *Британским*, а *Штаты* и по сю пору не забыли *американского* адреса... Наилучшим - гордым и исторически справедливым именем всего нового Союза была бы *Россия*... Десятилетия еще будут носить вместо имен клички люди, которых торопливые родители нарекли *Сталинами*, а в более уродливых случаях даже *Лагиминальдами (Лагерь Шмидта на льдине)*! Одумаемся и не дадим назвать всю страну очередной *Лагиминальдой*!

Как в любом социальном перевороте, так и в перевороте ономастическом неизбежны издержки. Нередко эти издержки трудно понять или оправдать. Так, например, в Кишиневе произвели массовую замену названий улиц, что не вызывает возражения, если речь идет о возвращении имени. Однако, по сообщениям печати, так делается далеко не всегда. Улица *Подольская*, переименованная в свое время в улицу *Искры* (ленинской), теперь стала *Бухарестской*, т.е. *Подольская* → *Искры* → *Бухарестская*; вместо улицы *Киевская* - улица *31 августа* (в честь дня, когда был принят закон о языке в Молдавии) и т.д. Это мало похоже на возвращение исторической памяти. Споры вокруг обновления названий городов, улиц и т.д. не утихают. Соглашаясь в целом с большинством возвращенных имен улиц Москвы, некоторые считают, что делаются в этом деле и промахи, срав.:

...чем провинился перед Моссоветом крупный русский промышленник Сапунов - проезд его имени решено назвать Бетонным переулком? Об этом сообщил бюллетень "Ведомости Моссовета". Не является ли такое 'возвращение русской истории' на улицы и площади Москвы окончательным ее изгнанием? (РВ, 1992, 49-52, 16).

Вопрос, действительно, непростой. И достойно сожаления, что инициаторы восстановления 'ономастической несправедливости' не всегда обращаются к населению, которому жить под тем или иным 'словесным знаком'. Особенно тревожит то, что под натиском новых идеологических установок, но-

вых вождей 'карусель переименований' может завертеться в обратную сторону, т.е. повториться то, что уже было, что решительно отвергнуто обществом сейчас. Вопрос этот весьма резонный, ибо в современной печати нет-нет да и промелькнет сообщение о том, что есть опасность появления новых названий для старых городов типа *Ельцинбург - Ельцинград - Ельциновск* (в честь нынешнего президента России) вместо *Екатеринбург* (до недавнего времени также с 'промежуточным именем' *Свердловск*). В повести АЛЕКСАНДРА СЕГЕНЯ "Заблудившийся БТР" об этом сказано в художественной форме так:

- Он что, родился у вас в *Свердловске*?
- Не в *Свердловске*, а в *Екатеринбурге*, колхозник! Раньше никакого *Свердловска* не было, а был *Екатеринбург*. В честь Свердлова его переименовали потому, что этот выродок приказал царскую семью расстрелять по всем ритуальным законам. Расстреляли их в доме, который до революции принадлежал миллионеру Ипатьеву. Он так и назывался - Ипатьевским домом. Я туда забирался, в этот подвал, где их расстреливали. Потом Ельцин приказал этот дом уничтожить... Там всякие надписи были... Разные собрания стали собираться в память о царе Николае. Ельцину надо было перед Москвой выслужиться, вот он и уничтожил "памятник революционной славы".
- А я думал, Ельцин - наш мужик, - сказал Альберт.
- Подождите, он еще себя покажет, - ответил Щукин. - Еще *Свердловск* в *Ельцу* переименуют.
- Да, сказал Жилыкун, - шли мы к коммунизму, но пока что дальше Афгана не уехали...

Если верить прессе, то высказанные опасения имеют основания. Приведем в подтверждение этого заметку из газеты "Известия" (1992, 289) под названием "Растет число объектов имени президента Туркменистана Сапармурада Ниязова":

Помимо улиц, площадей, войсковых частей, отныне этой чести удостоены также одна из ашхабадских средних школ и Безмеинская электростанция на Каракумском канале, ранее носившая имя В. И. Ленина. По сообщениям местной печати, работники речной пристани в Чарджоу призвали присвоить имя С. Ниязова Туркменскому речному пароходству.

Все возвращается 'на круги своя'?!...

+ + +

Рассмотренный аспект явления, названного нами ономастическим переворотом, несет в себе, несомненно, в целом позитивный заряд. Однако, наряду с этим, в ономастической сфере перестроечного времени неожиданно

возник и новый аспект, который по содержанию имеет агрессивный характер и отражает в целом негативные языковые тенденции. Если в первом случае речь шла о замене новых имен старыми, т.е. о возвращении имен, то во втором - о замене старых имен новыми либо о писательско-произносительных орфографическо-орфоэпических и словообразовательных 'подчистках', 'улучшениях', 'подправках' и т.д. Агрессивность этой тенденции заключается в том, что такие замены и 'подправки' ничем не оправданы и делаются под определенным давлением извне пределов русского языка, носителями других языков. Иными словами, отстоявшийся и приспособленный к нормам русского языка вид того или иного собственного географического имени сознательно вырывают из многовековой традиции русской культуры и истории, придавая ему 'новое' звучание, вид и форму. Как кажется, начало этому было положено в 1989 г., когда Верховный Совет Эстонской ССР принял постановление о том, чтобы писать по-русски название города *Таллина* с двумя *н*, т.е. *Таллинн* (что соответствует эстонскому оригиналу - *Tallinn* и противоречит русским орфографическим правилам). Примечательно, что ни Русская орфографическая комиссия, ни Институт русского языка АН СССР (ныне - РАН) никак не отреагировали на это 'решение извне', чем воспользовалась печать на русском языке, особенно центральная, московская, которая стала в бесчисленном количестве тиражировать такое написание. За этим последовали требования ряда периферийных властей бывших республик СССР писать и произносить в рамках русского языка названия их республик в соответствии с нормами их родных языков!... Этот процесс 'языкового насилия' (АНТОНИЕВ 1990:2) принял настолько угрожающие размеры, что вызвал волну протеста среди простых носителей русского языка. Примечательно в этом отношении письмо одного читателя московского еженедельника "Союз", который, в отличие от тех, кто должен по долгу службы заботиться о нормах русского языка, отметил необоснованность таких попыток и их пагубность для культурной истории русского народа:

В последнее время и "Союз" и "Известия" вдруг вошли во вкус 'переименовывать' республики, получившие статус суверенных. Делается это настолько неуклюже и наивно, что вызывает усмешку. *Киргизия* стала *Кыргызстаном*, *Татария* - *Татарстаном*, *Молдавия* - *Молдовой*. Я долго не мог понять, что же означает слово *Башкортостан*, пока не увидел слово *Уфа* (столица Башкирии. - А.Д.). Что это - желание подчеркнуть суверенитет республик или желание потрафить чувствам этих народов? Но почему же тогда мы до сих пор не называем *Германию* *Дойчландом*, а *Англию* - *Инглэндом*, следуя этой логике? Еще ближе: почему такой фавор одним республикам, в то время как другие до сих пор именовются по-прежнему: *Литва* до сих пор почему-то не *Летува*, *Грузия* - не *Картли*, *Армения* - не *Айастан*?! Есть ведь определенные нормы русского языка, определенные традиции, складывавшиеся веками! Ведь то, что естественно одним народам, вовсе может не подходить другим, и упорное величание *Башкирии* *Башкортостаном* так же нелепо, как если бы завтра вместо слова *Япония* мы

начали писать *Ниппон*. Так давайте оставим национальные названия соответствующим народам, а в русском языке будем пользоваться сложившимися эквивалентами. Я думаю, это не обидит никого (Союз, 1991, 19, 15).

Автор настоящей работы свидетельствует: ни “Союз”, ни “Известия” так и не вняли призыву простого читателя!... Вот еще пример того, с какой тревогой воспринимают носители русского языка такое ‘языковое насилие’:

Представьте себе, что вы раскрыли “Атлас мира” и читаете названия государств: *Чжун-го, Нихон/Ниппон, Бхарат, Любнан, Фас, Мыср, Дейчланд*. Что-нибудь поняли? Кажется, только *Дейчланд*. Остальные названия - хорошо знакомые нам *Китай, Япония, Индия, Ливан, Марокко, Египет*. Именно так мы привыкли их называть, а не по само-названиям, которые приведены выше. К чему весь этот разговор? Да к тому, что карта нашей пока еще единой страны покрывается новыми топонимами, по сути дела являющимися теми же самоназваниями национальных образований: *Татарстан, Молдова, Кыргызстан, Башкортостан, Марий-Эл*. Похоже, что дело этим не закончится, и мы будем иметь счастье читать на картах *Сакартвелос* вместо *Грузия, Айастан* вм. *Армения, Апсны* вм. *Абхазия* и под. Никакого шовинизма здесь нет и в помине, есть попросту топонимия русского языка, которую почему-то начали править по своему усмотрению власти суверенных национальных образований. Никто не оспаривает права каждого народа именовать свою страну так, как ему хочется, но заставлять, чтобы точно так же ее именовали все дальние и ближние соседи - это нелогично. Ведь не требует, допустим, парламент России, чтобы на всех языках мира название *Россия* произносилось одинаково. А нам предлагают употреблять невозможные с точки зрения русской фонетики топонимы типа *Кыргызстан* (два *ы*, три согласных подряд!). Пусть не обижаются жители *Киргизии, Башкирии, Молдавии* и др. республик - именно так, а не иначе, ваши земли назывались по-русски. Эти названия прочно вошли в русский язык, в географические карты и справочники, в научную и художественную литературу. Все равно старые, привычные наименования останутся в живой практической речи, новообразования могут прижиться разве только на газетных полосах (Рус. речь, 1991, 5, 154).

Такие призывы и протесты практически не имеют никакого воздействия ни на официальные средства информации, ни на властей. Срав. примеры из периодики последнего времени:

Как большой народный и государственный праздник отметили в *Башкортостане* двухвековой юбилей большого русского писателя С. Г. Аксакова... Как факт огромного духовного и политического значения - правительством *Башкирской республики* превращена в божеский вид деревня детства Константина Аксакова...; *Башкирское* [не *Башкортостанское*?] отделение Международного славянского фонда славянской письменности и культуры... (РВ, 1992, 41-44, 23); Представители нашего концерна уже долгое время находятся в России. Кое-что удалось выбить: спасибо *Башкортостану*, он несколько увеличил отгрузку

республике сжиженного газа (Известия, 1992, 267, 2); Науке грозит изоляция: этот горький вывод делаешь, ознакомившись с открытым письмом академиков ... Верховному Совету Республики *Беларусь*. Оно опубликовано в самой массовой республиканской газете "Советская *Белоруссия*"... По этим причинам против казни национальной науки не станет возражать ни Академия наук *Беларуси*, ни живущие в *Беларуси* специалисты... "Сломать дерево *белорусской* науки легко, но залечить его можно только через десятилетия!" (Правда, 1992, 194, 2).

Еженедельник "Русский вестник" (1992, 35, 5) решается даже на *Летува* вместо *Литва* (правда, в статье, переведенной с белорусского языка, в которой, видимо, идут тем же путем "ненарушения языковых норм и суверенитета"), срав.:

В связи с переговорами между *Беларусью* и *Летувой* (здесь и далее дается самоназвание этой страны, а также проживающей там нации - *летувяй*; примечание редакции) и между Россией и *Летувой* и их важностью для славянской цивилизации, считаем своим долгом заявить...; усилили *пролетувскую* позицию; *летувизация* края; белорусско-*летувское* размежевание и т.д.

С какой целью это сделано, понять просто невозможно.

Нередко в одном тексте или в одной подборке газетного материала наблюдается варьирование 'старого' и 'нового', срав., например, из газеты "Известия" (1992, 264, 1):

От наших корреспондентов и информационных агентств: "Рост производства в промышленности *Беларуси*"; "Обсуждается проект новой Конституции *Кыргызстана*"; "*Армения* [не *Айастан!*] поминает погибших".

Здесь 'уважение к суверенитетам' проявлено избирательно - только для *Белоруссии* и *Киргизии*, а *Армения* названа 'по старинке'...

На Волге появляется республика *Чвашъень*. В еженедельнике "Союз" (1991, 22, 4) читаем текст: "Анатолий Леонтьев, председатель Верховного Совета Республики *Чвашъень* 'Уважение - гарантия притяжения'". И далее:

Долгое время [будущий председатель] находился на комсомольской, партийной, советской работе. Три года назад был избран председателем Верховного Совета Республики *Чвашъень*.

В статье только *Чвашъень*. В изданиях на русском языке это имя повторяется бесчисленно раз, оставляя читателя в недоумении, заставляя его гадать, о чем идет речь. И лишь специалисту-языковеду оказывается ведомо, что речь идет о написании по-чвашки республики, которую до того по-

русски обозначали, как *Чувашия*. То есть чувашская графико-орфографическая, фонетическая и лексическая норма внедряется в контекст русского языка и преднамеренно 'сталкивается' с отстоявшимся и давно адаптированным топонимом в виде *Чувашия*.

Вслед за *Чвашъень* (а может, и одновременно - не уследить) появилась Республика *Марий Эл* (или: *Марий-Эл, Марийэл*), т.е. *Марийская Республика*; затем *Хальмг-Тангч* - хорошо, что иногда дается при этом названии расшифровка, как в этом примере:

Постановление правительства Российской Федерации "О неотложных мерах по государственной поддержке социально-экономического развития *Республики Калмыкии- Хальмг-Тангч*";

далее:

Для обеспечения возрождения и развития национальной системы образования, культуры, науки, здравоохранения *Республики Калмыкия - Хальмг Тангч* рекомендовать Совету Министров *Республики Калмыкия - Хальмг Тангч*...

Дело доходит до парадоксов. Так, с некоторых пор носителям русского языка стали предлагать информацию не о *Якутии* или *Якутской АССР*, а о *Якутской-Саха АССР* (или *ССР*). Оказалось, что, как пишет один из читателей "Литературной России" (1992, 5, 21), *Республика Саха* - это не *Республика Якутия* (в переводе на русский язык), а - *Республика якутов*. При переименовании или 'доименовании' "начисто забыли прекрасное, звучное якутское слово *сахаада*, означающее название Якутии как территории". И тут же автор предлагает новую форму названия: *Сахаада (Якутия)*. Совершенно очевидно, что это проблемы якутского народа и якутского языка. Увы, ни те, кто 'доименовывает', ни представители средств массовой информации на русском языке не понимают этого. И вот московская газета "Российские вести" (1992, 9, 11) дает уже заметку под названием "Золотые медали *Саха*". Хорошо, что в самой заметке употреблен эквивалент *Якутия*, иначе бесполезность информации была бы очевидной. Срав. также и эту небольшую информацию из газеты (Правда, 1992, 192, 1):

Создано акционерное общество "Алмазы России Саха". Сразу заметен рациональный аспект, когда ознакомишься со списком учредителей общества. Среди них администрация восьми районов *Республики Саха (Якутия)*. Пока нам неизвестно, в каких долях будет распределена валютная выручка...

Надо сказать, что давление извне на русский язык, в частности, в той общей лексической сфере, которая относится к топонимии, началось задолго до перестроечных событий. Как и переименования, т.е. замены старых географических имен новыми, это явление берет свое начало в послереволю-

ционные года, когда, например, вместо *Эривань* стали писать и произносить *Ереван*, вместо *Тифлис - Тбилиси*, а позднее также вместо *Вильно - Вильнюс*, вместо *Ковно - Каунас* и под. Но в ту пору это затрагивало лишь небольшую часть названий городов. Сейчас же агрессия подобного рода охватила целые территории бывшего Союза и России.

О том, что апологеты подобной ономастической агрессии в русском языке настроены оптимистично, говорит и тот факт, что 'подновленные' имена пытаются уже созданием производных форм и тем самым словообразовательных рядов, или гнезд, утвердить. В свое время трудно было предположить, что адаптированный в русском языке словообразовательный ряд *Молдавия - молдаванин - молдаванка - молдавский - по-молдавски* станут методически разрушать в угоду новой идеологии - на этот раз национального соседа. Однако же это происходит. О том, что *Молдавия* стала теперь *Молдова*, мы уже говорили. Второй компонент ряда пока сохраняется в русском языке - нам не встретилась 'подновленная' форма типа *молдовец* (?), *молдаванин*, зато адъективная форма *молдавский* уже имеет конкурента: например, в московской газете "Правда" (1991, 16.III) стали вместо нее употреблять форму *молдовский* (чтобы идти последовательно и до конца!), срав.:

Сотни тысяч тонн всевозможного мусора, включая отбросы от столовых, *молдовский* кооператив "Досуг" с готовностью согласился 'импортировать' с австрийских свалок на собственную территорию; а дабы у мюнцкирхенского предпринимателя не оставалось сомнений в незаконности действий как его самого, так и *молдовских* партнеров, министерство должным образом аргументировало свой ответ; Господин Г., надо полагать, поделится полученным укором с партнерами из *молдовского* кооператива...

Достоинны особого внимания случаи смешения в одном и том же тексте традиционных и 'новых' форм, срав.:

Высказав беспокойство по поводу отношений, складывающихся между *Молдовой* и Россией, председатель Верховного Совета Беларуси попытался убедить *молдавских* парламентариев в том, что совещание глав государств СНГ в Минске - тот рычаг, который *молдавская* сторона может использовать для решения своих проблем (Известия, 1992, 275, 1); Хоть здесь живет 70% новороссов *Молдавии*, о наших правах руководство предпочитает не вспоминать... Ни телевидение, ни радио, ни печать *Молдовы* об этом не сообщили, как, впрочем, и о покушении на депутата парламента *Молдовы* и народного депутата Николая Остапенко... (из газ.); Межнациональное противостояние в *ССР Молдова* достигает критического уровня. Это связано с тем, что принятыми Верховным Советом актами ущемляются гражданские права населения *не-молдавской* национальности (пример из: "Указа президента СССР 'О мерах нормализации обстановки в ССР Молдова'"; Правда, 1990, 22.XII).

То же самое делает писатель ДМИТРИЙ БАЛАШОВ, срав.:

Я видел *молдавских* женщин, что лежали на рельсах, требуя освободить своего президента, арестованного *молдавским* руководством (НС, 1992, 8, 9); Сейчас там гремит артиллерия, подтягивают танки. Возможно, уже началось генеральное наступление румыно-молдавской армии и, может быть, пока готовятся к печати эти записки, с Приднестровьем будет покончено (он же, там же, с. 3).

Однако в такого рода случаях, как, скажем, *Молдова*, русский человек хотя бы сможет уразуметь, о ком и о чем в целом идет речь, - есть все же связь с привычным наименованием и его формами. Но как, какими словообразовательными средствами создать ряд, аналогичный адаптированному типу *Якутия - якут - якутский - по-якутски?* *Саха - сахасец* (или *сахачанин?*) - *сахаский - по-сахаски?* И далее: *Чвашъень-чвашъенец - чвашъеньский - по-чвашъенски* (вместо *Чувашия - чуваш - чувашский - по-чувашски?*)? *Кыргызстан - кыргызстанец - кыргызстанский - по-кыргызстански* (вместо *Киргизия - киргиз - киргизский - по-киргизски?*)? (В последнем примере - грубейшее нарушение русских орфоэпических и орфографических норм: нет уже давным-давно в русском языке *гы, кы, хы*, есть только *ги, ки, хи* как в написании, так и в произношении). Тем не менее пресса идет именно в направлении утверждения 'новых' форм, срав. зафиксированные нами и такие примеры:

Теперь газеты выходят только на *кыргызском* языке (почему не на *кыргызстанском?*); Почти дословно такие вопросы задают тысячи *кыргызстанцев*. Но вопросы остаются без ответов... (Союз, 1992);

А вот как 'заплетается язык' крупной газеты, когда она пишет о киргизах: "*Кыргызы* всех стран объединяются" (название заметки); текст:

Сегодня в Бишкеке открывается курултай (съезд) *киргизов*. В столицу *Кыргызстана* съехались соотечественники из ближнего и дальнего зарубежья (КП, 1992, 27.VIII).

Недавно появилось и такое сообщение:

"*Был Ашхабад, стал Ашгабат*"

Ашгабат - так пишется и произносится теперь название столицы Туркменистана. Президиум Верховного Совета республики принял постановление об упорядочении написания на русском языке наименований областей, районов и городов с сохранением туркменской транскрипции в соответствии с требованиями закона Туркменистана о языке.

То есть туркменское написание внесено в русское в ущерб традиционному. И что же в результате окажется? Русские будут читать *Ашгабат*, как *Ажгабат* (ж>г), в *Ажгабате*, *ажгабатец* и т.д. Чтобы что-то уточнить?...

К чему может привести подобная 'цепная реакция' в словообразовании, нетрудно догадаться. На пользующихся русским языком такое 'языкотворчество' давит психологически, загружает память и, что не менее существенно, отрывает их от культурно-исторических традиций, отраженных в собственных именах. Можно согласиться с мнением С. АНТОНИЕВА, который пишет в "Славянском вестнике":

... стыдно и недостойно было бы кивать нам на всякий 'чих': будем писать, как прежде, как завещали нам деды-прадеды. Революции-перестройки приходят и уходят, а народ и язык остаются (АНТОНИЕВ 1990:2).

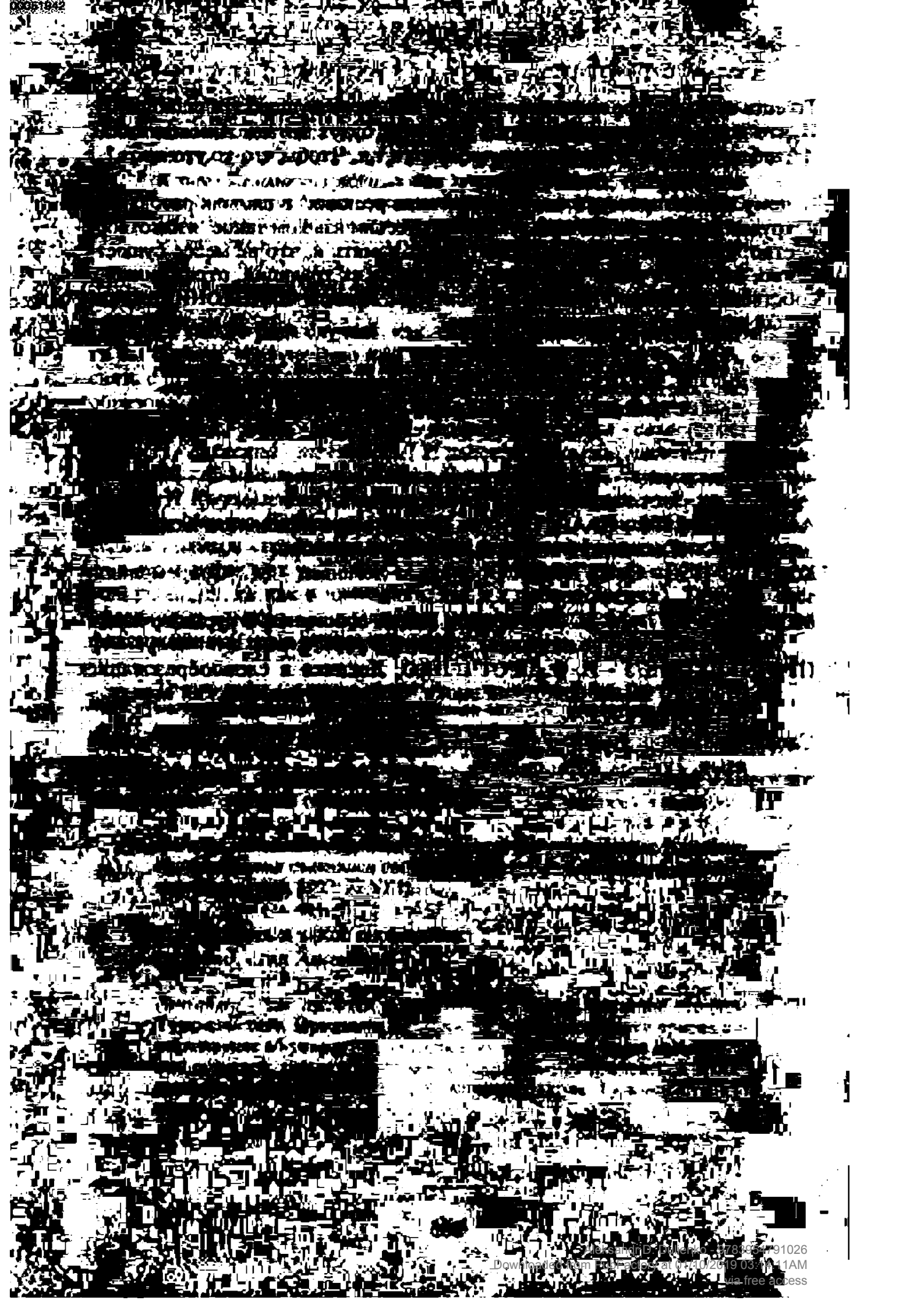
АНТОНИЕВ 1990 - С. АНТОНИЕВ. К чему ведут "филологические войны". - Славянский вестник, М., 1990, 4, декабрь.

КУНЯЕВ 1990 - С. КУНЯЕВ. Времена и легенды. - М.: Современник, 1990.

МОРОЗОВА 1977 - М. Н. МОРОЗОВА. Имена собственные русского языка (географические названия). - М.: МГУ, 1977.

ПРОТЧЕНКО 1875 - И. Ф. ПРОТЧЕНКО. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. - М.: Наука, 1975.

Словарь названий 1975 - Словарь названий жителей СССР. - М.: Русский язык, 1975.

Глава XI

Кое-что о словообразовательных потенциях русского языка конца XX столетия

Несмотря на то что в современный русский словарь внедрен и продолжает внедряться достаточно большой пласт иноязычных слов, а греко-латинский и новые европейские языки являются давно освоенными источниками пополнения словарного состава, нет пока оснований считать наш язык преимущественно заимствующим. Этому процессу противостоят достаточно развитые разнообразные по характеру способы образования новых слов и гигантские словообразовательные потенции, которые реализуются лишь частично. Раскрываются эти словообразовательные потенции медленно, порою незаметно. Сила этих потенций становится очевидной во времена крутых социальных переломов в жизни народа, когда из готового 'строительного' материала в соответствии с различными словообразовательными моделями создается огромное число новых слов.

В XX в. русский язык пережил по крайней мере два лексико-словообразовательных 'взрыва', в обоих случаях вызванных сильными социальными потрясениями. Первый связан с революцией 1917 г., второй - с перестройкой 80-90-х гг. Показателем названных 'взрывов' явилась активизация основных словообразовательных способов (суффиксального, префиксального, префиксально-суффиксального, сложения), через которые 'пропустились' многие десятки тысяч новых слов; к этому добавлялись также и сравнительно 'молодые' способы в виде аббревиации, различного рода контаминаций и др. При этом лексика, становящаяся впоследствии узуальной и включенной в нормативные словари, заметно уступает в количественном плане лексике окказионального характера, которая так до конца оказывается не собранной и не отраженной в словарях. Мы, видимо, не ошибемся, если скажем, что XX столетие в этом отношении для русского языка является веком окказионализмов, а если учесть активизацию необычных способов словообразования, то и веком аббревиации. По последним данным, из 18 способов словообразования (не считая смешанных типа префиксально-суффиксального и под.) 11 способов используются в настоящее время для образования окказионализмов (см.: УЛУХАНОВ 1992: 3-17; детальная новейшая систематизация и анализ словообразовательных особенностей русского языка проведены Е. А. ЗЕМСКОЙ - ЗЕМСКАЯ 1992; там же и основная литература вопроса, с. 207-211).

В 20-30-е гг. в связи с культурным и языковым строительством в СССР, демократизацией образования и культуры русский язык захлестнула волна экспрессивизации, выразившаяся прежде всего в словотворчестве, которое

спало ко второй половине 30-х гг., когда были ликвидированы многие культурные институты, усилились тенденции идеологического однообразия и тоталитаризма в социальной и культурной сферах. После революции 1917 г. многим казалось, что сама революция возможна не только в обществе, но и в языке, т.е. социальная революция как бы подстегивала к революции языковой. Тексты пестрят лексическими окказионализмами, нередко прерываются с трудом выговариваемыми или невыговариваемыми вовсе полужыковыми элементами - различного рода аббревиатурами. Философ Э. ВОЛОДИН усматривает в этом определенные политические цели, преследовавшиеся в ту пору новыми властями:

Когда после революции русский язык подвергся сокращениям (*школьный работник - шкраб, политический руководитель - политрук, генеральный секретарь - генсек...*) или слова стали заменяться аббревиатурами (*РСФСР, РККА, вуз, ФЗУ, ЧК*), ясно было, что и сокращения, и аббревиатуры указывают на усечение языковой, культурной, исторической жизни народа новой властью и, кроме того, на стремление этой власти реальность жизни зашифровать специальным языковым кодом (Володин 1992: 1, 4).

С 'высоты' нашего времени такую расшифровку одной из сторон языковой политики послереволюционных властей следует, видимо, считать верной. В этой всеобщей 'языковой тряске' были и такие горячие головы, которые предлагали вообще реформировать русский язык, с тем чтобы он стал "общесоюзным языком". Такое предложение высказал в 1926 г., например, А. П. АНДРЕЕВ (АНДРЕЕВ 1926: 11-21). Правда, сам автор не дал образцов такой реформы, а потому остается непонятным, как она могла быть проведена, а главное - как могли быть воплощены в жизнь ее результаты.

Известен эксперимент, относящийся к 20-м гг. и преследовавший цель 'расторгнуть' словообразовательные потенции русского языка, довести их до грани невозможного. В 1924 г. В. Л. ГОРДИН опубликовал "Граматику логического языка АО" (ГОРДИН [1924]), в которой применил невиданную до того языковедческую терминологию (ничего не имеющую общего с тем проектом реформ этой терминологии, который в 80-90-е гг. XIX в. - начале XX вв. предложил профессор Р. Ф. БРАНДТ, - см. главу "Русангл, или: будем ли мы говорить на интеррусском?"). Особенно много потрудился этот автор над производством нескольких десятков "новообразований" от существительного *изобретение*, глагола *изобретать*, прилагательного *изобретательный*. Приведем их в том порядке, в каком они встречаются в книге (к сожалению, автор не всегда дает определение своим новообразованиям), хотя в ряде случаев они 'читаются' без толкования:

языкоизобретательство (“АО побил рекорд языкоизобретательства и
 экономии звуков”)
 неизобретательственный (“естественный”, т.е. ориентирующийся на
 “природу” цивилизации)
 изобретение “глагол” (а также: “АО буквально означает изобретение)
 наизобретение “наречие”
 поизобретенное “осуществленное”, “существительное”
 приизобретательное “прилагательное”
 число-изобретение “числительное”
 отнющеноеизобретение - “предлог”
 связоизобретение “союз”
 доизобретение “междометие”
 приизобретательное изобретение “прилагательное-глагол”
 умоизобретательные (и чисто цивилизованные задачи)
 самоизобретательный изобрет или самоизобретательный глагол
 всеизобретательство
 поизобретательство “технизация”
 био-психоизобретательство
 неизобретательный (“по-другому: несознательный”)
 изобретательные (акты; изобретательные глаголы)
 поизобретательность “техничность”
 изобретательство
 противоизобретательный (“в противоположность естественным и
 противоизобретательным языкам”)
 взаимоизобретательное изобретение или взаимоизобретательный
 глагол
 изобрет-приизобретательное или глагол-прилагательное (причастие;
 срав. выше: приизобретательное изобретение)
 взаимоизобретающий
 языко-изобретательный (“образцом языкоизобретательной граммати-
 ческой гибкости языка АО является...”)
 построение-изобретение (“глагол в нем является основным построени-
 ем-изобретением языка”)
 изобрет (“по-старому: форма) языка; “причастный изобрет”
 изобретательственный (“изобретательственная классификация”)
 изобретательственность
 изобретание “глагол” (срав. ранес: изобретение, изобрет)
 изобретенность (“число изобретенности или имени числительного”)
 поизобретательный
 символизирование-изобретение
 внешне-изобретательный “внешнеизобретательная (техническая) сто-
 рона”
 лингво-морфо-поизобретательный (“лингво-морфо-поизобретательная
 сторона”)
 противоизобретательственный

*не-изобретательственный
изобретанить...*

Здесь представлено более 40 “новообразований”, при этом автор явно “не дошел до конца”, срав. отсутствие у него частеречных форм типа *изобретательствовать, изобретательствующий, изобретательствуя*, словообразовательные типа *изобретенец*, нормативное *изобретатель* (нормативным у этого автора является, например, существительное *изобретение*) и, вероятно, некоторые другие.

Здесь, конечно, стерты границы между теоретически возможным и фантастическим. Для нас важно в данном случае подчеркнуть один момент: при приведении в действие ‘словообразовательной машины’ (механизма) языка необходимо проверять все ‘пустые клетки’, примеряясь к ним с конкретным материалом. Именно такой подход, а именно проверка, ‘перебор’ (‘переборка’) вплоть до фантастического даст возможность успешнее регулировать словообразовательные процессы, реализуя их прежде всего за счет собственных ресурсов, а не за счет готовых заимствований.

Второй ‘лексико-словообразовательный взрыв’ (или волна) происходит на наших глазах. В перестройку были сняты табу со многих понятий и сфер знания в целом, что потребовало весьма заметной активизации работы словообразовательного механизма русского языка. Всего за несколько перестроечных и послеперестроечных лет в русский язык влилось большое число (многие тысячи, а возможно, и десятки тысяч) новых слов. Большинство перестроечных новообразований, отмеченных нередко индивидуальностью, т.е. конкретным авторством, так же окказионального характера, и есть надежда, что какая-то их часть станет общеупотребительной и попадет со временем в нормативные словари современного русского литературного языка. Представить здесь все многообразие словообразовательных способов и реализованных на их базе новообразований невозможно - объем материала таков, что его хватит на достаточно солидную монографию и словарь. Мы обратим внимание лишь на некоторые новообразования, вызванные перестроечными социальными, политическими и культурными ‘ветрами’ и семантически отражающими эти ‘ветры’. К тому же в предыдущих разделах книги мы неоднократно касались вопросов словообразования и в ряде случаев показали картину проявившихся гигантских словообразовательных потенциалов русского языка - срав., например, производные от *перестройка, демократия* и др.

В перестройку активизировалось префиксальное образование новых слов, причем в этом процессе задействован практически весь префиксальный фонд русского языка. В политическом плане показателен в этом отношении префикс *анти-*, причем в таких прилагательных, как *антинародный, антисоветский, антисоциалистический, антинациональный* и под.:

Националистические проявления все заметнее стали характеризоваться *антисоветской* и *антисоциалистической* окраской (Правда, 1989, 11.IV); Так в нашей стране на наших глазах народ самоубийственно выбрал самое *антинародное* правительство и вместе с тем с точки зрения русских - самое *антинациональное, антирусское* (поэтесса ТАТЬЯНА ГЛУШКОВА; Моск. лит., 1992, 17, 5); Имеют место экстремистские выпады, националистические, шовинистические проявления *антирусского* и *антимолдавского* характера (Правда, 1989, 264, 21.IX);

срав. также: *антисоциалистические* лозунги, *антигосударственная* пропаганда и под.

Возродился и *антибольшевик*, почти забытое в последние десятилетия слово-идеологема: “Горбачев - загадка... По-моему, он *антибольшевик*” (Воля, 1991, 1,3).

Из новых образований характерны субстантивные “анти-”: *антиперестройка, антиперестроечник* и *антиперестройщик*, адъективное *антиперестроечный*; *антидемократия, антидемократ, антидемократизация, антидемократизм, антидемократический*. Образованное в перестроечные годы суффиксальным способом слово *государственник* “стоящий на позициях сохранения и развития единого государства” стало также префиксальным, срав.:

антигосударственники всех мастей (РВ, 1992, 6, 3); В определенном смысле у нас ныне две партии - *государственников* и *антигосударственников*, все остальные - просто вариации на эту тему (Правда, 1993, 46, 1).

Список таких новообразований, как *центр* → *антицентр*, вообще является открытым: “Прежний *центр* был плох, нынче же вообще в Москве *антицентр*” (КП, 1992, 199).

В связи с открытым осуждением прежней бюрократической системы активизировалась модель с префиксом *за-*, присоединяемым к существительным, глаголам и причастиям: *централизованный* - *зацентрализованный*, срав. также: “Есть и другие причины, способствующие созданию очередей. Главная из них - *зацентрализованность* в оформлении заграндокументов” (Известия, 1988, 11.XI); с глаголами: [*социологизировать*] - *засоциологизировать*: “Да мы засушили историю, *засоциологизировали*: схемы, мало человеческих судеб” (ЛГ, 1987, 40, IX), т.е. также, как [*бюрократить*] - *забюрократить*: “*Забюрократили* книгоиздательское дело до абсурда, до смехотворного состояния” (ЛГ, 1987, 19, 6.V). Префиксально-суффиксальным способом образовано *зарутишироваться*:

И комсомол, на мой взгляд, должен подумать о себе, по-моему, он сильно *зарутинировался*: не чувствуется его боевой, объединяющий, мобилизующий, магический дух (ЛГ, 1986, 13. VIII);

с причастиями: *регулируемый - зарегулированный, перегороженный - заперегороженный* - по аналогии с этим последним примером также *забарьеренный, затабличенный, задермантиненный* (глаголы *забарьерить, затабличить* и *задермантинить* нам не встретились):

На мой взгляд, слишком уж *зарегулирован* у нас подбор и избрание руководителей общественных, да и партийных организаций (Известия, 1986); К концу концов мы до того дообновлялись и допереиначивались, что в нашем ведомственном и кастово перегороженном, *забарьеренном, затабличенном, задермантиненном* доме нечем было дышать, а человеческий голос подчас глож в непроницаемых пропонах заполнившего его чванства (ЕВГЕНИЙ НОСОВ; ЛГ, 1988, 16, 1).

На устаревшую бюрократическую систему управления указывает также префикс *сверх-*: *сверхбюрократизация, сверхрегламентация, сверхцентрализация* и под.: “Потому что командная экономика - это *сверхцентрализация*, а экономика рыночная - это всегда *децентрализация*” (из газ.). С *сверх-* синонимизирует интернациональный префикс *супер-*:

Супербюрократизация советской жизни связана в первую очередь с отсутствием плюрализма в структуре власти, в экономике, в идеологии (Огонек, 1989, 1, 15).

Борьба с сверхцентрализацией, т.е. сосредоточением всей власти в руках столичного чиновничества, привела к движению мысли и действиям, выраженным словами, начинающимися префиксом *де-* (обычно в существительных с суффиксом на *-изация* или глаголах на *-изировать*): *децентрализация, деидеологизация, десоветизация, денационализация, дефедерализация, дестабилизация, дебюрократизация, демонополизация, деполитизация, дематериализация* и под.; в ряде случаев мотивирующее, исходное, слово может отсутствовать: *департизация* (при отсутствии слова *партизация*), *декоммунизация* (нет слова *коммунизация*), *десталинизация* (нет *сталинизация*) и др. Этот префикс, выражающий не только отрицание, но и устранение чего-либо, синонимизирует с другим, собственно русским *раз-*, как, например, в словах, образованных префиксально-суффиксальным путем: *разгосударствлять* и *разгосударствление* “переводить из государственной в иные формы собственности” (при отсутствии *государствление*, так что *раз-* + *государств-* + (*л*)ение), *раскрестьянивание* “лишение крестьянина земли и т.д.” (при отсутствии *крестьянивание*; таким образом: *рас-* + *крестьян-* + *ивание*), *разгражданивание* “лишение гражданства страны” (при отсутствии *гражданивание*; т.е.: *раз-* + *граждан-* + *ивание*); *разгосударствление* страны.

Считаю, что концептуальная схема, заложенная в проекте новой Конституции, - порочна. Концептуальная схема в конечном счете разрушает Россию и прежде всего разрушает русский народ. Она его окончательно денационализирует и, так сказать, *разгосударствляет* (Федерация, 1991, 2, 5); Смотрите, уже и церкви работают, и гимназии открывают, и *разгосударствление* грядет, авось, что-то каждому и достанется? (Правда, 1990, 295, 22.Х); Массовое *разгражданвание* 'некоренного' населения ряда союзных (в ближайшее время и некоторых автономных) республик - вот процесс, который разворачивается у всех на глазах... (НС, 1991, 2, 5).

Активизировался префикс *пост-*, выражающий завершение, закат чего-либо, проведение новой границы и т.д.: *посткоммунизм, постсоциализм, посткоммунисты*; в адъективных формах:

Нынешние политики любят говорить о *посткоммунистическом, постсоциалистическом* государстве; Избиения студентов... выгодны оппозиции, призывающей к переходу от *постсоветской* квазидемократии к настоящему народовластию (из газ.); Вся тактика и стратегия *постсоветских* реформ указывает на то, что мы имеем дело не с "переходом к рыночной экономике", а с узакониванием фиктивных отношений черного рынка; Очень гордятся чеченцы и своей Конституцией, первой в *постсоветском* обществе... (РВ, 1992, 41-44, с. 8, 9); *постсоюзные* данные "данные, касающиеся каких-либо сторон жизни после ликвидации Советского Союза" и под.

Необычную активность в перестроечные годы приобрел префикс *не-*, прибавляемый к этнонимическим прилагательным. По данным толкового словаря русского языка, до перестройки фиксировалось лишь слово (прилагательное и существительное) *нерусский* в значении "не относящийся к русскому, к русским, не свойственный русским, не такой, как у русских" (Словарь РЯ 1992: т. II, с. 477). В перестройку стали обычными ранее практически не употреблявшиеся в печати образования типа *негрузинское* (население), *нетуркменское, нетатарское* и т.д. *население (-ая национальность)*:

В целом в индустриальном секторе преобладают рабочие *нетуркменской* национальности... (Союз, 1991, 30, 10); Продажное правительство, продажные функционеры, которую продали нашу страну [Грузию], наш народ, прямо кусками продали грузинскую землю *негрузинскому* населению. *Негрузинское* население размножается катастрофическими темпами... (З. ГЛМСАХУРДИЯ; СР, 1990, 272). Мы открыто заявляем: никто в нашей республике не стремится к изоляции, сепаратизму, притеснению представителей *нетатарской* национальности, выпячиванию узко-национальных интересов (Союз, 1991); "С грузинским населением проблем не будет", а вот "подготовить к нему (референдуму) *негрузинское* население" необходимо (из газ.); Это связано с тем, что принятый Верховным Советом республики ряд законов ущемляет гражданские права населения *немолдавской* национальности (Правда, 1990, 22.ХII).

Характерны также образования с префиксом *нео-* и выступающие в качестве синонимов словосочетания с *новый*, как в примерах:

Это паралич большевистской политики, это все *необольшевизм*, та же самая старобольшевистская политика, но с другим оттенком (День, 1992, 1, 2); воспользовавшись событиями 19-21 августа, чудовищной провокацией партократов, *новые большевики*, втершись в ряды искренних демократов, развернули широкомасштабную кампанию ненависти и вражды к инакомыслящим (ЛР, 1991, 36, 9); В этом смысле *необольшевики* оказались жертвой дальновидной интриги старой гвардии Политбюро (Известия, 1992, 267, 1); 30 августа московские городские власти, действуя в духе путчистов и *необольшевиков*, предприняли попытку захвата дома в Хамовниках... (ЛР, 1991, 36, 8).

Активизация слов с основой *большевик-*, осложненных префиксоидом *нео-*, связана со стремлением вызвать ассоциацию с первыми послереволюционными десятилетиями, причем в демократическом лагере *необольшевиками* называют тех, кто не стал демократом, а в оппозиции - напротив, тех, кто "перешел в демократы".

В то же время в политической сфере стал активно употребляться префикс *экс-*: *экскоммунист*, *экскоммунистический*, *экссоциалистический*, *экспартиец*, *эксноменклатуристик*, *эксгенсек* [*экс-генеральный секретарь*] и даже *экс-СССР*.

Из префиксоидов заслуживают также внимания такие, как, например, *псевдо-*: *псевдоновации*;

(От чего нам бы надо избавиться в ходе перестройки, так это от *псевдолюдей* (!), *псевдоспециалистов*, вообще от *псевдо*. Явление это зарождалось еще во времена Сталина. *Псевдоученые*, *псевдописатели*, *псевдокоммунисты* и т.п. (АЛЕСЬ АДАМОВИЧ; ЛГ, 1987, 19, 6.V); Пресса демонстрирует *псевдостабильность* в стране (Известия, 1988, 4.V);

срав. также с новым, перестроечным словом: "Ведомства забирают контрольный пакет акций и превращаются в ассоциации, концерны... Это - *псевдоразгосударствление*..." (ЛГ, 1991, 18, 6.V).

Высока ныне активность у префиксоидов типа *теле-*: *телеэкономист*, *телечинновник*, *телевести*, *телеложь*, *телеящик* ("телевизор") и под.:

От нашей *телехозяйки* скрывают, что в Америке 20% негров, а сержантов-негров в армии - до 40%...; Успели *телеинъекциями* задурманить даже офицеров; даже хорошо, что *телеумшники* подкинули нам эту идею с наемной армией (К. РАШ; ИС, 1991, 5,6); Кто сказал, что армия вне политики, что она никогда не должна становиться самостоятельной силой? - Это же *телевитши*, "Информационная программа",

22 июня! (НС, 1992, 5, 175); Ощущаю лишь редкие *телегазетные* уколы. Считаю, что журналист имеет право на свое мнение (Правда, 1990, 16.XI).

Из приведенных примеров видно, что в основном это окказионализмы, за исключением, может быть, образования *телевести*.

Отмеченные здесь, а также не упомянутые префиксальные и префиксоидные элементы способствовали отражению новых социальных событий и явлений советского и постсоветского времени, их значимость для политической жизни резко возросла. То же самое относится и к суффиксам.

Социальные явления негативного характера выражает суффикс *-щин(а)*. В русском языке имеется несколько десятков слов с этим суффиксом, образованных от нарицательных слов в форме прилагательного (*бестолковица* < *бестолковый*, т.е. *бестолков-* + *-щин(а)*; *чертовщина* < *чертовский*), а также от собственных имен (*маниловщина* < *Манилов* + *-щин(а)*). В перестройку список таких слов значительно расширился. Прежде всего с помощью интересующего нас суффикса были обозначены отрезки времени правления крупных и мелких, центральных и периферийных вождей и руководителей бывшего Советского Союза и одновременно выражена оценка этого правления: *сталинщина* (< *Сталин*), *хрущевщина* (< *Хрущев*), *брежневщина* (< *Брежнев*), *горбачевщина* (< *Горбачев*):

(Один из мрачнейших итогов *сталинщины* - вполне обоснованное убеждение наших граждан: трудом праведным не наживешь палат каменных! (Огонек, 1989, 40, 7); Политика социального лицемерия дала свои плоды: выросло несколько поколений людей, знать ничего не желающих ни про ужасы *сталинщины*, ни про судороги *хрущевщины*, ни про маразм *брежневщины* (Неделя, 1988, 25); Одна из отличительных черт *брежневщины*...; *потемкинщина* - родная прабабка *брежневщины* по части угодничества и показухи (там же); стагнация науки в условиях *брежневщины* (там же); Дождались великого времени, когда восстанавливается справедливость после пережитого тяжелого времени эпох сталинизма и *брежневщины*; Нельзя обойти молчанием и тот факт, что в период *брежневщины* был допущен произвол над многими творческими деятелями... (Огонек, 1989, 11, 2); Если говорить о русской эмиграции (я имею в виду действительно русскую, а не русскоязычную), то многие из них в течение последних двух лет жили надеждой краха "*горбачевщины*", как они называли все происходящее в СССР (РВ, 1992, 28, 19).

Нам не встретилось пока образование *ленинщина* (< *Ленин*), хотя теоретически оно возможно и, кажется, 'стучится в дверь'.

От фамилий более мелких периферийных 'вождей':

По мнению выступающего, цели у этих национал-патриотов однозначны: борьба за власть, ставка на неограниченное местничество, борьба за то, чтобы вернуться к *рашидовщине*, *медуновщине*, *кунаевщине*, *алиевщине*, но более завуалированной и лучше оберегаемой (Правда, 1989, 265, 2).

Т.е.: *рашидовщина* < *Рашидов* (руководитель Узбекистана), *кунаевщина* < *Кунаев* (руководитель Казахстана), *алиевщина* < *Алиев* (руководитель Азербайджана), *медуновщина* < *Медунов* (руководитель Краснодарского края).

Имеются и оттопонимические образования типа *сумгаитщина* < *Сумгаит* (город в Азербайджане, где в начале перестройки произошли погромы и резня местных армян со стороны азербайджанцев):

Продолжаем стоять на этой позиции, видя в ней социальную необходимость, понимая, сколько опасна вся эта *сумгаитщина* (Огонек, 1989, 34, 5).

Общую группу составляют образования от прилагательных типа *дедовщина* (< *дедовские* порядки в армии, когда старшие солдаты 'командуют' молодыми), *чрезвычайщина* (< *чрезвычайный*; *чрезвычайная комиссия*), *официальщина* (< *официальный*), *коллективщина* (< *коллективный*; имеется в виду принцип *коллективизма*, официально поддерживавшийся в Советском Союзе) и др.:

Может, хватит "*чрезвычайщины*"? (название статьи; Правда, 1990, 12.XI); После крушения культа личности в нашей стране наиболее мощным, а потому и наиболее опасным стал, пожалуй, культ *коллективщины* - наделение "народа", масс, большинства примерно теми же мистическими свойствами *нейогрешимости*, *всесилия* и *всеблагости*, какими в прошлом наделялись священная корова и святой фаллос (Союз, 1990, 51, 6); Министр брал слово несколько раз. Держался он непринужденно, без *официальщины*, и тем понравился писателям (Огонек, 1989, 36, 26).

Здесь заметны и конкурентные отношения между суффиксами - *щин(а)* и, например, -*к(а)* - *уравниловка* - *уравниловщина* (последним придается более отрицательное значение явлению):

Нет, это раздуваемые и искусственно кем-то подогреваемые эмоции поборников гнилой *уравниловщины* (Огонек, 1989, 36, 5).

В приведенных выше примерах на -*щин(а)*, мотивированных прилагательными, при образовании абстрактных существительных происходит полное или же частичное отсечение адъективного суффикса: *дедовщина* < *дедовский* (порядок), *официальщина* < *официальный*; в случае с существительным *уравниловка* речь, видимо, идет о взаимозамене суффиксов.

Возникло и образование, весьма редкое, *советчина*, образованное от *совет-ск-ий* (с отсечением адъективного суффикса *-ск-*) либо от *совет-советы*:

Нас лишили имени своей страны, нам запрещали называть себя русскими, да и сейчас нас снова толкают обратно к "*советчине*", называя население нашей страны "русскоязычным", т.е. безымянным, безнациональным (РВ, 1992, 21, 7).

Если с помощью суффикса *-щин(а)* обозначаются явления прошлого, отвергаемые ныне, то суффикс *-изм*, как правило, обращен к современности, в том числе и к 'новым вождям', их советникам и т.д. постсоветского времени:

Корни *ельцинизма* (< *Ельцин*). Известны и социальные корни этого явления, они в мелкобуржуазности (КиФ, 1992, 6, 1); Серый кардинал Ельцина и фактически премьер правительства Г. Бурбулис удостоился того, что А. Тулеев образовал от его фамилии термин *бурбулизм*... (РВ, 1992, 21, 9); Сама Грузия не изжила свою болезнь, которая называется *звиадиизм* (< *Звиад Гамсахурдия*) (Россия, 1992, 14, 6); Что такое *ландсхурдиизм*? (название статьи; НП, 1992, май) (контаминация от фамилий литовского руководителя перестроечного времени *Ландсбергиса* и грузинского *Гамсахурдия*) и под.

Срав. также образования на *-изм* от нарицательных слов, выражающих различные негативные явления в обществе в недалеком прошлом и сегодня:

Не тесен ли кафтан "*вождиизма*" (название статьи; Правда, 1992, 197, 26.ХІІ); Возможно, вы замечали в его [Горбачева] поведении элементы *вождиизма*, бычеподобные черты характера (Правда, 1992, 17.Х); Какой же строй возникает в России? Президент в своем интервью ставит вопрос открытым - "ни капитализм, ни социализм". Народ же успел подобрать этому строю подходящее имя - "*сволочиизм*" (ВЛАДИМИР ИСАКОВ; СР, 1992, 143, 1); Отсюда прагматичность, "*наплевиизм*", потеря родовых связей (Б. ОЛЕЙНИК; ЛГ, 1988, 18, 4.V); Вспоминая слова друга, упрекавшего его в излишней ретивости к *передовизму*... (М. ЛОБАНОВ; ЛР, 1991, 7, 15.ІІ).

Совершенно необычно в этом ряду образование *нашиизм* от притяжательного местоимения в форме множественного числа *наши* (с наложением окончания *-и* притяжательного местоимения на *-и-* суффикса *-изм*), а также *нашисты*. Это притяжательное местоимение получило свой 'социально-политический взлет' после телепередачи известного санкт-петербургского журналиста АЛЕКСАНДРА НЕВЗОРОВА под названием "Наши", рассказывавшей о противостоянии в Литве в 1990-1991 гг. и, в частности, о тех, кто стоял на позициях сохранения единства Советского Союза. Это грам-

матическое слово стало своего рода лозунгом в определенных кругах внешней оппозиции. Срав.:

Поводом для общего смятения послужила демонстрация по Первому каналу ЦТ [Центральное телевидение] публицистического фильма А. Невзорова "*Наши*", вызвавшего волну негодования "демократической" общественности (ЛР, 1991, 5, 1, II); Вчера с берегов Невы на улицы России шагнул *нашизм* (Известия, 1992, 209); Сейчас у демократической прессы появились новые ругательные слова "*наши*", "*нашисты*". Откуда такая неприязнь и ненависть к движению "*наши*"? (РВ, 1992, 7, 5).

Вот как рассуждает еженедельник "Русский вестник" (1992, 19, 2):

Когда же мы были в оккупации и когда в небе показывались советские самолеты, наши матери выходили из укрытий и со слезами на глазах говорили: "Это *наши* летят". Все узнавали *наших* даже по особому звуку самолета... Солдаты, освободившие нас, отдавали нам, голодным и униженным, все свои скудные пайки. А тот восторг, который испытывали дети и подростки при виде солдат и офицеров, просто невозможно передать. И с той поры для всех, кто испытал трагедию войны и радость освобождения, слово *наши* имеет глубокий, выстраданный смысл. Огромное спасибо А. Невзорову и газете "День", которые воскресили это прекрасное понятие. *Наши* - это освободители. *Наши* - это люди, отдающие последнее своим соотечественникам, попавшим в беду. *Наши* - это честные, порядочные, высоконравственные, мужественные люди.

Большое распространение получил суффикс интернационального происхождения *-изация* для выражения явлений, происходящих в обществе впервые. От существительных образованы: *купонизация* (< купон) - в годы быстрого роста цен, острого дефицита продуктов и товаров выдача купонов населению, по которым дефицитные вещи можно было в определенном количестве купить в государственном магазине; *долларизация* (< доллар) - распространение доллара, введение его как расчетной единицы в экономику и торговлю Советского Союза; *суверенизация* (< суверенитет) - получение суверенитета бывшими республиками Советского Союза:

Не просто проходили первые дни "*купонизации*" (на Украине) (Правда, 1990, 317, 2); Когда же это происходит в таких размерах, как сейчас у нас, это грозит утратой доверия к рублю и *долларизацией* экономики; Ну, а после того, как выступавший в парламенте Гельсин заявил о своей решимости покончить с *долларизацией* экономики именно таким способом, курс еще более резко упал (из газ.); Отстранение компартии от власти расшатало всю политическую систему и спровоцировало ту абсурдную "*суверенизацию*", которая стала предпосылкой правовой борьбы за власть политико-экономических кланов (Э. ВОЛОДИН; ЛР, 1992, 47, 3); "*И религиизация* всей страны?" (название статьи; Огонек).

Появилось и отономастическое образование *гайдаризация* (< *Гайдар*, исполнявший одно время обязанности руководителя правительства России): “*гайдаризация цен*” (из газ., по радио);

Нынче времечко такое -
Буду огрызаться я:
Не могу считать людскою
Всю *гайдаризацию!*
(СР, 1992, 161, 4).

Если продолжать о суффиксах, создающих слова с абстрактным значением, то следует обратить внимание и на такие образования, как *реформёж*, *гундёж*, образованные по той же модели, что и *грабеж*, *долбеж*, *галдеж*, *скулеж*, *крепеж* и некоторые другие:

Если грабят в одиночку,
Называется - грабеж,
А коль грабит государство -
Это что же - *реформёж?*
(СР, 1992, 151, 1)

Срав. также:

Многие народные депутаты СССР хорошо помнят постоянно ноющий *гундёж* Бурбулиса в кулуарах Верховного Совета СССР: “Империя должна быть разрушена”. Кстати, начинал он с подчеркивания консолидирующей роли партии в перестроечном процессе, а потом как-то сразу забыл об этом и стал говорить “про империю” (СР, 1992, 147, 3).

Срав. также: *оживляж*:

В российской внешней политике в последние недели заметный *оживляж*: беседы с турками, французами, финнами, американцами. Разъезды, пресс-конференции, интервью (из газ.); Однако несмотря на все попытки “*оживляжа*”, “исторософская” концепция проводится через роман с настойчивостью соцреалистических “мастеров пера” (НС, 1991, 3, 175).

Весьма продуктивно образование существительных со значением лица, деятеля в их отношении к сфере занятий, к партиям и организациям и т.д.. Почти узувальным стало слово *теневик*, образованное от *теневого* (конкретно: *теневаая экономика*) с помощью суффикса *-ик*:

Так какая же власть придет? *Теневики*? Люди не столько боятся грядущего повышения цен, сколько анархии, насилия, межнациональных конфликтов при полном параличе власти (Правда, 1990, 308, 4); Да, денег *теневикам* хватает (СР, 1991, 54, 16. III); Функционер “заднего плана” = “*теневик* в политике”, “серые кардиналы” - они не правят, а направляют! (из газ.).

Модель на *-ник* (или *-н-ик*) также обозначает важный в социальном плане слой людей, стоящих на различных политических, экономических и проч. позициях; мотивирующей основой для существительных служат в основном прилагательные: *государственник* < *государствен(н)-* + *-(н)ик*, *рыночник* < *рыноч(н)-* + *-(н)ик* и под.:

А это значит, что и в "Белом доме", и в Кремле пройдет глубокий разлом между *государственниками* и новоявленными глобалистами, твердящими зады Европы, не озабоченными судьбами России (ИС, 1992, 6, 134); Четвертая категория - это *государственники* из среды комдемократов. Это сейчас несчастная категория. Атеистическая, условно говоря. (С Богом 'борются' *негосударственники* из этого, подчеркиваю, стана) (РВ, 1992, 45-48, 2).

В демократической печати слово *государственник* не принимают (по крайней мере до сих пор, когда пишется эта книга) и потому нередко подают его в кавычках, а в содержание вкладывают значение "националист":

Главный вопрос звучит по-другому: какое направление, какое течение внутри национал-патриотического движения возьмет верх - национал-социализм или "*государственники*"? (Незав. газ., 1991, 157); Нет, эти националисты не ставят цель погубить Россию, эти *государственники* не хотят разрушить государство, эти консерваторы не мечтают об анархии. Конечно, если они победят, результат будет именно таким... (Огонек).

Дальнейшие иллюстрации:

Кстати, мы еще раз напоминаем нашим "*рыночникам*" главную аксиому формирования производственной сферы (ИС, 1992, 7, 13); Сейчас, когда дело дошло до осуждения программ "*рыночников*", от них отплатнулись даже такие ярые сторонники, как народные депутаты...; Нас уверяют, что надо принять программы "*рыночников*", потому что иного выхода нет, альтернативы им нет. Это неправда. Выход есть, существуют и альтернативы (Россияне, 1991, 3, с. 5, 7); *Межрегиональщики* (< *межрегиональная депутатская группа*) и демократы, если выдвигают депутата в представительные органы, то ... (Правда, 1990, 347, 13.XII); Поэтому именно нам, российским *многонациональщикам* (< *многонационал(н)-* + *-(н)ик*, здесь: происходящий из смешанного брака), и можно доверять судьбу России в это бурное с точки зрения межнациональных конфликтов время, а не видеть в нас что-то подозрительное (А. ТУЛЕЕВ; Федерация, 1992, 53, 8); *Пятисотдневники* (или: *500-дневники*), создатели и сторонники конъюнктурной программы экономической реформы России: когда пришла пора вводить рыночные отношения, а для этого прежде всего стабилизировать рубль, первой заботой *500-дневников* стала задача распродать государственное имущество и землю с расчетом, чтобы... (ИС, 1991, 2, 179).

Срав. также бессуффиксальное образование:

И возникает вопрос: из каких фондов субсидировали будущих регионалов? (НС, 1992, 6, 126).

В связи с массовым обнищанием населения страны в период перестройки появилось и такое, совершенно неожиданное понятие, обозначающее мертвеца, которого хоронят без гроба (из-за дороговизны гробов и безразличия общества к человеку), - *без-* + *гроб(н)-ый* + *-(н)ик* > *безгробник*:

На днях обожгли мне слух два новых слова: существительное *безгробник* и прилагательное *безгробный* (СР, 1992, 46, 3).

Реже мотивирующей основой для таких существительных могут быть глагольные формы:

Длительное благодушное потакание "*обещальникам*" сформировало своеобразных непотопляемых "ценных и нужных" работников... (Б. Олейник; ЛГ, 1986, 39, 24.IX).

Продолжим близкой моделью на *-щик* (мотивирующей основой могут выступать существительные, прилагательные и глаголы):

Кооперативщики (< *кооператив*) - туда, *кооперативщики* - сюда (в первую очередь, конечно, к юристам), все твердят одно и то же: "Правда на вашей стороне, никто не может вас выселить" (ЛГ, 1988, 2.XI); Однако *кооперативщики* и мелкие буржуа, называющие себя "демократами" ..., заполонили улицы (Бюлл. Спарт., 1991, 2); Члены СП [Союз писателей] СССР видят реальную опасность в том, что начавшийся самозахват журналов и газет их редакциями может свести к нулю свободу слова. "*Групповщики*" никогда не допустят на страницы своих, теперь уже "собственных" изданий чужого автора (Правда, 1990, 295, 22.X); Наконец, в эти дни в Киеве происходило нечто такое, что оптимистов из числа сочувствующих "*голодовщикам*" заставило заговорить о схожести украинской ситуации образца 1992 г. с Францией-68 и Чехословакией-89... (из газ.); Беда глашатаев нового рая, неисполнимость их затей не только от того, что они в большей части своей типичные столоначальники, чиновники, *говорильщики*, словоизверженцы из неудачников-ученых..., но от того, что они трубадуры "общечеловеческих ценностей"... (из газ.).

Актуальное социальное звучание получили существительные, мотивированные глагольно-причастными формами с помощью суффикса *-(ен)ец*: *отделенец, отделенцы* - первоначально "республики, отделившиеся от Советского Союза", а затем и более конкретное значение - "организации и учреждения, выделившиеся в самостоятельные административные единицы":

Создаются могучие концерны и целые империи органов информации. А наши “отделенцы” разваливают пока еще сильный Союз писателей, способный объединить усилия литераторов...; Выходит, что “отделенцы” думают только о своих доходах. В нравственном отношении это непорядочно... (из газ.).

Возвращенец (мн. ч. - *возвращенцы*) - “человек, вернувшийся в перестройку в страну первоначального проживания, а ранее выехавший или выселенный по политическим мотивам”:

Неправомерны слухи, будто “возвращенцам” предоставляют какие-то льготы, создаются какие-то условия (ЛГ, 1987, 12, 18. III).

До перестройки в употреблении было *невозвращенец*, т.е. “оставшийся за рубежом, попросивший там политического убежища и т.д.”. Сюда же можно присовокупить и отономастическое образование типа *травкинцы* (< *Травкин*) и под.

Своего рода “семантическое наложение” произведено в слове *выходец* (мн. ч. *выходцы*): при нормативном значении “происходящий из какой-то местности или социального слоя” появляется и новое, отражающее актуальный социально-политический процесс в стране, - “вышедший из членов КПСС”; срав. в примере:

Еще раз скажу: не стоит всех “выходцев” мерить единой мерой. Многие из дрогнувших, уверен, возвратятся в партию (Правда, 1990, 347, 2).

Возможно, что это новообразование принадлежит писателю БОРИСУ ОЛЕЙНИКУ.

От *фронт* с интернациональным суффиксом *-ист* образовано необычное существительное *фронтист* “сторонник или член народного фронта в поддержку перестройки”:

Так, еженедельник оппозиционному правительству и парламенту Христианско-демократического народного фронта в редакционной статье неназойливо посоветовал студентам выход из кризиса. Он, естественно, видится *фронтистам* в выходе Молдовы из СНГ, и, соответственно, из рублевой зоны... (из газ.).

По модели на *-ист* образованы также *путчист* (< *путч*), отономастические *руцкист* (< *Руцкой*), *ельцинист* (< *Ельцин*) и под.:

Вот сейчас говорят - “путчисты”, переворот произошел. Я не понимаю, какой переворот, какой путч? Законное правительство издало законный указ (День, 1992, 21, 2); Вряд ли изменит положение и альянс

“руцкистов” и “травкинцев” с партией обновления А. Вольского (НС, 1992, 8, 112).

Демократами было введено пейоративное обозначение представителей и сторонников прежнего, коммунистического, режима в виде образования *коммуняка* [замена в слове *коммунист* суффикса *-ист* суффиксом *-як* (-‘ак)], что ассоциируется с камень, т.е. твердый, как камень:

Радикалы, естественно, пытались все свалить на *коммуняк* (Б. ОЛЕЙНИК, Князь тьмы, 55); Скажи сначала, про что они вообще поют? - Про жизнь. Про *коммуняков*. Про Солженицына. Про “как закалялась сталь”...; Но повернуться лицом к ненавидящим его “нашим”, заключить пакт с вечно вчерашними “*коммуняками*”, пакт против демократов... - этого Ельцин не может (из газ.).

Активизировались и ранее известные отглагольные существительные с суффиксом *-л* (происходит из суффикса прошедшего времени *-л*), выражающие значение лица с негативной стороны: *водила* < *водил* (*водить*) - грубое обозначение водителя машины или какой-либо азартной игры; *доставала* < *доставал* (*доставать*) - “тот, кто связывает себя с делом или людьми ради корыстных целей”; *катала* < *катал* (*катать*) - “одна из ролей в играх на деньги или ценности”:

Прилипали топили его в море лести и восхвалений, получая за это высокие посты, высшие награды, премии, звания (ЛГ, 1988, 8, 24.11); И все ведь благодаря своим собственным заслугам - не сажает ведь *водила* рядом с собой вон ту толстуху или вон эту морщинистую... (из газ.); Уверен, что книжных тиражей хватило бы, чтобы удовлетворить запросы библиофилов, историков литературы и просто любителей-доставал (ЛГ, 1989, 19, 6.V).

До перестройки в русском словаре отмечалось около десятка сложных слов со вторым, греческим по происхождению, корнем *крат-*, означающим “власть”: *бюрократия*, *теократия*, *охлократия*, *демократия*, *социал-демократия*, *автократия*, *аристократия*, *плутократия* (и соответственно: *бюрократ*, *теократ* и т.д.). Поскольку в перестройку стержневым вопросом была власть, то обозначающий ее греческий корень был активно использован для выражения различных форм власти, в основном негативно оцениваемой: *партократия* - *партократ* - *партократический* - *партократский*; *этиократия* - *этиократ* - *этиократизм* - *этиократический*; *академкратия* - *академкрат* - *академкратский*, срав.:

Я думаю, что один из верховных образчиков “героя нашего времени”, яркий типаж эпохи смуты - Ельцин, плоть от плоти *партократии*, всю жизнь проживший, как коммунистический феодал - областного, а затем и столичного масштаба, еще столь недавно просивший реабилитации как коммунист, он превратился сегодня в ярого гонителя коммунистов! (Т. Глушкова; НС, 1991, 11, 148); Мы с вами не смогли даже вообра-

зять все возможные глубины *партократской* низости; Мне иногда кажется, что какие-то международные силы ставят на Горбачеве уникальный морально-психологический эксперимент, стремясь выяснить, где же предел человеческому падению, где дань *партократской* низости (СР, 1992, 144, 4); *Этнократию*, на наш взгляд, может опрокинуть лишь центростремительная сила реформ в России, которая как ни крута...; Когда вооруженные толпы под Зугдиди захватывают и грабят поезд с продовольствием - это "звонок" для *этнократии*; Кто будет платить по счетам *этнократического* безумства в Южной Осетии, которую режим подвергал систематическому разрушению... (Правда, 1992, 26.IX, с. 1); От демократии к *этнократии*, или сверяясь с Билем о правах; *Этнократизм* же оформляет "сверхправа" в систему власти одной этнической группы на объявляемой исключительной собственностью этой группы территории; *Этнократическая* идеология получила чрезвычайно благоприятные возможности для своего развития у нас в стране по целому ряду причин (НС, 1991, 2, 4); Это классические *академкраты* - ученые, подпирающие цекистскую власть, обслуживающие кочевую номенклатуру; Кучка *академкратов* была и остается командой Яковлева (НС, 1991, 8, 169; АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ); Ельцин даже окружил себя яковлевской командой *академкратов* - все те же Заславская, Тихонов, Богомолов (НС, 1992, 6, 134).

В противовес этому ряду в оппозиционной среде внедряется термин с положительной семантикой - *патриократия*. Разъясняется он следующим образом:

Патриократия - государственная форма целостного общества... Мы полагаем, что в интересах подлинного и длительного блага нашего общества и государства в стране может и должна быть установлена - *патриократия*... Установление *патриократии*, основанной на единстве Отечества, стремящейся к сплочению Отечества и озабоченной благом Отечества (ЛР, 1991, 26, 28.VI).

Большое распространение получили сложения с начальными компонентами *люмпен-*, *суверен-*, *национал-* и под.:

Это - *люмпен*, *люмпен-пролетариат*, *люмпен-интеллигенция*, *люмпен-пенсионеры* - старшее поколение, требующее дополнительных привилегий (НС, 1992, 5, 128); У нас эти "*люмпен-академики*" (как удачно назван в печати Шаталин) наверху парасхват (ЛР, 1991, 7, 15.II); Настало "новое время" и "демократы" оказались по одну сторону баррикад с *суверен-коммунистами* [т.е. коммунистами, выступавшими ранее за единство Советского Союза, а теперь - наоборот, за выход своих республик из его состава] (РВ, 1992, 45-48, 8); Простейший выход и подсказывает эта гипотеза - удариться в националистическую демагогию, в военный психоз, в *национал-популизм* (Огонек).

Сложения с самостоятельно употребляющимися частями (так наз. дефисное сложение) практически не обозримы, срав. такие показательные примеры:

Партия патриотов-государственников, ЛДПР [Либерально-демократическая партия России] бережно относится к российскому историческому наследию, включая и ту часть советского периода, которая связана с укреплением государственности и превращения страны в мировую сверхдержаву (Либерал, 1993, 8-9, 2); превратить *народ-государственник*, т.е. русский народ... (из газ.); Политическая элита *реставраторов-антисоветчиков*, разумеется, не желает объяснять, почему сегодня “кому война, а кому мать родна” (НП, 1992, 46, 4); *государства-республики, демократы-интернационалисты, перестройка-переломка* и под.

Используются и сложения, образованные на основе словосочетаний типа *новомышленцы* < *новое мышление* как политическая доктрина, ее сторонники; *планокачатели* < “качатели” плана, т.е. “те, кто ‘качает’, всеми способами формально выполняет экономический план”, *белодомовцы* < *Белый дом*, т.е. “те, кто был у Белого дома - правительства России в августе 1991 г., когда была предпринята попытка введения в стране чрезвычайного положения” и масса других. Такие новообразования несут прежде всего негативный семантический заряд. Срав. примеры из текстов:

Постоянно сталкиваюсь с *новомышленцами*, чаще всего - с Горбачевым (Правда, 1992, 16. X); Наши “*новомышленцы*” - прежде всего Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе - решили втащить одну шестую планеты [т.е. Советский Союз, занимавший такую территорию] в “общесвропейский дом”, а этот дом затрещал по всем швам (ЛР, 1992, 45, 2); Но и в этих условиях с замурзанных, взъерошенных и истощенных коровенок не слазят всякого рода *планокачатели*, требуя от нее ударного молока и планов (Е. Носов; ЛГ, 1988, 16, 20.IV). Отсюда лозунг *белодомовцев*: “Даешь собственность!” (НП, 1992, 46, 4).

Бурные социальные изменения - это благодатная почва для словотворческой деятельности путем различных контаминаций. Если до перестройки контаминации как способ образования окказионализмов использовались преимущественно юмористами и сатириками, некоторыми писателями и особенно публицистами, то сейчас они становятся (не будет преувеличением сказать!) популярнейшим средством конструирования новых слов практически для всех газет, журналов, телевидения и радио. Из носящих социально-политический характер отметим прежде всего лексему *оккупанты*, получившую невиданную частотность в первые годы перестройки. В ряде республик Советского Союза это слово было направлено против некоренного населения, которое стали называть также *мигрантами*. Вскоре появился и окказионализм *покупанты* на основе *покупа-*(ющие) + *оккупанты*, т.е. “те, кто из другой республики приезжает, чтобы купить продукты, вещи” (при их общем дефиците). Под воздействием прямой ассоциации с только что названным словом произведено и *коммутанты*, но исходная база этого слова иная: *комм-*унисты + *мутанты*, т.е. “те, кто оставил членство в компартии Советского Союза, переменил свои идеологи-

ческие взгляды на противоположные”, т.е. мутировал. Термин приписывается украинскому писателю БОРИСУ ОЛЕЙНИКУ:

Работая в Сибири и Москве, я встречался с коммунистами, которые, в отличие от нынешних перевертышей, или, как окрестил их Борис Олейник, *коммутантов* и после реабилитации... до конца жизни не покидали партию (Е. ЛИГАЧЕВ; Правда, 1992, 17.Х); Почти все из них один-два года назад были членами КПСС: “*коммутанты*”, по выражению Б. Олейника (И. ШАФАРЕВИЧ; НС, 1991, 12, 13); Ибо нынешние “судьи” прежде всего - из *коммутантов*, сделают все возможное, чтобы изъять и уничтожить даже намеки на организованное сопротивление: предатели больше всего ненавидят и боятся непредавших (Правда, 1992, 6.Х, с. 4).

И в составе дефисного сложения:

Хотелось бы, чтобы газета постоянно разоблачала *коммутантов-перевертышей* (СР, 1992, 145, 4).

В этом же ряду и *подписанты* “те, кто подписывал письма, обращения, воззвания и под., шедшие в разрез с официальной идеологией Советского Союза”, при этом такие люди подвергались различного рода репрессиям. Заметим, что в тот период, т.е. до перестройки, этим словом почти не называли (по крайней мере, в печати), слово ‘вспыло’ после того, как явление практически исчезло. Срав.:

А следом произошло нечто не столь значительное, но для авторов провокации болезненное: среди “*подписантов*” начался раскол (ЛГ, 1987, 18, 29.IV).

И дальше - уже по аналогии: *неподписанты* “не имевшие возможности подписаться на периодические издания из-за лимита тиража и т.д.”: “*Неподписанты-93*” (заметка; Правда, 1992, 159, 2).

Еще примеры контаминаций: *парт(о).завры* < *парт-ийные* + *дино-завры*, т.е. “‘правоверные’ партийные деятели”; *мракобесинг* < *мракобес-ие* + *прес-синг* (допустимо также простое прибавление английского суффикса абстрактной семантики *-инг*), *хрущобы* < *Хруще/о-в* + *т-рущобы*, т.е. “стандартные, уныло построенные во времена и по указу Н. С. Хрущева многоэтажные дома и тесные в них квартиры” (впрочем, это слово в народе давно и широко распространено; в перестройку оно лишь ‘официализовалось’); *пуцисты* < *пу-тч* + *пуц-а* + *-ист* - так оппозиция называет руководителей России, Белоруссии и Украины, которые в декабре 1991 г. собрались в Белоруссии, в Беловежской пуще, и объявили о прекращении существования Советского Союза как единого государства; и многие другие. Срав.:

Впрочем, “*партозаврам*” (“верным ленинцам”) тоже доставалось от хамелеонов (“неверных ленинцев”), жестоко осуждавших и осудивших-таки “верных” за их верность принципам, которые, кстати, не они и придумали (Б. Куркин; ЛР, 1991, 46, 15.XI); ... настойчивое стремление руководства КПСС признать партию преступной организацией создает изрядные трудности и для тех “*партозавров*”-*олигархов*, которые сумели вовремя улизнуть из партийного руководства...; Нет, далеко не по-большевистски вели себя “*партозавры*” высшего ранга (из газ.); В отличие от *мракобесинга*, на Манежной площади, у Белого дома все было ритуально и благородно... (Молния, 1992, 32, 4); Маневры для поиска взаимопонимания с теми, кто вместе с нами стоит в очередях, живет в тесных клетушках “*хрущоб*”, получает мизерную итэ-эровскую [ИТР = итээр = инженерно-технические работники] зарплату... (АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ; НС, 1992, 10, 188); Развалив Союз, “*беловежские пуцисты*” обрекли его народ на обнищание, экономика разрушается со страшной скоростью... (День, 1992, 20); Сегодня наступил 163-й день, когда трое “*пуцистов*” объявили, что Союза нет, а мы все живем в Содружестве Независимых Государств (Правда, 1992, 79, 2).

Практически всенародным стало сразу же после появления слово *прихв-атизация*, образованное накладыванием глагольной основы (без тематического гласного -и-) *прихват-ить* на *приват-изация* и обозначающее процесс разгосударствления в пользу тех, кто стоит у власти и распоряжается непосредственно народным достоянием:

Значит, нужна третья и самая главная приватизация - *прихв-атизация* (КП, 1992, 199); Номенклатурная “*прихв-атизация*” - дело их рук, и занимаются они ею уже давно и успешно, особенно в сфере московского строительного комплекса (Правда, 1992, 16.X); Пока власти ведут “*прихв-атизацию*”, донские казачки облизывают брошенные “администраторами” консервные баночки из-под “гуманитарной помощи” (РВ, 1992, 32, 5).

Этот окказионализм-всенародное слово начинает свой ‘словообразовательный путь’, срав.:

Мы должны также предупредить доморощенных “*прихв-атизаторов*” из среды номенклатуры и мафиозных структур, что народ никогда не признает “священной и неприкосновенной” собственность частных лиц, образованную разворовыванием общенародного достояния (Рус. путь, 1992, 2, 3).

Как мы уже заметили ранее, для русского языка XX век - это век аббревиации. Аббревиационные волны совпадают с двумя выделенными нами ‘лексико-словообразовательными взрывами’ в русском языке XX в. Перестроечная и послеперестроечная волна ‘хлещет’ на наших глазах. Видимо, ощущая небывалый наплыв зашифрованных в буквы слов и сегментов слов, поэт РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ написал недавно стихотворение

под названием “Аббревиатуры”, напомнив в нем и об этапах “аббревиатуризации” языка, культуры и страны в целом (опубликовано в жур. “Огонек”):

“Наша доля прекрасна, а воля
крепка!..”
РВС, ГОЭЛРО, ВЧК...
Наши песни взлетают до синих
небес!
СТЗ, ГТО, МТС...
Кровь течет на бетон
из разорванных вен.
КПЗ, ЧСШ, ВМН...
Обожженной, обугленной станет
душа.
ПВО, РГК, ППШ...
Снова музыка в небе! Пора перемен.
АПК, ЭВМ, КВН...
“Наша доля прекрасна, а воля -
крепка!..”
“SOS!”
тчк.

Установившиеся в течение последних нескольких десятилетий аббревиатуры частью вышли или выходят из употребления - таковы например, буквенные аббревиатуры типа *КПСС - Коммунистическая партия Советского Союза, ЦК - Центральный Комитет КПСС, СССР - Союз Советских Социалистических Республик, ЧСФР - Чехословацкая Социалистическая Федеративная Республика, ГССР - Грузинская Советская Социалистическая Республика, УзССР - Узбекская Советская Социалистическая Республика, АССР - Автономная Советская Социалистическая Республика*; частью заменили состав и порядок букв, т.е. вместо *КГБ - Комитет государственной безопасности* > *ГБ [Государственная безопасность]*, вместо *РСФСР [Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика]* > *РФ [Российская Федерация]* и др. Сам этот факт говорит о том, что вряд ли слова-сокращения, аббревиатуры, как еще недавно утверждалось в отечественной лингвистической литературе, можно считать “народным способом словотворчества”: это полностью сознательный, искусственный способ образования новых слов, вызываемый непосредственно острыми социальными причинами, т.е. очень чувствительный к социальным переменам, о чем свидетельствует только что приведенные примеры (см., например: АЛЕКСЕЕВ 1979: 154, 175 и далее). Появилось и появляется огромное число новых сокращений, которые, несмотря на то, что употребляются в средствах массовой информации, фактически же остаются в большинстве своем понятными лишь небольшому кругу людей. Нередки стали аббревиатурные нагромождения типа:

После того как был принят устав, представители межпартийного блока, включающего *РПР, ДПР, СДПР, РХДД* и *КДП (ПИС)* покинули зал заседаний (Дем. Рос., 1991, 19, 9);

или:

Конференцию открыл руководитель *НИЦ ИЯО ИЯЗРАН* зам. директора *ИЯЗРАН...* (из газ.).

Из новых сокращений, 'набирающих скорость', можно назвать такие, как: *РИА - Российское Информационное Агентство, РТО - Российское торговое объединение, МП - малое предприятие, СП - совместное предприятие*, например российско-германское и т.д., *МГП - малое государственное предприятие, АП - арендное предприятие, РТСБ - Российская товарно-биржевая сырьевая биржа, ВББ - Всероссийский биржевой банк* и множество других. Иногда кажется, что аббревиатура создается раньше, чем организация, фирма, общество и под., которые призваны обозначить аббревиатуры: *ФИЦ - Федеральный Информационный центр России* (почему-то не *ФИЦР!*) - еще не начал действовать, а аббревиатура готова; также и : *АККОР - Ассоциация крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России* (т.е. *Ассоциация крестьянских кооперативов России > АККОР*), *МДГ - Межрегиональная депутатская группа* (существовавшая в Москве) и др. Срав.:

Возникает множество течений, которые условно можно обозначить, как 'государственно-патриотическое движение' (*ГПД*) (НС, 1991, 5, 119).

Для перестроечных лет показательное нарушение норм в использовании буквенных аббревиатур, приводящее нередко к нечитаемости текста (см. примеры выше). Особого внимания заслуживает случай с сочетанием *Русская православная церковь*, которое иные газеты превратили в *РПЦ*. В этой связи патриарх Московский и всея Руси Алексей II вынужден был выступить с протестом о недопустимости такого употребления названия *Русская православная церковь*, так как аббревиатура уводит от духовной исторической полноты, которая содержится в полном названии. Это была реакция на статью ВЛАДИМИРА ВОЙНОВИЧА в "Независимой газете" под названием "Отец Звездоний из *РПЦ*" (см., например: НС, 1991, 11, 13). И тем не менее даже после этого сокращенное название Русской православной церкви продолжают использовать, в чем можно видеть 'непреодолимую тягу' в 'век аббревиации' к аббревиатурам, срав.:

Не получая никаких дотаций от государства, *РПЦ [Русская православная церковь]* вынуждена кое-как сводить концы с концами (РВ, 1993, 2, 13).

Необычайную активность приобрел тип сокращений с первым компонентом слогом или просто сегментом. Целые словообразовательные серии образуют сегменты *парт-* (< *парт-ийный*), *гос-* (< *гос-ударственный*), *спец-* (< *спец-иальный*), *сов-* (< *сов-етский*), *этно-* (< *этно-ический*) и некоторые другие. Все они связаны с критикой и неприятием старого режима; второе, целостное, слово дает возможность судить, о чем идет речь:

а) *парт-*: *партаппарат* (известно и ранее), *партаппаратчик*, *партверхушка*, *партфункционер*, *партмафия*, *партбоссы*, *партприлипалы*, *партналог*, *парторден*, *партпрезидент*, *партдемократ*, *партпатриот* и т.д.:

Одной из самых характерных черт “перестройки” является переход всей полноты власти в руки *партаппаратчиков*; Какое-то время на этих верхах оставался один единственный человек, пытавшийся противостоять *партаппаратной* политике, - Рыжков; В разных вариантах постоянно провозглашалось спасибо партии (речь, конечно, шла о *партаппарате*) за заботу о народе; После 1985 г. началась очередная волна реанимации *партаппарата*; Тем не менее до самого последнего времени с уст главных нынешних *партаппаратчиков* - от Горбачева до Фльцина - не сходило горделиво произносимое слово “революция”; В 1960 г. я начал добиваться издания ныне общеизвестной книги Михаила Бахтина о Достоевском и, в частности, попытался искать поддержки у одного влиятельного *партаппаратного* идеолога... (ЛР, 1992, 44, 2); Первые, то есть *партфункционеры* (остерегусь, не все, но значительное количество), цепляясь за отжившие структуры и одновременно используя механизм последних, “прошли” в делегаты... (Правда, 1990, 23.Х); ... в родном Брно ему, инженеру-путейцу, отказали в должности дорожного диспетчера и предложили чуть ли не место сцепщика вагонов. Л. Адамец, ушедший в *партотставку* с поста председателя КПЧС, остается депутатом Федерального собрания... (из газ.); по разные стороны защищая маниакальные амбиции *партпрезидентов*, *партдемократов*, *партпатриотов* (Правда, 1992, 15.Х); *парторден* (Б. ОЛЕЙНИК, Князь тьмы, 18).

Кажется, ушли в прошлое испещренные сегментом *парт-* (и прилагательным *партийный*) тексты. В качестве образца можно взять два небольшие (в несколько десятков строк) текста из журнала “Огонек” (1989, 7, 21), в которых находим: *парторганизации*, *партийная адвокатура*, *партконференция*, *партийная защита*, *партийные комитеты*, *партийные консультанты*, *партконсультант*, *партийные организации*, *парткомиссия*, *партвзыскания*, *партийные преступления*, *партийные “поощрения”*, *партфункционер*, *партбилет*, *партнаказание*, *партпрокуратура*. И это не считая повторений. Конечно, в этом списке немало став-

ших уже нормативными (типа *парторганизация, партбилет* и др.), но теперь уже 'поблекшими' в употреблении. Но наряду с ними мы видим немало и совершенно 'свежих', еще окказиональных по статусу типа *партпрокуратура, партнаказания* и др.

Пример с двумя начальными сегментами *парт-* + *-сов-*:

Как сидели на своих местах представители *партсовноменклатуры*, так и сидят (Известия, 1992, 267, 3).

б) *гос-*: *госзаказ, госпредприятия, госприемка, госдача, госпереворот, госприказ, госпартийный* и под.:

Государственная собственность тоже будет принципиально новой, так как на *госпредприятиях* будут работать люди, у которых есть свой "капитал" в виде облигаций, которые они захотели вложить в "дело", предпочитая оставаться наемными работниками у государства и получать сверх *госзарплаты* ренту на облигации (Огонек, 1990, 50, 8); Стало быть, такие лица, то бишь владельцы *госдач*, все еще существуют? (Известия, 1992, 281); Но особых стимулов биться за новинки техники у нас нет. Вероятно, *госзаказ* должен стать более престижным, экономически привлекательным (Известия, 1988, 25.XI); Появится опасность превращения *госзаказа* в *госприказ* (Известия, 1988, 147, 26.V); Переход на новые методы хозяйствования, хозрасчет, самофинансирование и самокупаемость, введение *госприемки* переводят эту задачу в практическую плоскость (из газ.); Сейчас все стало путаться: государственный переворот и чрезвычайное положение, но это две большие разницы. *Госпереворот* - это дестабилизация, конфронтация различных сил в гражданской войне, развал... (НП, 1991, ноябрь, 3); Трибуна *госпартийная* впервые в "великий этот день" была пуста (поэт С. ВИКУЛОВ; ИС, 1992, 6, 73).

в) *спец-*: *спецмагазин, спецбольница, спецаптека, спецбуфет, спецполиклиника, спецсанаторий, спецблага* и т.д. и т.д.; многие сложносокращенные слова из этой серии были известны и ранее. Примеры:

Для этого необходима полная, без всех оговорок и уловок отмена всех закрытых распределителей, *спецмагазинов, спецбольниц, спецаптек*, ведущих к недопустимому в социалистическом обществе созданию *спецкатегорий спецлюдей* (Огонек, 1989, 9, 7); Разумеется, у западного высшего чиновника нет *спецпарикмахерской* и *спецбуфета*, он не пользуется "корытом", ему не нужно ходить в 100-ю секцию ГУМа [Государственный универмаг Москвы] за сорочками. Все это *спецобслуживание*, породившее у нас целую систему *спецхолуйства*, в нормально действующей, бездефицитной экономике просто не нужно (Огонек, 1989, 1, 15); Персональная же пенсия - из ряда льгот (*спецполиклиник, закры-*

тых распределителей, буфетов, магазинов и т.д.), которыми административная система подкармливала своих верных оруженосцев, когда надо превращавшихся в опричников (там же, с. 7); В статье вскользь упоминается о *спецкладбищах* как порождении командно-административной системы (Огонек, 1989, 11, 2); Он также против *спецблаг* и сможет говорить о равенстве лишь после того, как районные и даже ведомственные больницы будут находиться на уровне больниц 4-го Главного управления Минздрава СССР (Огонек, 1989, 20, 3); Пришедшие к “кормилу” новые чиновники оказались более поворотливыми, они обзавелись сразу новыми льготами - *спецмагазинами, спецсекциями, спецсанаториями* (Союз, 1991, 19); С тех пор представители литературного истеблишмента, в середине своей благополучной карьеры провояжировавшие на Запад или оставшись здесь, но умудрившиеся (в силу доступа к интеллектуальным *спецблагам*) ухватить выигрышный билет, ... - вся эта спесивая, спешаяся, спившаяся, спаявшаяся компания бесстыдно декларирует свое “вольномыслие” ... (НС, 191, 3, 173); “‘*Спецхата*’ для борцов с привилегиями” (название статьи; Правда, 1993, 54, 1).

Срав. мнение писателя ВЛАДИМИРА НАБОКОВА о словах этой серии: “*Спец*. О, эти слова с отъеденными хвостами, точно рыбки головизны... *спец*...” (НАБОКОВ 1990: 368).

г) *сов-*: *совобщество, совлюди, совэтикет, совбратство (народов), совноменклатура, совинстанции, совмишистр* и т.д. В контексте:

Чудаков рано понял, что его дар, его жадно поглощавший знания о мире мозг были не нужны *совобществу*, которое отторгло его; Чудаков тогда уже контактил с *совлюдьми* (НС, 1992, 8, 90).

Справедливости ради следует заметить, что эта аббревиатурная серия была известна уже в 20-30-е гг., срав. пример, взятый у ВЕРЫ ПАНОВОЙ: “- Вы там каким-то *совбарышням* выдаете ордера... - говорит Югай в телефонную трубку” (ПАНОВА 1970: 324).

А также: *совбуржуазия, совучреждение, совбюрократия* и под. Аналогичную продуктивность имеет и *соц-* - укажем на, пожалуй, самое ‘выдающееся’ здесь образование *соцкапитализм*, т.е. социалистический капитализм (НС, 1992, 5, 124).

Другие сокращения по этому способу: *этно-* -

В последнее время можно стало заниматься “*этнокризисами*”, т.е. национальными проблемами. Очередной “*этнокризис*” советологи обнаружили в Грузии (Своб. Груз., 1991, 79, 3);

ЭКОНОМ- -

Новое слово - *экономграница*. Парламент Эстонии принял закон об экономической границе (Союз, 1990, 43);

лит- (< лит-ературный) -

литчиновники (1987); Помолчав, словно бы отпустив мне время, чтобы поискать среди наших "*литгенералов*" кого-нибудь, готового к подобной акции, он заключил разговор о Бунине... (из газ.);

интер- (< интер-национальный) -

А вот почему ее героиня - эта пышногрудая красotka - стала *интердевочкой* всего лишь местного, а не, скажем, валютного масштаба, зачем пригрела бесполезного ей "мусора", почему так легко рассталась с трудно нажитым добром, собирается ли дорасти до *интертетушки* или предпочитает рутинное замужество - на эти и многие другие вопросы ответа я не получил; Эра прхститутков наступила в кино (уже, говорят, снимается "*Интермальчик*"?). Эпоха бомжей, бичей, доходяг... (из газ.);

секс- (< секс-уальный) -

сексменьшинства; А после выхода закона о печати началась интервенция *секскультур* в целомудренную, православную Россию! (из газ.).

Из слога-сегментных аббревиатур можно отметить: *стачком* (< *стачечный ком-итет*), *нардеп* (< *нар-одный деп-утат*), *совбур* (< *сов-етский буржуа*), наряду с *генсек* (< *ген-еральный сек-ретарь*) - *персек* (< *пер-вый секретарь республиканской или областной партийной организации*). В контексте:

Город на Неве, где некогда правил печально известный *персек* (по аналогии с *генсеком*) Г. Романов...; Вот например, штрих к деятельности *персека*; Где идея *персека* и где выдумка автора или острых на язык горожан... (ЛР, 1991, 15, 12.IV); Долгие годы один из легиона *персеков*, подлинных властителей страны, Михаил Горбачев прозябал на вторых и десятых ролях в кремлевских играх; Случайно ли, что и повествователи о детских годах последнего *генсека* КПСС также останавливались на пристрастии последнего к театру? (из газ.); избран *нардепом* (ЛР, 1991, 46, 15.XI); Для этого [оппозиция] стремится создать широкий фронт поддерживающих его сил - от национал-сепаратистов до неофашистов, от люмпенов до *совбуров* (Правда, 1991, 58, 8.III); Так вышел и ушел от ответственности новый класс бюрократов - "*совбуров*" (Правда, 1992, 19.IX); Штрафные квитанции собирались в пакетик и относились в *госдеп*, который брал на себя заботу улаживания такого рода дела с городскими властями (Известия, 1992, 251, 6).

Активно развивается отаббревиатурное словообразование. Так, публицист АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ создал новое слово от буквенной аббревиатуры ЦК [Центральный Комитет КПСС] - *цекист* и производное от него *цекистский*, затем - *цекисты-демократы*:

Хочу пояснить, почему вместо привычного в последнее время термина партократы я использую слово *цекисты*; Мне кажется, вместо туманного пропагандистского ярлыка *партократия* вернее было бы говорить о *цекистах* - о тех, кто сделал большую карьеру...; Впрочем, не буду увлекаться здесь перечислением малопочтенных деятелей, наскоро порвавших со своим *цекистским* прошлым, на глазах у изумленного народа меняющих не только политические одежды, но, кажется, и саму кожу; кочующая *цекистская* номенклатура; *Цекистский* номенклатурный табор завершил кочевье; В отличие от *цекистов-демократов*, порвавших с КПСС, кочующая номенклатура не может позволить себе откровенных действий (ИС, 1991, 8, 151-153).

Впрочем, следует сказать, что в устной речи задолго до перестройки *цекист* и *цекистский* употреблялись, конечно, неофициально, как единицы 'политического просторечия'. Публицисту А. САЛУЦКОМУ принадлежит честь вовлечения этих слов в печатный текст, их активизация и стремление расширить их словообразовательный круг (*цекисты-демократы*).

От КПСС стало возможно *капээсэсовцы*, *капээсэсовский*, от ГКЧП [Государственный Комитет по чрезвычайному положению] - *гэкачеписты* (*ГКЧПисты*), *гэкачепистский* и под. Даже буквенную аббревиатуру СНГ [Содружество Независимых Государств], изобретенную в декабре 1991 г. и предназначенную для 'покрытия' государственного пространства СССР, пытаются 'завязать' в языке словообразовательными связями типа: *СНГои* "жители СНГ", *эсэнгэишики* "то же", *СПГ-овский*, *эсэнговый*, *эсэнговский* и, видимо, другие. Московский адвокат АБРАМ МОВЕ пишет:

Обращаюсь к вам, уважаемые Борис Николаевич и Леонид Макарович, ... к тем, кто лично меня, как и миллионы других сограждан Советского Союза, ... превратил из граждан СССР в *СНГоев*; ... и мы созреем до общеевропейского уровня. Чего от всей души вам и в вашем лице всем нашим людям - пока еще *СНГоям* - желаю (Правда, 1992, 185, 1); ... пройдет пара веков и историки, изучая легенды и мифы нашего времени, будут писать: древние *эсэнгэишики*, был такой народ, которые воевали с южными странами (из газ.); *СНГовская* демократия суетливо мечется в поисках путей к тому, чтобы... (РВ, 1992, 30-31, 2); Словом, *эсэнгэвская* компания решила избавиться от таможенных затрат, наделив туристов коммерческими функциями (КП, 1992, 17.IX);

Минское содружество -
Фиктивное супружество:
Очень уж фиговая
Житуха *эСЭНговая*!
(СР, 1992, 163, 29.XII).

Из представленного здесь материала и наблюдений над ним следует, что под влиянием социальных процессов словообразовательный механизм русского языка в конце XX столетия заработал активнее, многообразнее, чем обычно. Результатом этой работы явился огромный пласт новых слов, большая часть которых носит окказиональный характер. Это своеобразная проверка скрытых словообразовательных потенций русского языка, которые реализуются не только обычными, давними и традиционными способами, но нередко и сравнительно молодыми, в числе которых аббревиация, различные виды контаминации, а также сложения и смешанные способы. Небывалая активность словообразовательной работы требует, конечно, определенного напряжения сознания, вызывает усталость к восприятию новых единиц у носителей языка. Однако можно прогнозировать, что вслед за этим начнет формироваться тенденция к стабилизации словообразовательных процессов, к определенной строгости в выборе средств и способов. С теоретической точки зрения демонстрация нынешнего 'лексико-словообразовательного взрыва' в русском языке должна показать заложенные в нем потенциальные возможности и стимулировать обращение к ним всякий раз, когда это необходимо. Только в таком случае может сформироваться и более осмотрительный подход к лексическому 'импорту' из других языков, т.е. он станет более регламентирован, чем раньше, - это с одной стороны. С другой, увеличится сознательное воздействие на язык, о котором пишут языковеды, срав.:

В грядущем столетии сознательное управление языком примет, по-видимому, повсеместный, всеохватывающий характер... Язык грядущих поколений будет, полагаю, рациональным и экономным, отомрет постепенно все, что не способствует осуществлению быстрому обмену информацией и не несет особой стилистической функции. Все более тесная связь человека и думающей машины, создание машинных языков, близких к естественным, несомненно, окажет обратное воздействие на человеческий язык. Результатом этого явится, вероятно, логически-рациональная языковая символика... Возможно, что в будущем возникнет два типа языков: один - в сфере науки, производства, для объединения с разумными машинами, другой - в домашнем быту для выражения человеческих эмоций... (ГОРБАЧЕВИЧ 1990).

-
- УЛУХАНОВ 1992 - И. С. УЛУХАНОВ. Окказиональные чистые способы словообразования в современном русском языке. - Известия Академии наук (РАН), серия лит-ры и языка, т. 52, 1992, № 1.
 ЗЕМСКАЯ 1992, - Е. А. ЗЕМСКАЯ. Словообразование как деятельность. - М.: Наука, 1992.
 ВОЛОДИН 1992 - Э. ВОЛОДИН. Словарь перевернутого времени. - Советская Россия, М., 1992, 12.IX.

- АНДРЕЕВ 1926 - А. П. АНДРЕЕВ. Наша речь как объект рационализации.
- НОТ и хозяйство, Тбилиси, 1926, № 6-7.
- ГОРДИН 1924 - [В. Л. ГОРДИН]. Грамматика логического языка АО. -
М., [1924].
- АЛЕКСЕЕВ 1979 - Д. И. АЛЕКСЕЕВ. Сложносокращенные слова в
русском языке. - Саратов, 1979.
- НАБОКОВ 1990 - В. НАБОКОВ. Собрание сочинений. В 4 томах. - М.:
Правда, 1990, т. 2.
- ПАНОВА 1970 - В. ПАНОВА. Собрание сочинений. Т. 3. - Л.:
Художественная литература, 1970.
- ГОРБАЧЕВИЧ 1990 - К. ГОРБАЧЕВИЧ. Русский язык. Прошлое.
Настоящее. Будущее. - М.: Русский язык, 1990.

Глава XII

Два слова о синтаксисе и новых идеологических синтаксемах

До сих пор речь шла в основном о словах. Их употребление, организация в текст требует неперемного морфологического оформления и приведения в действие механизма синтаксической связи. Синтаксические нормы русского литературного языка достаточно стабильны, хорошо отрегулированы и позволяют в высшей степени результативно, без каких бы то ни было помех осуществлять коммуникативную функцию.

Перестройка в определенной степени отразилась, конечно, и на синтаксисе, но, может быть, в первую очередь в том, что была нарушена сформировавшаяся на протяжении последних десятилетий его застандартизованность, а вместе с лексикой - застандартизованность и стили литературного языка. По крайней мере, не будет преувеличением сказать, что синтаксис средств массовой информации, газетно-журнальных статей стал более индивидуальным, авторским, личностным, чем он был ранее, поскольку сейчас осталось не так много языковых 'цензоров' - редакторов и корректоров издательств, редакций газет и журналов, радио и телевидения, которые не только строго следили за исполнением авторами норм литературного языка, в том числе и синтаксических норм, но и приводили все в 'единообразии'. Сейчас пишут много свободнее, при этом, правда, нередко нарушая синтаксические нормы. Однако это особый вопрос. Здесь мы коснемся лишь одного его аспекта - новых идеологических синтаксем, которые пришли на смену старым. Речь, таким образом, идет все о той же идеологизации языка и общества (о чем мы писали в специальной главе книги - см. главу VII "Новый виток идеологизации языка и общества").

Под идеологическими синтаксемами мы понимаем синтаксические структуры в виде устойчивых сочетаний, отражающих актуальные социальные явления и императивы.

Старые идеологические синтаксеммы были известны всем с детства. Особенностью их существования являлось то, что они не только ежедневно и бесчисленно раз произносились по радио и телевидению, печатались в газетах и журналах, но и писались крупными буквами в виде лозунгов-призывов, которыми пестрели улицы, площади, стены домов. Таким образом, идеологические синтаксеммы не только были слышны, но и видны, они всегда были перед глазами, словно предметы, т.е. те же окна домов, стены, столы и т.д.

Самый главный идеологический лозунг-синтаксема доперестроечных десятилетий - слова из “Манифеста Коммунистической партии” К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*, красовавшийся на стенах зданий и на газетно-журнальных полосах. Его ‘главность’ подчеркивалась, помимо прочего, тем, что он в качестве эпитафии стоял перед названием всех газет страны и преимущественного большинства журналов - вплоть до журналов типа “Коневодство и конный спорт”, “Пчеловодство”, “Трактора и сельскохозяйственные машины”, “Сварочное производство” и др. Парадокс состоял в том, что эта идеологическая синтаксема была повернута вовнутрь страны, где ‘пролетарии’ и без того были давным-давно объединены, а не вовне - где им надо было бы объединяться: почему-то его не было на титульных листах издававшегося на более чем 20 языках мира журнала “Советский Союз”, “Советская женщина” (выходил на 15 языках) и некоторых других. Разгадка, видимо, проста: этот призыв давно ‘не работал’ там, где ‘пролетарии’ не были объединены или же не хотели объединяться. В перестройку эта идеологическая синтаксема стала предаваться забвению и ныне практически не употребляется даже в оппозиционных, коммунистического направления, периодических изданиях. Газеты и журналы теперь выходят без эпитафий, за редким исключением (см. ниже).

Лишь во время перестройки стали также сниматься лозунги типа *Народ и партия едины!*, *Вперед, к коммунизму!*, *Победа коммунизма неизбежна!*, *Слава родной Коммунистической партии Советского Союза!*, *Слава труду!*, *Пятилетку в четыре (три) года!* и пр. В 1990 г. украинский писатель БОРИС ОЛЕЙНИК писал:

Пора, наконец, развенчать символ, который давно уже отчужден от своего реального первоисточника. Ведь произошла своеобразная фетишизация понятия *партия* как некоего сверхначала, стоящего и над людьми, над личностями, которые ее образуют. Отсюда и все эти клише: *партия разработала, партия решила, партия - наш рулевой, партия - ум, честь и совесть эпохи ...* Да нет же: разрабатывали и решали конкретные лица, вцепившись в руль, и, к нашему несчастью, далеко не всегда обладающие умом, тем более честью, совестью (Правда, 1990, 296, 3).

Вот перечень синтаксем более частного характера из “Литературной газеты” (1987, 4.III):

Прожектерство, убежден, процветает там, где потерян трезвый взгляд на реальные возможности, где не дают себе труда проверить точным расчетом астрономические цифры обещанного эффекта, где отсутствует гласность, где, наконец, все сводят к призывам и лозунгам. Вспомним некоторые из них: “*Вырастим два колоса там, где прежде рос один!*”, “*Дорогу королеве полей!*” (во времена Н. С. Хрущева “королева полей” - кукуруза), “*Превратим столицу в образцовый комму-*

нистический город!” и так далее. *“Ни одного отстающего рядом!”* и так далее. Мы будто жили от лозунга до лозунга.

Выходили рекомендательные списки идеологических пословиц и поговорок, предназначенных для усвоения в школе, в армии и т.д.: *От ленинской науки крепнут разум и руки; Что народ думает, то партия говорит; Набирайся силы от земли-матери, а ума - у Коммунистической партии; Советскому патриоту любой подвиг в охоту и под.*

Существовал целый слой поэзии “на потребу дня”, так наз. “датские” (т.е. написанные по случаю той или иной знаменательной даты, события) и проч. стихотворения. Сейчас эти тексты канули в лету. Однако имело бы смысл когда-нибудь их переиздать отдельной хрестоматией или антологией, а главное - изучить с лингвистической точки зрения, т.е. исследовать их лексический слой и синтаксическую структуру. В качестве образца “лозунгового стихотворения”, написанного одним ярославским поэтом и опубликованного в 1980 г. в газете “Сельская жизнь” (20.IV), может стать стихотворение “Ленин - с нами”:

Думаю о лозунгах крылатых.
 Что ни праздник, в солнечных лучах:
 “Ленин - с нами!” -
 Видим на плакатах,
 “Ленин - с нами!” -
 Слышится в речах.
 “Ленин - с нами!” -
 Строчки в резолюциях
 И в стихах на разных языках.
 “Ленин - с нами!” -
 Значит, революция
 В наших продолжается делах,
 В буднях века, хлопотах-заботах
 И в горенье пламенных сердец.
 Только тот, кто славится работой,
 Нынче революции боец.
 Многих я назвал бы поименно
 Смелых, героических людей,
 Но ведь их сегодня миллионы
 На просторах Родины моей!
 Славя их, душой кривить не будем,
 Рановато критику - в запас:
 Есть и бесхозяйственность у нас,
 Есть и безответственные люди.
 Пусть не будет им громоотвода.
 В интересах наших без прикрас
 Им сказать от имени народа:

Ленин - с нами,
Ленин - против вас.

+ + +

Он “прост, как правда”,
Гениален,
Оптимистичен,
Как народ,
В борьбе интернационален
Великоросский патриот.
Да, мы горды, когда другие,
По Ильичу верша дела,
Считают счастьем, что Россия
Народам Ленина дала.
Мы, коммунисты,
Главной сутью
Во всем обязаны ему.
А потому - над миром утро
И одолет солнце тьму.
И потому крепка надежда
На вечность ленинских идей -
Пройдут века,
А он, как прежде,
Останется в сердцах людей.
И там, во всенародном братстве,
Где мир и дружба - естество,
Народы будут восхищаться
Могучим гением его.

+ + +

Век встречал семнадцатое лето.
Шумный, бурный, словно водопад,
Первый Всероссийский съезд Советов -
Речи соглашателей звучат.
А в России - голода стихия
И войной истерзанный народ.
Где та сила, что спасет Россию?
На себя ответственность возьмет?
Страсти разгорались до накала,
Что тот зал - над веком Ленин встал
И, когда чуть-чуть утихло в зале,
“Есть такая партия!” - сказал.
Как всегда, в порыве благородном

Вскинута решительно рука:
 “Власть - Советам!”,
 “Хлеб и мир - народам!” -
 Что ни слово - вписано в века.
 Вписано всевластием народа,
 Именем погибших и живых -
 Октябрем семнадцатого года,
 Славой пятилеток трудовых.
 Все на новый лад переиначив,
 Строим жизнь свою по Ильичу!
 “Есть такая партия!” - и значит
 Нам любое дело по плечу.
 Строим счастье. Но бросают вызов
 Те, кому пора бы помудреть.
 Вск суровый -
 У планеты - выбор:
 Или жизнь, иль атомная смерть.
 Зло и тьма грозят смертельно свету.
 Кто им даст сегодня укорот?
 Где такая сила, что планету
 От беды губительной спасет?
 Миру - мир! Не бомбы и ракеты.
 Победит, мы твердо верим, жизнь.
 Верный путь в грядущее планеты
 Озаряет ленинская мысль.
 Это человечества удача -
 Коммунистов на Земле не счесть.
 Есть такие партии - и значит
 У планеты будущее есть!

Уже начало этого текста “Думаю о лозунгах крылатых...” настраивает на то, что стихотворение и будет из них соткано. И, действительно, что ни строка - брызжущий оптимизм и распирающая гордость за “наши дела”, а это невозможно передать иначе, как с помощью синтаксем типа *революция продолжается в наших делах; только тот, кто славится работой, нынче революции боец; “Есть такая партия!” - сказал; “Власть - Советам!”, “Хлеб и мир - народам!”, “Что ни слово - вписано в века; слава пятилеток трудовых, нам любое дело по плечу, горенье пламенных сердец* и под. Срав. также ‘лениносинтаксемы’ типа: *По Ильичу верша дела, строим жизнь свою по Ильичу, Ленин - с нами!; [Ленин] прост, как правда; вечность ленинских идей, [Ленин] останется в сердцах людей* и под. Что ни строка - то хорошо известные лексика и синтаксеммы из партийного жаргона доперестроечного времени, ‘сгусток’ рифмованного ‘дубового языка’.

Теперь, когда общество в известной мере освободилось от идеологических догм, имело бы смысл собрать воедино популярные в свое время общесоюзные и локальные идеологические синтаксемы вместе с контекстуальными иллюстрациями. Впрочем, немалую часть из них можно не искать на страницах газет и журналов прошлых, доперестроечных лет - они продолжают жить и в перестроечное и послеперестроечное время, срав.:

Вчера на съезде он [президент] сделал этот шаг явным и безусловным, вновь по-большевистски потребовав от нации сделать выбор: *с белыми вы или с красными?* Но поезд уже ушел. Подавляющее большинство россиян твердо ответили на этот вопрос; Когда поддержали горбачевскую перестройку, они в первую очередь выразили свое несогласие и дальше жить по формуле *“кто не с нами - тот против нас”* (Рос. газ., 1992, 266, 1) и др.

По образцу старых идеологических синтаксем в перестройку стали создаваться новые или же частично новые. Так, читательница “Огонька”, например, предлагает: *“Да здравствует наше отважное меньшинство, на котором держится перестройка. Демократы всех наций и регионов, соединяйтесь!”*; Газета “Новая речь (советская)”, некоторое время выходившая в г. Тарту, имела эпиграф *“Интеллектуарии всех стран, соединяйтесь!”* - Обе синтаксемы созданы по той же схеме, что и *“Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”*. Здесь лишь прежний адресат заменен на демократов и интеллектуариев...

В оппозиционной печати с большой иронией и скепсисом трансформируют известные ранее идеологические императивы, примеряя их к дню сегодняшнему, т.е. к идеологии перестройки и постперестройки, срав., например: *“Вперед, к капитализму!”* (трансформация модели *“Вперед, к коммунизму!”*); опять слышится знакомый лейтмотив: *“Все, как один, умрем в борьбе за рынок* (срав. из революционной песни: *“Мы смело в бой пойдем За власть Советов, И, как один, умрем, В борьбе за это...”*) - то, что умрем, несомненно” (РВ, 1992, 12). Некоторые газеты вместо эпиграфа “о пролетариях”, выражая свое идеологическое кредо и потребность дня, создают новые типа: *“За вашу и нашу свободу!”* (московская газета “Свобода”, орган Демократической партии); *“Социалистическое отечество должно принадлежать людям труда”* (газета “Что делать?” - орган Объединенного фронта трудящихся России, Москва), а так наз. независимая российская газета “Искра” поместила “ликвидационный” эпиграф *“Вышел из КПСС - помоги товарищу!”* ...

Во время перестройки актуальными стали синтаксические императивы типа *“Перестройка - дело государственной важности!”* или *“Всю энергию народа - перестройке!”*. Срав. также в контексте:

Демонстранты вышли с лозунгами *“Вся власть демократически избранным Советам!”*, *“Новое здание обкома - народу!”*, *“Бюрократия - враг перестройки и природы”*. К центру Рязани - площади имени В. И. Ленина - колонна двигалась в плотном кольце окружения милицейских и воинских подразделений; Первое, что я предложил бы сохранить, - это приоритет коллективной собственности. Лозунг: *“Предприятия тем, кто на них работает!”*. По сути, тот самый, из Октября 1917 года: *Землю крестьянам, фабрики и заводы - рабочим*. Ведь его так и не реализовали коммунисты, которые сегодня снова пытаются вести наш народ под красным знаменем, сами не зная куда (из газ.).

В начале перестройки ‘сверху’ был спущен лозунг *“Больше социализма!”* (лозунг, правда, просуществовал всего несколько лет, но был весьма популярен):

“Больше гласности, больше демократии, больше социализма!” (название статьи); Исполнилось три года со дня апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС, три годы мы прожили под лозунгом *“Больше социализма!”* (группа писателей; ЛГ, 1988, 16, 1); На словах борясь за единый Союз под лозунгами *“больше социализма”*, без объяснения того, что же считать социализмом, *“больше демократии”*, подразумевая анархию, Горбачев и его единомышленники в действительности размышляли основы, на которых стоял и единый Союз, и социализм, и истинная демократия, и все то, что составляло понятие родины (Федерация, 1992, 53, 8; АМАН ТУЛЕЕВ).

По свидетельству газеты *“Российская правда”* (1992, 1, 7), во время митинга против демократической власти на Манежной площади в Москве в 1992 г. были такие лозунги: *“Без еды, штанов и хаты нас оставят Хасбулаты”* (Хасбулаты < Хасбулатов, нынешний председатель Верховного Совета России), *“Нет новому тоталитаризму!”*, *“Гонка цен - это удавка для трудового народа!”*, *“Власть советам всех уровней!”*, *“СНГ - это вражда народов, гражданские войны, голод!”*, *“Демократия демократией, а народу - шиши!”*, *“Без товаров - не рынок, а грабеж народа!”*, *“Президенты отменили СССР, народ отменит президентов!”*, *“Цель перестройки в СССР - каждому свое!”*, *“Русская земля для русских патриотов, долой спекулянтов наших и прочих!”*, *“Нет черно-голубому нацизму!”*, *“Отступить некуда - за нами голодные дети!”*, *“Разгон колхозов сегодня - голод завтра!”*, *“В единстве наша сила, товарищи!”*, *“Горбостройка-ельцинизм, цены вверх, зарплата вниз!”* и многие другие.

В ряде республик Союза в связи со стремительным развитием национальных движений и возникновением противостояния между коренными и некоренными жителями появились императивы типа: *“Латвия - для латышей!”* (также *“Грузия - для грузин!”* и т.д.), *“Оккупанты и колонисты, вон из...!”* (далее следует название республики) (см., например: Союз, 1991, 38, сентябрь и др.).

Если в целом говорить о 'лозунговых' синтаксемах, то бросается в глаза одна весьма существенная социолингвистическая особенность. До перестройки эти синтаксеммы характеризовались чрезмерной застандартизованностью наполняемых их лексем и образующих структур, их ассортимент был достаточно строго определенно 'просеян', а главное - един для всей страны (во всех городах вывешивались одни и те же лозунги, что 'гармонировало' с однообразием в названиях центральных улиц и площадей), что соответствовало господствующей тоталитарной идеологии и иначе бытть не могло. В перестройку и после нее старая идеология тоталитаризма распалась, однако вместо нее возникла масса новых, воюющих друг с другом идеологий. Если не вдаваться в детали, то в общем плане сейчас, когда пишется эта книга, общество 'исповедует' две основные идеологии - так наз. *демократическую*, ставшую официальной и господствующей, и так наз. *оппозиционную*, называемую проправительственными средствами массовой информации *коммунистической, большевистской, фашистской, националистической, "красно-коричневой"* и т.д. Для каждой из этих 'идеологий' характерен свой набор идеосинтаксем, которые 'воюют' друг против друга, о чем свидетельствует содержание выше приведенных образцов. Пестрота фиксируемых синтаксем свидетельствует о том, что общество так и осталось в путях идеологии, теперь уже неистово борющейся и расколовшей его (общество) на два лагеря. 'По горячим следам' следовало бы собрать и идеосинтаксеммы, отражающие одну из сторон социолингвистической ситуации в русском обществе конца XX столетия.

Наконец, несколько слов об идеологизации синтаксических структур, меньших, чем синтаксически законченные 'лозунговые' идеоструктуры. Речь идет о ставших достаточно устойчивыми словосочетаниях, которые отражают новые идеологические нюансы, новые реалии и действия. В качестве образца можно указать на адъективно-субстантивные типа *цивилизованное общество, реальная безработица, горячие точки* (т.е. регионы страны, где идет война, столкновения на национальной почве) и под., субстантивные типа *агенты влияния, совет президентов*, глагольно-субстантивные типа *выпустить (выехать, смотреть...) за ограду и выпустить за бугор*, т.е. "выпустить из страны за границу", срав.:

На деле произошла чисто демагогическая замена одной "цели" другой: место "коммунистического общества" заняло "цивилизованное общество" (В. КОЖИНОВ; ЛР, 1992, 44, 2); Последние годы привнесли проблемы на рынок труда - возникла *реальная безработица* (из газет); Побывать в краях, каждый из которых стал "*горячей точкой*" (правда, с большой разницей температур) на карте межнациональных отношений и общественно-политических перемен (ЛР, 1991, 18, 6.V); Мне дико было слышать ахиною о создании "*совета президентов*". Надо отдавать себе отчет, что любые неконституционные явления, сколько бы они ни казались ведущими к свободе, на самом деле только уведут от нее... (Политика, 1991, 15,2); После известного выступления председателя КГБ СССР В. Крючкова в июне 1991 г. на закрытом заседании

Верховного Совета СССР в бытовую лексику прочно вошел термин “агенты влияния”... Благодаря расплывчатости термина и его новизны для открытой печати, никто толком не знает, что это такое. В сознании многих “агенты влияния” ассоциируется с “агентами ЦРУ”, “агентами империализма” или “английскими шпионами” (СР, 1992, 147, 3); *Выпускают “за ограду”*. Конечно, есть сложности... (из газ.);

Горби начал перестройку,
План был сделан “за бугром”.
Перестройкой-катастройкой
Учинил стране погром
(Молния, 1992, 32, 4).

В последние годы перестройки была запущена адъективно-субстантивная синтаксема, отражающая новый политический расклад в стране, - ее деление на собственно Россию и все то, что оказалось за ее пределами, названное, как *ближнее зарубежье, новое зарубежье, даже ближнее новое зарубежье, недалекое зарубежье*. Вначале эти синтаксемы употреблялись с маркерами в виде кавычек или же сочетания *так называемое*, теперь же такие маркеры сняты, что означает: окказионализм превращается в узуальную единицу. СРАВ.:

Сейчас много говорят о судьбе русских, оказавшихся в странах так называемого *ближнего зарубежья* (Известия, 1992, 251, 3); В последнее время в российской печати все чаще можно встретить вместо *ближнего зарубежье* другое сочетание, кажется, более точное, - *новое зарубежье*. Для нас, конечно, самое близкое *ближнее новое зарубежье* - Россия и ее “северная столица” (Санкт-Петербург) (Рус. газ. 1993, 9, 5); рубрика в “Российской газете” в 1993 г. “*Новое зарубежье*”. И далее в этой рубрике: Украина ...; заглавие статьи: “История рассудит? (О положении белоруссов и других славян в *недалеком “зарубежье”*)” (РВ, 1992, 38, 13).

По аналогии это вызвало появление образований типа *неближнее зарубежье, дальнее зарубежье*:

Если положить предел этому пиратскому беспределу, то это будет способствовать привлечению иностранных инвестиций, заодно и “летальному доступу” к лучшим творениям научно-технической и творческой мысли *дальнего зарубежья* (Известия, 1992, 251, 7); Похоже, что задачей “*неближнего зарубежья*” и становится поддержание хаоса на безопасном для “цивилизованного сообщества” уровне (РВ, 1992, 30-31, 2).

В вихре нынешнего острого идеологического противостояния в обществе любая ‘крылатая фраза’ может стать орудием и своеобразным аргументом в борьбе. Так, наделение в Германии первого и последнего президента СССР М. С. ГОРБАЧЕВА титулом “*почетного немца года*” вызвало в стране бурную реакцию. Демократическая реакция, правда, была либо положительной, либо несколько сдержанной, в то время как оппозиция рас-

ценила это событие, как 'плату' за уступки во внешней политике страны. "Литературная Россия", например, так отреагировала на это сообщение (1991, 51, 7):

Президент СССР Михаил Горбачев стал обладателем еще одного почетного титула. Популярная германская газета "Бильд" назвала его "почетным немцем 1991 года", отметив тем самым его заслуги в деле объединения Германии. С чем и остается поздравить г-на Президента, выразив лишь сожаление, что он оказался не в состоянии получить подобное звание в своем государстве, официальный роспуск которого назначен на конец года.

Наряду с *почетный немец (года)*, а затем и *почетный американец* и т.д., стали использовать также метафору *лучший немец, лучший самурай (японец), лучший демократ* и др., срав.:

Вполне понятно, почему после практического воплощения этой программы главный реформатор стал *почетным немцем*. Думаю, что г-н Ельцин станет *почетным американцем* (Правда, 1992, 81, 2); И он бы снял, окажись под маской лица. Под масками Горби, *Лучшего немца*, Президента, Председателя, Персека, Комсомольского вожака, Советского студента - уже нет лица. Лицо стерли маски (из газ.); А еще дали ему кличку "*лучший немец года*"...; Не знаю, сможет ли Борис Николаевич [Ельцин] стать в этом году "*лучшим финном*", но "*лучшим японцем*" шансы есть, и, судя по тому, как нас обрабатывает верноподданническая пресса, это может произойти довольно быстро (РВ, 1992, 16); Не приобретя пока новых союзников, он [Ельцин] неизбежно теряет старых - тех, для которых он был лишь орудием для борьбы с партией и которого теперь, когда дело сделано, охотно заменили бы на какого-нибудь "*лучшего демократа*" - того же Яковлева, например (Политика, 1991, 15, 3).

Эта синтаксема попала уже в новый фольклор, срав. ее использование в частушках типа:

Русским он себя считал
И "слугой народа",
А на самом деле стал
"Лучшим немцем года".

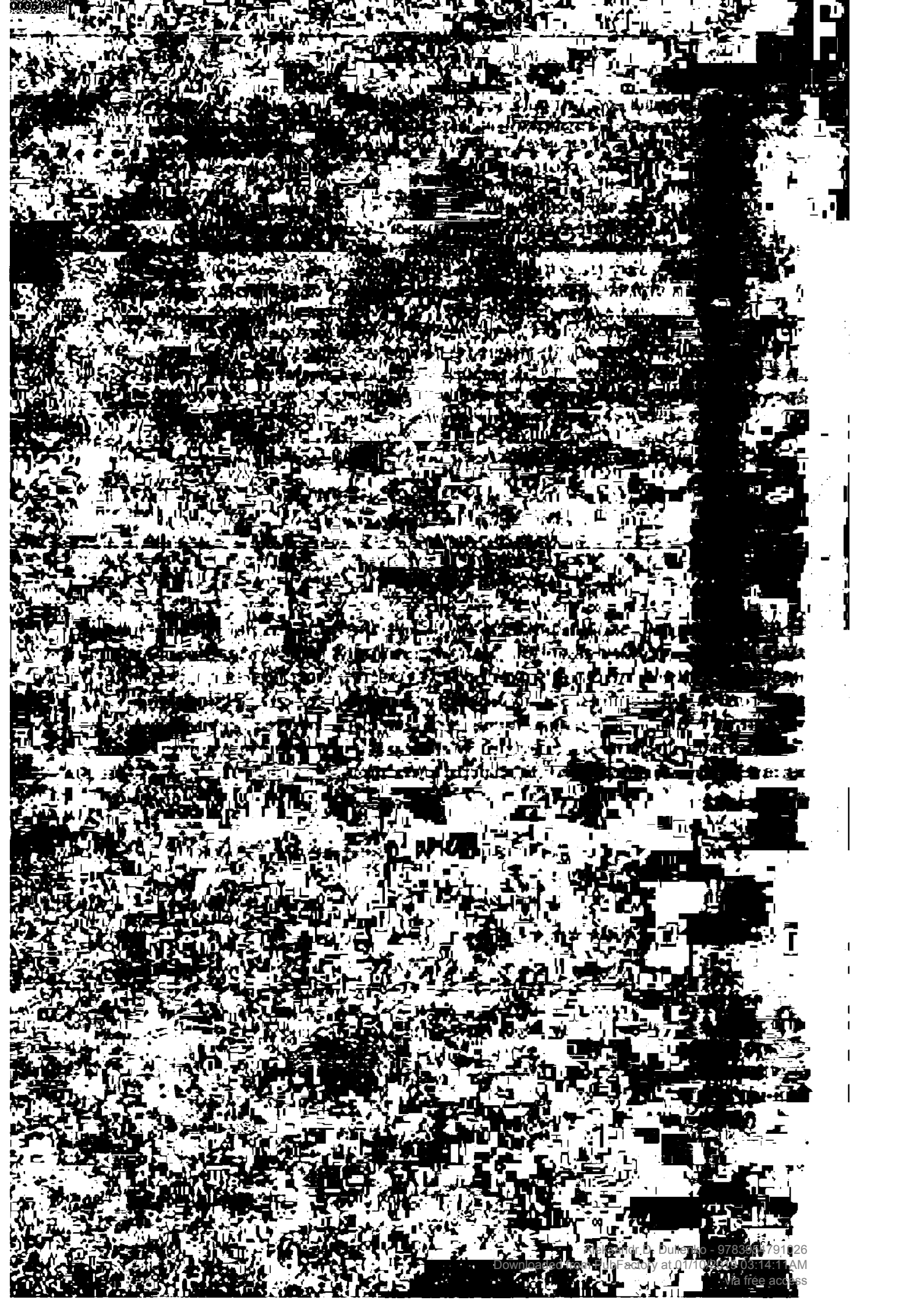
Нынче времечко такое,
Мой товарищ, не зевай:
Лучший немец есть в России,
Скоро будет самурай.
(из газ.)

Метафора *эта страна*, под которой первоначально подразумевался СССР, а сейчас - Россия, была создана в демократической среде и превратилась, по мнению оппозиционной печати, в символ идеологической ориентации определенной части нынешних демократов на Запад, на западную культуру и проч. ценности; одновременно эта же печать видит в данной метафоре отчужденность, проявляющуюся в отношении к Отечеству:

Я вынуждена констатировать, что народы *этой страны* в разной степени готовы к восприятию универсальных ценностей демократии (Г. СТАРОВОЙТОВА; Огонек); Еще бродят *по этой земле* представители крупного рогатого скота, и если бычков не научат бастовать, а коров не отучат кокетничать - поголовье начнет расти ... (из газ.); Однако на первых порах это воспринималось опять же как тривиальное кликушество и рассматривалось “радикалами”, как порождение темного нецивилизованного общества “*этой страны*” (Б. ОЛЕЙНИК, Князь тьмы, 54); Ему (Коротичу) на смену пришли новые: вон они с журнальных страниц, с экрана телевизора называют мою Родину страной дураков, “*эта страна*”... (ЛР, 1992, 52, 7); Циркули мирового правительства уже расчертили “*эту страну*” на зоны эксплуатации и “влияния”... (РВ, 1992, 40, 3); Именно такое определение - “*эта страна*” - доктор С. Федоров дал государству, которое сделало его известным всему миру. За все время передачи он раз десять, а может, и больше, на все падежи склонял выражение “*эта страна*”, ни разу не поправившись. Стыдно было слушать, что он говорил о своей Родине, - и все-то у нас плохо, мы все рабы, все неправы... (РВ, 1992, 39, 7);

Нынче все “птенцы Бориса”
Гнезда выют по свету.
А *Россию* называют
Не своей, а “*этой*”
(СР, 1992, 159, 1).

В нашу задачу не входил показ и анализ полноты картины рассматриваемых синтаксических явлений. Мы хотели лишь указать на новый виток идеологизации некоторых устойчивых структур синтаксиса современного русского литературного языка, которые должны изучаться специально. (О моментах окцидентализации синтаксиса современного русского языка, особенно языка средств массовой информации, см. также последнюю главу книги “Русангл, или: будем ли мы говорить на интеррусском?”).

Глава XIII

Несколько слов о языке нынешних политиков и средств массовой информации

Социальная раскованность, как уже было замечено нами ранее, привела к раскованности языковой, а это, в свою очередь, прямым образом повлияло на состояние культуры современной русской речи. Если в доперестроечные годы язык средств массовой информации был предельно стандартизован, стилистически обеднен и однообразен, то в перестроечное время разрушение застандартизованности речи приняло необратимый характер. В то же время появилось нечто новое, ранее практически невозможное, когда речь идет о периодических изданиях, телевидении и радио.

Лишь культура речи политических деятелей до перестройки, в перестройку и после нее практически не изменилась: как до, так и после перестройки в политику попадали и попадают люди не по своему образовательному цензу, а прежде всего по идеологическим 'заслугам'. Образовательный уровень многих из них оставляет желать лучшего (об этом постоянно пишет пресса), отсюда систематические нарушения норм литературного языка, если не сказать более - порою элементарное невладение ими. Так, речь 'отца перестройки', первого и последнего президента СССР, можно определить не только по голосу, но и по особенностям ударять гласные в обычных словах: *принять* вместо *принять*, *начать* вм. *начать*, *сформировать* вм. *сформировать*, *углубить* вм. *углубить*, далее *созыв* вм. *созыв*, *средства* вм. *средства* и под. - вплоть до *Азейбаржан* вм. *Азербайджан*.

Нынешнее первое лицо России, как признается один из создателей для него имиджа "мудрого отца", "раньше публично говорил совсем плохо. Он из Сибири, в его речи до сих пор остались диалектизмы, говорок". После серии мероприятий по созданию "речевого имиджа" этот же специалист заявляет: "Когда он говорит свободно, эмоционально, то впечатление очень хорошее, он 'заражает'" (Эстония, 1992, 208, 4). Между тем наблюдения не только лингвиста-профессионала, но любого образованного человека отметят всякий раз в его речи неожиданные "языковые новшества". Вот несколько из картотеки зафиксированных нами:

Начали завязываться и *восстанавливаться* новые (?) связи между предприятиями; ...обнаружилось их бескультурье, причем не только простых людей, но [оторвавшись от листа, с которого читал] *ряда людей-творцов* (из выступления на съезде народных депутатов России 1 декабря 1992 г.); *Прекратить войны* [имеются в виду гражданские войны на Кавказе и в других точках бывшего Союза] и *другие мероприятия* (из выступления по телевидению в феврале 1993 г.); *Я сделал (!) немало выводов от тех действий, которые я должен (!) предпринять* (7.III.1993) и т. д. и т. п.

Примечателен диалог при подписании договора о прекращении войны между Грузией и Абхазией в сентябре 1992 г. - стенограмму переговоров опубликовала одна из московских газет. Вот только некоторые образцы (речь идет о тексте договора). Первое лицо России говорит:

Каждый интерпретирует, как хочет. Я как президент интерпретирую именно так и гарантирую позицию России...; Не может президент Российской Федерации позволить за каждую строчку выискивать, где что и как... Прошу подписываться тем, кто согласен; Я прошу техническую службу, несмотря на некоторые сомнения Владислава Георгиевича [Ардзинба, глава руководства Абхазии], тем не менее те, кто уверен, что сегодня принят серьезный документ, который сделает перелом, как сделал такие документы в Осетии и Приднестровье, внесите подносы с шампанским...; Но я бы очень твердо хотел бы заявить от имени всех сидящих в этом полукругу, что мы будем вас поддерживать. На это вы надеетесь; Первое, как я уже сказал Егору Тимуровичу Гайдару, чтобы немедленно (десять дней) подписать экономическое соглашение между Грузией и Россией. У нас такой получился разрыв, у нас такой получился провал, что, конечно, Грузия с этого пострадала...; Я приеду, я уверен, меня к этому времени не сместят, приехать в Тбилиси, прекрасный город, который я хорошо знаю и не один раз там бывал... Это действительно прекрасный город, если не из сказки, то по крайней мере красота и подписать там наш договор... (СР, 1992, 117, 3).

В значительной мере сказанное ранее характеризует и речь других деятелей высшего эшелона власти, в том числе и депутатов Верховного Совета, срав. наблюдения лингвиста:

Прежде в нормативном плане равнение шло на общественную речь, на публичные выступления и на языковую практику образованных, грамотных, интеллигентных людей - независимо от их профессии: ведь образованность как бы уже сама по себе предполагала речевую правильность. А что же теперь? На сессиях Верховного Совета (союзного и российского) мы то и дело слышим: *при́рост, нáчать, уя́снить, й́сконный, зánяться, й́збранник, хищни́ческий*, а также *чере́звычайный, компе́тентность* или *преце́дент*. А также ударения, как *обеспе́чение, упро́чение, бо́язнь, вне́сенный, упро́ядоче́ние, облеги́ть*, стали чуть ли не нормой парламентской речи. Но именно парламентской, а не общелитературной, ненормативно обработанной. 'Грамматике подчиняются даже короли', - так говорилось исстари. Или для нас это уже не закон? (СКВОРЦОВ 1991: 20).

Впрочем, может быть, не следовало бы слишком строго судить депутатов, избранных на короткий срок в различных частях страны (т.е. в разноречивых областях), имеющих различный уровень образования и отношения к культуре вообще и культуре речи в частности. Иное дело - политики профессиональные, не владеющие нормами литературного языка, нередко допускающие в речи даже 'крепкие выражения (слова)' - вероятно, для

того, чтобы показать свою 'социальную раскованность'. Так, нынешний министр иностранных дел России в интервью газете "Московский комсомолец" (1993, 52, 2), забыв о "дипломатическом этикете", рассуждает:

но это считалось образцом русского гостеприимства - задавить [дипломатов] огромной массой еды. Практика такая существует... Поразить размахом, но гостю-то это не нужно, он же не *жрать* приехал, а работать (хотя выделенное слово умело взято редакцией газеты в кавычки, но сути дела это не меняет).

То же самое относится к средствам массовой информации - газетам, журналам, радио и телевидению, речевая культура которых просто 'кричит' о защите и даже спасении. Одна из читательниц журнала "Огонек" (1989, 30, 5) пишет об этом так:

Искаженную речь мы слышим постоянно. Она звучит на телеэкранах, в радиопередачах, на театральных подмостках, в кинофильмах. Изо дня в день, постепенно, методично уродуется русский язык. Его в таком виде 'успешно' усваивают наши дети. Все это называется безответственностью в сфере культуры. Она не менее опасна, чем безответственность во всех других сферах нашей жизни.

Срав. также:

Исчезли привычные дикторы и обозреватели, появились новые лица, к которым до сих пор трудно привыкнуть. В духе "нового" времени они позволяют себе быть небрежными в обращении с текстом, отличаются частым повторением в затруднительных ситуациях "э-э", однообразными интонациями и какой-то заунывностью в гласных. Кстати, это свойственно и дикторам российского радио. И внешность: не всегда строгий вкус в одежде, язвительные улыбки и замечания "от себя" к месту и не к месту, бесконечный технический брак... (из газ.).

А вот впечатление слушателя "Радио России":

Такое впечатление, что "Радио России" - филиал радиостанции "Свобода". Схема, по которой построены программы российского радио, практически один к одному повторяет передачи "Свободы". Блоки информации, перемежающиеся резвыми музыкальными заставками, и время от времени комментарии "по поводу" разных лиц. Ведущие говорят неестественно бойко, с чуждыми русскому языку интонациями... мои представления о патриотизме, об уважении и любви к своему Отечеству, об общественном благе и даже о просто человеческой порядочности в деятельности многих сотрудников республиканской радиостанции не вписываются... Заимствование чужих идей и схем не только не делает чести создателям российского радио, но и свидетельствует об их творческой несостоятельности..." (ЛР, 1991, 27, 5.VII).

Слушатель верно отметил “чуждые русскому языку интонации” в речи дикторов “Радио России” и не только его. Известный киноактер ЛЕОНИД ФИЛАТОВ недавно объяснил, откуда идут “интонации”:

Ушла цензура, это хорошо. Но вместе с ней ушла и цензура вкусовая. Какие-то ископаемые дикторши говорят на чудовищном русском языке. При этом, не научившись говорить по-русски, интонируют по-английски. На каждом шагу - концентрация глупости и пошлости. От титров до того, как построена картина, что плетет человек на экране и про что, возникает впечатление, будто страна - отдельно, а телевизор - отдельно” (перепечатка из “Мегаполис-экспресс” в газ.: Мол. Эст., 1993, 24.IV).

Впрочем, киноактер не совсем справедлив: не только “дикторши”, но и дикторы! Так, нынешний ведущий воскресной программы “Итоги” телевидения “Останкино” вещает 17 января 1993 г.: “Проект Конституции будет еще *доработываться* и *переработываться*”; 14 марта он же: “*конституциальность* (вместо конституциональность) и т.д. Диктор российских “Вестей” (телевидения) АЛЕКСАНДР Б. ГУРНОВ на протесты зрителей, возмущающихся уровнем его культуры речи, реагирует так:

Вот видите, у меня перед глазами висит табличка, присланная зрителем? Он услышал, что я числительные произношу неправильно, написал мне, как нужно. Я повесил на видное место, учу (Труд, 1992, 10.X, с. 2).

То есть, доучиваемся уже на экране телевидения!...

В речи дикторов, а особенно корреспондентов из различных регионов бывшего Союза нередко *преценденты*, *ипценденты* и под. Редактор московского телевидения выпускает на экран рекламу, под которой стоит адрес рекламирующей себя фирмы, а в нем крупными буквами: *почтампт* (программа “Под знаком Зодиака”, 21 ноября 1992 г.). Это всего лишь обычные образцы из наблюдений и собранного материала по языку современного (‘перестроечного’) радио и телевидения.

От неподчинения элементарной грамматике всего лишь один шаг к вольностям содержательным, передаваемым ненормативной лексикой и выражениями (см. главу IX “Срамословие и грубословие как отражение агрессивных тенденций современной речи”). Это не только наблюдения автора настоящей книги. Вот свидетельство “Московских новостей” (1993, 16, 13):

ТВ давно позволяет себе свободу передвижения без “красного света” - свободу любых слов, любых призывов, любых оскорблений.

На государственном телевидении об официальном лице, председателе Верховного Совета России ведущий официальной программы “Итоги” может сказать:

Зал Верховного Совета России в эту неделю опустел, пуст был и кабинет его председателя, *укатившего* в зарубежную поездку... (18 октября 1992 г.).

Литератор ЮРИЙ КАРЯКИН 27 ноября 1992 г. по телевидению “Останкино” идет еще дальше, называя председателя Верховного Совета “*торжествующим хамом*” - произносится это в присутствии всего ‘цвета’ нынешней демократии. Срав. также высказывание журналиста ВЛАДИМИРА ЦВЕТОВА:

А Хасбулатов [председатель Верховного Совета России] - *настоящий враг, враг хороший, коварный, лживый. Я его называю нравственным уголовником* (Моск. комсом., 1992, 8.XII).

Телерепортер “Останкина” АНДРЕЙ КАРАУЛОВ, интервьюируя бывшего председателя Верховного Совета СССР АНАТОЛИЯ ЛУКЬЯНОВА, заявляет ему: “Вы, *как маньяк*, не отступаете от своих позиций...” (14 февраля 1993 г.). Один из московских демократствующих интеллигентов в телепередаче обзывает бывшего председателя Совета Министров СССР ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВА словом *дерьмо*. Вот как, например, прореагировал на это таллинский журналист МАРК ЛЕВИН:

... При этом оппоненты из демократического лагеря пользуются не только теми же методами, что их предшественники в сталинские времена, но и той же лексикой. Не подыскивают аргументы, но изрыгают оскорбления. Когда-то Вышинский обзывал подсудимого Бухарина “*воющей собакой*”, теперь некий публицист обзывает подсудимого экс-преьера Павлова “*дерьмом*”... Разница лишь в том, что Вышинский делал свое дело в суде перед радиомикрофоном, теперь же его духовные наследники проделывают это же перед телекамерой... (Мол. Эст., 1993, 52, 2).

Что же касается депутатов, избранных народом всей страны, то и телевидение, и радио могут по отношению к ним применять весьма ‘вольные’ эпитеты. Один из постоянных экранных сатириков вещает:

Почему съезд [народных депутатов России] происходит весной и осенью (за исключением прошлогоднего декабрьского)? А в энциклопедиях написано, что именно в это время года повышается активность *шизофреников* (т.е. депутатов) (24 января 1993 г.).

Срав. также из газет и журналов:

В конце концов мы просто получили окончательный портрет *этого тысячеголового митинга, называющегося съездом* (Известия, 1992, 267, 2); Последняя, боюсь, самая трагическая новость: *глубоко больные люди из нашего Верховного Совета* решили индексировать пенсии... (обозреватель; Незав. газ., 1993, IV); В день *реванишистского съезда так называемых народных депутатов СССР* и красно-коричневого митинга на Манежной. Стремительно постановили съезд собирать, и не позднее июня (Огонек, 1992, 22-23); Жанна Агузарова обещала приехать в Россию, но только в том случае, если ее поклонники разберутся, наконец, на референдуме с *придурочным съездом* (на всю газетную страницу в виде заголовка; Моск. комсом., 1993, 72, 4); Общественный комитет демократических сил России призвал граждан страны принять участие в намеченной на это воскресенье всероссийской акции против узурпации власти съездом *потерявших совесть депутатов* и за право народа на референдум (Моск. комсом., 1993, 56, 1) и т.д. и т.п.

Официальные сообщения одна из газет подаст, например, таким образом:

Верховный Совет вчера поутру вновь явил пример плюрализма. Хасбулатов *пошел на пролом, вытер ноги о регламент* и очень спешил... После этого Руслан Имранович [Хасбулатов] расслабился и отпустил депутатов на час...; Он *заткнул микрофоны*, прерывал все обсуждения и *протолкнул предложения* по повестке завтрашнего съезда... Абдулатипов, председатель Совета национальностей, *выглядел, как побитая собака*. Вероятно, Руслану Хасбулатову после встречи с президентом *вожжа попала под хвост*... Поскольку президент успел *пообещать всем сестрам по серьгам*..., то первое *наступление правительства* пришлось на Центробанк. В обращении он обязал Центробанк немедленно начать делать то, что предписано ему правительством. *Не то хуже будет*... И т.д. (Моск. комсом., 1993, 1).

Это, однако, не предел...

Однако, достаточно. Приведенный материал свидетельствует о том, что со стороны некоторых средств массовой информации проводится систематическое давление на народ, а вместе с этим совершается и языковое насилие. Читательница одной из газет недавно призналась: "Я просто устала от хлесткого псевдорусского языка". Может, действительно, еще не поздно перейти, как говорил в XVII в. знаменитый протопоп Аввакум, на "свой русской природной язык"?... Ведь мы его любим так же, как и этот борец за старую православную веру...

СКВОРЦОВ 1991 - Л. СКВОРЦОВ. Защищенное слово. - Литературная Россия, М., 1991, 33, 20.

Глава XIV

Русангл, или: Будем ли мы говорить на интер-русском?

Безумно злое дело - и дело непостижимо неумное - повседневно вводить в русский язык целое сонмище иностранных слов, которые легко могут быть заменены исконно русскими: уже существующими и полноценными, или источно-русскими, которые дремлют в основе русского языка несочитанными рядами, и могут быть разбужены каждую минуту творческою волей, корневые слова, родниковые, прячущиеся в земле, в темной неизвестности, но предрешиено уже существующие...

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ ("Русский язык", 1924)

Русский язык вплотную подошел к такому состоянию, когда по отношению к некоторым видам его реализации пора применить предлагаемый нами лексико-словообразовательный конструкт *русангл*.

Явление, обозначенное так, - *русангл* или, более шире, - *интеррусский язык*, - не новое в европейской этно-языковой истории. Лингвоконструкты, в которых тем или иным способом были синтезированы элементы различных языков, возникали уже в средневековье. В качестве примера можно привести лингвопроект Т. Х. ФОЛЕНГО, известный в интерлингвистике под названием *Latino macaronico*, т.е. "макаронический латинский язык", 'освеженный' лексическими единицами, а также грамматическими признаками итальянского языка. В новейшее время, особенно в 60-е гг. XX в., в связи с сильным техническим и культурным влиянием Америки на европейские страны, стали замечать и весьма активную англо-американизацию или просто американизацию ряда языков Европы. Так, во Франции в указанное время уровень воздействия английского языка на французский достиг такой 'отметки', что там стали с тревогой писать о появлении нового языкового гибрида, которому вскоре и дали специальное название *франглэ - franglais* (< *français* "французский" + *anglais* "английский", т.е. *fran-çais + a-anglais, n + n = n*). Этот новый лингвоним стал весьма популярен в французской общественной и культурной жизни: он попал в устойчивые выражения типа *Parlez vous franglais?* "Говорите ли вы по-французско-английски?", однако использовали его всегда с пейоративным предназначением, чтобы подчеркнуть гибридность, макаронизм французской речи определенного лица, автора, текста, занимающейся рекламой фирмы и т.д. В стране пришлось предпринять специальные запретительные шаги, чтобы приоста-

новить американизацию французского языка. И если трудно пока говорить о позитивном решении этой проблемы в целом, то несомненно по крайней мере, что французское общество оповещено об опасности подобного рода лингвоэкспансии со стороны, и это - гарантия более внимательного и осознанного отношения к нормам родного языка.

Русский язык нельзя считать пуристическим языком, однако это не значит, что пуризм вовсе чужд кодификаторам и нормализаторам, а также простым носителям русского языка.

В XVIII в. отмечаются совершенно очевидные попытки поставить заслон чрезмерному проникновению в русский литературный язык иностранных слов, особенно тем, которые 'приходили' и внедрялись без надобности, при наличии собственных слов. Так, составители 6-томного "Словаря Академии Российской", первое издание которого вышло в конце XVIII в., а второе - в начале XIX в. (Словарь АР 1789-1794; 1806-1822), оцущали эту необходимость и потому нашли очень удачный способ решения этого вопроса. Они не отвергали полностью заимствованные слова - последующие критики в этом отношении неправы, упрекая составителей этого словаря в обратном. Напротив, они включали такие слова в качестве статей, заглавий статей словаря, однако тут же предлагали свое решение, а именно подыскивали собственно русские эквиваленты таких слов, тем самым как бы пытаясь подстегнуть потребителей словаря и носителей русского языка к использованию прежде всего своего, а не чужого слова. Так, еще свежие для той поры заимствованные слова имеют, как правило, отсылку в виде весьма краткого и четкого по значению слова *зри*, т.е. смотри: *актер зри лицедей, аристократия зри вельможедержавие, геодезия зри землемерие, межевание, диаметр зри поперечник* и далее в таком же духе. В дальнейшем этот подход к иностранным словам, претендующим на место в словаре русского литературного языка, нередко поддерживали профессиональные языковеды, писатели, публицисты. Достаточно вспомнить ставшую уже банальной (вернее, ее сделали такой современники и последующие поколения), а для учебной сферы - и хрестоматийной деятельность в этом направлении А. С. ШИШКОВА, писателя, государственного деятеля, президента Российской Академии наук и министра просвещения. Многие предлагавшиеся в XIX в. русские эквиваленты иностранных слов типа *колоземица* вместо *атмосфера*, *дальнозор* вм. *телескоп*, *живуля* вм. *автомат*, *вшехница* вм. *университет* и под. отвергались - так сильна была ориентация на западную культуру и науку. Между тем пришло время глубже поразмыслить над этими тенденциями в формировании и кодификации словаря русского литературного языка. Чем, скажем, плох термин *землемерие* вместо *геодезия*? Он точен семантически, логично связывается с существительным со значением лица, деятеля и одновременно - предмета - *землемер*, отсюда и с адъективными формами *землемерный* и даже *землемерский*; к тому же можно произвести семантическое разграничение

в существительном *землемер*, оставив его для обозначения соответствующего предмета (аппарата, прибора), а для лица, деятеля, занимающегося землемерием (или, как мы сегодня говорим, геодезией), образовать новую субстантивную форму - *землемерец* (и *землемерка*). А чем плох *поперечник* вместо *диаметр*, *дальнозор* место *телескоп*? Конечно, время для этих и им подобных слов, русских эквивалентов для заимствований, давно ушло. Но, может быть, имело бы смысл сейчас, в конце XX в., попытаться заострить этот подход, когда речь идет о выборе и внедрении в русский словарь новых слов?!... Сейчас, спустя два столетия, с сожалением приходится констатировать, что пуристический подход в работе наших нормализаторов и кодификаторов на протяжении XIX и особенно XX вв. в целом не только игнорировался, но и был по существу гонимым. В XIX в., несмотря на противостояние славянофилов и западников, последние чувствовали себя вольготнее, слабее связанными с традицией, а что касается вопроса заимствований из западных языков, то этому процессу благоприятствовала также узкая социальная база носителей русского литературного языка, которые к тому же, в большинстве своем, владели каким-либо вторым и третьим языками. В XX в., особенно после революции 1917 г., идеи интернационализма и конкретные действия советских властей по их реализации во многом способствовали укреплению антипуристических позиций тех, от кого зависела судьба русского литературного языка. Употребление терминов *пуризм* и *пуристы* (в референтном смысле таковых, впрочем, в советское время практически и не было!) приобретали обычно негативную семантическую окраску.

В такой ситуации и в XIX, и в XX вв. непросто было тем, кто думал об объективной необходимости пуризма и в то же время понимал пагубность чрезмерного засорения литературного языка иноязычными заимствованиями. Известно высказывание, например, А. П. ЧЕХОВА о введенных в его время словах *флирт* и *чемпион*. В письме к А. М. ГОРЬКОМУ он писал об этом так:

Быть может, во мне говорит лишь излишняя раздражительность или консерватизм человека, давно усвоившего себе определенные привычки. Я мирюсь в описаниях с *коллежским ассессором* и с *капитаном второго ранга*, но *флирт* и *чемпион* возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение (Цит. по: ЛГ, 1972, 27, 6).

Поучительна для нас в этом отношении терминотворческая деятельность известного слависта, профессора Московского университета РОМАНА Ф. БРАНДТА (1853-1920), автора многочисленных работ по грамматике различных славянских языков и по общим вопросам славяно-русского языкознания.

В 1894 г. в письме к французскому языковеду Антуану Мейе основоположник теоретического языкознания XX в. швейцарец ФЕРДИНАНД ДЕ СОССЮР писал:

Полнейшее несовершенство современной терминологии, необходимость ее реформы и показ того, что в общем представляет собой язык как таковой, постоянно портят мне удовольствие, которое я получал бы от занятий историей языка... (Цит. по: ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984: LXXII).

На материале русской языковедческой терминологии это несовершенство к 80-м гг. XIX в. ощутил Р. Ф. БРАНДТ, попытавшийся своим способом провести в этой области реформу. Русская языковедческая терминология, в целом идущая от “Российской грамматики” (1755 г.) М. В. ЛОМОНОСОВА, развивалась, как и во всех других языках, стихийно-сознательным путем, потому в ней переплетены и собственно русские слова-термины (например, *звук*, *число*), и заимствования (например, *этимология*); наряду с однословными (*время*, *подлежащее* и под.), немало и дву- и более словных (*дательный падеж*, *страдательный залог*) и т.д. Р. Ф. БРАНДТ поставил перед собой задачу реформировать русскую языковедческую терминосистему, сделать ее последовательной, унифицированной. Для этого он выбрал путь пуризма, игнорируя иноязычные образцы, прибегая в крайних случаях к калькированию греко-латинских терминов; большинство же терминов он создал сам, нередко ориентируясь при этом на чешские и сербские способы создания терминов. В его публикациях, появившихся в 80-90-е гг. XIX в. и в начале XX в., обнаружено около ста (вероятно, их больше) нетрадиционных терминов.¹ Избегание даже общепринятых иноязычных по происхождению терминов заметно на таких ‘брандтовских’ новообразованиях, как: *наставка* вместо *суффикс*, *новотворка* вм. *неологизм*, *прислонка* вм. *энклитика*, *сумесок* вм. *гибрид* (*гибридное образование*); правда, при этом он, например, не смог устранить термин *аорист* для обозначения одной из глагольных форм прошедшего времени и некоторые другие. Весьма активно занимался Р. Ф. БРАНДТ созданием собственно русских эквивалентов для терминов церковнославянского происхождения. Так, названия падежей он ‘русифицировал’ таким образом:

<i>именительный падеж</i>	→	<i>назывной падеж</i>	→	<i>назывник</i>
<i>родительный падеж</i>	→	<i>родный падеж</i>	→	<i>родильник</i>
<i>дательный падеж</i>	→	<i>давальный падеж</i>	→	<i>давальник</i>

¹ Пользуемся здесь материалом, взятым из выполненной под нашим руководством дипломной работы студентки Тартуского университета Ольги Мазик “Лингвистическое терминотворчество Р. Ф. Брандта и его место в контексте русского языкознания в конце XIX - начале XX вв.” (1986).

вншительный падеж → *винильный падеж* → *вншильник*
творительный падеж → *творный падеж* → *творник*
звательный падеж → *зовный падеж* → *зовник*
предложный падеж → *местный падеж* → *местник*

Понимая, что в новых двухсловных названиях (*назывной падеж*) еще остается связь с церковнославянским (компонент *падеж*), Р. Ф. БРАНДТ отказывается и от этого, подходя к однословному обозначению падежа в виде *назывник*, *родильник* и под.

Так же он поступает с обозначением числа:

единственное число → *одинное число* → *однина*
двойственное число → *двойное число* → *двоина*
множественное число → *множное число* → *множина*

Срав. в сербском: *једнина* “единственное число”, *двојина* “двойственное число” и *множина* “множественное число”.

Труднее было с названием частей речи: *глагол* оставлен, *имя существительное* заменено на *предметница* (достигнута однословность, однако можно ли считать слово ‘чисто’ русским из-за приставки церковнославянского типа *пред-* вместо русской *перед-*?), *имя прилагательное* - *прикладок*, *деепричастие* - *напричасток*, *числительное* - *числовка*.

Примеры замены двусловных терминов однословными, ‘чисто русскими’: *безударная гласная* → *безударка*, *губной согласный* → *губник*, *косвенный падеж* → *косвенник*, *носовой призывок* (резонанс) → *пригнузка*, *производный суффикс* → *производка*, *производница*; однако срав. сохранение церковнославянских признаков неполногласия в терминах *гласный звук* → *гласник* (а почему-то не *голосник*), *согласный звук* → *согласник* (а не *соголосник*); срав. также сохранение ‘церковнославянского’ суффикса *-тель*: *уменьшительный суффикс* → *уменьшительница*.

Р. Ф. БРАНДТ шел дальше: он, например, пытался также ‘исправить’ некоторые, даже русские по происхождению, термины, срав.: *звонкость* → *голосовость*, *твердость* → *неумягчительность* (все тот же суффикс *-тель*), *призывок* → *пазвук*, срав. также: *третье лицо* → *третьеличье*, *второе лицо* → *двуличье*, *первое лицо* → *одноличье* и под.

Терминотворческая деятельность Р. Ф. БРАНДТА - уникальное явление в истории отечественного языкознания, поскольку трудно найти другого лингвиста, который так неистово стремился бы к изменению более или менее устоявшейся терминосистемы своей области. К этой деятельности можно относиться по-разному; современники не одобрили лингвотермино-

логический пуризм Р. Ф. БРАНДТА, не восприняли и не приняли предложенные им термины, потомки же вовсе забыли о них. Вопрос о том, почему все же практикой языковедческой науки так и не был принят ни один из терминов Р. Ф. БРАНДТА, требует, на наш взгляд, пространных разъяснений: до того уже функционировала более или менее устоявшаяся терминологическая практика; для обозначения новых понятий и замены неудобных терминообозначений был проложен достаточно 'легкий путь' - заимствование из греко-латинского источника и новых европейских языков; интернационализация науки, экономики, культуры и общественной жизни явным или скрытым образом вытеснили пуризм и пуристические представления и пристрастия на периферию общественного сознания, превратили его в отрицательно маркированное явление культуры. Р. Ф. БРАНДТ, по просту говоря, опоздал. Если бы разработанная им терминосистема появилась, скажем, до "Русской грамматики" М. В. ЛОМОНОСОВА, т.е. до середины XVIII в., то вероятно допустить, что часть ее могла бы быть принята языковедческой практикой: разве противоречат словообразовательным и семантическим нормам русского языка, например, *назывник* "именительный падеж", *родильник* "родительный падеж" и т.д., *губник* "губной согласный", *зубник* "зубной согласный" и под.? Конечно, здесь возможно столкновение на почве омонимии, например, с *зубник* "тот, кто лечит зубы, зубной врач" (распространено в народе), однако в целом такие препятствия естественны. В эксперименте Р. Ф. БРАНДТА для нас важно то, что он показал словообразовательные возможности русского языка, те возможности, которые, в силу различных исторических причин, так и не были использованы, они носят потенциальный характер и лежат глубоко в тайниках, запасниках языка. Их можно использовать, не обращая лишней раз к другим языкам, для 'заполнения пустых клеток'. К сожалению, именно это обстоятельство каждый раз упускается, когда создаются те или иные фрагменты той или иной терминосистемы.

... Носитель русского языка второй половины XX в., поставленный в антипуристические рамки, все же нет-нет да и размышляет над чистотой родного языка. Примеры такого рода имеются. Так, один из читателей "Литературной газеты" (1974, 9, 27.11) недоумевал:

Компьютер - это английское произношение латинского слова *компьютор* (от *компутицио* "вычисление"). Зачем же внедрять в русскую речь, кроме латинского корня, еще и английскую фонетику? Давайте говорить *компутор*, если уж ничего пока лучшего нет... На смену *компютору* мог бы прийти *самосчет*... С недавних пор у нас стал применяться американский термин *дисплей*, совершенно чуждый славянской фонетике. Он все чаще мелькает в статьях, докладах и пытается утвердиться в стандарте. Неужели и здесь ничего нет лучшего?... На русский язык слово *display* лучше всего переводится, как "показ" или "отображение". Это последнее значение обычно и употребляется среди наших специалистов, давно работающих в этой области. У американцев же *дисплей* означает еще и прибор для диалога, в котором есть не

только “отображение”, но и запись от светового пера или клавиатуры. Поэтому название *дисплей* для прибора в целом неверно по существу. Что же можно предложить взамен *дисплея*? Может быть, подойдет *графовизор* - греко-латинское слово, аналогичное *телевизору* и передающее обе функции прибора. Многие предложат что-либо лучше. Но *дисплею* в русском языке не место.

Читатель недоумекает, протестует, а средства массовой информации внедряют в массовое сознание и речевое употребление в английской фонетической ‘упаковке’ *компьютер, дисплей* и т.д.

Таких примеров можно было бы привести сколько угодно. Однако видно, что имеется, помимо языкового чутья, языкового сознания и осознанности, что-то иное, что ломает логику, и предложения вроде только что приведенного остаются без внимания. Удачно ответил на этот вопрос, по нашему мнению, писатель ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ, пишущий прозу на киргизском и русском языках:

... заимствования - насколько они естественны, органичны, своевременны, не идут ли они подчас от консерватизма мышления, от лени ума, когда механически, а то и лести ради из одного языка переносят что-то в другой... Курьезным фактом в этом смысле являются названия двух областных газет, выходящих на киргизском языке, - одна из них называется “Ысык-Кол правдасы” (“Иссыккульская правда”), а другая - “Нарын правдасы” (“Нарынская правда”). Меня это глубоко оскорбляет. Что же это за народ с тысячелетней историей за плечами, у которого отсутствуют слова *правда, истина, справедливость*? Кому нужно такое коверканье русского языка и унижение киргизского, в котором только синонимов для понятия “правда” насчитывается около десятка?... (ЛГ, 1986, 13.VIII, с. 4).

В этом высказывании верно подмечено: консерватизм мышления, лень ума и ^{лесть} - вот что способствует беспрепятственному, а нередко и бездумному внедрению иноязычных слов. К этому, мы бы добавили, примешивается также незнание теми, кто создает и вводит новые слова, словообразовательных возможностей русского языка, зачастую просто гордыня знающих иностранные языки перед незнающими таковых, стремление таких людей к элитарности в тексте и в речи в целом, а тем самым попытке отгородиться от ‘массы’ такими текстами, такой речью. Конструируемый ими интернационализированный вариант русского языка успешно внедряется с помощью средств информации в массовое сознание. Совершенно неожиданным здесь является то, что эту тенденцию поддерживают и некоторые писатели и деятели современной русской культуры. Так, драматург ВИКТОР РОЗОВ воодушевлен, например, тем, что русский язык будто бы стал “в основе своей интернациональным”, писатель не понимает тех, кто выступает “против коверканья русского языка”! Срав. его высказывание:

Почему великий русский язык? Он велик своим поразительным свойством, которым обладают некоторые другие языки: впитывать в себя. Он - живой! Каких только слов в нем нет! И тюркские, и татарские, и английские, и немецкие. Русский язык в основе своей интернационален. Он не имеет границ и законов. Он может переделать слово на свой лад или точно его скалькировать. Это замечательное свойство нашего языка. Не понимаю писателей, выступающих против коверканья русского языка. Он не коверкается, он - живет. Живет - значит питается. А его хотят сделать мертвым, канонизировать, ограничить словарем... (Кн. обзор., 1988, 36, 10).

Если исключить патетику, то высказывание производит весьма странное впечатление.

Во времена, когда интернационализм был одной из главных стратегий советской идеологии и тем самым открывал двери для всякого рода заимствований (для которых утвердился и специальный термин - *лексические интернационализмы*), академик В. В. ВИНОГРАДОВ сообщал, что «со стремительным техническим развитием растет в современном русском языке фонд интернациональной лексики. Он насчитывает более 100 тысяч интернациональных слов». При этом, конечно же, ученый имел в виду прежде всего профессиональную лексику (его статья об этом опубликована в 1940 г. и называется «Основные этапы истории русского языка», см. ВИНОГРАДОВ 1978: 63). Сейчас трудно сказать, с помощью каких конкретных подсчетов появилась эта внушительная цифра. Скорее всего она отражает количественную безбрежность особенно специальной лексики, вошедшей в русский язык из западных языков, а во второй половине XX в. - прежде всего из американо-английского.

Еще в 70-е гг. русист Ф. П. ФИЛИН забил тревогу по поводу 'вторжения американизмов в современный русский язык'. Он писал:

Престиж английского языка порождает и неумеренное увлечение американизмами в ущерб другим национальным языкам, что вызывает тревогу в определенных общественных кругах не только Франции [см. выше о франглэ]..., но и других стран. Воздействие английского языка на русский не столь интересно, как, скажем на немецкий в ФРГ и на французский, но все же в наши дни очень значительно, что не может не наводить на раздумия.

По мнению автора, тревогу вызывает:

Во-первых, беспрецедентное их [американизмов] количество, особенно в специальной терминологии. Можно без преувеличения сказать, что в специальной лексике их насчитывается десятки и сотни тысяч, причем намечается тенденция вытеснения ими уже существующих или возникающих точных русских соответствий. Во-вторых, почти одностороннее движение терминологии: масса американизмов вторгается в рус-

ский язык, но мало заметно воздействие русской лексики на английскую. В-третьих, наметившееся у некоторых лиц бездумное лингвистическое подражание всему американскому (Грибоедов в свое время едко высмеивал “французско-нижегородское наречие”, а теперь пришла пора говорить об “американо-нижегородском сленге”) (Филин 1981:302, 303).

При столь тревожной ситуации (“агрессия американского варианта английского языка”, “беспрецедентный в истории русского языка наплыв американизмов”) странно читать далее о том, что автор “никогда не был и не будет поклонником пуризма, безуспешно отбивавшегося и отбивающегося от наплыва заимствований” (с. 305). А жаль. Может, если бы “поклонники пуризма” (разные - ретивые и умеренные) били тревогу о судьбе русского литературного языка, его состояние в отношении заимствований не достигло бы своей кульминации.

Впрочем, в 70-е гг. симптомы ‘американизации’ русского литературного языка были видны лишь специалистам. В перестроечное время этот процесс, приобретя широкий размах, стал заметен каждому, кто постоянно читает, слушает радио и смотрит телевидение. Некоторые деятели науки и культуры вновь поговаривают об убыстряющемся процессе формирования “американо-нижегородского” и, шире, “германо-романо-русского сленга”, стремясь этим подчеркнуть угрожающие масштабы лексической окцидентализации современного русского литературного языка.

В перестройку, действительно, ‘шлюзы’ для прорыва иноязычных слов в русский литературный язык были открыты полностью, и это не заставило себя долго ждать - “германо-романо-русский сленг” создается буквально на наших глазах. Человек со средним, а нередко и с высшим образованием уже не может обойтись без специального словаря при чтении обычных газет. Срав. такие признания:

Прежде чем приступить к чтению газет, подсесть к телевизору или радиоприемнику, запасаясь несколькими словарями (из газ., 1989).

Еще:

Ваш современник - самый образованный человек и тот спотыкается, когда читает сегодняшние материалы печати. Без словаря иностранных слов не обойтись! Возьмите любое чтиво средств массовой информации, в нем пестрят иностранные слова, написанные русскими буквами: *уик-энд, нау-хау, рейтинг, дайджест, истеблишмент, спонсор, имидж, брокер, рокер, ракет* и многие другие. Неужели нельзя перевести слова на русский язык и написать так, чтоб не терялся смысл написанного! И уже непонятно, что хотел выразить автор - остаться непонятым? Кому-то это надо и выгодно? Чтоб легче дальше “вешать лапшу на уши”. Или это тоже цель - писать ‘мудрёные’ слова, забиваю-

щие мысль. Вставляя иностранные слова во фразу, журналисты-‘писакки’, так их в народе величают, хотят, вероятно, показать таким образом свою ‘высокую’ эрудицию, ‘глубочайшие’ познания всего. Этим прежде всего журналисты, комментаторы, дикторы и вообще средства массовой информации показывают свое глубокое неуважение, пренебрежительное отношение к своему читателю, зрителю, к тому, к кому они обращаются. Превратить русский язык в смесь с искусственным международным языком эсперанто и вычеркнуть его из бытия как объективную реальность - это их цель...(из газ., 1992).

Со всеми утверждениями читателя можно согласиться, за исключением одного: международный язык эсперанто здесь, конечно, не при чем, так как русский язык смешивают не с ним, а с американо-английским прежде всего.

Никакие призывы читателей газет и журналов, носителей русского языка создать охранную языковую службу и под. никем так и не были услышаны. Впечатление, будто вовсе нет тех, кто по долгу службы, по своему призванию должны были и могли бы давать необходимые рекомендации, вносить поправки, предвосхищать возможные несуразности, связанные с проблемой чистоты русского языка. Попытки обратить внимание в печати на то, что в русском словаре есть *гостиница*, а не *отель*, *сплоченность*, а не *консолидация*, *покровитель*, *попечитель*, а не *спонсор*, *согласие*, а не *консенсус*, *застой*, а не *стагнация*, *представление*, а не *презентация*, *чванливый*, а не *амбициозный*, *продажный*, а не *коррупцированный* и т.д., никого уже из тех, кто тиражирует тексты, а с ними и слова, не убеждает. Зачем ломать голову? Рыться в каких-то языковых запасниках, прислушиваться к ‘голосу языка’? Если есть готовое и первое время таинственно звучащее!... Резюме ко всему сказанному очень короткое: утеряны языковые ориентиры, нарушены установившиеся принципы ‘слововведения’ в язык. Их просто уже не помнят (или не вспоминают?). Вместе с технологией, продукцией, красивыми обертками куда легче заодно импортировать и слова: *импичмент*, *бутлеггер*, *рейнджер*, *шейпинг*, *кетч*, *бестер*, *фэмили*, *дивиденды*, *бартер*, *бизнес*, *рэкет*, *тайм*, *уодс*, *эт найт*, *хэппенинг*, *кейс*, *трузер*, *хиллер*, *лайф*, *триллер*, *дилер*, *пипл*, *саммит*, *паблисити*, *макси сингл* и под. и так без конца...

В книге Ф. П. ФИЛИНА “Истоки и судьбы русского литературного языка” (с. 308) со ссылкой на других авторов утверждается, что основными проводниками лексической американизации русского литературного языка 70-х гг. были некоторые популярные периодические издания - называются “Литературная газета”, “За рубежом”, “Комсомольская правда”, “Огонек”, “Неделя” (приложение к газете “Известия”). Такое утверждение, вероятно, не лишено оснований, ибо эти же периодические издания и в перестройку идут по этой части ‘впереди планеты всей’. Вот как, например, газета “Известия” внедряет в массовое сознание слово *омбудсман*:

Было бы полезно учредить институт народного правозащитника (*омбудсман*), существующий в большинстве демократических государств. Это назначенное (обычно парламентом) лицо с широкими полномочиями потребовать от любого учреждения объяснения по жалобам граждан, чьи права ущемлены властями (1992, 279, 3).

Пока это лексическое 'диво' осторожно предлагается в скобках, затем скобки будут убраны и станут писать (будто бы давно и привычно) *обудсман*, *омбудсманский*, *омбудсмановский*, *омбудсманство* и т.д. Так же, как это делают в тех же "Известиях" с другими лексическими 'пришельцами', срав.:

Журналисты платили за *ланч*, а не за информацию; на *пресс-брифинге* в гостинице "Славянская"; Поскольку *ланч-брифинг* был организован вовсе не МИД [Министерство иностранных дел], а Московским Международным *пресс-центром*..., мы обратились к президенту *пресс-центра*; платить члены клуба и журналисты должны были только за *ланч*; хотел бы добавить, что наш *пресс-клуб* - организация некоммерческая; Организация *ланч-брифинга* стоила более трех тысяч долларов (1992, 264, 4)

- все это в небольшой по объему заметке. А вот как поначалу 'рѳко' вводится англицизм *саммит* (вместо русского *встреча*) - пока в кавычках, срав.:

Вчера в Минске началась и закончилась *встреча* глав государств СНГ... Ко времени подписания номера "III" редакция не получила сообщения об итогах "*саммита*" (Незав. газ., 1993, 72, 1)

- в начале заметки *встреча*, а к концу уже *саммит*. Вот из приложения к газете "Известия" - "Финансовые известия" (берем наугад любой номер): Статья называется "Фьючерсная биржа - божество, которое можно сконструировать" (1992). В ней читаем:

В октябре этого года популярные на Западе *фьючерсные* торги впервые прошли в России на Московской товарной бирже. Строго говоря, *фьючерсная биржа*... еще далека от своих западных аналогов; Несмотря на то, что выбор товара для *фьючерса* практически не ограничен, в нынешних условиях он оказался непрѳстым. Распространенные в мире *фьючерсы* на зерно при монопольном импорте государства практически теряли смысл; С одной стороны, *валютный фьючерс*, безусловно, привлекателен для клиентов; на эти деньги она покупает доллары, скажем, по 450 рублей (и тут же продает их на *фьючерсном рынке*...); с другой стороны, *валютный фьючерс*, безусловно, привлекателен для брокера; Кстати, согласно мировой статистике, физической поставкой товара заканчивается около двух процентов *фьючерсных контрактов*; *Фьючерсный рынок* походит на божество...; Для того чтобы принять участие в *фьючерсном торге*, клиенту необходимо внести всту-

пительный взнос в расчетную фирму; Размер этого залога определяет объем разрешенных ей *фьючерсных операций* и т.д.

Одной статьи оказывается достаточно, чтобы все узнать о *простом* и *валютном фьючерсе*, обо всех видах *фьючерсных бирж, торгов, рынке, контрактах, операциях*. А дальше - прямая дорога в алфавитный ряд словаря русского литературного языка...

А вот как, например, журнал "Огонек" внедряет слова *менеджер* и *менеджмент*:

Модное нынче слово *менеджер* - в определенной степени неологизм, продукт начавшейся экономической реформы. Заимствованное на Западе, оно буквально переводится как "предприимчивый руководитель, управляющий"... Перевод переводом, но *менеджер* означает именно "деловой руководитель, управленец"... *Менеджер* - это тот человек, который должен осуществить переход от диктатуры производителя к диктатуре потребителя... *Менеджмент* - выработка самой стратегии развития предприятий, оптимизация планов их развития, выбор наиболее выгодных путей и производства продукции, и отношений с потребителем... (1989, 9, 4-5).

В 1992 г. в связи с так наз. приватизацией государственного имущества правительственными кругами России в оборот было запущено слово *ваучер*. Газеты, конечно же, кинулись искать его в английских словарях, срав.:

А может быть, *ваучер* - просто непереводаемая фамилия какого-нибудь ловкого жулика? - автор статьи не нашел слова в предполагаемом источнике (Правда, 1992, 185, 8).

Затем стали обыгрывать его звучание:

Правительство даст нам *ваучеры* бесплатно... Так что же обозначает это *чавкающее слово ваучер* и сколько он действительно стоит? (РВ, 1992, 36-37, 1);

"*Ваучер, 'авчер', 'вымучер'*"... (статья в газете "Труд", 1992, 176, 1), в ней находим:

- Ты мне вот что скажи: что с этим *авчером*-то делать? - огорошил меня сосед по дому. - Вчера получил, куда его теперь девать-то?; На днях жильцы нашего и соседнего домов побежали в сбербанк... *ваучеры* дают! И теперь все мы, соседи, "*ваучеризированы*"; В самом начале "*ваучеризации*" говорили, что теперь каждый россиянин получает право на часть имущества, которое граждане государства своим трудом создавали долгие годы; - Этот, как его, *вымучер*, я пока отложу, - доверительно сообщила соседская бабушка. - Может, помру до 1994 года, так хоть схоронить на него хватит, а ты думаешь?

А пока суть да дело, слово внедрилось в массовое сознание:

Как вложить *ваучер*, чтобы он остался твердым навсегда?; Вы получили *ваучер* - приватизационный чек, своеобразную квитанцию, подтверждающую ваше право на долю в общенациональной собственности (ЛР, 1992, 46, 16); Каким-то словам общественно-политической лексики мы попытаемся найти соответствующие марийские эквиваленты, хотя такие термины, как арбитраж, *ваучер*, по-видимому, войдут в словарь без изменений... (из газ.); В суете между путчами и *ваучерами* как-то забылось, что мы люди завершающие Конец века, конец тысячелетия (КП, 1992, 173, 17.IX); Лиха беда - начало: самые нетерпеливые начали продавать и покупать *ваучеры*, не дожидаясь их появления на свет. Заплатить тысячу рублей только за то, чтобы купить *ваучер* по цене 8 тысяч рублей? Ну, это не более, чем трюк, игра на понижение курса *ваучера*, поскольку даже специалисты рынка ценных бумаг не рискуют назвать стоимость *ваучера*... По деревням ездят шустрые ребята, готовые сегодня заплатить сто тысяч рублей, чтобы в октябреноябре заполучить *ваучер*... (там же); Не знаю, как вам, а мне, когда читаю газеты, иногда кажется, что вся наша страна с деревьями и заводскими трубами, ракетами и *ваучерами*, колодцами и биржами - это большой миф, существующий лишь медный пятак; Ну, а куда пойдут со своим *ваучером* российские граждане?; *Ваучеры*, как ни странно, дают нам шанс постоять за себя...; А не лучше ли переставить предложенную нам игру в *ваучеры* на полезные рельсы. Что имеется в виду? А то, что мы должны понять и донести до всех, что, пуская *ваучеры* в том или ином направлении, мы фактически голосуем на референдуме о будущем России; *ваучер* - это государственная ценная бумага, удостоверяющая права на совладение частью национальной промышленной собственности... (из газ.); Одеколон "*Ваучер*" (заметка в: Рос. вести, 1992, 119) и далее: Новенькие хрустящие *ваучеры* они с охотой меняют у заезжих скупщиков на два флакона отечественного одеколona или бутылку водки. И т.д.

Появились даже *японские ваучеры* - по примеру России! Срав.:

В Японии появились *ваучеры*, теперь ждут перестройки... (название статьи: Известия, 1992, 279, 28.II)

И далее:

Конечно, *японский ваучер* это не то же самое, что российский. Хотя бы по той причине, что им не торгуют на бирже и не меняют на водку. Но для избалованных благополучием и стабильностью японцев даже самый "качественный" *ваучер* воспринимается как шоковая терапия...

Это слово теперь у всех на устах. И к нему начинают привыкать, поскольку *ваучер* породил целую серию производных типа *ваучерный*, *ваучеризация*, *ваучеризированный* и даже *ваучер-люди*, срав.:

Нельзя забывать, что рисуемая в России программа приватизации государственной собственности не обеспечивает равные стартовые условия для всех участников процесса *ваучерной* приватизации (подзаголовок статьи - "Тотальная *ваучерная* приватизация"; СР, 1992, 162, 2); "Первые акции на *ваучерном* аукционе" (название заметки; Известия, 1992, 12.XII); Бывший "простой советский человек", а ныне - замученный горбачевской перестройкой и ельцинско-кравчукско-снегуро-гамсахурдиевско-шеварднадзевско-ландсбергской демократией, *ваучеризированный* собственник, "господин" (СР, 1992, 141, 1); Да, указ о земле не был подписан. Зато был принят указ о *ваучерной* приватизации, полностью перечеркнувшей и закон, и государственную программу приватизации (СР, 1992, 143, 1); Начавшаяся *ваучеризация* получила мощную пропагандистскую поддержку в "демократических" средствах массовой информации (СР, 1992, 139, 3); Конечно, справедлива критика правительственных программ приватизации и *ваучеризации*. Но "процесс" уже пошел; Сразу несколько аспектов проблемы могут получить позитивное решение, если удастся повернуть хотя бы частично *ваучеризацию* в русло, которое архитекторы программы не предусмотрели; Чиновники, ответственные за *ваучеризацию*, всячески успокаивают трудящихся и заверяют, что Россия идет проторенным путем; Процесс *ваучеризации* уже "взведен на боевой курок". Кто станет его жертвой? Ошибаются те, кто считает, что поголовная приватизация - это раздача каждой сестре по серьге!; Большинство населения, опасаясь, что в очередной раз "надуют", не спешит приобщиться к *ваучеризации*, выжидает (из газ.); Они недавно избрали для себя точное название. Это *люди-ваучеры*. Обменные люди (т.е. те, кто обменивает или скупает ваучеры) (КП, 1992, 199).

Показательно и лексическое расширение в обозначении этого социального явления - пока, правда, появляющееся с маркерами в виде кавычек: по одному из инициаторов проведения *ваучеризации* (А. ЧУБАЙСА) ваучеры стали называть также "*чубайсами*":

"Теперь ни денег, ни '*чубайсов*'" (название заметки); Некоторое время назад несколько частных фирм, пообещав населению баснословные проценты от сдачи "*чубайсов*", набрав ценных бумаг на сотни миллионов рублей, потом исчезли (из газ.).

Кажется, что лексическую окцидентализацию русского словаря уже не остановить. Один из читателей "Литературной России" (1991, 34) пишет в этой связи:

Ну а пока суд да дело, мы лепим этот свой странный *имидж*, сколачиваем *истэблшмент*, работаем на *модулях*, предаемся *хобби*, прячемся от *мафиози* и *рэкетиров*, слушаем *брифинги* и *контрвью*, участвуем в *ток-шоу*, *гала-шоу*, *капитал-шоу*, *бизнес-шоу* и даже *супер-шоу*, гуляем в *диснейлендах*, питаемся с *маркетов*, закусываем в *гриль-барах*, поем *шлягеры*, читаем *бестселлеры* или, на худой конец, *дайджесты*, смотрим *триллеры*, пускаемся в *вояжи* и *круизы*, упиваемся *шармом*, ловим *кайф*, ищем *консенсуса*, *координации* и *интеграции* (результаты налицо!), пребываем в *эйфории* от *суверенизации* (вот уж

гениальное словцо!). И, в общем, говорим *туфту* и явно катимся в *эбис...* Последнего *люкса* в обиходе пока нет, сим рекомендуем.

О том, насколько масштабна агрессия подобного рода, говорит уже хотя бы тот факт, что лексическая окцидентализация словаря русского литературного языка отразилась и в новом фольклоре, который также творится 'по горячим следам' социальных событий:

Здравствуй, милая моя,
От тебя не скрою,
Нонче новые слова
Я тебе открою:

*Фирма, биржа и концерн,
Рэкетир и индекс цен,
Капитал и акция -
Такая вот новация.*
(СР, 1992, 15. II, с.6)

Еще несколько:

Горбачев обогатил
Мудрыми словечками,
Сделав каждого из нас
Глупыми овечками:

*И консенсус, плюрализм,
И мышление новое...
Только вышло из всего
Что-то бестолковое.*
(из газ.)

Ой, подружка дорогая,
Я скажу, а ты поверь:
Стали мы с моим миленком
Суверенные теперь.

Мой миленочек теперь
Брокер называется,
Только что-то не пойму,
Чем он занимается.

(из газ.)

В продырявленном кармане
Только *ваучер* шуришит -
На Егоркином обмане
Вся политика стоит!

Крепнет *доллар* каждый час
От Егоркиных проказ.
А Россия при печали -
В нее *ваучер* вкачали.

(СР, 1992, 145, 4)

(*Егорка* - прозвище в народе, данное ЕГОРУ ГАЙДАРУ, исполнявшему обязанности главы правительства России).

В этих частушках отражена реакция народа не только на сами социальные события, но и, как видим, на новые слова, их обозначающие.

Если пройтись ныне по городам России, особенно крупным вроде Москвы, Санкт-Петербурга, то с удивлением можно обнаружить: идет настоящая агрессия, своего рода обвальная операция по вытеснению русского языка с обозначений (табличек) городских учреждений, предприятий, магазинов, ресторанов и т.д. - ничего подобного страна до того не знала. Вот свидетельство одного из читателей еженедельника "Русский вестник" (1993, 3), живущего в провинциальном городке на Волге:

Странное время на дворе: родной язык граждане забыли. Все как-то разом и вдруг писать по-русски разучились. Чудеса, да и только, как в той сказке: проснулись люди рано поутру - глядь - на каждом доме намалевано аршинными буквами "*Ladabank*", а чуть пониже - телефоны и странное существо с птичьей головой, львиным туловищем и крыльями. Посмотрит на это произведение непосвященный и подумает, вот ведь и до нас американцы добрались, раньше свои охломоны писали на стенах слово из трех букв, а теперь иноземные - из восьми. Накося - выкуси! Стоит ли звонить? Без словаря не разберешь; вдруг понашенски то же самое выйдет, не пошлют ли тебя на чистейшем американском туда же?... В последнее время вообще оказалось, что в нашем городе иноземцев - завались! Эмигранты от Запада. "*Ladaling*", "*Ладамаком*", "*Rotator company*", "*Spark*", "*Лада-брокер*" и т.д. Бесконечные *Ltd* времен разгула американизма, как бесконечные *ЛТП* [лечебно-трудоустройств. профилакторий] времен разгула алкоголизма. Злые языки утверждают, что это одно и то же: если горком перекочевал в исполком, то *ЛТП* - в *LTD*... Будем верить в чудеса. Но все же, господа иностранцы, брокеры и квакеры, как же вы так скоро забыли про неписанные правила приличия, принятые в ваших родных цивилизованных пенатах: иностранная фирма дает свою вывеску на языке той страны, где находится в гостях. Из элементарной вежливости к хозяевам.

Когда-то в Москве, в первые годы перестройки, много писали о кафе на Кропоткинской улице - первом опыте кооперативного заведения (до того в стране десятилетиями работали только государственные кафе, столовые, рестораны). Телевидение и печать провели соответствующую рекламу, арендатор этого кафе на средства государства получил прекрасное оборудование и обстановку, пообещав клиентам дешевые блюда. Однако: "сегодня, - как свидетельствует одна из газет, - у входа в это кафе даже нет вывески на русском языке - только 'по-аглицки'"...

Ситуация достигла, вероятно, критической отметки, ибо 19 марта 1993 г. по московскому телевидению прозвучало сообщение о том, что руководство Москвы сняло более 300 иностранных вывесок с учреждений, организаций, магазинов города. Срав. также свидетельство печати (с пометкой "Новость № 1"):

Вывески на иностранном языке объявлены вне закона. В ближайшее время в Москве не останется ни одной вывески, указателя и даже простого объявления на иностранном языке. Как стало известно, мэр Москвы распорядился, чтобы до 1 апреля все оформление в городе было переведено на русский язык. Если же предприятие или магазин совсем не может расстаться с иноземными надписями, их можно использовать лишь как дополнение к русскому названию.

Еще одно интересное свидетельство такого рода:

Москва переходит на русский. Известная фирма "Левис", пожалуй, одна из немногих, кто пока не спешит менять свое иностранное написание на русское. Между тем многие столичные фирменные магазины, принадлежащие совместным предприятиям, уже либо сменили вывески, либо просто прикрыли их 1 апреля. Но это не первоапрельская шутка. Именно в этот день вступило в силу решение правительства Москвы, принятое еще год назад, 17 февраля 1992 г., "Об устранении нарушений закона РФ о языках народов РСФСР и закона о защите прав потребителя", согласно которому все вывески, указатели и объявления с надписями на иностранных языках должны быть "переведены" на русский язык. Тех же, кто не выполнил решение, ожидает штраф в сумме 10 000 рублей за одно объявление. Одним из первых решение правительства Москвы выполнил фирменный магазин молочных продуктов "Данон", что на Тверской (Части. собств., 1993, 8, 1; приложение к "Известиям").

Особую озабоченность вызывает макаронизм речи на государственном телевидении и радио, где, как отмечают многие специалисты, работают люди, лучше знающие иностранные (обычно - английский), чем родной язык. Чего стоят одни только названия, например, телепередач! В самом начале перестройки, когда эта тенденция уже принимала угрожающие размеры, один из читателей "Литературной газеты" (1987, 24, 10.VI, с.5) писал:

Внедрение в наш язык чужеродных словесных монстров порой создает не только языковую помеху - трудно выговорить, - но и небезобидно в смысле порчи нравов... Взрослые дяди и тети порой кидаются на иностранщину, как воробьи на мякину. На Ленинградском телевидении, например, популярные программы называют на заграничный манер: "Монитор", "Вершисаж", "Курьер". Обещали еще показать программу "Тет-а-тет". Кому-то нравится, а подумаешь - экая дичь! Своих слов не хватает, что ли?

Однако так думает читатель, простой носитель русского языка. Журнал "Огонек", о котором мы уже писали как о проводнике иностранных слов в русский литературный язык, имеет совершенно противоположное мнение на этот счет:

Наша страна, за небольшим исключением, никогда не видела таких передач, как "Монитор", "Поп-антенна", "Теледебаты", "Зебра", "Ступени", "Пятое колесо", а теперь еще и "Альтернатива" - передачи, бесспорно, самой живой, творческой, прогрессивной из советских телестудий... (1989, 48, 14).

И тиражирует миллионы раз эти названия. Люди привыкают к ним, но вот принимают ли глубоко в душу (как слова родного языка) - это под большим вопросом.

Давайте сами обратимся к программам телепередач из Москвы и Санкт-Петербурга и убедимся; как они выглядят с точки зрения окцидентализации

их названий. Для этого произвольно возьмем любой номер газеты, например, "Известий" за 1992 г. (267, 8), в котором опубликована программа на 14-20.XII. Особенно поражает то, что относится к российским и собственно московским программам.

Выпишем последовательно 'иноземные' названия передач Российского телевидения от понедельника до воскресенья (в целях экономии места не приводим времени их передач): *"Хаби-ассы"*. Фильм; *Репортер*; Торговый дом *"Тинко"*; *Телебиржа*; *Трансросэфир*; *Пигмалион*; *Мульти-пульти*; *Детектив* по понедельникам; *"Штемп"*; *Программа "Экс"*; *Без ретуши*; *Альбуцид*; *Бизнес: новые имена*; *Бадабоки*; *"ТВ-ателье"*; *Фитиль-видео*; *Программа "Экс"*; *Терминал*; *Балет-видео*; *Антракт*; *Параллели*; *М-трест*; *Мегаполис*; *Медиа*; *Видеоканал "Плюс 11"*; *Amica veritas*; *Пилигрим*; *"Бурда моден"* предлагает...; *Макси-шоу*; *Ассорти*; *Ад либитум*; *Рек-тайм*; *Репортер*; *Презентация недели Си-би-эс на Российском телевидении*; *Ночной клуб Эс-эн-си...*

Московская программа на эту неделю: *В телеканале "2x2"*; *Новости телекомпании "Си-би-эс"*; *Программа новостей "Би-би-си"*; *Рекламный блок*; *Программа "Ворлднэт"*; *"Магазин 2x2"*; *Экспресс-реклама*; *Обзор новостей телекомпании "Ай-ти-эн"*; *Афиша*; *"Хит-конвейер"*; *"Евромикс"*; *"Европа-фильм"*; *Московский телетайп*; *"Турлото"*; *"Шейп-шоу"*; *"Рок-н-ролл ТВ"*; *"Хэнк Луз"* - все это почти каждый день повторяется.

Не отстает и Санкт-Петербургское телевидение: *Альтернатива*; *Зебра*; *Поп-магазин*; *Телетекст*; *"Акцент"*; *"Шарабан"*; *Мэрия сообщает...*; *Барометр*; *Киносалон*; *Киноканал "Осень"*; *Аэробика*; *Телемузыка*; *"Фэмили-нэт"*; *Телеафиша*; *Теледоктор*; *Зебра Мини-93*; *Экспресс-кино*; *"Импровизация"*; *Телекурьер*; *"Уик-энд"*; *"Ля сет"*; *Шлягер-93*; *Воскресный лабиринт*; *"Оранже-ТВ"*; *Прогноз шиформревью*.

Если учесть и такие широко распространенные и уже утвердившиеся в русском языке слова, как *факт*, *реклама*, *фестиваль*, *мультфильм*, *фильм-концерт* и т.д., спортивные термины типа *спорт*, *хоккей*, *турнир* и т.д., ряд других типов слов, то гибридность языка программ станет очевидной.

Телевидение "Останкино" добавляет к этому: *Аншлаг! Аншлаг!*; *Телемикст*; *Технодром*; *Бомонд*; *Каталог Федерико*; *Джеспейшин*; *Пресс-экспресс*; *Кидди-видди*; *Лотто миллион*; *Бридж*; *Бизнес-класс*; *Спорт-шанс*; *Эко*; *Телелоция*; *Спортивный уик-энд*; *Матадор* - это только то, что не встречается в предыдущих программах!

Если учесть повторяющиеся в течение недели программы, то соотношение иноязычно и русскоязычно названных передач будет приблизительно равно 50%: 50%, а иногда и с перевесом первых.

Трудно уберечься от соблазна привести здесь в качестве документальной иллюстрации программу одного дня в том виде и в той последовательности, в какой она подана в газете (экономии ради не указываем времени передач). Итак, Московская программа на 16 декабря: *В телеканале "2x2"*; *Новости телекомпании "Си-би-эс"*; *Зарядка*; *Мультфильм*; *Программа новостей "Би-би-си"*; *Рекламный блок*; *Афиша*; *Программа новостей "Би-би-си"*; *Программа "Ворлднэт"*; *Магазин "2x2"*; *Зеркальный корридор*; *Мультфильм*; *"Сеньорита"*, 141-я и 142-я серии; *Экспресс-реклама*; *Афиша*; *Обзор новостей телекомпании "Ай-ти-эн"*; *"Сеньорита"*, 143-я и 144-я серии; *Магазин "2x2"*; *Музыкальная программа с участием Олега и Родиона Газмановых*; *Евромикс*; *"Черные серии"*, фильм; *Афиша*; *Образ моды*; *Магазин "2x2"*; *Программа новостей "Би-би-си"*; *Московский телетайп*; *Окно*; *Московия*; *Власть*; *Мультфильм*; *"Сеньорита"*, 145-я и 146-я серии; *Толкучка "МГ"*; *Московский телетайп*; *"Душа хранит"*; *В телеканале "2x2"*; *Экспресс-реклама*; *"Опасный возраст"*. *Фильм*.

Мы выделили все слова иностранного происхождения, в том числе и те, которые давно адаптированы и употребляются в русском литературном языке, чтобы оценить общую картину соотношения собственно русского и иноязычного в тексте программы. Даже беглый взгляд дает возможность убедиться в том, что составители передач бегут от русского языка, они преимущественно ориентированы не только на западные языки, но и на западные образцы культуры. Прибавим к этому также названия в латинской передаче *Amica veritas*, но почему-то *Ad libitum*, а не *Ad libitum*, множество аббревиатур и цифр типа: *Толкучка "МГ"*, *Магазин "2x2"*, *Погода "2x2"*, *"К-2"* представляет, *Программа "А"*, *Там-там-новости*, телесерия *"АБВГД ЛПД"* и многие другие - и тогда станет ясно: перед нами полноценное языковое смешение, текст из лексических 'обрубков'. Напечатать еще такой текст полностью латинскими литерами - и цель будет достигнута. Впрочем, к этому как раз все и идет: в марте 1993 г. нами отмечена и такая новая передача *"Фильм-Premiere/ Фильм-премьер"*, уже не говорим о рекламе типа *"Фирма Most-media предлагает"* и под.

Окцидентализация современного русского литературного языка углубляется, проявляясь не только в прямых (часто в неадаптированных) заимствованиях, но и в весьма активном калькировании как слов, так и конструкций особенно английского языка. Так, в газете "Известия" нередко пишут "в переводе с американо-английского на русский", что заметно, например, в подмене общепринятого *народ* (*народ страны*), *население* (*население*

страны) американско-английским *нация* (< *nation*) в том же значении, т.е. независимо от национальности, срав.:

Съездовское большинство - это несуразно крохотное, карликовое меньшинство *нации*... Наша страна не утратила и не утратит своего величия в семье народов мира, волеизъявлением *нации* будут пристально следить во всех уголках планеты, сознавая, что мы сегодня в немалой степени определяем, какой быть планете Земля в следующем столетии (1992, 267, 10.XII).

Та же газета пропагандирует и такие кальки с английского:

При существующем в настоящее время в России высоком спросе на *бизнес-образование*... отсутствует сколько-нибудь систематизированная и достаточная для потребителя информация; классификация российских учебных заведений в области *бизнес-образования* (Известия, 1992, 267, 12.XII; Финансовые известия, 1992, 10-16.XII, с. VIII).

Это напоминает кальки с китайского типа *Мао-Цзедун-идеи*, характерные для русских передач пекинского радио в 60-е гг.

Производится сверка уже утвердившихся терминов и терминосочетаний с английскими, которые берутся в качестве образцовых. Так, один из членов Академии наук СССР так обозначает свое несогласие с широко распространенным терминосочетанием *неопознанные летающие объекты*, свернутым в хорошо известную каждому аббревиатуру *НЛО*:

Если быть предельно точным, то у нас будут (в рассуждениях) фигурировать *неотождествленные летающие объекты*. Это более удачный перевод с английского термина *НЛО*... (из газ.).

Однако: разве в слове *неопознанный* не содержится и значение "неотождествленный"?...

Становится привычным уже и синтаксическое калькирование, которое пропагандируют и утверждают не только периодические издания, но и особенно активно - телевидение и радио. Ведущий передачи "Красный квадрат" в конце каждого выпуска говорит: "Мы появляемся такого-то числа каждой недели (на экране). *Оставайтесь с нами!*" (пример зафиксирован в ноябре 1992 г.), т.е. так, как это делают на американском телевидении, но... по-английски.

В 1974 г. "Литературная газета" (22.V) поместила текст-фельетон под названием "Подражание переводчикам с иностранного. *Tu bi or not tu bi*". Имеет смысл именно сегодня привести его снова, поскольку он написан на 'чистейшем' русангле:

- Хэлло, - сказала она и достала "лаки-страйк". - Хэлло, бэби, - я щелкнул лайтером "ронсон". В баре висел смог, как над картинговым треком. Эркondiшин, как всегда, не фурыкал. Да и вообще, бар был не тип-топ - какой-то попартистский по дизайну. Я заказал двойной скотч и драймартини. Она любила драймартини. - Как бизнес? - спросил я. - Хреново, никакого профита. Она опустила голову. Всего на инч. Но я недаром вкалывал в "Лойд, Лойд энд Прайс Лимитэд" - "Специал сервис фор резидентс". Я заметил, как она опустила голову. Всего на инч. Не больше. Биг-бит-бэнд свинговал. "Кам бэк ту Верджиниа", любимую тему эпохи "бебопа". Тинейджеры в джерси, джемперах, блейзерах и блуджинсах "Ли", "Левиз", "Рэнглер" потягивали хайболлы, джусы и оранджусы и уминали хстдоги, совмещая ланч с файвоклоком. Гёрлз давали шоу со стриптизом. - Потопали до хаты! - вдруг сделала она оффер. - А что там? ТВ с его вестернами и паблисити обрыдло хуже горькой редьки! Опять кока-кола, "Марльборо" и "слайды"?... Ты же знаешь, Мэри, мне ненавистен истэблшмент. - Мне тоже, Билл. Может, послушаем "Роллингсов" на твоём новом "хай-фай" квадрофонике? - О'кей, едем! Мы вышли в холл. Бой-ниггер торговал дайджестами, бестселлерами и прочими мэгэзинами. Пьяные джи-ай горланили непристойные сонги и по-дурацки хохмили. - Ты меня любишь? - спросил я, открывая дверь своего тарантаса - не то джипа, не то багги, словом, фанникара. - Nein, - почему-то не понашенски ответила она. - Пипл, вы не в центр? - спросил какой-то джокер, должно быть, просто крейзи. - Нет, мы в парадиз! - горько сострил я, включая стартер и дефростер. Мы мчались по каким-то авеню, стритам, бай-стритам, дистриктам и риверсайдрайвам. Кругом празднично шатались хиппи и денди, супермены и менеджеры, стопперы, снобы и скауты, аутсайдеры и оффсайдеры, иуды-страйк-брейкеры (проще говоря, скебы), спикеры и спинакеры. Было душно и стрессно. Нестерпимо воняло допингом и демпингом. Где-то рокотали компьютеры, светили юпитеры, матерились продюсеры и камермены. Со свистом проносились мимо отели, бордели, бойлеры и бройлеры. На спидометре спид - 200 миль. Тайм из мани! Ту би ор нот ту би... Какой-то нас ждал энд? Хэлли? Что-то не беливалось.

Даже беглое прочтение этого текста убеждает: многие американизмы, удивлявшие в 70-е гг. своей экзотичностью, теперь стали привычными: картинговый трек, профит, тинейджер, вестерн, слайды, холл, бестселлеры, дайджесты, менеджеры, скауты, спикеры, допинг, демпинг, компьютеры (вспомним, как возмущался один из носителей русского языка английской фонетикой этого латинского слова, - см. выше), супермены, юпитеры, продюсеры, бойлеры и под.

От фельетона к действительности, как известно, не так уж далеко. Русангл постепенно утверждается в нашем языковом и культурном сознании... Не ждет ли нас такой интеррусский в недалеком будущем, если мы забудем о языковом чутье и притупим чувства родного языка, если не обратим свои взоры к пуризму? Не станем ли похожи на русских жеманниц XVIII века, вставлявших в свою речь французские слова и выражавшихся вроде "Мой

аматер уехал в Тавриду”? Впору завершить изложение этого вопроса словами читателя “Литературной России” (1991, 34):

Когда-то Тургенев писал о родном языке: “Не будь тебя - как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?” Пророчество этих слов подтвердилось самым трагическим образом. Но что сравнить с тем отчаянием, которое охватило бы, представь писатель хоть на минуту, судьбу самого языка!... Так где же наши здоровые национальные силы, и неужели это действительно всё?...

Словарь АР 1789-1794, 1806-1822 - Словарь Академии Российской. Ч. I-VI. - СПб., 1789-1794; 2-е изд., СПб., 1806-1822.

ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984 - Т.В. ГАМКРЕЛИДЗЕ, ВЯС. ВС. ИВАНОВ. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. - Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

ВИНОГРАДОВ 1978 - В. В. ВИНОГРАДОВ. Избранные труды. История русского литературного языка. - М.: Наука, 1978.

ФИЛИН 1981 - Ф. П. ФИЛИН. Истоки и судьбы русского литературного языка. - М.: Наука, 1981.

Вместо заключения

Совершенство языка - самое необходимое орудие мудрости и едва ли не главный ее признак. Чем лучше язык какого-либо народа, тем успешнее и удачнее занимается он ремеслами и разными искусствами и промыслами. Обилие слов и легкость произношения очень помогают созданию мудрых планов и более удачному осуществлению разных мирных и ратных дел,

- эту мысль высказал в XVII веке великий славянский патриот Юрий Крижанич.

Сегодня это звучит, как откровение. Так поработаем же вместе над охранением и совершенствованием русского языка!...

Источники и сокращения

АиФ	- Аргументы и факты. Еженедельная газета, Москва
Бюлл. Спарт.	- Бюллетень Спартаковцев. Интернациональная Коммунистическая Лига (IV Интернациональная), Москва
Век XX и мир Воля	- Век XX и мир, журнал, Москва - Воля. Свободное издание. (Все - рабочим, все - трудящимся). Московский клуб коммунистов-ленинцев, Москва
Гласность	- Гласность. Общественно-политический еженедельник, Москва
Дем. газ.	- Демократическая газета. Еженедельное издание ДПР [Демократической партии России], Москва
Дем. Рос.	- Демократическая Россия. Еженедельная газета. Акционерное общество "Демократическая Россия". Газета демократических сил России, Москва
День	- День. Газета Союза писателей СССР... Газета духовной оппозиции, Москва
Знание - сила Известия	- Знание - сила, журнал, Москва - Известия Советов народных депутатов СССР... Известия. Москва
Известия ФИ	- Известия, приложение "Финансовые известия", Москва
Искра	- Искра. Независимая российская газета, Москва
КиФ	- Контраргументы и факты. Оргкомитет партии прогресса (рабочее движение), Новгород
Кн. обзор.	- Книжное обозрение. Еженедельная газета, Москва
КП	- Комсомольская правда. Орган ЦК ВЛКСМ..., Москва
Культура	- Культура. Еженедельная газета, Москва
ЛГ	- Литературная газета. Орган правления Союза писателей СССР... Литературная газета, Москва

- Либерал - Издание Либерально-демократической партии. (Через плюрализм мнений к верховенству закона). Москва
- ЛР - Литературная Россия. Орган Союза писателей РСФСР... Ежедневная газета писателей России. Москва
- Мегаполис-экспресс - Мегаполис-экспресс. Международная ежедневная газета. (Возьмемся за руки, друзья, Чтоб не пропасть поодиночке!). Москва
- Молния - Молния. Газета рабочего движения, Москва
- Моск. комсом. - Московский комсомолец. Общественно-политическая молодежная газета, Москва
- Моск. лит. - Московский литератор. Газета московских писателей, Москва
- Моск. нов. - Московские новости, газета, Москва
- МЭ / Мол. Эст. - Молодежь Эстонии. Орган Центрального Комитета ЛКСМ Эстонии... Общественно-политическая газета, Таллин
- Набат - Набат. Независимая демократическая газета. ("Россия вспрянет ото сна..."). Ленинград
- Наша Рос. - Наша Россия. Издание общественного центра "Россия", Москва
- Неделя - Неделя. Ежедневное приложение к газете "Известия", Москва
- Незав. газ. - Независимая газета. Учредитель Московский городской Совет народных депутатов. ("Без гнева и пристрастия"), Москва
- Нов. речь
НП - Новая речь (советская), Тарту
- НП - Народная правда. Российская общественно-политическая газета, Ленинград - Санкт-Петербург
- НС - Наш современник. Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. (Союз писателей РСФСР). Журнал писателей России, Москва

Огонек	- Огонек. Еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал, Москва
Отечество	- Отечество. Оппозиционная газета ЛРПД "Отечество" ("Каждый, посягнувший на нашу Родину, погибает с несмываемым позором." Н. Рерих). Ленинград
Позиция	- Позиция. Общественный фонд "Содружество" (Вся власть - советам!), Тарту
Поиск	- Поиск. Еженедельная всесоюзная газета. Орган АН СССР, Госкомобразования СССР и ЦК профсоюза работников народного образования и науки, Москва
Политика	- Политика. Еженедельная газета. Издатель - информационно-издательское агентство "Союз", Москва
Полож. дел	- Положение дел. Попечительский фонд Казанской Божьей Матери. Центр "Патриот", Москва
Правда	- Правда. Орган Центрального Комитета КПСС... Правда, Москва
Рабочий	- Рабочий. Общественно-политическая газета. Издание Рабочей партии и Независимого профсоюза рабочих "Защита", Москва
Раб. триб. РВ	- Рабочая трибуна, газета, Москва - Русский вестник. Еженедельная газета, Москва
Рос. вести	- Российские вести. Газета правительства России, Москва
Рос. возр.	- Российское возрождение. Газета Российского Народного фронта. ("К народному богатству!"). Москва
Рос. газ.	- Российская газета. Издание Верховного Совета РСФСР, Москва
Российская правда	- Российская правда, газета, Москва

- Россия
- Россия. Газета Президиума Верховного Совета РСФСР... Ежедневная иллюстрированная газета. Основана при участии Президиума Верховного Совета России. Москва
- Россияне
- Россияне (Дружба). Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный молодежный журнал России, Москва
- Рус. ведом.
- Русские ведомости. ("Россию русским!"), Москва
- Рус. газ.
- Русская газета, Тарту
- Рус. путь
- Русский путь. Ежемесячная газета. Издание Союза духовного возрождения Отечества. Москва
- Своб. Груз.
- Свободная Грузия. Орган Верховного Совета Республики Грузия, Тбилиси
- Свобода
- Свобода. Орган Демократической партии, Москва
- Сельская жизнь
- Сельская жизнь, газета, Москва
- Семья
- Семья. Еженедельник Советского детского фонда имени В.И. Ленина, Москва
- Славянский Вестник
- Славянский Вестник, Москва
- Сов. мол.
- Советская молодежь (СМ), газета, Рига
- Сов. Эст. /СЭ
- Советская Эстония. Орган Центрального Комитета Компартии Эстонии, Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР... Газета Верховного Совета, Правительства Эстонской Республики и ЦК Компартии Эстонии... Таллин
- Союз
- Союз. Еженедельное приложение к газете "Известия". Политика, экономика, межнациональные отношения, культура, история, религия, этнография, экология. Москва
- СПб. вести
- Санкт-Петербургские вести, газета, Санкт-Петербург

- СПб. панорама
- СР
- Труд
- Федерация
- Что делать?
- Эмиграция
- Эхо
- Санкт-Петербургская панорама, журнал, Санкт-Петербург
 - Советская Россия. Газета коммунистов Российской Федерации... Независимая народная газета, Москва
 - Труд. Газета профессиональных союзов СССР, Москва
 - Федерация. Газета российских народов, Москва
 - Что делать? Орган Объединенного Фронта трудящихся России, Москва
 - Эмиграция. Еженедельная независимая газета, Москва
 - Эхо. Издание Вологодской писательской организации, Вологда

Дополнительная библиография

- АКИМОВА, Г. Н., 1990, *Новое в синтаксисе современного русского языка*, Москва.
- БАЗАРОВА, Л., 1991, 'Мы говорим - тусовка, подразумеваем - съезд', *Собрание* 12, 13.
- БАРАНОВ, А. Н., КАРАУЛОВ, Ю. Н., 1991, *Русская политическая метафора* (материалы к словарю), Москва.
- БАРАНОВ, А. Н., 1993, 'Языковые игры времен перестройки', *Russistik Русистика* 5/2, 63-74.
- БАРТОШЕВИЧ, А. И., 1990, 'О некоторых общих эволюционных процессах в современном русском и польском словообразовании', *Русский язык за рубежом* 1990/3, 84-87.
- БОЙЦОВ, И., 1991, 'Новации в русской общественно-политической лексике', *Fremdsprachen. Eurokommunikation/Management* 1991/1, 22-26.
- БРАГИНА, А. А., 1988, 'Ускорение - перестройка - гласность', *Русский язык за рубежом* 1988/1, 51-55.
- БУТКЕ, К., 1990, 'Об инновациях в русском языке', *Русское языкознание* 1990/20, 16-19.
- ВОРОНИНА, Н. Н., 1993, 'Существительные на «-ация» в современном русском языке: реальность и прогнозы', *Русский язык в школе* 1993/1, 50-53.
- ВОРОТНИКОВ, Ю. Л., 1992, 'Слово - как зеркало?', *Russistik Русистика* 4/2, 28-35.
- ГОВЕРДОВСКАЯ, Е. В., 1992, 'Новые существительные в лексике современного русского литературного языка', *Русский язык в школе* 1992/3-4, 46-48.
- ГОВЕРДОВСКАЯ, Е. В., 1992, *Лексические новации в сфере имени существительного современного русского литературного языка*, Москва.
- ГОРБАЧЕВИЧ, К.; 1990, 'Дано ли нам предугадать?.. (О будущем русского языка)', *Russistik Русистика* 2/2, 70-80.
- ГОРБАЧЕВИЧ, К.; 1990, *Русский язык. Прошлое, Настоящее, Будущее*, Москва: Русский язык.
- ГУСЕЙНОВ, Г., 1989, '«Сколько ни таимничай, а будет сказаться»', *Знание - сила* 1989/1, 73-79.
- ДУСКАЕВА, Л. П., КОЖИНА, М. Н., 1993, 'Лингвостилистические изменения в русской газете последнего десятилетия', *Stylistyka* 2, 111-132.
- ЕРМАКОВА, О. П., 1989, 'Новые слова русского языка (в аспекте фразеологичности семантики)', *Russistik Русистика* 1/1, 51-57.
- ЗЕМСКАЯ, Е., А., 1991, 'Язык современных газет и перестройка', *Zielsprache Russisch* 12/1, 1-8.

- ИСАЕВ, М. И., 1990, 'Об актуальных проблемах языковой ситуации в нашей стране', *Русская речь* 1990/4, 3-8.
- КАКОРИНА, Е. В., 1992, *Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (трансформация семантико-стилистической сочетаемости)*, Москва.
- КАНОВА, Е., 1993, 'Ду ю спик по-нашему?', *Zielsprache Russisch* 14/4, 118-119.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., 1991, 'О состоянии русского языка современности', Доклад на конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики", Москва, АН СССР. Институт русского языка. АН СССР.
- КАРТОЕВ, М. У., 1992, '«Брифинг» или «пресс-конференция»', *Русский язык в школе* 1992/3-4, 57-59.
- КОСТОМАРОВ, В. Г., 1987, 'Перестройка и русский язык', *Русская речь* 1987/6, 3-11.
- КОСТОМАРОВ, В. Г., 1989, '«Камешки на ладони» (Размышления после уроков)', *Русский язык за рубежом* 1989/2, 59-68.
- КОСТОМАРОВ, В. Г., 1990, 'Социолингвистические проблемы функционирования русского языка: итоги, состояние, перспективы', *Русский язык за рубежом* 1990/6, 18-23.
- КОСТОМАРОВ, В. Г., 1992, '«Камешки на ладони»', *Русский язык за рубежом* 1992/5, 59-63.
- КОСТОМАРОВ, В. Г., 1993, 'Русский язык в иноязычном потоке', *Русский язык за рубежом* 1993/2, 58-64.
- КОСТОМАРОВ, В. Г., 1993, '«Камешки на ладони» (Размышления после уроков)', *Русский язык за рубежом* 1993/4, 57-61.
- КРАСНИКОВА, Е. Ю., 1993, 'Социально-оценочная лексика и ее изменения', *Русский язык за рубежом* 1993/1, 74-77.
- КРЫСИН, Л. П., 1990, 'Из истории употребления слов *особый* и *специальный* (Социолингвистический анализ)', *Russistik Русистика* 2/2, 64-69.
- КРЮЧКОВА, Т. Б., 1989, *Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии* (отв. ред. В. Ю. МИХАЛЬЧЕНКО), Москва: Наука.
- МАЛИНСКИЙ, Т., 1992, 'Возникновение новых фразеологических единиц', *Russistik Русистика* 4/2, 67-76.
- МИРЦЕВСКИЙ, А. Л., 1993, 'Новое значение слова «структура»', *Русский язык в школе* 1993/4, 90-92.
- МОКИЕНКО, В., 1993, 'Neue Wörter und Bedeutungen. Russische Lexik der 90er Jahre', *Zielsprache Russisch* 14/4, 120-123.
- НОВИКОВА, А. В., 1992, 'Звонкое иноязычие', *Русская речь* 1992/3, 49-54.
- ОКУНЕВА, А. П., 1991, 'Биржа, брокер, дивиденд...', *Русский язык в СССР* 1991/9, 9-12.

- ПОПОВ, Р. Н., 1993, 'Новые слова на газетной полосе', *Русский язык в школе* 1993/1, 47-50.
- ПСТЫГА, А., 1991, 'Иноязычные суффиксальные элементы в словообразовательной системе русского языка на примере имен существительных', *Russistik Русистика* 3/1, 19-29.
- Развитие языковой жизни стран социалистического сотрудничества II*, Praha: Academia, 1987.
- САЛЬНИКОВ, Н. М., 1990, 'Одна особенность английских заимствований в современном русском языке', *Zielsprache Russisch* 11/2, 49-51.
- САЛЬНИКОВ, Н. М., 1991, 'Захлопать оратора', *Zielsprache Russisch* 12/4, 129-131.
- САЛЬНИКОВ, Н. М., 1992, 'Новое в лексике современного русского языка', *Zielsprache Russisch* 13/3, 95-97.
- СКВОРЦОВ, Л. И., 1988, 'Культура языка и экология слова. I', *Русская речь* 1988/4, 3-10.
- СКВОРЦОВ, Л. И., 1988, 'Культура языка и экология слова. II', *Русская речь* 1988/5, 3-9.
- Словарь перестройки*, Сост. МАКСИМОВ, В. И. и др., СПб: Златоуст, 1992.
- ТОШОВИЧ, Б., 1988, 'Язык перестройки и его отражение в югославских средствах массовой информации', *Русский язык за рубежом* 1988/4, 49-53.
- Формирование и развитие структуры современного русского литературного языка: Сборник научных трудов*, Редкол.: ПИЛИНСКИЙ, Н. Н. (отв. ред.) и др., Киев, 1991.
- ЧУМАК, Л. Н., 1993, 'О новых словосочетаниях в русском языке', *Русский язык в школе* 1993/1, 57-59.
- ШВАЛЮК, Д. А., 1991, 'Старое слово с новым значением', *Русская речь* 1991/3, 154-155.
- ЯЗМУДАРОВ, А. П., 1992, 'О производных глаголах лексико-семантического способа словообразования', *Русский язык в школе* 1992/3-4, 48-51.
- ARNSWALD, L., 1990, 'Einiges über Entwicklungstendenzen der Lexik in den sowjetischen Zeitungen der letzten Jahre (1984-1988)', *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg: gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*. Halle-Wittenberg, 39/1, 43-45.
- COMTE, P., 1992, 'Les «patrons» russes parlent', *La revue russe* 2, Paris, 7-24.
- DOLESCHAL, U., 1989, 'Perestrojka - krovnoe delo naroda: Zur Bedeutung eines politischen Schlagwortes', *Wiener Slavistischer Almanach* 24, 237-257.
- FLECKENSTEIN, C., 1990, 'Schlüsselwörter der Periode der Umgestaltung aus sprachhistorischer Sicht', *Zeitschrift für Slawistik* 35, 799-804.

- FROHNE, G., 1990, 'Einige Resultate der sogenannten Tendenz zur Sprachökonomie im russischen Wortschatz', *Zielsprache Russisch* 11/4, 97-101.
- HAUDRESSY, D., 1992, *Les mutations de la langue russe. Ces mots qui disent l'actualité. Новые слова отражают события 1991 года*. Institut d'Études Slaves, Paris.
- HIELSCHER, K., 1989, 'Glasnost bringt es an den Tag (Zur Rolle der Publizistik und Literatur in der Sowjetunion heute)', *Politische Bildung. Beiträge zur wissenschaftlichen Grundlegung und zur Unterrichtspraxis* 22/1, Stuttgart, 68.
- JELITTE, H., 1993, 'Russische Wortbildungsinnovationen neuerer und neuester Zeit', *Zeitschrift für Slawistik* 38/1, 26-40.
- KAPPEL, G., 1991, 'Kann man ein eingestürztes Haus auf dem alten Fundament umbauen?', *Russistik Русистика* 3/1, 53-67.
- KEMPGEN, S., 1988, 'Zur lexikalischen Entwicklung der «Weltsprache Russisch»', RAECKE, J. (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 1987* (Slavistische Beiträge 230), München, 184-208.
- KIRKWOOD, M., 1991, 'Glasnost, The National Question and Soviet Language Policy', *Soviet Studies. A Quarterly Journal on the USSR and Eastern Europe* 43/1, Glasgow, 61.
- LASORSA SIEDINA, C., 1990, 'Il discorso politico di M. S. Gorbačev', *Linguistica Selecta* I, Rom, 33-84.
- LERG, W. B., RAVENSTEIN, M., SCHILLER-LERG, S., 1991, *Sowjetische Publizistik zwischen Öffnung und Umgestaltung: die Medien im Zeichen von Glasnost und Perestrojka*, Münster.
- 'Les Médias en U.R.S.S. à l'heure de la glasnost', 1990, *Revue des études slaves* 62, 551-631.
- OHNEHEISER, I., 1993, 'Jüngere Entwicklungen im Russischen und in anderen Slawinen aus stilistischer Sicht', *Stylistyka* 2, 33-50.
- RATHMAYR, R., 1991, 'Von коммерсантъ bis джаст-ин-тайм: Wiederbelebungen, Umwertungen und Neubildungen im Wortschatz der Perestrojka', *Slavistische Beiträge* 274, 189-232.
- ROEDER, S., 1988, 'Glasnost und Perestrojka. Russische Begriffskarrieren', *Sprachspiegel*, Luzern: Deutsch-Schweizerischer Sprachverein 44/1, 15.
- SÉRIOT, P., 1985, *Analyse du discours politique soviétique*, Paris.
- STADLER, W., 1992, 'Odn, odna ili odno kivi?', *Zielsprache Russisch* 13/3, 87-89.
- STEPHAN, W., STERNIN, J. A., 1989, *Der Wortschatz der Perestrojka* (Aktuelle Entwicklungsprozesse im politischen Wortschatz des Russischen). Forschungskollektiv Sprache und Gesellschaftsbild. Arbeitsmaterial Nr. 7, Halle.

- STEPHAN, W., 1990, *Perestrojka, Glasnost', Novoe Myšlenie*, Beobachtungen zu Entwicklungstendenzen im aktuellen politischen Wortschatz des Russischen, Pfaffenweiler.
- STEPHAN, W., 1991, 'Zum politischen Wortschatz der Perestrojka', *Wissenschaftliche Zeitschrift Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg*. Halle, 40/1, 9-13.
- TROMMER, S., 1990, 'Zur Frage der prototypischen Beschreibbarkeit des Schlüsselwortes perestrojka', SCHÄFFNER, C., (Hrsg.), *Gibt es eine prototypische Wortschatzbeschreibung? Eine Problemdiskussion. Linguistische Studien*, Reihe A, H. 202, Berlin.

